

МАРИНА ИНДИВИ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ДРАКОНОВА
АКАДЕМИЯ

Annotation

Я больше не персона нон грата, но пробудившаяся темная магия в любую минуту может взять надо мной верх. Сейчас как никогда важно контролировать каждый свой шаг и свои чувства.

Как это сделать, спрашивается, если Люциан Драгон решил сделать меня своей любой ценой, и если об этом узнает Валентайн Альгор, случится катастрофа?

Учиться, учиться и только учиться, потому что только так я могу узнать о магии все, и справиться с ней. Драконова Академия!

- [Марина Индивиди](#)
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
-

Марина Индивиди
Драконова Академия
Книга четвертая. Том 1

Пролог

Керуан Четвертый

— Он всерьез считает, что мне нужна его помощь. Помощь темного, — голос дракона «переводил» камень, но Керуан все равно чувствовал себя крохотным и ничтожным. Так было всегда: драконы всегда смотрели на них, на людей, свысока. Даже на тех, кто обладал магией. Даже когда он был Верховным архимагом не только по рангу, но и по сути своей.

Драконы признали людей равными для того, чтобы те успокоились. Но они никогда не признают их равными на самом деле, и сейчас это ощущалось буквально во всем. По крайней мере, та сила и власть, что исходила от Фергана, была подавляющей. Она давила на плечи: несмотря на то, что он сидел за столом в малом зале для бесед с тэрн-архом.

Малом, ха. Да тут дракон мог поместиться. Буквально. Высокие своды, мощь вековых каменных стен, из человеческого — жалкие кресла для совета архимагов и стол, знак того, что Ферган признает власть людей. Уважает. Позволяет сидеть в своем присутствии. Все это такая же фальшивка, как и его драконье признание. Как свадьба, которая недавно состоялась: первый смешанный брак, об этом трубили все.

Сезар Драгон и София Драконова.

Писали, что этот брак окончательно подвел черту под равноправием людей и драконов, раз сам старший сын Фергана взял в жены обычную девушку. Пусть сильную магессу, да, но что с того? Что до свадьбы, что после было объявлено «вольное многодневье» — это означало, что никто не работает, все отдыхают, веселятся и празднуют.

Еще раз ха.

Все это было сделано с целью в очередной раз продемонстрировать лояльность Фергана простому люду, именно что люду. Потому что драконы никогда простыми не были. Все они аристократия просто по праву рождения, а ты, будь ты даже трижды рожден с сильной магией, в именитой семье, обязан с самого детства бесконечно доказывать всем, что ты достоин. Вот как сейчас.

Достоин сидеть перед ним в этом кресле, мягком, с насыщенно-синей обивкой, в таком же насыщенно-синем зале, где весь интерьер подчеркивает величие семьи тэрн-арха. Которому сейчас ой как нужна поддержка! Пока он без официального наследника, по Даррании уже ходят забавные разговоры. О том, что род Драгонов, возможно, скоро сменит династия Анадоррских. В отличие от Фергана, у Белавуарда Анадоррского подрастает нормальный наследник. Такое звучало даже в человеческих семьях, не говоря уже о том, что творилось в драконьих, и Ферган, зная это все, продолжал пыжиться.

Пыжился изо всех сил.

А все из-за Валентайна Альгора!

Потому что несмотря на то, что он только что сказал, его он боялся куда больше, чем отца несостоявшейся невесты обоих своих сыновей. Потому что темный набирал силу, и все они почувствовали это в последнее время. Что-то произошло с ним не так давно, что-то, подкинувшее его мощь до невиданных высот. Сравнимых с мощью Фергана и грозящих вот-вот перерасти ее.

Керуан это отлично чувствовал: раньше, когда он стоял рядом с Альгором, у него не начинала кружиться голова. Хотя тот отлично владел собой, темная магия, источником которой он являлся, ощущалась даже на физическом уровне. Если мощь Фергана подавляла, то мощь Альгора была как неукротимая стихия. С теми же чувствами можно было стоять перед надвигающимся ураганом и знать, что спустя миг он просто подкинет тебя в воздух, переломает. Сотрет в пыль.

Поэтому Фергану нужна была его помощь. А Керуану нужно было сотрудничество с ним. С тем, кто пока еще у власти, и, судя по всему, готов на все, чтобы это так и осталось.

— Разве это не так на самом деле? — уточнил Верховный архимаг, стараясь смотреть тэрн-арху не в глаза, а в переносицу. Так меньше чувствовалась клубящаяся в драконе магия. — Мы все знаем, что Валентайн Альгор — наш первый рубеж при нападении Адергайна...

— В принципе верно, — если бы камень мог усмехаться, наверное, сейчас Керуан услышал бы смешок, — но не совсем. Он зачем-то нужен своему отцу. Полагаю, для чего-то очень важного. И, пока Валентайн Альгор на нашей с вами стороне, мы имели

определенное преимущество. Хотя бы в том плане, что при попытке завладеть Дарранией, мы могли бы уничтожить его бесценного наследника.

На такое заявление Керуан не сразу нашелся, что ответить. Он полагал, что у мотивов тэрн-арха в отношении Альгора двойное дно, но о таком даже не задумывался. Был слишком наивен? Или слишком прост? Не потому ли Ферган до сих пор поддерживал его правление? Потому что он был слишком удобной туповатой марионеткой?

Керуан пришел к власти уже в достаточно ощутимом возрасте, но сейчас почувствовал себя малолеткой, которого пнули под зад.

— Как бы там ни было, в связи с тем, что происходит сейчас, Валентайн Альгор становится больше обузой, чем страховкой.

— Но ваш сын, — напомнил Керуан осторожно. — Что будет с ним?

— А что с ним будет? — Из ноздрей дракона вырвался пар, верный признак раздражения.

— Ему по-прежнему нужен контроль над второй половиной его магии...

— Мой сын теперь сам по себе. Скоро я отправлю его руководить гарнизоном на границе с землями Адергайна. Сезар давно уже не мальчик, ответственность за его магию и за его жизнь теперь исключительно на нем. Равно как и за жизнь его супруги.

Неугодного бывшего наследника — с глаз долой, и ведь причина найдется. У Керуана не было сыновей, да и дочерей тоже. Бастарды, которых он в глаза не видел, возможно, но они не в счет. Если Ферган так распоряжается жизнью собственного сына, что он планирует сделать с Альгором?

— Альгора нам тоже нужно убрать, и как можно быстрее. После истории с Лэйтором народ, который, по-хорошему, должен был возненавидеть его еще сильнее, теперь смотрит на него с обожанием. Как на единственную защиту от того зла, что может прийти на земли Даррании. Хотя защитой всегда были мы с вами. Не так ли, Керуан?

Дракон моргнул, и архимаг моргнул вместе с ним, так же медленно, в ритме тяжелых кожистых век приподняв и опустив свои, словно подчиняясь какому-то странному ментальному воздействию.

И да, когда обнаружили тело Лэйтора, изувеченное темной магией, Даррания просто загудела, как потревоженное гнездо

бьяниглов. Эти насекомые, обладающий на первый взгляд невиданной красотой и хрупкостью, обладали еще и смертоносными жалами в тонких невесомых телах. Один укус — и что дракон, что человек, мертв. К счастью, обитали эти твари исключительно в Темных землях. К несчастью, скрыть обстоятельства гибели Лэйтора не удалось. Его нашли полуразложившимся, со следами тлена на теле, с застрявшими в лохмотьях и плоти зубами мерзких монстров, тоже обитающих исключительно по ту сторону границы. Нашли посреди кипящего жизнью вечера, и все полетело по городу раньше, чем кто-то успел вздохнуть и перекрыть этот источник. От прогуливающихся прохожих, рядом с которыми открылся портал — к их родным, близким, друзьям, от тех — дальше по знакомым, и все быстрее, быстрее, быстрее, как нарастающий снежный ком, летящий с горы.

К утру на Алой площади уже собралась толпа, которой надо было что-то объяснить.

К еще большему несчастью, он не мог сказать правду. Потому что Лэйтора Альгору отдал он сам, и отдал как откуп за эту проклятую непонятную девчонку, с которой все началось.

Поэтому об этом придется молчать. О том, что причиной смерти Лэйтора стал тот, кого все раньше пусть за глаза опасались, сейчас же открыто превозносят.

— Именно так, — подтвердил он, выдерживая взгляд Фергана, и вздохнул.

Как будто один глубокий выдох мог вытолкнуть все то напряжение, что овладело им за последнее время.

— В таком случае, полагаю, наше сотрудничество будет еще более плодотворным.

Если бы драконы могли улыбаться, этот бы сейчас улыбнулся. Увы, Керуан как никто другой понимал, что Фергану отчаянно нужен тот, кем можно прикрыть свой... гм, хвост, если что-то пойдет не так. С другой стороны, и он не мог перестать об этом думать, Валентайн Альгор гораздо большая угроза. Потому что если все пойдет так, как сейчас, через два-три месяца у Даррании будет новый Верховный архимаг. Темный.

Что, вне всяких сомнений, в его планы не входит.

— Нам нужно, чтобы Валентайн Альгор всего один раз оступился, — погладив подлокотники, Керуан сжал и расслабил на них пальцы, —

и я знаю, что может этому поспособствовать. А, точнее, кто.

Дракон врезался в него взглядом.

— Ленор Ларо, — произнес архимаг.

— Эта девчонка, — голос из камня вырвался с шипением, потому что дракон выдохнул облачко пара. Показалось, что он разозлился? — У темных не бывает слабостей, Керуан. У них бывают постельные игрушки.

— Даже если это так, — уклончиво произнес Керуан. — Я смею предположить, что если у темного отобрать игрушку, доволен он тоже не будет. Нам просто нужно подобрать правильные рычаги и выбрать наилучшее время.

Сейчас совесть его уже не мучила.

Спасение жизни осталось в прошлом, а вот кресло Верховного — это более чем настоящее. Кресло, которое нельзя отдавать темному, и Ферган тоже прекрасно это понимает. Потому как сначала Альгор может стать Верховным архимагом, ну а потом... потом и до тэрн-арха недалеко.

— Ты уверен? — отрывисто спросил дракон.

Уверен ли он? Он видел Альгора после того, как девчонку забрал Лэйтор. Он с ним говорил. Над постельными игрушками так не трясутся.

И уж тем более ради них не убивают.

— Уверен, — архимаг склонил голову. — Уверен, как никогда и ни в чем.

Глава 1

За некоторое время до этого

Лена

— Лена. Лен, — разбудивший меня голос был теплым, как солнечные лучи на моем лице, и я потянулась за ним. Потянулась к нему сквозь сон, как за удивительно теплой лаской, лаской он и продлился. Легким скольжением пальцев по щеке, губами на губах...

Что?!

Пару мгновений, распахнув глаза, я пребывала в шоке. В таком глубоком шоке, когда ни двигаться, ни дышать, ни говорить не можешь, потому что целовал меня Люциан Драгон. В свое время я вот так же проснулась в своем мире с Земсковым. После его дня рождения. Кто-то из его друзей решил пошутить (сейчас уже не удивлюсь, что с его подачи) и ливанул мне в крепкий кофе кое-чего еще покрепче. Я не заметила, потому что кофе был действительно крепким, а после было как в том приколе: «Как же тебя развезло-о-о-о, о! Мою невесту!» В итоге Земсков не нашел ничего лучше, кроме как меня раздеть и уложить спатеньки в свою кровать. Рядом он лечь, конечно, тоже не постеснялся. Первым моим вопросом, когда я открыла глаза, было: «Ты совсем сдурел?!» — и именно после той истории наши отношения пошли по... ну в общем, начали разваливаться. Я стала для него «слишком сложная», и все такое.

В общем, просыпаться рядом с голыми парнями — это, по ходу, моя фишка. Но Земсков хотя бы моим парнем был на тот момент, а этот...

— Ты совсем ополоумел?! — взвыла я, упираясь в драгоновскую широкую грудь и толкая его с такой силой, что он опрокинулся на кровать.

Не ожидал, короче. Я же подтянула одеяло до подбородка, потом заглянула под него и чудом удержалась от позорного вопля. Нет, все-таки к такому нельзя привыкнуть! Нельзя! Нельзя! Что я делаю в

постели Драгона абсолютно голая?! Почему он лезет ко мне целоваться? Я ведь вчера ждала Валентайна у нас дома...

— Лен, ты чего? — Люциан хмуро посмотрел на меня, усевшись довольно проворно для опрокинутого на спину дракона. Нет, я конечно не ожидала, что он будет валяться на спине и сучить ножками, как младенец или перевернувшая сраконожка... сороконожка, то есть, но мог бы полежать и дать мне собраться с мыслями!

Я! Ждала! Валентайна!

Сидела в кресле у нас в спальне, и...

«Наверное, уснула», — ехидно подсказал внутренний голос. А дальше... а дальше была...

— Ленор! — заорала я так, что переливчато свиристевшие за окном птички затихли и явно пожелали убраться подальше. От греха и от меня.

— Лена, ты точно в порядке? — внимательно поинтересовался этот... Этот!

— Что между нами было?! — Вот теперь уже я вцепилась в него. В плечи. С желанием хорошенько встряхнуть, но попробуй потряси окончательно пришедшего в себя драконопринца.

— Видимо, нет, — Люциан покачал головой. — Все между нами было, Лена! Все! Тебе в красках описать? Или лучше показать в лицах? Я за второе...

Он снова потянулся к моим губам, но я увернулась, и Люциан ткнулся губами мне в ухо. Смачно так! Из-за чего в этом самом ухе у меня зазвенело, но куда там этому звону было сравниться с тем, что творилось в моей голове. Нервы у меня сдали окончательно, и я заколотила Драгона по груди, по плечам, в общем, везде, куда дотягивалась! Потому что вот это вот «между нами было все» — для меня это просто... просто кошмар наяву! Как я могла заснуть, ну как?! А эта... эта... которая раньше просто картиночки рисовала, пока я спала, теперь приперлась к Люциану и переспала с ним!

Овца!

Драгон перехватил мои кулаки, опрокидывая на постель и прижимая к ней своим телом. Из хорошего — между нами сейчас было одеяло, но этого хорошего было ничтожно, ничтожно мало.

— Ле-ен, — прищурившись, произнес этот... драконопринц. — Только не говори мне, что ты ничего не помнишь, или что ты была под

каким-то там заклинанием?

— Дошло, наконец?! — взревела я раненым драконом. — Да! Я ничего не помню! А знаешь, почему я ничего не помню?! Потому что это была не я!

Вот теперь у Люциана стали такие глаза, какие, по ощущениям, были у меня. Когда я только-только их открыла, обнаружив себя в подозрительно похожих на свое первое пробуждение в этом мире обстоятельствах. Кажется, до него начало доходить, но что толку. Что мне теперь толку с того, что до него дошло, и что вообще до него дошло. Оттрахаться назад-то я все равно не могу!

Завернувшись в одеяло еще плотнее, я вскочила с постели, оставив на ней одраковевшего Драгона, заозиралась в поисках одежды, и тут до меня дошел еще один очевидный факт. Утро! Уже самое что ни на есть утро! Валентайн, наверное, уже давно вернулся домой, а я тут! Голая! После секса с Драгоном!

Драконец.

— Что значит — это была не ты?

А нет, я была слишком высокого мнения о его умственных способностях. В отличие от меня, Люциан прикрыться не постарался, когда вскочил и подбежал ко мне с этим невероятно тактичным вопросом. Я судорожно вздохнула, стараясь не смотреть вниз на неприкрытое принцево достоинство, которое... Ой, все.

— Я недавно обнаружила, что Ленор умерла не до конца, — сказала я. — Она все еще во мне. И она периодически просыпается. Так вот, у меня для тебя новости, вчера... сегодня или когда там, у тебя все было с Ленор Ларо, не со мной.

Первые эмоции, когда хочется бегать по потолку, закручивая магические спирали, уже отступили, и теперь я говорила спокойно. Насколько «спокойно» вообще применимо в такой ситуации.

— Если это шутка, то она не смешная.

— Это не шутка, Люциан. Ты вчера... — я не договорила, обхватила себя руками. — Она захватывает мое сознание, когда я сплю. Или если мне как следует дать по голове. Тоже вариант, например. Впервые она вылезла, когда меня похитил и собирался убить Хитар.

Хотя вообще-то нет. Впервые она вылезла, когда писала его портрет. Вот только какая теперь разница!

Я обнаружила платье, в котором пришла — оно валялось посреди комнаты на полу. Явно сорванное в спешке, а не аккуратно снятое и повешенное на спинку стула. Не знаю, почему, но именно это платье подвело черту подо всем произошедшим. Так не снимают платья, чинно-мирно укладываясь спать, так их сдирают, сбрасывают в порыве страсти. Если до этого во мне еще жила одна миллионная доля надежды, что все случившееся — это мой глюк, то сейчас надежда выпрыгнула в окно и полетела... вслед за птичками. Да.

Белья на полу не нашлось, да я так понимаю, его и не было. Ленор явно торопилась отдаться, настолько спешила, что даже трусы не надела! С другой стороны, зачем их надевать — логично же, что они только помешают! Вместе со злостью во мне проснулась уже знакомая темная глубина, которую я чувствовала несколько раз, но никогда раньше она не была настолько близка к моему сердцу.

— Значит, это правда, — хмуро произнес Люциан.

Я не ответила. Влезла в платье, завела руки за спину, пытаюсь его застегнуть.

— Давай помогу...

— Не трогай! — я рявкнула на него так, что холода в сердце стало больше, а тьма довольно заворочалась, поглаживая щупальцами то, что билось у меня груди. — Не трогай меня и больше вообще никогда ко мне не приближайся! Не смей! Ненавижу тебя!

Люциан попытался меня перехватить, но я снова ударила его по груди. Снова, снова и снова, я понимала, что выплескиваю на него свою злость, но остановиться просто не могла! Как вообще можно было переспать с Ленор?! Как можно ее перепутать со мной?!

Понимая, что еще немного — и ничем хорошим это не закончится, я рванулась назад.

— Где моя виритта?

— Ты пришла без нее.

Отлично. Я так спешила, так спешила — точнее, Ленор, что не только трусы надеть забыла, но и виритту. Просто супер! Действительно, зачем брать с собой помощника с координатами по порталам, путеводителем, простроенными схемами. Или она надеялась, что ночь с Люцианом выжжет меня из ее сознания, и возвращаться ей не придется? Надеялась, что он на ней женится после такого, что ли?

Дура!

Тьма заворочалась еще сильнее, я почувствовала расплывающийся из самого центра груди холод, наклонилась и рывком подхватила туфли.

— Ну и куда ты пойдешь в таком виде, Лена?

Наконец-то Люциан вспомнил, что одежда не просто так была придумана, поэтому завернулся в сброшенную мной простыню, и сейчас напоминал не сына тэрн-арха, а сына какого-то римского полководца.

— Домой, — огрызнулась я.

— Давай я открою тебе портал.

— Обойдусь.

— Обойтись ты конечно можешь, но оно тебе надо? — Он шагнул ко мне. — Просто скажи, куда.

А и правда, куда?

Я представила себе, как портал открывается прямо в спальню Валентайна из спальни Люциана. Дальше моя фантазия ломалась, потому что, видимо, рейтинг произошедшего после такого зашкаливал все возрастные цензы.

— На Эзалийскую набережную.

Там недалеко. Дойду. Заодно остужу голову и подумаю, что вообще сказать. И как.

— Может, останешься?

Я махнула рукой, направляясь к дверям, но Люциан меня остановил. Точнее, остановил не Люциан, а шипение пространства, разошедшегося золотым сиянием. Я скользнула в него, в раннее, дышащее прохладой весеннее утро. На набережной, к счастью, в это время еще никого не было, и я просто зашагала вперед. По направлению к дому, который действительно стал мне домом. К мужчине, которого сегодня ночью я предала.

1.2

Не представляю, сколько я так шла, пока мимо меня проехал первый маджикар. Очнулась я то ли от шума магического двигателя, то ли от пристального взгляда проходящего мимо мужчины, который почему-то смотрел вниз. Опустив глаза, я обнаружила, что иду босиком, сжимая в руке туфли. Пришлось остановиться, сесть на каменные ступеньки, ведущие к реке, чтобы обуться. Ноги привычно

«обняла» комфортная обувь, по коже тут же пробежала знакомая щекотка: встроенные артефакты определили налипшие на пятки и пальцы камешки и пыль и мгновенно их выдули. Для летней обуви это была обязательная функция у всякого мало-мальски уважающего себя производителя.

Вздыхнув, я сунула руки между коленей и так и сидела, глядя на то, как река расцветает бликами все выше поднимающегося солнца. Вода, подчиняясь течению, спешила меж двух каменных границ, напоенная свежестью и стремительная. Что касается меня, я пыталась ухватиться хотя бы за одну нормальную мысль, которая помогла бы мне разобраться в сложившейся ситуации.

Технически я Валентайну не изменяла. Хотя ладно, технически как раз изменяла, потому что это и мое тело тоже. Но ведь это именно Ленор воспользовалась моим сном и приперлась к Люциану! При мысли об этом внутри снова заворочался темный знакомый холод, от которого я очень быстренько отключилась. Только темной магии мне сейчас еще не хватало для полного счастья!

Но ведь если разобраться в ситуации, я в самом деле с ним не спала. Я была в отключке, пока они с Ленор все это... р-р-р-р-р-р! Невероятно захотелось как следует кого-нибудь пнуть или что-нибудь разбить, но на каменных ступенях набережной можно было разбить только нос или костяшки пальцев, а это уже совершенно точно лишнее. Поэтому я раздраженно выдохнула. Получилось как рычание котенка пумы.

— Девушка, вам нужна помощь?

Я обернулась: рядом со мной стоял приятный молодой человек, заслоняя лицо от брызжущего в него света.

— Нет.

— А похоже, что нужна. Иначе с чего бы такой красивой девушке в такой ранний час сидеть в одиночестве на набережной?

Точно!

Я даже подскочила от пришедшего в голове осознания и от шальной мысли, ворвавшейся следом за ним.

Если Валентайн до сих пор меня не ищет, значит, он до сих пор не вернулся. Занят случившимся. Только благодаря этому весь Хэвенсград еще не на ушах, а Люциан Драгон жив, здоров и в полной боевой комплектации со всеми остальными частями тела на месте.

— Благодарю! — искренне произнесла я. — Вы мне очень помогли!

Молодой человек моргнул, но ответить не успел, я уже обогнула его и устремилась к ближайшей лавке зелий, видневшейся на противоположной стороне улицы. В Даррании не было светофоров, потому что пешеходы были всегда правы. То есть если водитель видел переходящего улицу, он должен был остановиться в любом случае и в любое время. Зачастую, именно из-за этого в центре и возникали пробки, потому как пешеходы бегали туда-сюда с завидной регулярностью.

Что же касается меня, я торопилась. Я очень-очень торопилась, у меня было крайне важное дело. Поскольку я не совершала никаких преступлений (это сделала Ленор, и с ней я еще разберусь отдельно), Валентайну совершенно необязательно знать о том, что случилось. Сейчас самое важное, что мне нужно — это зелье Пулиджа, способное растворить любые запахи.

Его разработал Пулидж, который работал... ну, в общем, занимался утилизацией отходов жизнедеятельности драконов, принявших решение провести жизнь в драконоформе. Поскольку эти самые отходы были дико едучими, а запах впитывался в волосы и во все, до чего мог дотянуться, даже работа с магическими растворителями не спасала. Одежду после таких работ надо было стирать очень часто, либо постоянно менять униформу, потому что все работники этого направления пахли, как то, что они утилизируют. В общем, после своего изобретения Пулидж прославился и перестал работать утилизатором, а зелье пошло в народ и использовалось для вымывания и растворения всех, даже самых стойких, запахов.

Вот его я и набрала несколько пузырьков в большой бумажный пакет. Чтобы хватило на целую ванну.

— Заплачу напрямую, — сообщила я продавцу, который был явно изумлен таким спросом на зелье (я выгребла все). — Виритту дома забыла.

Конечно, виритты здорово упрощали жизнь, и мамино (то есть Эвиль) изобретение перевернуло мир магии. Артефакт контролировал магические потоки, концентрировал магию, позволял гармонично ее распределять, отслеживать уровень, собирать в накопитель и так далее. Не говоря уже о куче других функций, упрощающих жизнь, быт, а

главное — все в одном. Но к счастью, я уже достаточно напрактиковалась с магией, чтобы сейчас создать тонкий поток самой и перевести его в накопитель, читай терминал, местной аптеки.

После чего быстренько устремилась к ближайшей порталной точке, где проделала то же самое. Там было два варианта приема оплаты за переход: через виритту и обычный, по старинке. Некоторые в Даррании до сих пор не признавали прогресс и преимущества созданного Эвиль артефакта и пользовались магией так, как сейчас я. Без опоры на помощника или помощницу.

Переход пропустил меня поближе к дому Ленор и Макса, и спустя минут двадцать я уже совершенно неаристократично колотила кулаками в дверь.

— Э-эм-м-м, — из окна на втором этаже высунулся растрепанный сонный брат. — Я, конечно, очень рад тебя видеть...

— Открой, пожалуйста! — попросила я.

Если за ворота меня беспрепятственно пропустила артефакт-ключ, то дверь здесь просто запиралась, и на закрытый замок ставились охранные заклинания. Как только замок открывали, цепь заклинания размыкалась. Это была устаревшая технология, но Хитар предпочел не тратить на новую. Поэтому пока брат дотопал вниз, пока открыл дверь, я уже немного занервничала.

— С тобой Валентайн не связывался? — поинтересовалась с порога.

— И тебе доброе утро, — ворчливо отозвался завернутый в халат Макс. — Нет. А что?

— Хорошо, — я вздохнула с облегчением: моя теория подтвердилась. А потом положила руку брату на плечо:

— Если что, я ночевала здесь. И мы не спали всю ночь, хорошо? Только пожалуйста, ничего не спрашивай!

— Я бы все-таки спросил, — с лестницы выглянул Ярд, и я мысленно прикрыла глаза.

— Как хорошо, что ты этого не сделаешь, — прижимая пакет с зельями к груди, я взлетела наверх.

Дом в ближайшее время будет принадлежать нам с Максом напололам, но я собиралась отказаться от своей части в его пользу. Как бы там ни было, меня радовало, что у брата появился друг (абы кого в гости ночевать не приглашают), а еще меня радовало, что я не

забирала отсюда некоторые бутылочки с мылами и пенами для ванн. Потому что после того, как я двадцать минут посижу в ванной с зельями Пулиджа, я буду пахнуть никак. Даже не как я, что очень и очень подозрительно. Поэтому как только они подействуют, мне надо будет принять ванну со всякими ароматическими маслами и прочим.

С этой мыслью я коснулась артефакта на стене, и ванна начала наполняться водой из открывшегося над ней портала. К особенностям дарранийского водопровода я уже давно привыкла, поэтому сейчас просто открывала крышечки бутылочек одну за другой и выливала зелья в воду. После чего стянула платье и туфли и залезла туда сама.

Глава 2

К тому моменту, как я вылезла из ванной, вся благоухающая теперь уже ароматно-цветочными пенками и шампунем, Макс с Ярдом, оказывается, накрыли на стол. Ну то есть как накрыли, притащили все съестное, что было в доме, в столовую. Съестного оказалось немного, и я уже начала сомневаться, что стоило отпускать брата из особняка Валентайна. Хотя, конечно, удержать его я не смогла. Как только в доме закончили с обысками, Макс, даже не дожидаясь, пока тут уберут оставленный стражами порядка беспорядок, слинял от нас и поселился здесь.

— У меня в комнате всегда так было, — сообщил он мне, — а остальное со временем разберем.

На сколько затянется это «со временем», я не представляла, потому что слуги дружно поувольнялись. Все разом. Теперь Макс, помимо подготовки к вступительным, нужно было еще и заниматься подбором персонала. Благо хоть будет, на что: ему, как и мне, полагалась огромная компенсация от правительства людей и от правительства драконов. Плюс ему еще пообещали стипендию, и это не считая того, что о родителях Ленор и Макса уже начинали восстанавливать первые факты, а виритты теперь имели право рассказывать о Симеоне и Эвиль Ларо.

Которые вполне могли оказаться и моими родителями тоже. Но эта информация для меня была уже чересчур, поэтому пока я от нее отмахивалась и предпочитала думать, что Ленор просто не умерла. В другой день я бы за это порадовалась, сегодня же мне хотелось зажать ее в темном углу и популярно объяснить, что нельзя трахаться с Люцианами без моего разрешения!

«А ты у нее разрешения по поводу Валентайна спрашивала?» — ехидно поинтересовался внутренний голос.

Его я тоже предпочла игнорировать. Хватит с меня второй Ленор у меня в голове, если я еще и с собой начну общаться, тут уже впору сдаваться в дурку.

— Так... доброе утро? — поинтересовался брат, жевавший основательно увядший салат и заедавший его покрытым корочкой

овощем бурк, по вкусу напоминавшим нечто среднее между картошкой и сельдереем. Сверху лежало обветренное вяленое мясо, которое и в Африке, то есть в Даррании, вяленое мясо, и я поморщилась.

— Доброе. А вам все-таки приятного аппетита?

— Ха. Подколола. — Макс подвинул ко мне тарелку, на которой лежало все-все-все. — Вот. Выбирай.

Я потыкала вилкой в содержимое и снизу нашла что-то относительно свежее и без корки. Но все равно.

— Так есть нельзя.

— Мофно, — ответил Ярд с набитым ртом. — Мы парни неприхотливые.

— И что? Это не отменяет того, что надо есть нормальную свежую еду.

— Да, мамочка.

Я запустила в Макса ягодой, которую тот поймал на лету и, в отличие от Люциана, совершенно незротично съел.

— Ладно, спрашивать тебя, почему мы все ночью не спали, нельзя, поэтому просто спрошу: как дела? — Ярд повернулся ко мне.

— Отлично. Превосходно. Замечательно. — Я стащила живой на вид бьянк, почистила и откусила кусочек. Ало-оранжевый фрукт оказался живой, а еще очень сочный и спелый, что порадовало и меня, и мой желудок.

— Отлично. Превосходно. Замечательно, — прокомментировал брат, пристально глядя на меня. Я даже проверила, в порядке ли платье.

К счастью, здесь оставалась часть моей одежды, к несчастью, самая неудобоваримая. Поэтому платье я надела то же, в котором Ленор заявила к Люциану, а вот белье пришлось надеть то, что осталось. Такое, простенькое. Из времен, когда за одежду племянницы платил Хитар.

При воспоминании о Хитаре я поморщилась снова, вспоминая, как он сидел за этим самым столом во главе, а после — лежал вниз лицом на дощатом полу, сокрушенный магической атакой пришедших за нами военных. Накатившие воспоминания ничуть не способствовали аппетиту, поэтому я подтащила к себе самую чистую на вид тарелку и отложила несколько долек до лучших времен.

— А у тебя как дела, Ярд? — поинтересовалась, чтобы поддержать разговор.

— У меня все...

— Отлично, превосходно, замечательно, — фыркнул Макс.

Я укоризненно на него посмотрела.

— Что? — брат передернул плечами. — Ты заявляешься рано утром, вся такая взлохмаченная, в платье... в этом вот.

Ладно. Хорошо. Ленор выбрала правильное платье для соблазнения.

— Говоришь, что мы не спали всю ночь, и что я, по-твоему, должен думать? Что ты хочешь отмазаться от того, чтобы рассказать мне что-то серьезное!

Я, определенно, привнесла в дарранийский язык много интересных выражений, но сейчас мне стало не до того. Потому что Макс смотрел на меня в упор и явно ждал объяснений. Хотя бы минимальных. И он их заслуживал, потому что мы с ним не просто брат и сестра, мы с ним друзья, а друзья говорят откровенно. Они могут сказать друг другу обо всем или почти обо всем, но о том, что произошло с Люцианом, я никому говорить не собиралась.

— Ты же знаешь, что со мной происходит, — уклончиво ответила я.

— Темная магия? — переспросил Макс. — Ты поэтому не хочешь ничего говорить?

— Да. — В общем-то, я даже не солгала. В теле Ленор, а точнее, в одном теле мы с Ленор оказались благодаря темной магии.

— Ладно. Тогда потом.

— Благодарю.

Я потянулась за фруктом, когда Ярд произнес:

— Осталось пять дней до экзаменов.

— Тебе обязательно было все портить? — фыркнула я.

После этого наш разговор, к счастью, свернул на всякие студенческо-учебные шуточки и обсуждение предстоящего, и, разумеется, Макса это тоже волновало самым живейшим образом, потому что ему предстояли вступительные экзамены почти сразу после наших.

— А вы знаете, что в приемной комиссии будет Женевьев Анадоррская? — внезапно выдал Ярд.

— Теперь знаем, — хмыкнула я. — Вопрос в том, откуда это знаешь ты?

— Я вообще активно интересуюсь жизнью Академии. Ну и, если честно, я считаю, что Женевьев классная. С потенциальными супругами ей, конечно, не повезло, но оно и к счастью. Выйти замуж за парня, который любит другую, или за того, кто любит только себя...

— Эй! Люциан, между прочим, спас моей сестре жизнь.

— Спас, но это не отменяет того, что с Женевьев он поступил отвратно. Так что у нее был невелик выбор. Зато теперь она сможет выбирать сама.

— Такие как она, обычно, все равно не могут выбирать сами, — возразил Макс. — Ей отец найдет третьего, взамен Драгонов. А уж если он станет тэрн-архом...

— Да, брак по любви ей точно не светит, — кивнул Ярд. — Но всегда же можно найти того, кто хотя бы уважать тебя будет. Ценить.

— Предложил свою кандидатуру, — хохотнул брат.

Ярд поперхнулся. А в следующий миг уже поперхнулась я, потому что дверь распахнулась, и в столовую, жестко отчеканив:

— На пару слов, Лена, — шагнул Валентайн.

Валентайн Альгор

Вечер и ночь, которые должны были стать одними из лучших в жизни, превратились в кошмар. Кошмар — потому что вместо того, чтобы быть с Леной, пришлось вместе с ведущими посмертниками Даррании проводить освидетельствование тела Лэйтора. Которого выбросили из портала прямо посреди гудящего Хэвенсграда, на глазах у женщин, детей, на глазах у приезжих. Потом состоялся разговор с Керуаном, на котором архимаг брызгал слюной и вопил, что Валентайн подставил их обоих.

А он понимал, что да — действительно подставил, надо было свернуть Лэйтору шею и распылить тленом над Мертвыми землями. Проблема заключалась в том, что тогда в нем кипела черная ярость, а перед глазами стояло лицо Лены и мерзкая рожа Лэйтора, склонявшегося над ней. Быстрая смерть для которого стала бы избавлением.

Но настоящая проблема заключалась в том, что отец сделал свой первый ход.

Впервые со дня появления Лены в Даррании, Адергайн Ниихтарн вышвырнул фигуру на игровое поле. Мертвую, но от этого не менее опасную, если не более. И сделал он это так, что никакого прорыва пространства Валентайн не почувствовал. Каким-то образом, через кого-то в Даррании. Через кого-то очень могущественного и со связями.

Дальше было непростое заседание с Керуаном и Драконовым, Ферганом и его советниками, на котором выстраивалась линия поведения и информация, которую должны были подготовить для новостных изданий и распространить среди горожан. Керуан сообщил, что прошлой осенью Лэйтор подал в отставку, сославшись на личные мотивы в отношении Ленор Ларо и темной магии, но после долгих месяцев вернулся и попросил снова подключить его к делам, пусть даже без восстановления должности гритта. В свете бывших заслуг военного, Керуан решил ему не отказывать, но буквально на следующий день поступил сигнал с приграничной контрольной зоны, и Лэйтора отправили туда проверить. Он должен был взять отряд, но пошел один, а «вернулся» таким вот образом.

Что-то подсказывало Валентайну, что в эту брехню Ферган мог поверить с тем же успехом, как и в то, что Анадоррский откажется от борьбы за престол, но тэрн-арх принял информацию весьма благодушно. Исключительно потому, что она была ему выгодна: в свете творящейся с его наследниками суеты, переключение внимания населения Даррании было более чем выгодно. Особенно принимая во внимание то, что у него есть свой «ручной» темный, который может со всем разобраться. А у Анадоррского нет.

Но что самое отвратительное, Валентайн оказался в эпицентре этих мерзких игр и лжи, налипшей, как щупальца тленного заклинания. По большому счету, ему было плевать на них всех и сознаться в том, что он зашвырнул потенциального насильника и убийцу на растерзание темным тварям для него было легко.

Всем.

Кроме Лены.

Почему-то он представлял, как меняется ее лицо, когда он говорит, что произошло с Лэйтором. Представлял, как на нем отражается неверие, изумление, разочарование.

Разочарование было пережить сложнее всего. Даже ненависть, ее возможная ненависть, не настолько пугала, как это едва уловимое чувство, наполненное горьковато-кислыми эмоциями, за которыми рушится все, что они только-только сумели выстроить.

Она не поймет.

Он помнил ее страх, помнил, как она переживала из-за того, что могла бы убить Хитара, когда на нее нахлынула тьма.

И вот сейчас он, который давно ничего не боялся, опасался увидеть в ее глазах короткую вспышку презрения, сменяющегося отторжением.

Не этого ли добивался отец?

Того, чтобы у него появилась *такая* слабость.

Страх ее потерять.

Поэтому когда, вернувшись домой после комментариев на Алой площади (он смутно помнил, что там говорил — наверняка какую-то банальщину в стиле «защитим, поможем, спасем»), помнил только, что толпа начала расходиться именно после его выступления, и Ферган, и Керуан вздохнули с облегчением), Валентайн не обнаружил там Лену, внутри снова все взметнулось черным, давящим вихрем. Пусть он мог, должен был почувствовать грозящую ей опасность интуитивно, перед глазами потемнело. Одно короткое мгновение, когда магия дотянулась до сердца, вдавив его в ребра холодом и злой мощью, один выдох, одно лишь представление о том, что отец мог ей навредить...

Лишь усилием воли выдернув себя из этого, он нашел прислуживающую ей горничную, и та ответила, что Лена ушла вчера вечером, и с тех пор не возвращалась. Виритта осталась дома, а больше ничего внятного из женщины вытянуть не удалось.

Два места, куда она могла захотеть направиться — к своей Соне и к брату.

Первым Валентайн решил проверить дом Равена и не прогадал. Вот только первой эмоцией вместо облегчения, когда он увидел ее, спокойно завтракающую с двумя парнями, была ярость. Ярость такой силы, что прорвалась она в обычном приказе:

— На пару слов, Лена.

И только когда она растерянно обернулась, впери в него свой пронзительный взгляд таких родных глаз, по телу словно судорога прошла, скрутив напоследок внутренности болью — и тьма отступила.

Глубоко вздохнув, Валентайн шагнул в столовую и произнес уже гораздо мягче:

— Прости. Мне нужно с тобой поговорить. Срочно.

В ответ на недоуменные взгляды парней, он просто коротко прокомментировал то, что вся Даррания и так будет знать через пару часов:

— Найдено тело военного, изувеченное темной магией.

Мальчишки изменились в лицах, а Лена поспешно поднялась.

— Увидимся в Академии, Ярд. Макс, я на связи.

— Погоди... а как ты в дом-то зашел? У нас охранка стоит.

— Паршивая у вас охранка. — Ее близость успокаивала, и Валентайн даже нашел в себе силы дернуть уголками губ в подобии улыбки. — Сегодня-завтра лично настрою.

Лена протянула ему ладонь, и он мягко сжал ее в своей. Вихрь, разорвавший пространство, осыпался серебряными и черными искрами, когда они оказались в спальне.

— Ты правильно сделала, что не стала сидеть одна. Но, пожалуйста, не делай так, не предупредив меня.

Она, почему-то слегка напряженная, приподняла голову. Почему-то не глядя ему в глаза.

— Все настолько серьезно?

— Лэйтор — ход моего отца, — произнес он, и пальцы, путаясь в ее волосах, заскользили по шелковым прядям.

Валентайн притянул ее к себе, вдохнув запах волос: мягкий, цветочный, с легкой горчинкой. Как же рядом с ней хорошо. Как легко. Как светло.

— Но, думаю, это и так понятно. Поэтому в ближайшее время я буду сопровождать тебя в Академию и из Академии. Одной без меня никуда ходить не стоит.

— Валентайн, но ты не можешь везде ходить со мной, как привязанный! Если я... если мы с Соней или с Максом захотим посидеть где-нибудь? Прогуляться? Пройтись? Это же нереально, все время жить и бояться. Так мы уничтожим друг друга раньше, чем до нас доберется он.

И она снова права. Почему-то захотелось сказать ей об этом, невыносимо, но Валентайн удержал слова в себе, касаясь губами ее волос, повторяя пальцами линию скул.

— Я подумаю, что можно сделать. Просто эти пару дней без меня никуда, хорошо?

— Хорошо, — кивнула Лена. — Да. Я все понимаю.

Он глубоко вздохнул, расслабляясь. Никогда не думал, что будет держать кого-то в своих руках вот так, как самое бесценное сокровище. Дышать кем-то, как самым прозрачным воздухом после удушающей пустоты Загранья.

— А в целом? Все совсем кошмар, да?

— В целом все терпимо. — Валентайн улыбнулся, падая на кровать и увлекая ее за собой.

— Ты же в курсе, что мне в Академию, да?

— В курсе. Я сам здесь только чтобы принять ванну, потом надо будет вернуться к Керуану.

— А ты поставишь мне зачет автоматом? — поинтересовалась она, коснувшись пальчиком его щеки.

Валентайн зажмурился. Как будто мало им было расследования по делу Хитара, Ленор... теперь еще и это. Но вместе с этой мыслью пришла другая: вдвоем они со всем справятся. Все преодолеют, потому что эта близость — не только слабость, что бы там себе ни надумал Адергайн. Это еще и его сила. Сила, которую он не позволит отнять никому.

— Поставлю, если объяснишь, что такое автомат.

— У-у-у... — сказала Лена, а он подтянул ее на себя повыше.

Нашла же где-то такое платье! Подчеркивающее грудь, обрисовывающее ее, разве что не просвечивающее. На грани приличий, но вот очень на грани.

— И если никогда больше не будешь надевать это платье ни для кого, кроме меня.

У нее вспыхнули щеки, а он уже потянул бретели вниз, обнажая хрупкие плечи. Невозможно так чувствовать. Просто невозможно — это же бесконечное, чистейшей магии помешательство.

— Ва-а-а-а-лентайн, — пискнула она, выворачиваясь из его рук. — Академия!

— Хорошо, — согласился он, — но нам нужно принять душ. И это можно сделать вместе.

— Нет! — неожиданно воскликнула она.

— Нет?

— Я у Макса от скуки в ванной часа два просидела. Вся скукожилась от воды уже. Ты же не хочешь, чтобы я скукожилась?

Ну вот и что ей ответить? Что у него рядом с ней не то что не скукоживается, а наоборот, все очень стремительно расправляется и твердеет, и что он не железный?

— Что с Ленор? Не появлялась? — Валентайн постарался переключить мысли на другую тему.

— Нет, уснула. К счастью.

— Об этом тоже надо подумать, — больше себе, чем ей, напомнил он. — Ладно, счастье мое, я в душ, а ты собирайся.

Вслед за сильным напряжением, как всегда бывает, нахлынула усталость. Единственное, что пробивалось даже сквозь нее — это желание, сумасшедшая жажда этой невероятной притягательной женщины, поэтому когда на словах «счастье мое», Лена отвела взгляд, Валентайн наклонился, коснулся губами ее губ и все-таки быстро направился в душ.

Глава 3

Люциан Драгон

Если твоя жизнь в какой-то момент превратилась в драконий навоз, глупо рассчитывать, что за один день все изменится. Глупо, но он попался. Потому что действительно поверил в то, что к нему могла прийти Лена, что ей не все равно. Поэтому же сейчас, направляясь в гостиную в доме Драконовых, он пребывал в оглушенном состоянии. Примерно в таком же, в каком пребывал, после того как его долбануло боевым заклинанием на полигоне, а он не совсем корректно рассчитал параметры щита. Наверное, так было лучше: анестезия ему сейчас была просто необходима, и вот такое вот состояние отключало все, что в нем еще отключалось.

В частности, осознание того, что на самом деле произошло.

Память об этом.

Чувственные ощущения обладания самой желанной женщиной в мире... которая оказалась вовсе не той.

София Драконова, то есть Соня Драконова, или кто она там, вошла в гостиную уже в академической форме. Вся такая идеальная, как обычно, и первым ее вопросом было:

— Ты же должен быть в гарнизоне?!

— Я тоже рад тебя видеть, — Люциан потер переносицу. — Давно ты знаешь, что в теле твоей подружки живет две личности?

— Что?

Драконова выглядела ошарашенной. Настолько, что впрямь подозревать ее в классной актерской игре, но... нет. Они слишком долго дружили, и сейчас Люциан понимал, что она тоже не знала. Ее лучшая подруга тоже об этом не знала. А кто знал? Ну тут и так все понятно. Привет, Валентайн Альгор.

— Ничего. Веселенькая информация, правда? — Люциан тяжело упал на диван.

Голова шла кругом, но не буквально. К счастью.

Соня приблизилась, присела на краешек дивана рядом с ним.

— Что произошло, Люциан?

— О-о-о-о, что произошло... — поймав себя на грани смешка, Люциан проглотил сарказм и улыбку. — Мы переспали.

— С кем? — Глаза у Драконовой стали еще больше.

— С Ленор. Которая в теле Лены. Хотя вообще-то все наоборот, но драх его знает.

Какое-то время Соня просто моргала, и он позволил ей помолчать. В конце концов, в нем тоже не осталось слов, когда он узнал правду. Вот эту вот правду — о том, что все, что говорили любимые губы вчера: «Не уезжай, останься, ты мне нужен...» — оказалось словами дурной девчонки, которую он никогда не воспринимал всерьез. Но главное, что он так хотел верить в то, что у Лены к нему тоже есть чувства, что готов был поверить даже в эту фальшивку. В то, что она действительно уйдет от Альгора, что она все обдумала, что ей наплевать на все проблемы, что она не хочет его терять.

Ее тело в его руках так откликалось на ласки, было таким податливым, а еще настолько желанным, что он просто потерял голову. Утром нашел, правда. С отрезвляющими словами: «Это была не я!»

— То есть как? — переспросила Соня осторожно, когда пришла в себя.

— А я знаю? — Люциан запустил пальцы в отросшие волосы. — У вас же все, к драхам, невероятно сложно. Она сказала, что Ленор все еще жива. И что именно она заявила ко мне вчера вечером.

— О-о-ох, — только и сказала Драконова.

Да уж. Примерно так же можно было бы выразить и его чувства, но Люциан промолчал. Ему хватило звенящих в ушах собственных стонов и рычания, стонов выгибающейся под ним девушки, которые до сих пор эхом били по сердцу.

— А... Лена? Что с ней? Где она?

— Где-где... где она может быть? Валентайн Альгор ее трахает, вот там она сейчас и...

— Люциан! — голос Сони прозвучал жестко, как пощечина. — Ты блин хотя бы раз можешь подумать о том, что больно не только тебе? Ей тоже больно!

— Ей?! — он усмехнулся, подавив внутри детский вопрос: «А кто подумает обо мне?» — Учитывая, как легко она меня послала и попросила открыть портал...

— Окей. — Соня сложила руки на груди, сверкнув глазами. — А что бы сделал на ее месте ты?

— На ее месте?

— Ну да. Представь, ты проснулся рядом с девушкой, ничего не помнишь... а нет, давай лучше так. У тебя отношения с лучшей из девушек, которую только можно представить, а просыпаешься ты рядом с другой, при этом нифига не помнишь.

— Как-то раз я так проснулся с тобой.

Соня закатила глаза, а Люциан сжал кулаки. Неизвестно, что царапнуло больше — вот это вот «с лучшей из девушек» — значит, и Соня считает Альгора наилучшим для Лены вариантом, или то, что он опять оказался крайним.

— Знаешь, София, — сказал он, поднимаясь. — Изю всех друзей, которые у меня были, остались только сестра и ты. Но Нэв еще слишком мала, чтобы с ней говорить о таком, а к тебе я пришел не то чтобы за поддержкой. Просто поговорить. Мне совсем точно не нужно было слышать, что я опять думаю только о себе, даже если это так. Хотя бы раз, хотя бы от кого то, просто всего лишь раз мне нужно было услышать: «Люциан, я с тобой». Но это, судя по всему, не про меня. Или не про нас.

— Считай, что я плохая подруга, — Соня поднялась вслед за ним, — но у Лены очень непростая ситуация. Я, если честно, не могу даже представить, что она сейчас чувствует. И если бы ты, Люциан, задавался такими вопросами, если бы ты хоть раз задал такой вопрос ей — потому что за всей ее защитой она удивительно нежная и бесконечно добрая — возможно, сейчас тебе не пришлось бы ревновать к Валентайну Альгору. Насчет хотя бы раз — ты можешь прийти ко мне всегда, а не раз. Но я не собираюсь выбирать между вами и принимать чью-то сторону. То, что вы там наворотили вместе — не мое дело. Я готова тебя поддержать, но я не готова слушать грубости в отношении Лены. Точно так же, как я не стану слушать, если она вздумает обругать тебя. Вы оба дороги мне, понимаешь?

Она помолчала, словно подбирая слова, а после продолжила:

— Мне жаль, что все получилось так, как получилось. Но думать о чувствах других — это важно. Даже когда очень больно. Особенно если эти другие тебе дороги.

Люциан хмыкнул.

— Спасибо за лекцию, но мне пора. Я и так опоздал на построения.

— Мог не опаздывать, — жестко ответила София.

И он, пренебрегая всеми правилами этикета, просто открыл портал из драконовской гостиной к себе. А после, подхватив сумку с вещами — туда, где должен был пройти ближайший год его жизни минимум. Туда, где не будет ни Лены, ни Альгора, ни даже этой драховой моралистки с ее советами. Пусть они все здесь дружно разбираются сами. Со всем.

А с него хватит.

Лена

Из хороших новостей: я получила зачет по технике создания плетений быстро и без дополнительных вопросов. Видимо, магистр Тулли проникся моими последними приключениями и решил надо мной не издеваться. А это он еще про Ленор не знал! Сдается мне, тогда вообще посмотрел бы умильно и спросил: «Деточка, как ты с этим живешь?»

Честно говоря, я сама не представляла, как я с этой живу! Точнее, как мне с ней дальше жить. Где я себя найду в следующий раз? В чьей постели? Но думать об этом и в принципе жить дальше не представлялось возможным, поэтому я старалась не думать. Поэтому в моей голове творился бродячий цирк из серии: думать о чем угодно, только не о случившемся ночью. Не о том, что я шарахнулась от прикосновений Валентайна, и что это может повториться.

А-а-а-а-а!

— Лен?

Я сидела в парке на скамеечке, а от неожиданно выпрыгнувшей на дорожку Сони (ну ладно, она наверное просто подошла, а я не заметила) дернулась.

— С утра была Лена, — буркнула я.

Совершенно не вовремя, как это всегда бывает, разом нахлынуло все. В частности то, что Соня даже не навестила меня после того, что случилось. Вот не верю я, правда, что она не в курсе была! Поэтому вместе с раздражением неожиданно проснулась какая-то нездоровая злость.

— Если верить Люциану, с утра ты была не Лена. Можно? — она кивнула на скамейку, а я похолодела.

В моем плане с зельем Пулиджа и ночевкой у Макса был один существенный прокол: Люциан Драгон. Тот самый, который шантажировал меня встречами с братом. Тот самый, который спас мне жизнь. Не парень, а сплошное противоречие на ножках. Но вот то, что Соня уже в курсе...

— Рада, что тебе доложили, — вместо того, чтобы пригласить ее сесть, я резко вскочила, но Соня перехватила меня за руку.

— Лена, прости. Прости, пожалуйста, — сдавленно произнесла она. — Ты была права. Я не сумела справиться с тем, что произошло, и залилась на всех, в том числе на тебя. Я должна была прийти к тебе, когда узнала о Хитаре и обо всем... но мне было очень плохо. Очень отвратно. Я не знаю, как описать то, что со мной творилось, но это не оправдание. Потому что о тебе я совсем не думала. Пожалуйста, давай вместе это решим. Я не хочу, чтобы мы отдалились вот так.

Я сделала пару глубоких вдохов и выдохов.

— Да, знаешь, мне тоже было очень больно, когда я пришла в себя и не увидела тебя рядом.

— Я знаю. Поэтому и прошу прощения. За то, что во мне не осталось сил просто тебя навестить. — Соня разжала пальцы. — Люциан не доложиться ко мне пришел. Он пришел, потому что ему было больно. Не знаю, в курсе ты или нет, но он без ума от тебя, и он чуть не рехнулся, когда узнал, что к нему явилась не ты, а Ленор. Господи... я даже такое умудрилась прозевать.

Она приложила ладони к щекам и села, абсолютно потерянная, а я, вспомнив, с чего это все началось, опустилась рядом с ней.

— Сумасшедший мир, — сказала, запрокинув голову и глядя на кружащиеся под порывами ветра лепестки. Местная яблоня была больше похожа на сакуру, хотя цвет лепестков — между фуксией и сиренью, был не похож вообще не на что. Высоченное небо, раскаленное до теплой голубизны солнцем, взрезали башенки Академии. — Вот так, со стороны посмотришь — сказка сказкой. А на деле полная жесьть.

— Ну, все не так уж критично, — Соня улыбнулась.

— Может быть. Но мне жизненно важно отразить темные моменты через сарказм.

Подруга фыркнула. Поддалась моему примеру, откинулась на спинку скамейки и тоже запрокинула голову.

— Знаешь, я не представляю, что бы я делала, если бы не нашла тебя. Спасибо Жоффрею де Пейраку.

— Спасибо Жоффрею де Пейраку, — эхом отозвалась я.

Мы одновременно повернулись и посмотрели друг на друга.

— Мир? — спросила Соня.

— Мир, — ответила я. — Если только ты больше не будешь играть в Отморозко.

— Не буду. Обещаю.

Я опять вздохнула: у меня как гора с плеч свалилась. Может, мы с Соней и не были приклеенными друг к другу в нашем мире, но между нами не было этой тяжести, какая навалилась совсем недавно. И вот теперь, когда ее не стало, я снова могла дышать полной грудью, а еще... еще теперь мне было, кому сделать так. Я уткнулась в форменный пиджак подруги носом и шмыгнула им.

— Если ты знаешь все про Ленор, то ты все знаешь.

— Да. Но дальше меня это не пойдет, Лена, можешь не сомневаться.

— В тебе я не сомневаюсь, а вот в Люциане...

— Он злой, как почтальон Печкин. По той же самой причине.

Теперь уже фыркнула я: воспоминания о любимом же мультике Сониной мамы, который она нам показывала, тоже были живыми.

— Сомневаюсь, что у него чего-то по жизни не было.

— У него нет тебя.

От неожиданности я даже задрала голову.

— Ну знаете ли, я тоже не велосипед.

Соня усмехнулась.

— Он влюблен в тебя по уши.

— Он влюблен в себя по уши.

— Да. И в тебя. Одно другому не мешает.

Я вздохнула еще раз: через это дыхание из меня выходило дикое напряжение, которое я запрятала в себя после ванной, то есть ванн, и которое вернулось после нашего непродолжительного общения с Валентайном. Когда он ко мне прикоснулся, я шарахнулась от него, и, к счастью, он ничего не заметил. После случившегося этой ночью,

хоть я ничего и не помнила, внутри просто будто что-то замкнуло на уровне инстинктов.

— Мы можем сейчас не говорить про Люциана? — покачала головой я. — И вообще больше не говорить про Люциана.

— Что-то мне подсказывает, что лучше говорить, но как знаешь, — Соня подняла руки, и мы, кажется, обе одновременно вспомнили, что про Сезара и про их свадьбу мы тоже больше не разговариваем.

Это на миг отразилось на лице подруги сдвинутыми бровями и быстрым:

— Так что там с Ленор?

Я отстранилась, села поудобнее, подогнув под себя ногу. И рассказала все, что произошло: начиная с момента, как я писала портрет Люциана, точнее, как Ленор писала портрет Люциана, с ее воспоминаний о поцелуе, появления в моем сне и заканчивая сегодняшним (или вчерашним) эндшпилем. Соня слушала, не перебивая, только хмурилась с каждым мгновением все больше и больше. Особенно она нахмурилась, когда я произнесла:

— Валентайн предположил, что мы вообще можем быть единым целым. То есть... Эвиль работала над тем, чтобы расщепить магию, темную и светлую в Сезаре, ну вот он и решил, что...

— Бред! — вскинулась Соня. Меня даже полоснуло ее яростью и раздражением. — Прости, Лен! Но как ты можешь быть придатком к этой... к этой девице! Сколько я тебя знаю, ты всегда была самостоятельной, целостной личностью, а предположить такое... ну, с тем же успехом можно предположить, что я попала в семью Драконовых не просто так. И это еще не говоря о том, какой матерью нужно быть, чтобы такое повернуть над собственной дочерью! Да и зачем? В Сезаре действительно соединены тьма и свет, а малышка, дочь людей-магов? Что такого могло быть в ней?

— Понятия не имею, — простонала я. — Но все настолько запуталось, что я уже ничему не удивлюсь.

Соня покачала головой.

— Нет. Мне кажется, здесь Валентайн неправ.

— Тем лучше, — я, если честно, тоже не горела желанием обзавестись таким ментальным сиаемским близнецом, как Ленор. Девушку с таким мерзким характером еще поискать надо,

неудивительно, что их с Ликой Эстре поселили в одном месте. Если бы Ленор осталась Ленор, была бы та еще dream team.

— Ладно, — теперь уже Соня глубоко вздохнула. — Факт остается фактом. Что ты собираешься с этим делать?

— Валентайн будет искать способ что-то с этим сделать, а я буду ему помогать. Потому что честно — здесь даже понятия не имею, как подступить к... к ментальному располосиниванию.

— А Валентайн уже знает?

— О чем?

— О том, что произошло сегодня.

— Нет.

— Нет?!

— Нет, и не узнает. Я не хочу причинять ему боль.

Соня открыла рот, будто собиралась что-то сказать, но тут же его закрыла. Раньше мы с ней всегда говорили откровенно, а еще она никогда не боялась сказать правду в лицо. Сейчас же я была ей искренне благодарна за то, что свои советы и мнение она придержала при себе. Меньше всего мне сейчас хотелось услышать, что я неправа, потому что решения своего я менять не собиралась. Хоть и ставила себя в зависимость от того же Люциана, который в очередной раз мог мне пригрозить, но с этим я потом разберусь. Сейчас бы разобраться с Ленор.

— Вы, главное, не откладывайте, — попросила Соня. — Я очень не хочу, чтобы эта Ленор опять влезла в твое сознание и рулила.

— Вообще-то, первой в ее тело влезла я, — заметила я.

— Может быть, но не по своей воле. И только не говори, что ты сейчас считаешь себя перед ней виноватой! Ты об этом не просила, и вообще, выжила там, где ее бы уже перемололо в труху!

Я кивнула.

— Займемся, Сонь. Обязательно займемся. Валентайн и так делает для меня все... а особенно сейчас.

Весть о том, что произошло с Лэйтором, не минула и Академию, разумеется. Эта новость перебила и новость о свадьбе Сони с Сезаром и о том, что с моих, тьфу с родителей Ленор, сняты все обвинения. В каком-то смысле я была даже этому рада, надоело постоянно находиться на передовой всеобщего внимания.

Что же касается Валентайна, он действительно делал для меня все. И не просто делал, но и объяснял: в частности, свое требование ходить порталами исключительно с ним. Оказывается, благодаря тому что пространство во время открытия портала нестабильно, в это можно вмешаться через слои Загранья и выдернуть меня прямоком в Мертвые земли. Да, это требует колоссальных усилий и отнимает безумно, нерационально много магии, вплоть до серьезного истощения, но, тем не менее, для темных такое реально. Я попыталась возразить, что если бы его отец хотел меня похитить, я бы уже была там, и он даже с этим согласился. Но еще он добавил, что Лэйтор — это первый серьезный ход Адергайна, а значит, пока он не придумает, как защитить меня во время перемещений и в принципе, будет везде меня сопровождать.

Я не стала спорить дальше, потому что понимала, что дело действительно серьезное.

А еще, потому что, несмотря на все, я чувствовала вину.

За то, что позволила Ленор провернуть все это. За то, что банально заснула, хотя знала, чем мне это грозит. О таком подумать не могла, разумеется, но это не отменяло того, что я расслабилась. Слишком расслабилась, и вот — получите, распишитесь.

— Я рада, что между нами все снова как прежде, — Соня накрыла мою руку своей.

Я улыбнулась.

Хотя и понимала, что, как бы мне этого ни хотелось, как прежде уже ничего не будет.

— Пойдем на консультацию?

— Пойдем, — подруга вскочила. — Я, если честно, совершенно не готова к экзаменам...

— Ты из тех, кто говорит, что не готов, а потом все сдает на отлично, — фыркнула я.

— Я серьезно! — обиделась Соня.

— Ладно, ладно. Хорошо.

— Позанимаемся сегодня вместе?

— Не вопрос.

Мы вместе зашагали к главному корпусу, а я улыбалась, когда думала о том, что в плане экзаменов Соня все-таки паникерша. Она каждый раз считает, что ничего не знает, а потом все отлично сдает.

Так было с ЕГЭ, да и ОГЭ, со всеми зачетами и контрольными. Вот правда. Мне же зачастую казалось, что я все хорошо выучила, но тут попадался какой-то каверзный вопрос или каверзный вариант в тесте... Не то чтобы я боялась все завалить, но первые магические экзамены — это вам не шнурки на новых кроссовках завязывать. Поэтому при мыслях о них меня все же слегка потряхивало.

Равно как и при мысли о том, что я скажу Ленор, когда буду с ней разговаривать, и сделать это нужно как можно скорее и не откладывая. А именно — прямо сегодня.

Глава 4

Проставив допуск к экзаменам на виритты, мы с Соней занимались несколько часов, после чего она все-таки ушла порталом домой, а я осталась ждать Валентайна. Он сообщил, что задержится, пообещал, что все расскажет дома, а я пожелала ему удачи и пошла устраивать сеанс связи с Ленор. Как с ней связаться, я пока представляла смутно: как и, на самом деле, тот факт, стоит ли с ней вообще связываться. Правильный ответ — нет, но надо, поэтому я уселась на кровать, закрыла глаза и принялась ждать. Всякий раз это получалось либо внезапно, через сон-полудрему, либо в экстремальных ситуациях, сейчас же я хотела установить эту связь осознанно. И для начала высказать ей все, что я о ней думаю, а потом...

— А потом ты выслушаешь мои условия. Точнее, давай так, — ехидный голос Ленор в моей голове прозвучал, как крайняя степень безумия. — Сначала ты выслушаешь мои условия, Ле-на-а-а-а.

Мое имя она опять протянула с ненавистью, но тут уже я ей сама не уступала.

— Ты вообще в курсе, что ты натворила?! — мысленно рявкнула я.

И снова оказалась в комнате, где впервые с ней «повстречалась». То есть дома у Макса.

Ее лицо просто надо было видеть! Сложив руки на груди, она рассматривала меня с таким нескрываемым превосходством, как могла бы смотреть недалекая королева на нищенку у ее ног. При этом она еще была в том самом платье, и, хотя я и понимала, что это все игры подсознания, точнее, наших двух сознаний, меня просто передернуло!

— Понравилось чувствовать, что тобой распоряжаются, как куклой? — осведомилась Ленор.

— Ты совсем дура, да? — я шагнула к ней. — Или тебе вообще без разницы, кого трахал Люциан? Без разницы, что он трахал меня?!

Ее лицо исказилось от ненависти.

— Нет! — прошипела она. — Нет, мне-то как раз есть разница! Еще мне есть разница, что с ним будет. Мне есть дело до него!

Поэтому мне было плевать, как заставить его остаться. Пусть даже пришлось притвориться тобой, только чтобы он не пошел в гарнизон — ты хоть понимаешь, как там опасно, на границе?!

Что? Она мне еще сейчас втирать будет, что потрахалась с ним, чтобы он не ушел и не подвергал свою жизнь опасности?!

— Ну тогда ты в курсе, что твой маневр не сработал.

Соня рассказала, что пыталась связаться с Люцианом утром, сразу после их разговора, но ей сообщили, что он ушел в гарнизон и отключил виригта.

— В курсе! Потому что ты все испортила! — рявкнула Ленор. — Ты... недалекая... жалкая... думающая только о себе!

Это я-то думаю только о себе?!

— Курица! — рявкнула я, бросаясь на нее.

Вот если так подумать, отгаскать сознание этой девицы за ее ментальные волосы — это ж какая практика для психиатра, но в тот момент было плевать. Разумеется, за волосы ее я схватить не смогла, равно как и она меня, пусть даже попытки были хорошие. Похватав воздух вокруг и сквозь друг друга, мысленно покусав друг друга за все, до чего можно дотянуться, в итоге мы застыли лицом к лицу, похожие как две капли воды, взъерошенные, яростные и одинаково злые. Честно говоря, я пыталась справиться с чувствами, чтобы хоть немного мыслить здраво, но сейчас получалось относительно. Как вспоминала, что она вообще устроила...

— А знаешь что, Лена? — язвительно протянула она. — Похоже, у тебя нет другого выхода кроме как сесть со мной за стол переговоров.

— Если бы я знала, как уронить тебе на голову стол переговоров, я бы это сделала, — мило улыбнувшись сообщила я. — С идиотами договариваться — себе дороже.

— Да нет, — ухмыльнулась Ленор. — Дороже как раз не договариваться. А знаешь, почему? Потому что ты меня совершенно не чувствуешь. Ты не слышишь моих мыслей и не представляешь, что я сделаю в следующий момент, а я... о, я, Лена, знаю о тебе абсолютно все!

Собиравшаяся уже послать ее по известному адресу, я осеклась. Потому что поняла: то, что она говорит, правда. Еще тогда, во время нашей первой встречи Ленор сообщила мне, что видит и чувствует все,

что чувствую я. Что она постоянно, вместе со мной, проживает каждое мгновение моей жизни, а значит, она в курсе всего. А значит...

— И что ты собираешься делать? — поинтересовалась я. — Расскажешь всем, что я попаданка? Разрушишь мою жизнь, а заодно и свою?

Ленор покачала головой.

— Нет. Я же не дура.

Вот тут сомневаюсь.

«Услышав» мои мысли, она нахмурилась и выплюнула зло:

— Зато я могу рассказать всем про твою подружку. Хотя... это было бы слишком мелко! Дай-ка подумать... о! Вот! Когда-нибудь, когда ты снова внезапно отключишься — а с наибольшей вероятностью, этой же ночью, — она улыбнулась, — потому что я с каждым днем становлюсь сильнее и могу выходить, я проснусь вместо тебя. Трогательно разбужу твоего Валентайна и не менее трогательно ему все расскажу!

— И подставишь своего дорогого Люциана? — насмешливо поинтересовалась я, хотя внутри все похолодело. Что самое паршивое, Ленор это прекрасно чувствовала, потому что чувствует все.

— Не думаю, что Валентайн бросится его убивать, особенно учитывая, что он ушел в гарнизон. А вот ваши отношения будут разрушены, и в самое ближайшее время, — последнее она уже процедила со злобой мне прямо в лицо. — Если, разумеется, мы с тобой не договоримся.

От того, чтобы врезать ей прямо в нос, удержало только сознание, что не получится. Да и не решит это ничего, вот вообще ничего. Ленор действительно на это готова, каким-то образом я это чувствовала, а еще я чувствовала, что она становится сильнее. В прошлый раз рядом с ней я себя ощущала иначе, сейчас же...

Что вообще происходит?

Что это?!

— Чего ты хочешь? — спросила я, чтобы потянуть время.

Ленор хмыкнула. Отступила назад.

— Самую малость, Лена. Самую малость. Во-первых, никакого больше секса с Валентайном. Во-вторых, ты будешь делать все, и сделаешь так, чтобы он тебе поверил, что ты хочешь вернуть мое тело

мне. И вы вместе найдете способ, если ты, разумеется, хочешь сохранить с ним хотя бы подобие чувств.

— Но я не смогу существовать вне тела, — произнесла я. — А для того, чтобы найти новое, мне надо будет кого-нибудь убить, или... как ты вообще себе это видишь?!

— Честно? — Ленор прищурилась. — Мне плевать! Либо ищи себе новое тело, либо вали назад... Попаданка!

Что я там думала про чувство вины? Про то, что я захватила ее тело?

Все это смыло потоком чистой темной магии, как будто изнутри подкрутили кран, и она хлынула в меня, выжигая тепло сердца, все чувства и даже любовь. Я снова почувствовала эту небывалую мощь, а еще власть, которую дарует эта сила. Власть над собой, над своим телом, над тем, чтобы вычистить из него эту заразу по имени Ленор Ларо. Ощущение было таким сладким и таким темным, что я ухмыльнулась, а Ленор неожиданно изменилась в лице. Конечно, изменилась. Она ведь все мысли и чувства мои читает.

— Что ты там говорила про попаданку? — поинтересовалась я.

Эта власть, эта сила, текущая по моим венам, заставляли чувствовать себя ве-ли-ко-леп-но! Не осталось ни угрызений совести, ни сожалений, только всеобъемлющая черная мощь, завязывающаяся узлом в районе сердца. Я сложила ладони, чувствуя струящийся между ними холод даже на ментальном уровне. Холод заполнял собой не только тело, он заполнял собой и сознание, и краски на холсте нашего общего сознания трескались, как старые фрески, обнажая лишь два цвета: пепельный и черный.

— Хватит, — прошептала Ленор. — Хватит!

Она, в отличие от цветов обстановки, не трескалась, оставалась единственным ярким пятном. Хотя как сказать — ярким, контуры ее тела тускнели все сильнее, сильнее и сильнее, она словно растворялась внутри моего разума, превращаясь в призрака. Я улыбнулась — и сорвавшаяся с моих рук тьма рванулась к ней, чтобы стереть, растворить, уничтожить...

Меня рывком выдернуло из сознания, а потом, так же рывком — из меня выдернуло темную магию, как мощнейшим магическим пылесосом, втянувшим ее всю, что была, до последней капли. Я открыла глаза в руках Валентайна, его радужка была заполнена тьмой,

которая прожилками впитывалась в белки, и смотрелось это дико, обжигающе, остро. На каких-то инстинктах я потянулась к нему, чтобы врезаться губами в губы, вцепиться в них, кусая и чувствуя на своих губах кровь. Вместо магии во мне была пустота, и она хотела быть заполненной. Хотела обратно то, что принадлежит мне. Хотела впитать силу, ощущать которую было так остро, а еще хотела этого мужчину. Без нежности, без любви, яростно-жарко, до безумия. Порочно.

Наш поцелуй и был таким.

Порочным, животным, диким. словно мы брали друг друга, невзирая на то, что вкус джмерга на наших губах смешивается с кровью.

Первым в себя пришел Валентайн, рывком оторвав от себя.

— Лена, — хрипло произнес он. — Лена...

Меняясь на глазах, словно собираясь заново из тающих черных осколков, его радужка становилась темной, но не черной. Искры серебра, вспарывающие ее, тоже погасли, и спустя пару мгновений я смотрела в совершенно обычные глаза. Человеческие, если так можно выразиться. Смотрела и видела в их отражении себя. Как светлеют мои. Как черты лица становятся более мягким, как стирается с губ хищная улыбка.

— Лена, — уже громче повторил Валентайн. — Ты как? Что произошло?

Ленор произошла! Хотя сейчас я с ужасом осознала, что не приди Валентайн, Ленор бы уже не было. А я? Что насчет меня? Во что меня могла превратить темная магия?

Я сталкивалась с ней уже не первый раз, но никогда не ощущала над собой такой власти. Или, точнее сказать, никогда не ощущала в себе такой власти? Этого безумного, наполненного силой могущества, права казнить и миловать по щелчку пальцев.

— Лена! — Валентайн встряхнул меня, и я дернулась в его руках, как тряпичная кукла. — Что с тобой произошло?

Мы так плотно вжимались телом в тело, что сейчас я едва ли могла чувствовать, где заканчиваюсь я, и начинается он. Это слияние, почти интимное, довершал тот факт, что одежда на мне практически полностью растворилась. От его тоже остались лохмотья и, кажется, пара валяющихся на кровати запонок. Почему-то осознание этого ударило по нервам сильнее всего, и я хихикнула.

— Что смешного? — нахмурился Валентайн.

— Запонки.

— Что?

— За... запонки, — я ткнула в поблескивающие аксессуары, а он, пересев поудобнее, устроил меня в своих объятиях. Будто вслед за магией хотел впитать и дрожь моего тела, с которой сейчас мог посоперничать малярный озноб. Интересно, у них тут есть малярные комары?

Слава всем кому только можно, что Валентайн больше ни о чем не спрашивал. Просто сидел, обнимая меня и покачиваясь, и я покачивалась вместе с ним. Как на волнах, наверное, если закрыть глаза. Я и закрыла, прислушиваясь к гулким ударам сердца, которое несколько мгновений назад напоминало ледяной сгусток. Такой же ледяной, как комок снега, если сжать его в ладони без варежки.

— Ленор, — тихо сказала я спустя какое-то время. — Я разговаривала с Ленор. И это случилось.

— Осознанно? Или снова заснула?

— Не знаю. Я просто захотела с ней поговорить, попыталась... и провалилась в наше сознание.

— Что такого она тебе сказала, что в тебе проснулась такая тьма?

Сказала, что хочет запретить мне быть с тобой. Сказала, что если я этого не сделаю, то она все расскажет про себя и Люциана. Точнее, про меня и Люциана. Я поморщилась.

— Сказала, что ей нужно ее тело, и что она ни перед чем не остановится, чтобы в него вернуться.

С одной стороны, я могла бы ее понять. С другой... нет, точно не после такого. Дружбы с Ленор у нас не выйдет.

— Нам нужны архивы твоей матери. То есть Эвиль Ларо, — поправился Валентайн. — И как можно скорее.

— Ты правда считаешь, что мы можем быть половинками поделенного сознания?

Или... сил? Если Ферган хотел избавиться от темной магии в Сезаре, возможно, Эвиль хотела того же?.. Но как? Почему? Я ведь человек, в смысле, Ленор человек. В ней нет драконьей крови, она не может быть темной.

— Чем считать что-то, лучше изучить материалы, и все узнать напрямую, — Валентайн отпустил меня только для того, чтобы

завернуть в покрывало. Меня все еще трясло, поэтому сейчас я была искренне ему благодарна. — Я уже запросил личные архивы ее родителей, конфискованные после их смерти.

— Думаешь, там что-то есть? — я вздохнула. — Вряд ли в семейных архивах будет храниться такое.

— Но какая-то зацепка там может быть, — произнес он, и сменил тему. — Напугала ты меня, Лена. Обсуждаю с Керуаном и Драконовым экономическую ситуацию, точнее, возможные последствия после обнаружения Лэйтора, и тут чувствую, как тебя заполняет тьма.

— Ты прямо это почувствовал? — изумилась я.

— Да. У меня в принципе обострилось восприятие, а тебя я чувствую как себя.

Тем не менее Люциана и наше с ним, тьфу, Ленорино с ним сексуальное марафонство Валентайн не почувствовал. Значит, ее он не ловит. Когда она «за рулем», наша связь прерывается.

И на том спасибо.

— И я чувствую, что твоя сила стремительно возрастает, Лена. Так же, как моя.

Я поежилась.

— Я тоже это почувствовала. На миг показалось, что все, я уже стала темной. Хотя я не могу быть темной... я же человек.

— По ощущениям ты была темной, — «обрадовал» Валентайн. — И чем дальше, тем чаще мы сталкиваемся с такими проявлениями твоей магии. Вспышки становятся чаще.

— Обещаю, это больше не повторится! — воскликнула я. — Я просто... упустила момент, который меня переключил. Я помнила, как ты учил меня брать ее под контроль, и я с ней справлялась. У меня все работало. Просто сегодня...

Сегодня я не в форме, потому что Ленор потрахалась с Люцианом, а я все это должна разгребать.

— В общем, это больше не повторится. Клянусь. — Я взяла его за руку, понимая, что он опять меня спас. Представить, во что вылилось бы проявление моей темной магии в Академии, особенно перед судом, я не могла. Да и не хотела. Еще больше я не хотела терять себя, превращаться в ту, кого я помнила слишком хорошо.

В ту, кому все равно.

Кому все равно даже на то, что Ленор что-то расскажет Валентайну, потому что ей глубоко безразлично, что он там узнает.

В ту, кто легко способен убить, просто потому что может. Пусть даже ментальную проекцию, или кем там была Ленор. А я ведь уже испытывала нечто похожее рядом с Хитаром...

Бр-р-р.

— По-моему, нам пора домой, Лена, — Валентайн точно почувствовал меня сейчас. — Тебе нужно отдохнуть, а мне нужно быть рядом. Просто быть рядом.

Отдохнуть мне точно нужно было. А еще я даже не боялась заснуть. Просто потому, что Ленор сегодня наглядно поняла: ей Валентайн нужен не меньше, чем мне. Банально для того, чтобы спасти ее трусливую мелочную жопу, которая родилась, чтобы гадить.

— Пойдем домой, — я потянулась к его губам пальцами, коснувшись ранки, нахмурилась. — Прости.

— Мне нравится, когда ты кусаешься, — сообщили мне. — Правда, когда ты делаешь это осознанно, но в целом — продолжай.

Я смущенно уткнулась лбом ему в плечо, а потом, прикрывая себя и остатки формы покрывалом, сползла с кровати. Чтобы позволить Валентайну тоже подняться и открыть портал.

Глава 5

Тэйрен Ниихтарн

— Ну и что мне с тобой делать? — лениво поинтересовался Адергайн.

Тэйрен знала его слишком хорошо, чтобы понимать, что под тщательно удерживаемой маской безразличия скрываются тленные угли ярости. Да, безразличия в ее брате было хоть отбавляй, темная магия дотла выжгла в нем любые намеки на чувства, взамен оставив подачку в виде ледяной злости, подпитываемой яростным пламенем. Они существовали в нем в спящем состоянии и срабатывали исключительно когда речь заходила о том единственном, что было дорого Адергайну. О его безграничной власти.

Вот и сейчас от короткого всплеска подавляющей силы застывшая вдоль стен стража, велиферты, безмолвно склонили головы. Призванные вассалы, тоже маячившие в Серебряном зале черными изваяниями, с трудом справились с порывом сделать то же самое. Она понимала это как никто другой, потому что даже она, почти равная ему по силе, сестра-близнец одной крови с ним, ощутила такой же порыв. На нее удар его мощи был направлен в первую очередь, но она все равно осталась стоять, вскинув голову. Возвращая ему прямой насмешливый взгляд.

А ведь у нее почти получилось! Она смогла, почти добралась до границы, но в планы Адергайна не входило ее отпускать. Не сейчас, когда он был настолько близок к своей цели, но на его истинную цель Тэйрен было плевать. Все, что ее волновало, тот, кто ее волновал — единственное дорогое ей существо во всем мире, тот, кто даже не знал ее, а по словам своего отца наверняка ненавидел — ее сын.

Она совершила много ошибок, в частности, сначала поверив Фергану. Поверив в искренность его чувств и желание быть с ней, которое сломалось о волю общественного мнения так же быстро, как хрупкая соломинка под нажимом пальцев. Второй раз — поверив, что он ее защитит, если она примет удар на себя. Ее черная страсть была как нельзя кстати, прислуга видела ее приступы, а защитить того, кого

любишь, казалось таким правильным и простым. Правильным тогда казалось сбежать, оставив ему своего сына.

Которого она почти не помнила — в памяти остались лишь обрывки прикосновений, улыбка и крохотные пальцы, которые она сжимала в ладони. Давно Тэйрен не позволяла себе вспоминать, а когда позволила вспомнить... позволила после всего, что увидела, после всего, что случилось потом: ее сын точно так же стал заложником Фергана и его амбиций, как в свое время она.

Правду говорят, что между темными и светлыми разница лишь в цвете магии.

Может быть, у них не бывает черной страсти, но тьмы в них хоть отбавляй. Собирай, сцеживай, сохраняй на память и показывай как пример того, что никогда нельзя остаться у власти, не замавав рук.

Именно в тот момент она поняла, что должна бежать. Должна оказаться рядом с ним, должна предупредить. И ведь ей почти удалось уйти, она запутывала следы так, что даже Адергайну не под силу было ее почувствовать. Даже тому, с кем кровная связь сильнее любых заклинаний. Она сделала для этого все, используя магию и переходы Загранья, почти растратив ресурс, вложив в это все силы. В Загранье стираются любые следы, и она была у самой границы, когда ее настиг он.

В Мертвых землях его боялись немногим меньше, чем ее брата, правой рукой которого он был.

Личная ищейка Адергайна Ниихтарна, его следопыт. Судья, палач и исполнитель, среди темной аристократии по его поводу даже ходила черная шутка. Если за тобой пришел призрачный мясник, ты еще можешь выжить. Если Хааргрэн Файтхард — нет.

Сейчас он стоял за ее спиной, в какой-то паре шагов, но его близость Тэйрен ощущала всей кожей. Ненависть к нему была столь же сильной, сколь и к восседавшему на троне брату, решившему наказать непокорную сестру при всех. В том, что Адергайн стал все чаще собирать вассалов и аристократию, готовую ради него на все, тоже был знак скорого исполнения его планов. В том, что он решил выдернуть ее на показательную порку — тоже.

Он мог все решить между ними: мог, но не стал, и Тэйрен сложила руки на груди, чувствуя, что ее начинает потряхивать. Показать, что для его власти не имеет значения, кто провинившийся —

именно этого сейчас добивался Адергайн, и это рождало в ней еще большую ярость.

Ярость и знание, что даже несмотря на столько потерянных лет, за своего сына она готова бороться. С Ферганом и с ним.

Пламя мерцающих серебром стен бликами играло в глазах брата, и сейчас становилось уже непонятно, это предвестники зарождающейся магии или дань обстановке. Высокие замковые стены, мрачные витражи окон и гобелены, тщетно пытающиеся защищать камень от холодов и смерти, давили с его взглядом все сильнее.

Сильнее, сильнее и сильнее, но Тэйрен продолжала смотреть на него в упор. Не опуская головы и не отводя глаз. За их поединком следили все, и она не без удовольствия отмечала, как ярости в Адергайне становится больше. Она нарастала подобно лавине в горах, лишала его привычной властительной снисходительности. Молчание в ответ на его вопрос само собой было дерзостью и неповиновением, и Тэйрен видела, что несмотря на страх перед братом, взгляды темных аристократов покалывают плечи и спину, тянутся к ней.

Она так увлеклась этим молчаливым противостоянием, что не сразу поняла смысл донесшихся из-за спины слов:

— Отдайте ее мне.

По залу прокатился рокот слившегося воедино вздоха сотен голосов, она разъяренно обернулась, чтобы понять, кто осмелился на такое... Но тут даже понимать было нечего. Хааргрэн Файтхард стоял, глядя поверх ее головы, как будто она не была сестрой верховного эрда Мертвых земель. Стоял и смотрел на ее брата, выпрашивая ее, как... как кого? Какую-то служанку? В подарок? Или в награду за труды?

Высокий — ростом с ее брата, с чешуей, взбиравшейся по верхней половине лица, как маска, и застывшей над головой наростами игл, как боевой шлем, с широкими плечами, на которых одежда с черным запахом плаща казалась лишней, потому что броня чешуи с двух сторон сползала по шее к ключицам. От нее расходились черное плетение узоров, спрятанное под походным камзолом. Такая внешность досталась ему после оборота, который Хааргрэн собирался совершить в детстве. Забавы ради его старший брат набросил на него заклинание, прервавшее оборот, и магия, замкнувшись в теле ребенка, навсегда оставила его полудраконом без возможности вернуться к привычной внешности или совершить оборот полностью.

И вот сейчас это... этот! Перевел взгляд на нее и посмотрел на Тэйрен как на какую-то вещь!

От ярости потемнело перед глазами, и это сломало хлесткое дуэльное напряжение между Адергайном и ней. Потому что предложение ищейки было еще большей дерзостью, если не сказать оскорблением. Любого другого ее брат размазал бы за такое, обратил прахом на месте, но сейчас он лишь приподнял бровь, уголок его губ изогнулся в усмешке, когда он понял, насколько это ее задело.

Очередная ошибка, запоздало поняла Тэйрен.

Но исправить уже ничего не смогла.

— Просишь мою сестру, Хаар? Зачем она тебе? — Адергайн поднялся.

Черный, светящийся серебром трон, мгновенно «остыл», словно впитав всю тьму со всех уголков этого зала. Которой, несмотря на название, здесь было бесконечно много.

Верховный эрд спустился к ним по ступенькам и остановился в двух шагах от нее. Теперь Тэйрен ощущала всей кожей еще и его, и, зажата между двух мужчин словно в тиски, на миг почувствовала себя добычей обитающих в Мертвых землях хищных тварей.

— Это даже не смешно! — выплюнула Тэйрен. Резко развернулась, собираясь уйти, но на плечо тяжело легла рука брата.

— Я тебя не отпускал, Тэя, — в ледяном голосе слышалось едва уловимое рычание. Адергайн снова перевел взгляд на Хааргрена, и тот ответил:

— Буду учить ее почтению, раз уж ни на что другое она не пригодна.

После этих слов в зале повисла такая тишина, что ее можно было резать ножом. Тишина, которую Адергайн разрядил коротким смешком:

— Да, пожалуй. Забирай. — Он толкнул Тэйрен прямо в покрытые чешуей руки, и зал взорвался выдохом облегчения и смешками.

Они смеялись над ней! Над... над кровью, над сестрой верховного эрда! А он...

— Позволишь смеяться над собой? — рванувшись из рук Хааргрена, выплюнула она в спину уже успевшему развернуться брату. — Это над тобой они смеются, когда смеются надо мной! В этом наше

основное отличие, потому что я никогда никому не позволю издеваться над моим сыном и использовать его в своих планах. Даже тебе!

Адергайн обернулся, и серебро сияния вздрогнуло, заколебавшись штормовыми волнами. Вместе с ним, казалось, вздрогнул весь зал и все присутствующие, которым разом расхотелось смеяться. Велиферты разве что со стенами не слились, вцепившись в свои тленные алебарды, а Адергайн, вперив в нее почерневший взгляд, произнес:

— Пожалуй, обучение стоит начать прямо сейчас, Хаар. — Его слова крошились как камень под ударами тлена. — Накажи ее. Прямо здесь.

Тэйрен задохнулась от прозвучавшей в словах брата жестокости. Нет, она давно не тешила себя мыслью, что значит для Адергайна хотя бы что-то, но ведь что-то же должна была значить ее кровь! Она, родись она тоже мальчишкой, была бы наравне с ним во всем, претендовала бы на престол! Но то, что природа позабавилась, сделав ее женщиной, очевидно, решало все. Потому что по залу снова пронесся гул смешавшихся воедино голосов, но ни от кого из присутствующих, ни в ком из них Тэйрен не ощущала даже минимальной поддержки. Скорее — диковатое возбуждение близостью интересного зрелища и настороженность: как двигаться и что говорить, чтобы не оказаться на ее месте? Никогда не оказаться на ее месте.

В руках Хааргрена она была как в оковах, открывать портал было бессмысленно. Еще бессмысленнее было пытаться ударить его заклинанием: на таком расстоянии любой рикошет вопьется в тело с невыносимой силой, ударив отдачей по ней едва ли не сильнее, чем по нему. Поэтому все, что ей оставалось, это прошептать:

— Пусти меня! Отпусти немедленно! — вложив в голос всю свою ненависть и все презрение, которое носила в себе с самого детства.

Она помнила, как Хааргрэн впервые появился в их замке: его отец, решив, что такой уродец ему в доме не нужен, хотел от него избавиться, но так получилось, что свидетелем этого стал Адергайн. Он выпросил у Верховного эрда, их отца, Хааргрена как новую для себя игрушку. Тэйрен помнила, что когда озлобленный, яростный и полудикий недодраконенок впервые появился в их замке, она пришла познакомиться с ним. Пришла, а еще притащила самое вкусное, сладости, которые очень любила сама. В ответ Хааргрэн швырнул в нее подносом и велел убираться, и никогда больше не приближаться к

нему. Тогда он рисковал тем, что отец вполне мог бы свернуть ему шею, но Тэйрен не пошла жаловаться. А Адергайн незаметно увлекался своей игрушкой все больше и больше, и вот уже Хааргрэн мог появляться на встречах наравне с остальными детьми аристократов.

Отец находил это забавным и не противился, Адергайну никто из его друзей перечить не мог, а Хааргрэн готов был за него перегрызть глотку любому. Любому, кто косо посмотрит или попытается сделать против него хотя бы что-то. Детские игры жестоки, особенно если это детские игры темных, и временами зазнавшихся аристократов выносили с переломанными носами, в мясо разбитыми лицами или полупридушенными заклинаниями, которые Хааргрэн впитывал на занятиях вместе с ее братом. Все жалобы от их родителей отец отклонял: по рождению Хааргрэн тоже был аристократом, к тому же, если в Мертвых землях кто-то не мог за себя постоять, это считалось признаком слабости. Тэйрен же ненавидела его с каждым днем все сильнее. Во-первых, потому что он неизменно считал девчонку ниже себя и не стеснялся это показывать презрительными ухмылками, во-вторых, потому что он стал гораздо ближе к Адергайну, чем она. Его сестра-близнец.

Тэйрен больше не пыталась принять того, кого принял ее брат, а все насмешки возвращала вдвойне. Била как можно больнее, присутствия других не стеснялась, и вот, похоже, настала его пора.

Сейчас, когда на глазах у всех родной брат приказал ее наказать. Потому что в ответ на ее рывок покрытые чешуей ладони сомкнулись еще сильнее. Впиваясь в запястья, жала нежную кожу. Она не успела даже вздохнуть, когда ее толкнули к зубом вспоровшему зал каменному выступу, впечатав всем телом в его жесткую шершавую поверхность, а после — банально через него перегнув.

Осознав, что он собирается делать, Тэйрен забилась в жестком захвате, но вырваться из него не представлялось возможным. Во-первых, пока одна ладонь давила на талию, вторая давила на шею. Сломать которую Хааргрэн мог, лишь надавив посильнее — и позволив камню врезаться в хрупкое горло. Опасная щекотка тлена, избавляющая ее от одежды, сопровождалась шипением, и это сейчас было единственным звуком, который разносился по замершему в молчании залу.

Несколько мгновений — и она уже была полностью обнажена, но что самое ужасное, древний инстинкт темных: ярость, боль и злость, катализаторы возбуждения, сработали именно так, как веками работала черная страсть. Темная магия со временем выжигает чувства, а когда входит в полную силу, остается лишь даруемое ей могущество, и только через него они могут получать наслаждение. Через него и через физический контакт, становящийся с каждым разом все более и более жестким, поскольку только так тело темного способно дать отклик.

Вот и сейчас, сквозь ненависть и звенящее рваным пульсом в ушах унижение Тэйрен чувствовала накатившую в низ живота горячую тянущую пустоту. Которую немедленно хотелось заполнить мужчиной, пусть даже самым ненавистным из всех, и это отразилось сжавшимися в комки сосками, ощутившими каждую точку прикосновения к холодному шершавому камню, и запахом.

Даже сама она почувствовала, как изменяется ее тело, готовое принимать мужчину, хотя у нее давно никого не было. Возможно, все дело было в этом. В том, что она слишком давно не была ни с кем, не подпускала к себе никого, хотя прислужники вились вокруг нее в замке брата, готовые на все.

Еще одна ошибка!

Позволяй она себе секс регулярно, сейчас не сжимала бы зубы, пытаясь справиться с унизительно-предательской дрожью от скольжения чешуйчатой ладони по обнаженной спине.

— Ты так сладко пахнешь, Тэйрен, — насмешливо произнес Хааргрэн, полоснув привычным пренебрежением. — Что даже не представляю, будет ли это для тебя наказанием.

— Не принимай на свой счет, — распластанная по камню, она все же нашла в себе силы обернуться и посмотреть ему в глаза. — Я просто слишком давно не трахалась.

По недоизмененному лицу прошла странная судорога, будто ее словам все же удалось достичь какого-то дна его сущности, хотя на самом деле это была очередная насмешка. А в следующий миг щелкнула пряжка ремня, и тело взорвалось не то болью, не то удовольствием, безграничной наполненностью, словно порвавшей ее на две части и заставляющей чувствовать себя в эти острые унизительные мгновения бесконечно живой.

Даже побег к Сезару не был для нее таким ярким, как это животное, бесстыдное, показательное совокупление, призванное заставить ее почувствовать себя ничтожной и маленькой. Тэйрен вцепилась в ледяной камень, как в какую-то последнюю границу, способную удержать, не позволить сорваться в черную пропасть, за которой перестанет быть важным абсолютно все.

Она цеплялась за те крохи сознания, в которых еще верила, что сможет изменить свою жизнь. Свою суть. Что имя Орина Фаррей для нее станет началом новой жизни, что любовь к светлому дракону позволит ей удержаться на краю. Не позволила, и сейчас, с каждым движением бедер, причиняющим в равной степени боль и звериное наслаждение, Тэйрен снова и снова теряла себя, растворяясь в природной тьме, которая стала неотъемлемой ее частью.

И даже когда все закончилось, когда он, нажав на определенные точки на ее теле, не позволил ей кончить, она продолжала дрожать от этой черной жажды, заполняющей все ее существо. С ненавистью смотрела на него: стянув полы наброшенного на плечи плаща до треска, а потом швырнув одежду ему в лицо, Тэйрен расхохоталась. В лицо ему, в лицо брату, в лица всем присутствующим, свидетелям того дня, когда она перестала быть сестрой Верховного эрда.

— Чтобы при дворе ее я больше не видел, — глядя на нее сверху вниз, произнес Адергайн. — Но если вдруг она перейдет границу светлых, ответишь ты. Головой.

Он развернулся к трону, давая понять, что представление окончено, а в следующий миг портал и рывок Хааргрена уже перенес Тэйрен в его владения. В один из бесконечных каменных коридоров, наполненных холодом и темнотой, а комната, в которую он втолкнул Тэйрен, напоминала спальню с той лишь разницей, что была украшена цепями: у стен, на потолке, над кроватью.

— Вижу, ты основательно подготовился, — снова хохотнула она, а потом плюнула ему в лицо.

Хааргрэн не успел увернуться, вытер скулу тыльной стороной ладони и подтащил Тэйрен к кровати. Запечатав ее руки в браслеты, отступил, холодно произнес:

— Побудешь здесь так, пока не остынешь, — и направился к двери, оставляя ее одну, с ноющим от страсти, дрожащим от напряжения, так и не получившим разрядки телом. Полностью

обнаженную, с заведенными над головой руками, которые из-за расположения цепей ни сдвинуть, ни опустить не получится.

Не получится даже прикоснуться к себе! Не получится использовать магию, чтобы освободиться: браслеты были из ювелирского металла, дополненные мощной рунической вязью. Это Тэйрен поняла, запрокинув голову, и зашипела сквозь зубы.

От бессилия.

От отчаяния.

Потому что она не только не помогла сыну, но еще и лишилась свободы. Относительной, но все же свободы.

— Я убью тебя, — процедила она ему в спину. — Я убью сначала тебя, а потом его.

Хааргрэн остановился. Обернулся. Посмотрел на нее долгим взглядом сквозь прорези полумаски-чешуи.

— Возможно, — ответил он безразлично. — Только не ошибись с порядком убийств, Тэйрен.

После чего развернулся и вышел за дверь.

Глава 6

Лена

— Все. Это было последнее, — я вздохнула и сдвинула магический лист в сторону, погасив виритту.

Валентайн, сидевший за столом, перевел на меня взгляд.

— Расстроилась?

— Нет, — соврала я.

Он покачал головой.

— Ну ладно. Немного.

В семейных архивах (документации Эвиль и Симеона Ларо) было много всего, но ничего такого, что могло бы хотя бы навести на мысль, что, откуда и как. Никаких личных заметок, дневников или хотя бы малейшего намека на то, как мы с Ленор можем уживаться в одном теле, почему на ней оказалась сеть Грихмира, и как я, шмякнувшись в ее тело, не выдавила ее сразу, даже если она осталась жива. Либо как она не выдавила меня, как нам вообще удастся сосуществовать в одном теле — ведь прошел уже почти год. По словам Валентайна, одна из нас должна была уже взять верх, точнее, должна была взять верх сразу же, а вторая исчезнуть без следа, но я и тут выпендрилась. И — никаких объяснений этому! Честно говоря, я бы тоже не стала хранить такое в семейном архиве, но, просматривая документ за документом, все же надеялась.

Надеялась на то, что вот в следующем обязательно что-то найду, и, когда не находила, испытывала жуткое, холодящее разочарование. Именно разочарование, потому что по договоренности с Валентайном я снова носила браслеты. Металлические обереги не только справлялись с темной магией, которая во мне росла не по дням, а по часам (Валентайн «проверял» меня каждый день), но и защищали от любой магической атаки.

На таких условиях я снова смогла ходить порталами, а браслеты он создал новые, более тонкие, на которые лично нанес мощную руническую вязь. В общем, пришлось смириться с новыми аксессуарами и подбирать себе образы в соответствии с ними. Но так, по крайней мере, было спокойно и мне, и ему.

Для меня в домашнем кабинете Валентайна появился диван, чтобы я могла работать вместе с ним над поисками по ситуации с Ленор, на котором я сейчас и сидела, поджав ноги.

— Это не последняя наша возможность, Лена, — Валентайн поднялся, подошел ко мне, сел рядом.

— Не последняя? А какая есть еще?

— Еще есть вариант поговорить с Ленор. Через твое подсознание. Возможно, я что-то почувствую или что-то уловлю при непосредственном взаимодействии с ней...

— Нет, — поспешно сказала я.

— Нет?

— Не хочу больше чувствовать ее в себе, пока не найду способ, пока точно не буду знать, что это разрешимо. Ты представляешь себе, каково это — знать, что у тебя в теле завелась... — я хотела сказать «паразитка», но вовремя себя одернула. — Другая личность.

— Не представляю и не хочу представлять. Но ваш феномен поистине уникален, — Валентайн коснулся моей щеки, погладил.

— Еще немного — и я решу, что тебе это нравится!

Валентайн хмыкнул.

— Нет, мне это не нравится. Иначе бы я не проводил столько времени, изучая архивную документацию Ларо. Но при всем при этом я не могу не признать, что для науки и для мира в целом вы представляете небывалый исследовательский интерес.

— Да, если бы я жила в своем мире, меня бы уже посадили в лабораторию и изучали.

— Если бы кто-то узнал об этом в нашем мире, можешь мне поверить, тоже. Хорошо, что об этом знаю только я.

Я мысленно икнула. Потом перевела взгляд на насторожившегося Валентайна, который явно это почувствовал.

— Еще Соня, — сказала я.

— Соня знает? — он прищурился.

— Да! Она моя лучшая подруга, и секретов друг от друга у нас нет. Но можешь не волноваться, она никому не скажет.

Валентайн покачал головой.

— Как была безответственной, так и осталась.

— Что? — вскинулась я, подсакивая.

— Да шучу я, — Валентайн дернул меня назад, и я больно приземлилась попой ему на колени. — Я знаю, что вы лучшие подруги, Лена, и я знаю, что ей можно доверять. Но не всегда можно доверять тем, кто рядом. Возможно, рядом с ней появится тот, кому ей захочется довериться, а этот кто-то сочтет твой секрет опасным.

— Ты сейчас про Сезара? — теперь прищурилась я.

— Гипотетически — про любого, кто станет ей достаточно близок, чтобы поделиться секретом, важным для тебя.

— Это потому что ты рассказал мне секрет Сезара? О том, что Эвиль работала над разделением его личности?

— Считаешь, не должен был? — он нахмурился.

— Считаю, что я не побежала рассказывать об этом никому. Даже Соне. Не думаю, что она пойдет говорить об этом с кем-то, кому не будет доверять на сто процентов. Так, как ты доверял мне, когда говорил об этом. Давай пока работать с тем, что есть сейчас, а не с гипотетическими угрозами. — Я положила руки ему на плечи. — И больше не называй меня безответственной. Даже в шутку. Мне это неприятно.

Валентайн закатил глаза, и я стукнула его плечу.

— Не буду, — пообещал он, мягко касаясь губами моих губ.

Я позволила себе поддаться этому поцелую, скользнула в него. Браслеты мягко впились в запястья, когда я коснулась пальцами его шеи в ласкающем жесте. Напоминая о том, что я его. Насколько я его. А он — мой.

— Есть еще один способ, Лена. Способ узнать, что произошло, что сделала Эвиль.

— Какой? — я даже вцепилась пальцами в его плечи от неожиданности.

— Поговорить с твоей матерью напрямую. Во тьме Загранья.

Во тьме Загранья? То есть...

— То есть с ее призраком? — уточнила я. Хотя по коже пробежал холодок даже от самого предположения о том, что можно разговаривать с мертвыми. И вроде я была не робкого десятка, а сама даже изучала возможности вернуть Соню, когда она умерла, но сейчас стало настолько не по себе, насколько вообще возможно.

— Не совсем. Призрак — это неуспокоенная душа, которая бродит по миру. С ними, чисто теоретически, общаться довольно-таки легко.

В этот момент я поняла, что, кажется, не знаю даже половины из того, чем является темная магия. Про призраков у нас разговоры как-то не заходили, не доводилось.

— Почему ты никогда не говорил мне про призраков?

— Потому что не было необходимости, — Валентайн пожал плечами. — Если тебе интересно, я расскажу, но если кратко: ни один призрак по доброй воле не приблизится к темному, потому что он стремится чувствовать себя живым. Рядом с нами же они явственно ощущают себя мертвыми, теми, кто вот-вот отправится в Загранье, по собственной воле или по нашей. Поэтому стараются держаться подальше.

Так, ладно. Краткий экскурс в теорию призраков я еще успею себе устроить, сейчас и так голова пухнет от обилия предэкзаменационной информации, Ленор, а теперь вот и еще архивных документов ее родителей.

— Тогда что такое поговорить во тьме Загранья?

— Это обращение к умершему через тело. Восстановление слепка воспоминаний через соединение с остаточной сутью человека, с его личностью, которой он был.

— Бр-р-р, — я поежилась.

— Да. Это темный ритуал, Лена, и он требует очень глубокого погружения. Мне придется на время подчиниться тому, что бежит по моим венам вместе с кровью, глубинной тьме.

— Давай тогда все-таки с Ленор сначала попробуем, — быстро сказала я. Не хотела, чтобы Валентайн в это окунался: стоило только вспомнить, во что превратилась я... А ведь он почти всю жизнь с этим борется. С самого рождения. Особенно — сейчас, когда темная магия в нем становится все сильнее. Или в нас?

— Ты думаешь, мы усиливаем тьму друг друга? — спросила я.

— Думаю, да.

— Спасибо, что не солгал.

— Но еще я думаю, что мы усиливаем друг друга в принципе. Поэтому логично и закономерно предположить, что каждая из наших сторон набирает мощь. Конкретно темная магия тут ни при чем.

Вздохнуть бы уже! С облегчением. Но похоже, что покой мне только снится. Хотя, в последнее время он мне даже и не снится уже. Спасибо, что не снится Ленор. Пока.

Кстати, о ней.

— Дай мне время сдать экзамены, — и время подготовиться к очередному разговору с этой занозой в заднице. Кстати, до Ленор я ни разу не представляла, что чувствует тот, у кого в ягодичной мышце застряла острая колючая щепка. Теперь весь спектр этих ощущений был мне доступен, на ментальном плане. Но все-таки. — И потом попробуем вместе, или ты попробуешь поговорить с Ленор. Прощупать ее. Может быть, пойдем все без похода в Загранье.

— Мне бы тоже очень этого хотелось, — Валентайн огладил ладонью мое плечо, разом вызвав совершенно иной спектр ощущений. — Но если потребуется, я пойду и в Загранье. Ради тебя я пойду куда угодно, Лена.

В сочетании с его словами прикосновения вызывали целый мурашечный каскад. Ведь зарекалась же надевать платье с открытыми плечами! Но лето началось такой жарой, что впору вообще безо всего ходить. А еще, если так подумать, это мое первое лето в Даррании. Мое первое совместное лето с этим невероятным мужчиной.

— О чем задумалась? — Валентайн положил подбородок мне на плечо.

— Тебе бы понравилось. Там присутствовали слова «невероятный мужчина» и ты.

— Да. Ты права. Мне действительно нравится, — он развернул меня лицом к себе, и мне пришлось развести бедра и сесть поудобнее.

Его взгляд плавил мой, раньше я даже не представляла, что кто-то будет смотреть на меня так. Так, что кожа покрывается мурашками в несколько слоев, а все внутри стягивается пружинкой чувственного предвкушения.

Кажется, мне пора пойти дальше. В смысле, вернуть то, чего я лишилась по милости Ленор, после ее ночи с Люцианом. И я подалась вперед, целуя его и расстегивая рубашку. По случаю жары он даже не стал как обычно запаковываться в костюм и жилет, поэтому спустя мгновение мои пальцы уже скользили по его груди, повторяя рельеф мышц.

— А как же подготовка к экзаменам? — спросил Валентайн. Его голос упал на несколько октав, становясь как горячий ветер, играющий песком, но даже эти нотки не скрыли сарказма. При малейшей попытке близости я действительно отговаривалась подготовкой к экзаменам,

сбегала в учебники или к Соне позаниматься (Драконов даже не возражал, чтобы мы учились у него дома).

— Не знала, что ты такой злопамятный, — заметила я, продолжая скользить ладонями по его животу вверх-вниз. — Но если тебя именно это интересует, к экзаменам я уже готова. Первый завтра, и все равно все, что я знаю, уже в моей голове. А знаешь, что еще в моей голове?

— Не сейчас, — он уже расстегивал мое платье. — Так что могу только догадываться.

Я глубоко вздохнула, когда Валентайн освободил мою грудь и накрыл ее ладонями. Сначала мягко, а потом чувствительно стянул пальцами соски, оттягивая их. В отместку я дразнящим движением коснулась весьма ощутимой выпуклости на его брюках и тут же убрала руку.

— Издеваешься? — глухо переспросил он.

— Играю, — хихикнула я. И вызывающе поерзала, прижимаясь к нему разведенными бедрами.

— Ну знаешь ли! Нашла себе игрушку, — наигранно-хрипло возмутился Валентайн. В смысле, возмутился наигранно, а вот от хрипотцы в его голосе кожа словно превратилась в оголенный нерв, поэтому от мягкого нажима его пальцев я сдавленно застонала.

Потянулась к пряжке ремня, расстегивая брюки. Что было достаточно сложно делать, когда твоя грудь превратилась в источник чувственного удовольствия, а пальцы дрожат от предвкушения продолжения. Валентайну явно нравилось видеть меня такой, потому что когда в его потемневших глазах отразилась взъерошенная, интимно-откровенная я, меня окончательно повело.

Я даже дернулась, прикоснувшись к его обнаженному напряженному желанию пальцами, словно эта ласка обожгла меня так же сильно, как его. Валентайн потянул меня на себя, вжимая телом в тело, и моя ладонь между нашими телами сомкнулась на твердом стволе.

— Ле-е-е-ена, — хрипло выдохнул он. — Что ты со мной делаешь, Лена...

— В данный момент или вообще?

Валентайн так сверкнул глазами, что я на миг представила себя опрокинутой кверху попой прямо на этот диван и взятой с такой интенсивностью, что потом неделю ходить не смогу. Эта картинка

настолько ярко полыхнула в моем сознании, что я даже на миг зажмурилась. Еще сильнее зажмурилась, когда услышала:

— Мы обязательно это как-нибудь реализуем.

— Ты! — ахнула я, ударив его ладонью в грудь, и Валентайн рассмеялся. Так низко, бархатно и глубоко, что его смех ударил в меня животной вибрацией.

— Не смей подсматривать! — тем не менее выдохнула я, открывая глаза. — Особенно в такие моменты.

— Ты сама показала мне это.

— Уверен?

— Уверен, — его ладони легли на мои бедра, прямо поверх платья. Потом скользнули между ними, испепеляя белье.

— С тебя трусы, Валентайн Альгор, — не удержалась я.

— Да хоть десять.

Дольше мы бы оба не выдержали, поэтому я приподнялась и плавно опустилась на него. Чувствуя, как он заполняет меня собой, растягивая, даря томительное наслаждение первого проникновения, острое и ни с чем не сравнимое.

И каждое движение только добавляло ощущений в этот бесконечный чувственный коктейль, сплавляя нас воедино и размыкая, как электрические контакты. Его ладони, скользящие по моей спине и ягодицам, повторяющие линию позвоночника и углы лопаток, словно играли на мне, как на каком-то диковинном музыкальном инструменте, настраивая для особой тонкости звучания.

Нашего общего звучания.

Которое было и громким, и тихим, и молчаливым, и идущим на выдохе из самой глубины меня и его. И миг, когда наслаждение стало невыносимым, а следом и общим, и пульсация, и сладкие волны настолько затянули нас друг в друга, что вспышки перед глазами и в самом низу живота, заставлявшие кричать, ощущались, как наши общие.

В себя я пришла, лежа на его груди на диване, понимая, что проклятие Ленор снято. Этот мир снова стянулся до нас двоих, и нами же раскрылся. И это было прекрасно.

Глава 7

— Какого именно дня зимы Отторган Великий стал первым тэрн-архом Даррании?

— Двести восьмого, — без запинки ответила я. — Должен был стать двести седьмого, но у его дочери, тэрн-ари Лации внезапно начались роды, и тэрн-арх перенес коронацию на день, чтобы присутствовать при рождении внука. Родилась внучка, и, так как тогда еще не умели определять пол ребенка магически...

— Хорошо, хорошо, — ворчливо произнес магистр Оллихард. — Что стало причиной размолвки первого тэрн-арха с его семьей?

Вообще-то в программу это не входило, но я подготовилась. Я готовилась по всем фронтам, памятуя о том, как магистры относятся к девушкам с темной магией и браслетами Валентайна Альгора. Правда, сейчас все изменилось к лучшему. То ли благодаря тому, что стала известна правда о моих родителях, то ли благодаря тому, что после случившегося с Лэйтором все действительно осознали, насколько им нужен Валентайн.

Как бы там ни было, первые магические экзамены, за которые я так переживала, проходили для меня на фоне всего остального как обычные. Я просто приходила и сдавала, и не случилось ничего из ряда вон: по сути, все было очень похоже на экзамены в нашем мире, только с магией. А поскольку я предпочла сосредоточиться именно на учебе, чтобы не циклиться на Ленор хотя бы во время сессии, все и получалось очень легко. Магистры даже не сильно гоняли меня, хотя я предполагала, что благодаря моей темной магии мне могут и баллы занижать, и все такое. Нет.

Разве что вот магистр Оллихард отличился, но для него у меня тоже были ответы.

— Причиной размолвки первого тэрн-арха Даррании с его семьей стала Эттиана Эзалийская. Будучи примерным семьянином, он увлекся драконессой, младшей дочерью своего советника, как и она им. Эттиана стала его любовницей, а впоследствии и фавориткой, на попытки семьи от нее отречься Оттарган отреагировал очень жестко, и родители мгновенно приняли драконессу обратно под крыло семьи.

Стоит отметить, что со временем и семья Оттаргана приняла этот факт, и даже его жена смирилась с тем, что у супруга появилась Эттиана. Впоследствии она заняла место своего отца рядом с ним и помогла в проведении очень важных для Даррании реформ, которые помогли укрепить раздвинувшиеся во время правления Оттаргана границы с Мертвыми землями. В частности, это была армейская реформа. Для первого тэрн-арха Эттиана была очень важна, и в день ее смерти он приказал спустить все флаги. Также при нем началось строительство Эзалийской набережной, но до завершения строительства первый тэрн-арх уже не дожил. Он завещал упокоить его магический прах рядом с возлюбленной, и, что примечательно, в день его смерти тоже шел сильный снег, как и в день его коронации. Говорили, что в тот первый день Тамея рыдала от счастья, а сейчас плачет от горя, и слезы ее превращаются в снег.

— Дайте вашу виригту, — почему-то недовольно произнес магистр Оллихард, и я протянула руку с браслетом, искренне радуясь тому, что последний экзамен сдан.

Последний! Экзамен! Сдан!

Ур-ра-а-а... А-а-а...

Моя радость поутихла, когда я увидела, что наковырял этот вредный магистр своим магпером.

Четверку! В смысле, по-нашему «хорошо», а здесь это была такая светящаяся кракозябрина с палочками... в общем, неважно.

— За что?! — возмутилась я.

— Вы назвали Темные земли Мертвыми землями, адептка.

Что?!

— Но ведь их называют и так, и так!

— Адептам настоятельно рекомендуется называть их Темными. И я вам об этом рассказывал! Это дань уважения к Даррании и к светлой магии! — магистр торжествующе посмотрел на меня.

Что я там говорила про непредвзятость?

Сглазила!

— Это не считается ошибкой, — сказала я.

— Хотите поспорить? Или хотите на пересдачу? — прищурился Оллихард.

На пересдачу я точно не хотела. Хотела уже отдыхать! Поэтому только покачала головой.

— Вот и отлично. В таком случае вы свободны, адептка. — Магистр повернулся к притихшей аудитории. — Кто готов следующий?

Я же встала, не забыв пнуть магистра под задницу. Мысленно, разумеется. После чего вышла из аудитории, где меня уже дожидалась Соня. Ей он, кстати, поставил высший балл практически сразу, она даже толком сказать ничего не успела. А еще Соня всегда ходила первой, для нее это было важно. Потом быстро вылезли Клава с Аникатией, которых уже и след простыл, чудом не сбив попытавшуюся встать меня, побежала к магистру Лика, с таким рвением, будто там выдавали новый приятный характер.

В результате я сдавала пятой, и на мне у магистра Оллихарда, видимо, закончились высшие баллы.

— Отстрелялась? — радостно спросила Соня.

— Угу. На четверочку.

— Почему?!

— Потому что у меня темная магия, — буркнула я. — А еще я назвала Темные земли Мертвыми и оскорбила Дарранию и одного долбанутого магистра в том числе.

— Забей, — неожиданно сказала Соня, и я приподняла брови. Потому что раньше она точно предложила бы мне оспорить, но, видимо, не сегодня. Да и если честно, мне ничего оспаривать не хотелось, мне от его оценки не горячо и не холодно. Историю я от этого хуже знать не стану, на улицу меня Валентайн не выгонит и даже в угол не поставит. Хотя в углу было бы прикольно, наверное... особенно если бы потом меня еще и выпороли.

Сначала ко мне пришла мысль. Потом я ее осознала. Потом осознала, что у меня полыхают щеки, а дальше — еще и низ живота. Поперхнувшись такими осознаниями, я закашлялась, а Соня похлопала меня по спине.

— Меня отмечать позвали, — сказала она. — Клава. Помириться хочет.

Конечно, хочет. Соня ж теперь будущая жена Сезара.

— Но я ее послала. Так что пойдём отмечать с тобой. Можем еще Макса с Ярдом позвать, ты как?

— Я за, — радостно отозвалась я.

Стараясь не думать о том, что только что пришло мне в голову. И о том, как на эту мысль отозвалось мое тело.

— А почему меня не позвали? — обиженно спросила Алина, заглянувшая в гостиную. Мы там сидели вчетвером: я, Соня, Ярд и Макс, обсуждали первую успешную сдачу экзаменов (правда, с Ярдом магистр Оллихард тоже вызверился и поставил ему местную тройку).

— Ничего, я его виритту смену пола запущу, — зловредно пообещал друг.

Потому что помимо нелюбви к темной магии, магистр Оллихард был еще и жутким шовинистом, и я мысленно рыдала до слез, представив, как изумится этот вредный старикан, когда вместо седовласого и почтенного виритта утром увидит у себя юную виритту, которая сплет ему фривольную песенку.

Словом, мы отмечаем и обсуждали всякие такие тонкости, когда появилась Алина, и сразу все затихло.

— Мы отмечаем сдачу экзаменов, — заметила Соня. — Поэтому и не позвали. У тебя еще все впереди.

Насколько я поняла, с сестрой Софии она отношения не наладила, потому что ее голос прозвучал крайне сухо. Но тут за Алину вступился Макс:

— Так я тоже еще ничего не сдал. Но меня же вы позвали. Я за то, чтобы она к нам присоединилась.

Алина просияла. В отличие от Сони-Софии, она была светловолосая, с пухлыми губами (натуральными, ибо здесь моду на гилаурон никто не вводил по причине отсутствия Анджелины Джоли). При этом сама Алина чем-то неуловимо напоминала Скарлетт Йохансен в молодости: такая же чувственная, женственная и зеленоглазая. Она не стала дожидаться вердикта остальных, просочилась в гостиную и уселась на диван между Ярдом и Максом, из-за чего парням пришлось «раздвинуться» в разные стороны.

— Значит, вы сдали экзамены! Поздравляю, — произнесла она и тут же переключилась на Макса: — Я так рада, что с твоих родителей сняли все обвинения! И вся эта история с Хитаром... это было ужасно! Не представляю, чтобы я делала на твоём месте. Но сейчас, к счастью, все разрешилось.

Соня закатила глаза, и я вопросительно посмотрела на нее. Но она не успела вообще ничего сказать, потому что теперь уже Макс

распустил хвост и, оперевшись на подлокотник, мигом включил обаяние а-ля Люциан Драгон на полную.

— Да, мы с Ленор огребли по полной. Но к счастью, со всем можно справиться, и теперь доброе имя нашей семьи восстановлено.

Алина бросила на меня взгляд, которым могла бы наградить итальянский стул на заказ: м-да, прикольно, но пофиг — и снова переключилась на моего брата.

— Что собираешься делать дальше? Я имею в виду, после поступления в Академию?

— Поедем на Эллейские острова. С ним, — Макс кивнул.

— Ох, как интересно, — Алина недовольно глянула на попивающего джмерг Ярда, который закашлялся. А, судя по ее взгляду, должен был вообще упасть замертво, чтобы на острова Макс поехал с Алиной, а не с ним.

Кажется, я начинала понимать Соню, которая и перебила сестринское:

— Там наверное так красиво...

Словами:

— Хотите еще бьянкада?

Так назывался местный не то фреш, не то лимонад, а как по мне, нечто среднее между первым и вторым из того самого фрукта, который был единственным живым на столе Макса. Вспомнив об этом, я посмотрела на брата:

— Ты прислугу нанял уже?

Он фыркнул:

— Тирина вернулась.

— И все?

— Мне хватит, она пока справляется.

Я вздохнула, а Ярда, собиравшегося было ответить на вопрос Сони:

— Да, можно еще...

Перебила Алина:

— Нет, не думаю, что нам нужен бьянкад. И вообще, что вы как дети, — она окинула насмешливым взглядом столик, на котором стояли угощения. Пиццу здесь было не заказать, по причине того, что ее не делали, роллы, воки и прочий фастфуд в Даррании тоже не водился, поэтому готовил для нашего сборища личный повар

Драконовых. Надо сказать, постарался он на славу, лично я обьяелась самыми разными вкуснющими закусками. Алина же смотрела на это все так, будто и впрямь попала в детский сад.

— Что ты предлагаешь? — оживился Макс.

— Сходить туда, где все по взрослому, — разумеется. — В ресторан!

— Алина! — рявкнула Соня.

— А я согласен, — мигом подскочил Макс. — Что это за праздник? Вы, в конце концов, экзамены сдали. Давайте сейчас...

— Во-первых, — Соня сложила руки на груди, — всех наш праздник устраивал, пока не появилась она. А во-вторых, в любом ресторане нужно заранее заказывать стол, и, Алина, выданной тебе отцом на неделю магии хватит, чтобы отпраздновать там?

Рестораны в Даррании и впрямь были дорогим удовольствием. А еще редким: в таком количестве, как в нашем мире, их не было, от силы четыре на весь Хэвенсград! При этом даже самый простой стоил на уровне элитных мишленовских в нашем мире, поэтому вопрос был очень закономерный.

— Я плачу! — мигом вмешался Макс.

Алина посмотрела на него, как Дарси на Тора. Что касается Сони, она покачала головой:

— Лично я не хочу ни в какой ресторан. Меня все устраивает. Но ты всегда можешь сходить туда одна, Алина.

— Сходим вдвоем? — предложил мой брат. — На следующей неделе?

Алина ахнула и показательно приложила руки к щекам.

— Да! Да, конечно, — она вспорхнула с дивана. — Ладно, я не буду вам больше мешать.

— Я тебе напишу! — крикнул Макс, когда она уже была у дверей.

В ответ девушка обернулась и послала ему воздушный поцелуй.

Меня слегка перекосило, потому что... да потому что это был явный развод на поход в ресторан, и в целом выглядело все так, что Алина счастлива будет приклеиться к Максусу, потому что у него теперь большое наследство и очень громкая история. Теперь у меня вообще создавалось ощущение, что она появилась здесь исключительно ради него, чтобы получить фору перед всеми остальными девчонками в

Академии. Вслух я этого не сказала, потому что при друзьях заводить эту тему было стремно. Зато напонила:

— Тебе на следующей неделе к экзаменам надо готовиться.

— Ой, да подготовлюсь, — отмахнулся Макс. — Буду знать, что к этому вашему старикашке надо подходить с осторожностью.

Я вздохнула. Соня фыркнула:

— Ты, главное Темные земли Мертвыми не называй.

— Это я запомню.

Я перевела взгляд на Соню. Теперь, когда экзамены остались за спиной, ближайшим испытанием для нее станет подготовка к свадьбе. Хотя почему испытанием? Возможно, Люциан прав, и Сезар для нее очень дорог. Даже скорее всего очень дорог, иначе бы она ни за что на такое не согласилась. Поскольку по нашей договоренности мы больше этой темы не касались, я даже не знала, готово ли у нее платье, и все такое. А ведь до свадьбы осталось меньше двух недель!

Меня же после ее свадьбы ждало еще и рассмотрение моего дела по поводу летающих от темной магии адептов-драконов. Да и в целом много всего веселого. Знакомство Валентайна с Ленор, например. Вот уж чего мне меньше всего хотелось, но увы. Отправлять Валентайна в Заграницу из-за собственных мелочных страхов было, по меньшей мере, эгоистично, поэтому я готова была к сеансу их общения. Ну как готова, почти. Перед этим мне предстоял еще один обстоятельный разговор с Ленор.

Что же касается Сони...

— Так я не поняла, бьянкад просить принести или нет? — столкнувшись с моим внимательным взглядом, Соня быстренько перебила мои мысли.

— Нести! — хором сообщили Макс и Ярд, и она прикоснулась к артефакту вызова прислуги.

В очередной раз напомнив мне о том, что все происходящее с этой свадьбой выглядит ну очень странно.

Несколько дней спустя

Люциан Драгон

— Долго еще будешь отдыхать, Златовласка?

Под дружный хохот звон в ушах проходил побыстрее. Но все равно не так быстро, как хотелось бы: отдачей от выстроенного щита

приложило знатно. Не будь стольких прогонов и тренировок на военном факультете, наверное, вообще отправило бы в отключку, но вместе с разочарованием и раздражением пришла еще и здоровая злость. Азарт.

В гарнизоне к нему отнеслись настороженно, особенно по первой. Поначалу сторонились, избегали. Потом, когда поняли, что прикрываться отцом Люциан не намерен, осмелели. Такие вот тренировки проходили обычно сразу после утренних построений, перед завтраком. Чтобы не расслаблялись: ни кальварены, ни тем более те, кто рангом попроще.

На месте выяснилось, что сил и умения создавать боевые и защитные заклинания для отработки просто-напросто маловато. Ни одна сила не сравнится с грамотно выстроенной стратегией, а стратегии у служивших не первый год всяко было побольше, поэтому на землю Люциан летал с завидной регулярностью. Но, надо отдать гарнизону должное, он здесь за короткое время научился тому, чему не научился в Академии за полгода.

Правда, пока все равно недостаточно.

Поднявшись, он сбросил мундир, чувствуя, как разогревается кровь. Здесь, в непосредственной близости от Темных земель, она всегда стыла, как будто граница была лишь видимостью, а тьма, сочащаяся от выцветающего на глазах пейзажа, впитывалась в кожу и кровь, отравляя ее собой.

Тем не менее сейчас ему стало жарко, и подобный жест тут же снова встретили хохотом. Амир и его дружки, в отличие от остальных, его сразу же невзлюбили. Драг его знает почему, эти с первого дня начали к нему цепляться и не упускали случая выставить его идиотом. Пару раз посидев в карцере за то, что становился зачинщиком драки, Люциан понял, что их проще не замечать. По крайней мере, пока он не узнает все их слабые стороны. За их противостоянием следили все, и кальварены, зная об этом, старались не ставить их в магические спарринги или даже на общие тренировки в одну группу.

Все, кроме одного. Кальварен Михт считал, что противостояние в реальной жизни создает наилучшие условия для имитации реального боя. Чем Амир с удовольствием пользовался. Вот и сейчас не преминул заявить:

— Что, жарко стало? Златовласка, тебе себя побережь надо. Ты же у нас нежный дракончик. Смотри, замерзнешь, потом чихать будешь.

— Чихать я хотел на тебя, — сообщил Люциан, разминая пальцы. Для построения боевых плетений требовались не только схемы, но и мобильность кисти. — А тебя с какой радости на нежности с утра потянуло? И так чуть все ладони не стер ночью.

Теперь громыхнули все, кроме Амировых дружков, но тут же замолкли. Вытянулись по струнке под вопль кальварена:

— Лэрд Сайтанхорд! Адорр Драгон! Вы уверены, что вам в гарнизоне, а не в модных домах место? Развели тут девичьи свиристелки! Продолжаем, или я лично вами займусь.

Побагровевший Амир тоже вытянулся по струнке, хотя в его глазах горело желание убивать. Люциан же давно не чувствовал себя настолько бодрым и полным сил. Даже несмотря на то, что магическая отдача — неприятная штука, на таких вот ошибках понимаешь, когда и где допустил прокол. Поэтому сейчас, выстраивая щит, он вплел в заклинание гибкую структуру.

— Лэрд Сайтанхорд! Атака!

На этот раз Амир ударил тройным боевым: напрямую, по заранее рассчитанной траектории, и финальным под ноги. Прямой щит от разрозненных энергий опять просто лопнул бы, отразив нападение, но заодно шибанув и по нему самому, а гибкость позволила на ходу среагировать и перестроить точки усиленных плетений. Первые две атаки щит подтянул, перенаправив в землю, а с третьей... ну, Люциан намеренно не стал делать защиту жесткой, и поле, перехватив магию, срикошетило ей прямо в Амира. Лэрд попытался выстроить свой щит, но недостаточно быстро — тот не успел набрать силу и стать жестким, и дракон улетел прямо в лужу, проехавшись по скользкой после дождя земле.

— На сегодня достаточно, — почему-то недовольно произнес кальварен.

Они были последними в спарринге, и Люциан отвернулся.

Зря.

От Амира ему прилетело боевым заклинанием в спину, которое он почувствовал, но защита, которую успел создать, оказалась тонкой, как пленка. Она не позволила пробить мундир или нанести рану, а вот на землю швырнула с такой силой, что Люциан едва успел выставить

ладони вперед, чтобы не вспахать ее носом и не приобрести экзотическую горбинку.

По рядам пронеслось недовольное ворчание:

— Он же в спину бил, — которое кальварен пресек резким:

— На поле боя тоже нить противнику будете, что он нечестно сражается? — после чего развернулся и покинул полигон раньше, чем кто-то успел что-то сказать.

Мысленно выругавшись, Люциан тряхнул запястьями: они приняли вес тела и сейчас ныли, вряд ли после такого он смог бы достойно продолжать сражение в моменте. Исцеление исцелением, но на него нужно время, мгновения, которых может не быть. Ошибка на ошибке. Драхство!

— Мы почти все так начинали. — Увидев перед своим носом ладонь, Люциан поднял голову. Стоявший рядом адорр улыбался, и он почему-то не стал отталкивать руку. Принял и поднялся.

— Вы не учились на военном, — сказал хмуро. Ладони саднили.

— Ну да, — совершенно не смутившись ответил парень, который помог ему подняться. — Но мы учились на боевых. Там, правда, совершенно другая подготовка, уж точно не такая, как в Академии Драконова на военке — из нее сразу в кальварены или хотя бы в лэарды. Но ты, если не ошибаюсь, тоже его не закончил. Так что все в порядке. Научись.

Не закончил — это слабо сказано. Сбежал с первого же курса. Из-за девчонки.

Первые дни, особенно после отсидок в карцере, после первых неудач и всеобщего безразличия (здесь он был просто адорром, а не тэрн-аром) невыносимо хотелось сбежать обратно. Но Люциан остался. Остался, и с каждым днем убеждался в том, что он все правильно сделал.

Тому, чему учат здесь — не научат нигде.

А еще он увидел самую суть темной магии. В Хэвенсгарде, тем более при дворе о таком не говорят: граница, разделяющая Дарранию и Темные земли, считается нерушимым оплотом. Люциану всегда представлялось, что здесь ничего необычного не увидишь. Не почувствуешь.

Ха.

Не просто так гарнизон поставили именно здесь. Именно на этом самом месте. Он видел бродящих у леса тварей, зыбких, расплывчатых, но смертоносных. Чувствовал, как от самой земли исходит иное течение магии — противоестественное и пугающее, здесь Смерть и Тьма были как никогда сильны. За этими лесами начинались владения и земли темных, здесь граница ближе всего подходила к их замкам, владениям, к самой их сути.

Глядя на это, Люциан чувствовал глухое раздражение, временами — невыносимую накачивающую тоску, способную вытянуть все жизненные силы и желание что-то делать. Не раз и не два он слышал разговоры, что это обычное дело в этих местах. Здесь какая-то особо тонкая грань между светом и тьмой.

Возможно, именно поэтому за гарнизоном располагался только военный городок, а ближайшее поселение — далеко-далеко отсюда. Пожалуй, единственным столь же близким к темным городом, населенным не военными, а простыми жителями, был Харонсвилл.

Вернувшись из собственных мыслей, он обнаружил, что парень все еще смотрит на него, мотнул головой.

— Прости. Задумался.

— Да ладно, — рассмеялся тот. — Когда ты только появился, я думал, ты вообще разговаривать ни с кем не будешь.

Люциан приподнял брови:

— Потому что я тэрн-ар?

— Потому что ты это ты. У тебя такое выражение на лице было...

— Он скривился, умудрившись задрать бровь, приподнять уголок губ и при этом раздуть ноздри.

— Иди ты, — Люциан невольно улыбнулся.

— Да точно. Мы еще обсуждали, ты слизарей наелся или родился таким.

— Больше не обсуждаете?

— Нет, — адорр покачал головой. — Больше нет.

— Это радует. — Люциан кивнул в сторону стен гарнизона. — Пойдем. Завтрак сам себя не сожрет.

— Зато его сожрут другие, если задержимся.

— И я о чем.

Они вместе направились к каменной дорожке, уводящий от полигона к главному корпусу. Массивные стены, каменные,

возносящиеся ввысь, были усилены артефактами, в случае попыток прорыва границы они активировали защиту, которая могла помочь продержаться до прибытия регулярной армии.

— Здесь самое гиблое место, ты знаешь? — поинтересовался парень. Невысокий и светловолосый, он едва доставал Люциану до плеча, но в ширине его плеч чувствовалась сила. А еще в веселом, открытом взгляде, столь нехарактерном для гарнизона. На него будто эта вся тьма не действовала, и Лена была такой же. Темная магия, которой она обладала, не делала ее темнее. Словно внутри нее был какой-то магический свет, погасить который не способен никто.

— Да, слышал, — коротко отозвался он.

— Тебя отец сюда отправил, да? Из-за того, что отказался жениться на Анадоррской?

М-да. Гарнизон гарнизоном, а слухи как при дворе, гуляют толпами.

— Ты прости, если лезу не в свое дело. Просто очень уж загадочное это твое появление.

— Я сам так решил, — коротко отозвался Люциан.

— Сам? То есть не по назначению, а вообще сам?

— Сам, — простота парня подкупала, давно он ни с кем не общался так свободно.

— Удивил, — хмыкнул адорр. После чего снова протянул ему руку: — Я Этан, кстати.

— Люциан.

— Да я уж знаю.

Они вместе расхохотались, а потом Люциан глянул на измазанные в земле брюки.

— Переоденусь, — сообщил Этану, — и приду.

— Давай. Я пока место тебе займу за нашим столом.

До казарм Люциан добирался в приподнятом настроении: во-первых, несмотря на подлянку от Амира, он все-таки его сделал. Во-вторых, ему понравилось общаться с Этаном. Общаться на равных, а не из разряда «ты же тэрн-ар». Ну а в-третьих... в-третьих, он вдруг отчетливо понял: никакая тьма не способна погасить свет, который идет из сердца.

Адорр — самое младшее воинское звание в Даррании

Лэард — следующий ранг

Кальварен — следующий

Гритт — самый высокий, старше только Главнокомандующий

Глава 8

Лена

Свадебные колокола пели красиво. Точнее, не колокола, а огромные чаши, выставленные в башенках Собора. Считалось, что вот эти вот огромные емкости созданы для принятия магии и благодати, которыми Тамея щедро одаривает Дарранию и ее жителей. Звон чем-то был похож на колокольный, потому что в чаши во время всяческих церемоний спускались металлические языки, но помимо них, с помощью магии, вокруг чаш еще парили металлические предметы, тоже ударяющие по ним и создающие невероятно прекрасную музыку. Я, как-то никогда не западавшая по колокольному звону в родном Петербурге, здесь просто залипла, пока мы с Валентайном шли по усыпанной цветами бархатной дорожке к центральному входу в собор Тамеи.

На Алой площади снова собралась толпа: все ждали жениха и невесту, особенно волнительным это событие казалось присутствующим, потому что брак Сезара и Сони станет первым смешанным браком в Даррании. Это будоражило умы присутствующих настолько, что я даже не чувствовала враждебных взглядов, которых, признаться честно, еще как ожидала. Но нет. Мы просто шли в числе множества приглашенных, соблюдая положенное традицией расстояние между гостями. Лица людей сияли счастьем и радостью, они стояли за искрящимися лентами магии, представляющими собой ограждения. Кто-то с букетами, кто-то просто прижимал руки к груди.

Детей отцы сажали на шею, и те сосали леденцы, с любопытством вертелись, чтобы высмотреть все самое интересное. Те, кто пришел без отцов, подпрыгивали, пытаясь пробиться поближе, в первые ряды, дергали матерей за руки. Моя же ладонь слегка дрогнула в руке Валентайна, и он внимательно на меня посмотрел:

— Волнуешься?

— Будоражусь, — ответила я.

Да и как тут не будоражиться. Твоя лучшая подруга выходит замуж за принца-дракона в другом мире. Это даже по отдельности,

если убрать принца-дракона и другой мир звучит волнительно, что уж говорить про общее настроение.

К свадьбе мы с Соней готовились вместе. Точнее, как готовились... я просто сидела рядом, когда вокруг Сони бегали портнихи, потому что у нее особо ничего и не спрашивали. Ей сшили целых три свадебных платья: первое — для церемонии, в котором, собственно, она и должна была появиться сейчас. Невероятно, безумно красивое. Второе — для застолья, и третье — для бала и брачной ночи. На самом деле они все были невероятно красивые, но по-разному.

Все остальные приятные хлопоты, которые, несомненно, коснулись бы нас в Петербурге, здесь вообще не касались. Соня просто знала, что она выходит замуж, но ни оформление, ни праздничные задумки ей вообще не сообщали. С Сезаром она тоже больше не виделась, потому что по местным традициям жениху и невесте полагалось не встречаться до свадьбы, чтобы проверить прочность чувств.

Я была не против такого, потому что Соня как-то быстро собралась замуж. Особенно быстро для той, кто не терпел ни малейшего оскорбления в свою сторону. Ну то есть как... когда я пришла в новую школу после смерти родителей, у Сони уже была лучшая подружка. Какое-то время мы дружили втроем, а потом Ася (видимо, приревновав Соню ко мне) наябедничала на нас учительнице. Рассказала, что Соня дала списать мне домашку. С тех пор с Асей Соня больше не дружила. Я, разумеется тоже, но факт оставался фактом. Соня с самого детства отстаивала свои личные границы и не подпускала к себе никого, кто хотя бы раз не оправдал ее доверие. Неудивительно, что я все-таки снова пристала к ней с вопросами про Сезара — на последней неделе до свадьбы, и она, вздохнув, все-таки ответила:

— Я согласилась за него выйти, потому что он — меньшее зло, — Соня пожала плечами. — Потому что Драконов не успокоится, пока не выдаст меня, то есть свою Софию, замуж достаточно выгодно. Я знаю, чего ждать от Сезара, и знаю, что случившееся больше никогда не повторится. Зачем мне испытывать судьбу и проверять драконовских кандидатов на профпригодность? Он уже приводил одного Андрэ, и мне не понравилось.

— Вариант не выходить замуж ни за кого ты не рассматривала? — уточнила я. — То есть не совсем, а пока ты не встретишь того, кого полюбишь? И кто полюбит тебя?

— Любовь — это не главное. — Соня передернула плечами.

— Раньше ты так не считала.

Подруга наградила меня таким взглядом, что мне захотелось стать гусеницей и окуклиться.

— Я просто волнуюсь! — воскликнула я.

— Мы с тобой оказались в новых обстоятельствах, Лена. В нашем мире, где мы были обычными студентками и просто одними из многих, можно было позволить себе выбирать кого угодно, или делать что угодно нам. Этот мир диктует свои правила. После случившегося Драконов не мог не потребовать от Фергана удовлетворения, и ты это прекрасно понимаешь. Наш брак — это еще и в каком-то смысле залог благополучия между людьми и драконами, удержание баланса. Поверь мне, я делаю это все по своей воле и сама за себя решаю. Никто меня не заставляет.

Это звучало достаточно рационально. Очень похоже на Соню. Валентайн тоже говорил, что Сезар не причинит Соне вреда, и я поняла, что мне придется с этим смириться (с их свадьбой) и в это поверить (в то, что Сезар будет сдувать с Сони пылинки).

— Ладно, — буркнула я. — Принято. Но учти, если с твоей головы по его милости упадет хотя бы один волос, я оторву ему то, чем он собирается делать детей, и тебе придется проверять других кандидатов на профпригодность.

— Не упадет, — философски ответила Соня, и больше мы эту тему не поднимали.

Просто ходили на примерки, наслаждались последними ее незамужними днями, и в эти дни я позволяла себе полностью отключаться. От того, что где-то там во мне сидит Ленор (которая так и не появлялась). Я предприняла попытку с ней связаться второй раз, но она не откликнулась, и я попросила у Валентайна отсрочку до свадьбы Сони.

— Я просто хочу немного побыть собой, — произнесла я. — Настоящей собой. Эта свадьба важна для меня чуть ли не больше, чем для самой Сони. Я всегда представляла, как буду помогать ей

готовиться, вместе с ней ходить на примерки, помогать выбирать шарики и салфетки.

Шарики и салфетки, мы, правда не выбирали. По понятной причине, но все же проводить эти предсвадебные дни вместе было на удивление светло и уютно. Мы могли часами болтать обо всем — вообще никак со свадьбой не связанном, вспоминать всякие приятные мелочи из детства. Шутить, смеяться, вместе валяться на кровати с едой (чем приводили в ужас горничных Драконова, но нам никто ни слова не говорил), дурачиться и драться подушками.

В такие моменты я и правда забывала о том, что мы в другом мире. Временами выпадала из реальности и переставала думать, что рано или поздно вопрос с Ленор все-таки придется решать. Потому что, какой бы мерзкой она ни была, это и впрямь ее тело. И... мне либо придется его уступить, либо... что?

Я не хотела спрашивать об этом Валентайна. По крайней мере, до Сониной свадьбы.

Я хотела наслаждаться жизнью рядом с лучшей подругой, чувствуя себя собой. Только собой. И я наслаждалась. Вчера вечером меня едва выгнали от нее, и то, я ушла, потому что Соня попросила. По традиции, невеста должна была провести ночь в одиночестве, чтобы проверить себя в последний раз на правильность своего решения и в случае каких-либо сомнений отменить свадьбу.

— Все будет хорошо, — пообещал Валентайн. — Сезар ее любит.

— Любит? — тут же вскинулась я, хотя мы уже поднимались по ступенькам.

Прохладный, просторный зал принял нас в свои объятия светом и красотой. Я так и не побывала в соборе Тамеи раньше, и сейчас ахнула от льющейся сквозь узорные витражи красоты. В лучах солнца искрились пылинки магии, алтарь был украшен цветами, а над ним с благодатной улыбкой возвышалась статуя Тамеи. Раскинув руки, с которых лились бесконечные потоки магии и собирались в металлических чашах. Скамьи для прихожан (а сегодня для гостей) были уже почти заполнены, и, когда мы шли к своим местам, Валентайн еле слышно произнес:

— Черная страсть — обратная сторона любви. Он справится с первым и обретет второе.

Он как-то так глубоко это сказал, что у меня защемило сердце. А в следующий момент мы уже заняли свои места (в первом ряду, рядом с Драконовыми), и я оглянулась. Последние гости вошли следом за нами, тоже устроились на местах. В переполненном зале осталось разве что несколько свободных: не появились Анадоррские, хотя были приглашены. Соня говорила мне об этом, и она же говорила, куда бы она на месте Анадоррских послала приглашающих с таким приглашением.

Тем не менее это был уже не просто отказ. Это была политика и прямой вызов Фергану, чтобы явившиеся на свадьбу драконы не усомнились в дальнейших планах Анадоррских и выбрали свою сторону окончательно.

Остальные драконы, кстати явились.

Все.

Кроме еще одного.

Место Люциана пустовало тоже.

Я глянула на скамью, где должен был сидеть наследно-ненаследный принц, и тут же переключилась на вспышку пространства в двух шагах от нее. Оказывается, место предназначалось не ему одному: из портала вышел...

— Ферган, — пояснил мне Валентайн, когда все гости разом поднялись, и мы вместе с ними. Я бы, наверное, и сама догадалась, потому что у ходячей магической голограммы (человекообразной!) на голове сверкала корона. — Магическая проекция отнимает очень много сил, — тут же добавил мой мужчина. — Поэтому обернувшиеся драконы, даже правители, используют ее крайне редко. Сегодня Ферган будет таким весь день, и это сравнимо по ресурсу с самым изматывающим боем.

Я просто моргала, глядя на развернувшегося к нам тэрн-арха. Ферган был почти точной копией Люциана, с поправкой на возраст. Ну то есть подозреваю, он мог создать себе какую угодно проекцию, но создал соответствующую драконам своего возраста, и, даже несмотря на это, я все равно не могла проморгаться. Ощущение, что на меня смотрел взрослый Люциан усиливалось с каждой минутой, и от этого становилось не по себе. А Ферган еще почему-то пялился на меня, точнее, на нас с Валентайном. Или на меня? К счастью, невесть откуда

появился слуга, который преподнес на подушечке роархан, и Ферган произнес:

— Добро пожаловать, мои дорогие подданные. Сегодня очень важный для меня и для всех нас день: мой старший сын сочетается браком со своей чудесной избранницей.

На словах про избранницу тэрн-арх посмотрел на Драконова, и семейство, включая навязчивую сестрицу Софии, доставшуюся Соне в наследство, склонилось в поклоне или присело в реверансе.

— Для меня большая честь породниться со столь знатным родом и стать, как и должно правителю, первым, кто наравне с сыном поддержит принятый нами совместно закон о смешанных браках.

Сно-о-об.

— Сегодня нас с вами ждет большой праздник, — изрек тэрн-арх. Точнее, роархан его голосом, и развернулся, со всем своим величием опустившись на скамью. Он был в темно-синем, «фирменном» цвете Драгонов, с королевской перевязью, увенчанной массивным знаком отличия тэрн-арха. Ее еще называли печатью дракона, она скрепляла перевязи и предназначалась только для королевской семьи.

Следом за Ферганом опустились все остальные, и, поскольку он, то есть его проекций, единственный прошел порталом, на миг воцарилась звенящая тишина. Чтобы потом укутаться легкой, плывущей по залу музыкой, похожей на органную. Колокола, то есть чаши, затихли за секунду до появления тэрн-арха, и сейчас льющееся в зал звучание было торжественным и возвышенным.

Здесь явно присутствовали виолончель и флейта, и скрипка (местные, здесь они назывались по-другому, хотя были очень похожи), все это усиливала акустика и разносила по залу. Из-за чего особо впечатлительные дамы начали прикладывать к глазам платочки, хотя жених с невестой даже еще не появились. Зато появился проводник Тамеи — так здесь называли священников, в светло-голубой сутане, с головным убором, напоминающим о папе Римском. Митра была золотой со снежными вставками, и все это — в дань пришествию магии зимой и Тамее.

Кстати, именно благодаря Тамее в соборы и храмы драконам-монархам (только тэрн-архам, не их женам, не принцам и не принцессам) дозволялось приходить порталами. Они считались

наместниками Тамеи, владеющими самой большой мощью ее магии, а посему допускались в святая святых прямыми переходами.

Думая об этом, я думала еще и о схожести отца и сына, и о том, что я, возможно, ошиблась. Возможно, скамья изначально предназначалась для Фергана, а Люциана банально не пригласили. Хотя зная Люциана, он мог бы и сам не прийти.

И с чего мне вообще об этом думать?

Двери собора распахнулись, и первым между рядами пошел Сезар. Снова все поднялись, поскольку он был королевской крови, я же вперила в старшего принца пристальный взгляд. Со стороны, наверное, выглядело так, будто я хочу просверлить в нем дыру, на деле же я просто смотрела на того, кто в самом скором времени станет мужем моей лучшей подруги.

Сегодня Сезар был в парадном костюме, темно-синем (ну кто бы сомневался), расшитом богатыми золотыми узорами (и снова дань магии). Девушки сворачивали на него глаза. Подозреваю, могли бы и шеи, но это было неприлично, но я просто видела, как за темноволосым красавцем стелится шлейф женского внимания.

«Причинит боль Соне — убью», — подумалось мне.

А в следующий миг музыка подхватила шагнувшую в собор подругу.

Сказать, что она была прекрасна — значит, ничего не сказать. Роскошное платье: лиф, плотно облегающий ее фигуру, подчеркивал талию и грудь, облака ткани пышной юбки раскрывались длинным шлейфом. Фату в этом мире не придумали, а вот перчатки на Соне были. Прическа и легкий местный макияж, из украшений — серьги, кольцо и тиара, передающаяся из поколения в поколение для невесты тэрн-ара, знаменующая, что она входит в королевскую семью в этот день.

Здесь не было традиции подружек невесты и шаферов, к алтарю не вели и лепестки не разбрасывали, но это было и не нужно. Соня украшала собой этот зал, собой и своим достоинством. Она словно была рождена, чтобы стать женой принца, и на миг меня просто накрыло нереальностью происходящего. На очень краткий миг, потому что Соня действительно достойна всего самого лучшего, и я искренне надеюсь, что это лучшее для нее будет лучшим.

Наверное, будет.

Да.

Я вдруг увидела, как на нее смотрит Сезар. С такой невыносимой нежностью, с таким восхищением, что даже у меня перехватило дыхание. Именно в этот момент я окончательно поверила словам Валентайна. И тому, что все так, как должно быть.

Соня приблизилась к алтарю, встала напротив Сезара, и священнослужитель, широко улыбнувшись, произнес:

— Светлейшие дети Тамеи! Мы с вами собрались здесь сегодня, чтобы в этот светлый еll'entrрыне стать свидетелями того, как рождается светлейший союз между двумя сердцами, наполненными любовью и благословением Дарующей магию. Между Сезаром Драгоном, тэрн-аром, и нэри Софией Драконовой. Да благословит Тамея наш чудесный обряд!

Глава 9

Соня

Если бы Тамея была в курсе, что тут происходит, если бы она вообще существовала, она бы его прокляла. Этот обряд, который должен быть ей же благословлен. Глядя на Сезара, стоявшего напротив нее, Соня испытывала такой невообразимый коктейль чувств, что казалось странным, как она не взрывается, разлетаясь на тысячи мельчайших осколков. Как при этом ей удается оставаться спокойной, хотя роскошное платье кажется слишком тяжелым, а лиф — жестким. Украшения хочется сорвать и швырнуть на пол, а тиара вообще давит на голову, как терновый венец.

Почувствовав, что ее вновь охватывает это дикое чувство, когда кажется, что она вот-вот заорет на весь Собор, когда кажется, что она больше не выдержит, Соня посмотрела на Лену. Она сидела рядом со своим Валентайном, такая красивая и такая счастливая. Тоже смотрела на нее, и, когда их взгляды встретились, Лена подняла большой палец вверх и что-то прошептала.

Соне даже показалось, что она слышит ее слова:

— Ты восхитительна, Драгунова, — и на глаза все-таки навернулись слезы.

Но слезы — это нормально, это ничего. Женихам и невестам положено плакать на свадьбах, а местный макияж точно не потечет.

— Да благословит Тамея наш чудесный обряд, — повторил Сезар своим низким, глубоким голосом, и внутри снова все сжалось.

Когда-то она от него замирала, чувствуя, как мир вокруг перестает существовать, и все звучание сводится только к его словам. Когда он объяснял ей важную теорию магии или помогал с драконьим языком или по любому другому предмету, Соня временами выпадала из всей этой учебы и терялась в его глазах. Терялась в этом звучании. Наверное, это можно было назвать любовью с первого взгляда, потому что глупое сердце вело себя совершенно непристойно и начинало колотиться, как сумасшедшее, стоило Сезару оказаться рядом. Или же, напротив, замирало вместе с ней. Сейчас она тоже замирала, вот

только увы, по-другому, и сердце во всем этом уже не участвовало. Потому что превратилось в мешок с осколками.

Соня почувствовала на себе жесткий пристальный взгляд Драконова и глубоко вздохнула.

— Да благословит Тамея наш чудесный обряд, — эхом отозвалась она.

Священник, или как они тут назывались, просиял. Возвышенно принялся рассказывать о том, что благодать Тамеи снизошла на всех именно зимой, но сохраняется она на все сезоны, и что именно этот светлый день — *ell'entryne*, воскресенье на драконьем, всегда является концентрацией ее магии и света, ее сути. Слова долетали до нее с трудом, как сквозь толщу воды, а вот взгляд Сезара, напротив, был слишком четким, он как клеймо вплавлялся в кожу, жег, как раскаленный металл. Выдерживать его становилось все сложнее, сложнее и сложнее, очень сложно было не сорваться.

Когда эта договоренность со свадьбой только набирала обороты, Соня встретила с ним один-единственный раз: перед помолвкой. Сезар говорил о прощении, но она плохо слушала. Он говорил, что подобное никогда больше не повторится, что он сделает все, чтобы искупить случившееся, а она слушала и кивала. И соглашалась со всем, потому что в ней было то самое зелье, хлебнув которого после случившегося, она чуть было не отправилась в мир иной. В тот самый, откуда уже не возвращаются. По крайней мере, собой.

Мама, несмотря на всю ее деятельную натуру и бизнес-закалку, верила в Бога. Она верила в душу, которая бессмертна, и во множество жизней. Соня не углублялась в ее интересы, но теперь готова была поверить во что угодно. Даррания перевернула ее жизнь с ног на голову, должно быть, сотню раз. И сейчас, когда она только-только снова обретала под ногами твердую землю, нельзя было позволить себе расклеиться.

Нельзя было испортить все, не зря же она через все это прошла.

Подумаешь, выйти замуж. Замужем ничего не изменится. Она просто станет тэрн-ари, женой ненаследного принца на всю оставшуюся жизнь. Но это же все просто декорации, верно?

— ... и увидела Тамея, что в этом мире не хватает любви, и раскрыла благодать свою вместе с магией. И драконы, и люди, впервые коснувшись ее, испытали экстаз, ни с чем не сравнимый, и была она

так сильна, что они не выдерживали и сходили с ума. И Тамея решила, что должно ее сохранить до поры до времени, пока двое не встретятся и не обретут друг друга во свете и в жизни, и замкнула искры любви в сосуды, что зовутся сердцами. И встреча двух сердец ее творению подобна, поскольку через любовь взаимную сердца раскрываются, и сила любви, способная свести с ума одного, на двоих становится счастьем и освещает их путь даже в самые темные дни.

«Очень на это надеюсь, — подумала Соня. — Хотя это не про меня».

Сезар продолжал на нее смотреть, она же смотрела на руки священника, проводника Тамеи. Он постоянно то воздевал их, то шевелил пальцами — кожа была достаточно дряблой, выдавая его возраст. Насколько она поняла, венчать, или как там, принца мог только проводник Тамеи достаточно высокого ранга. А следовательно, солидного возраста, с укутавшей, как снег, волосы сединой, с морщинками в уголках глаз.

— Сезар. — Проводник посмотрел на принца. Потом повернулся к ней. — София. Возьмите друг друга за руки. Этот жест — соединение рук — первый знак того, что вы готовы провести вместе всю жизнь, поддерживая в любом начинании, и даже если кто-то из вас оступится, другой или другая протянет ему руку и не оттолкнет.

Соня подавила нервный смешок: то ли от слов про «оступится», то ли от прикосновения Сезара даже через перчатки тело прошла нервная дрожь. Или не нервная? По коже словно ток побежал, как от удара электричеством дернулось сердце. И все осколки в нем зазвенели, как от хорошенькой встряски в шейкере.

Проводник смотрел на них с такой блаженной улыбкой, словно действительно верил в то, что здесь происходит. Поймав себя на этой циничной мысли, Соня все-таки подняла взгляд на Сезара и ударилась о пламя в его глазах. Он же смотрел на нее, как на нечто самое желанное, и в глубине темной радужки вспыхивали искры. Она едва не попятилась, осознав, чем закончились такие вот взгляды в прошлый раз, но потом вспомнила, зачем она здесь.

«Все закончится, — повторяла она про себя как мантру. — Скоро все закончится, совсем немного еще осталось потерпеть».

— Вот символ вашего обещания друг другу... вашего первого обещания, которое началось с помолвки. — Мужчина коснулся

помолвочного кольца, надетого поверх перчатки. — Сейчас ему надлежит объединить вас, переродиться в призванной магии и стать символом вашего единства на веки вечные.

Проводник повернулся и взял стоящую на алтаре чашу. В лучах льющегося сквозь многочисленные светлые витражи солнца она казалась сотканной из королевской золотой магии. Но истинная магия клубилась внутри нее, а, точнее, за клубилась, стоило мужчине вздеть руки с чашей.

И тут же опустить вниз.

— Лишь с вашего общего согласия, — торжественно продолжал он, — объединится ваша сила. Ваш род отныне станет единым, род драконов и род людей сольется в одно, начиная с этого дня. Но главное — в одно сольется ваша любовь, усилив все, что имеется в вас.

Сезар коснулся пальцами кольца. Как во сне, Соня смотрела, как он снимает его с ее пальца. Снимает, чтобы бросить в чашу, и на глазах у всех присутствующих металл расщепился на атомы, замерцала крошка распыляемого магией камня. Мужчина снова вздел руки, и там в чаше что-то тоненько зазвенело, и точно так же, отзываясь на магический ритуал, что-то тоненько зазвенело в ней. Какая-то натянутая струна.

— Разружьте последнюю преграду между вами, дети Тамеи!

Сезар медленно стянул с нее перчатки, снова сомкнул их руки, и от прикосновения к обнаженной коже у Сони закружилась голова. Проводник опустил чашу, где в магическом потоке мерцало уже не золото и камень, а нечто совершенно иное. Магия запечатления, так называли то, что создается из кольца во время брачного обряда.

— И лишь по согласию общему вашему, оно вас объединит! — голос мужчины вознесся до небывалых высот, странно, что витражи не повывлетали. — Так сообщите же о своем согласии и примите друг друга с этой минуты и до скончания ваших дней.

«Ну вот, так хорошо все начиналось, и на тебе — до скончания дней», — нервную мысль перебил голос Сезара:

— Я принимаю тебя, София Драконова, в свой род и свое сердце. Клянусь быть тебе верным мужем и делить на двоих все, что уготовила нам судьба.

Соня снова взглянула на Лену. Потом — на отца.

— Я принимаю тебя, Сезар Драгон, в свой род и в свое сердце. Клянусь быть тебе верной женой и делить на двоих все, что уготовила нам судьба.

— Да будет так! — воскликнул проводник, и магия из чаши взмыла ввысь.

Разделившись на два потока, хлынула к левому запястью Сезара и ее собственному, окутав браслетом и впитываясь, как на ускоренной перемотке, магической татуировкой в кожу. Запястье полыхало огнем, и Сезар сжимал ее пальцы. На глазах снова выступили слезы, но теперь уже совершенно точно можно было их не бояться: вязь магического запечатления выстраивалась в уникальный брачный рисунок, и это был процесс не из приятных.

Но даже он закончился, и София перевела взгляд на золотом полыхающий на запястье узор.

— Отныне вы супруги, и связь ваша нерушима! — мужчина отставил чашу. — Скрепите ваш союз поцелуем и будьте счастливы, дети Тамеи!

Сезар наклонился, чтобы ее поцеловать, и Соня замерла. Обратилась в камень. Дыхание опалило кожу, от прикосновения губ к губам все внутри перевернулось. Земля все-таки ушла из-под ног, но Сезар подхватил ее на руки и под громкие овации понес к выходу, к дверям, которые для них уже распахнули.

Снаружи их встречала беснующаяся, ликующая толпа. Счастливые лица, цветы, лепестки, смех детей... все это обрушилось густым смазанным фоном, нахлынув волной, стирающей реальность. Соня успела только увидеть над собой бескрайнее голубое небо, без единого облачка. И потеряла сознание.

Люциан Драгон

— Не перетрудишься, Златовласка, — фыркнул проходящий мимо Амир.

Его свита снова издала коллективное хрюканье, но Люциан даже не взглянул в их сторону. Продолжал подтягиваться: чувствуя, как работает, кажется, каждая мышца в теле.

В тренировочном зале было достаточно душно, даже несмотря на то, что все огромные окна были распахнуты настежь, а от камня исходил привычный холод. Тем не менее разогретый летним солнцем

пышущий день дышал жаром, и пот лил в три ручья: сломались магические охладители, а артефактор задерживался. То ли его не торопились вызывать, считая, что лишние сложности закаляют военных, то ли он сам не особо торопился, поскольку на границу с Темными землями особо никто не спешил.

Сейчас Люциан уже отчетливо понимал, почему: вот эта жара, тело плавится, а вот уже в следующий момент меркнет даже солнце, и, кажется, что надежды нет ни на что. Внутри становится темно, и это происходит совершенно произвольно. Он был драконом, драконом королевской крови, наделенным сильнейшей светлой магией, и мог только представить, что испытывают остальные. Драконы, а особенно люди.

На прошлой неделе у одного парня произошел срыв, он прямо посреди тренировки рухнул на землю и начал выть. Но адорр был молоденький, ему едва минуло шестнадцать зим, и в гарнизон он попал через два месяца обучения на боевом. К тому же, он был человеком, хотя, если верить Этану, изредка такое случалось и с бывальными, и даже с драконами.

Этан служил здесь уже второй год и многое повидал. И, как и Люциан, попал сюда добровольно.

— Здесь год за три идет, — сообщил он Люциану: для тех, кто выбирал карьеру военного, обязательно было отслужить шесть лет. — Да и платят в разы больше, а я на свадьбу коплю да на жизнь. В семейной жизни ведь многое потребуется.

Магия у Этана была слабенькая, но для того, чтобы взяли на службу, хватило. В ближайшее время ему должны были присвоить звание лэарда, и это максимум, на что он мог рассчитывать с такими данными. Амир вот, будучи полной драконьей задницей, вполне мог дослужиться за эти два года до кальварена, хотя Люциан считал, что ему такое звание давать нельзя. У него уже сейчас крышу сносит, что уж говорить, когда он станет в гарнизоне одним из старших по званию. Некоторые просто не созданы для власти, хотя сами считают иначе.

Люциан подтягивался до тех пор, пока тело не запросило пощады. Только тогда он оставил турник в покое, спрыгнул, стяхивая с рук остатки магической пыли: так назывался порошок, подсушивающий кожу для удобства во время тренировок. Этан с друзьями, отрабатывающие навыки борьбы без магии, тоже закончили,

устроились на перерыв у стенки, и Люциан уже собирался подсесть к ним, когда снова услышал:

— Всегда знал, что с тобой что-то не так, Златовласка.

Прозвище, которым его пытался зацепить Амир, и которое не поддержал никто, кроме этого недоделка и его компании, он получил за то, что решил окончательно отпустить волосы. Сейчас они уже отросли так, что их приходилось собирать в короткий хвост, потому что иначе длинные пряди рассыпались по плечам и здорово мешали. Амирово «Златовласка» уже никого не веселило, кроме него самого и его друзей, но сейчас Люциан ощутил, как внутри вспыхнула ярость и золотое пламя. Потому что в руках Амир держал то, что держать был не должен.

Тонкий, изломанный браслет, с хрупкими перебитыми звеньями. Повреждения нарушили схему течения магии и сделали невозможным использование виритты. Иногда ему казалось, что браслет еще хранит тепло ее кожи: в точности так же, как его сны хранили воспоминания о ней. О той ночи.

Она снова и снова приходила к нему. Она. Его Лена.

Но когда он пытался ее целовать, она становилась Ленор, и Люциан отталкивал ее, а она запрокидывала голову и хохотала. Кричала:

— Ее ты никогда не получишь!

На этом он чаще всего просыпался.

— Что за девичья прелесть? Признайся, ты ночами ее надеваешь? Когда никто не видит? — Амир помахал браслетом в воздухе, спровоцировав поддерживающий хохот столпившихся за его спиной друзей.

С его появлением в гарнизоне появилось три лагеря: Амировцы, Этан, Люциан, их друзья, и нейтралитет. Высший командный состав ни к одному из лагерей, разумеется, не относился, да и не было их официально. На то, что не выходило за рамки порядка — то есть не превращалось в драку, все закрывали глаза.

— Лучше отдай, — спокойно сказал Люциан, — и я не придушу тебя за то, что ты рылся в моих вещах.

Драх его знает почему, но он продолжал носить эту виритту с собой. Потенциальную виритту. Хотел сам ее починить. Восстановить расчетно-контурной магией браслет, исправить схему. Он даже начал

собирать информацию, о том, как это делается, но то времени не хватало, то настроения не было. И тем не менее она всегда была с ним, как какой-то своеобразный талисман. Или напоминание.

Вопрос только в том, о чем.

О той, что так и не смог вытравить из сердца, или о том, что она не его, и никогда его не будет.

— Ты? — улыбочка с лица Амира пропала. — Ты меня придушишь, драконенок? Не боишься без крылышек остаться?

— Ты так хамишь, будто у тебя в запасе есть лишний глаз и вторая задница, — Люциан сложил руки на груди.

Амира окончательно перекосило.

— А давай так, Златовласка. Решаем вопрос поединком без магии. Если я тебя уделаю, заберу твою побрякушку и будешь мне чистить форму каждый день в течение месяца.

— А если я тебя уделаю, поцелуешь мне сапоги и будешь называть тэрн-аром, — хмыкнул Люциан. — Всегда.

— Идет, — Амир сунул браслет в руки одного из своих друзей. — Смотрите, как глазами сверкает. Без магии, драконенок. Усек?

Люциан не ответил. Шагнул к нему, но Этан перехватил его за локоть.

— Драгон, ну ты чего? — спросил шепотом. — Опять же драка. В карцере оказаться хочешь?

— Это не драка. Это разминочный поединок, — Люциан зло ухмыльнулся, пока Амир показательно эффектно стягивал мундир и рубашку. — Перед тренировкой.

Этан хотел еще что-то сказать, но отступил. К счастью. Сейчас Люциан точно не хотел услышать, что он не выстоит перед Амиром: практики в северной борьбе у него было значительно меньше. Гораздо меньше, чем даже в боевой магии или в том же владении оружием, например. Но еще у него была ярость и желание забрать браслет.

Браслет Лены.

Сам по себе этот факт заставлял кровь кипеть.

— Постой на всякий за дверью, — лениво кивнул Амир одному из своих друзей, тот покорно побежал выполнять.

Магия кипела, бурлила в крови и требовала выхода, но Люциан ее заглушил. Оказавшись в кругу адорров и лэардов, напротив Амира, он весь подобрался. Северная борьба отличалась быстрыми резкими

ударами, основой ее были сила, ловкость и выносливость. И скорость реакции, разумеется, вот и сейчас Люциан именно благодаря ей ушел в сторону от быстрого смазанного движения, направленного по касательной в скулу. От него ушел, а от резкого сильно удара в ребра — нет.

Боль полыхнула на правой стороне, словно ее окунули в пламя, а следом прилетел удар в корпус.

Группа поддержки Амира взорвалась одобрителем воем, что же касается него самого, он ухмылялся. Серые глаза горели злостью, ехидством и превосходством, он провел рукой по густым черным волосам, убирая упавшую на лоб челку, и поманил Люциана пальцами: давай, нападай.

Зарычав, Люциан бросился на него, но достать не успел: Амир ловко ушел в сторону, второй удар увел по касательной в блок и тут же обернул в свое преимущество. Новый удар в ребра Люциан блокировал, а вот удар в поясницу уже не успел, и боль, взорвавшись внутри, украла у него несколько драгоценных мгновений. Тех самых, когда Амир уже окончательно перехватил инициативу, от прямого удара в живот заставив его согнуться пополам, познакомив свое колено с его лицом, а после швыряя на пол.

На миг потемнело перед глазами, а когда пелена рассеялась, чуть уводя с собой резкую боль, Люциан увидел склонившегося над ним дракона, который ехидно ухмылялся.

— Все? — хохотнул Амир. — Кажется, она теперь моя.

Виритта снова была у него, и он покачал браслетом у Люциана перед глазами.

— А тебе быть моей служанкой, Златовласка.

Поломаный браслет раскачивался туда-сюда, как маятник, пульсирующая боль заставляла сжимать зубы. Ровно до той минуты, пока он не увидел перед собой Лену. Конечно, ее здесь быть не могло, но... и Валентайна Альгора здесь быть не могло тоже. Но он был. Ухмылялся ему в лицо, а в ушах звучали слова: «Кажется, она теперь моя».

Именно в это мгновение боль исчезла. Растворилась, уступая место бесконечной золотой ярости, и Люциан рывком метнулся вперед, делая Амиру подсечку и добивая прямым ударом в кадык.

Дракон свалился на пол, хватая губами воздух, и в этот момент ворвался один из его дружков: тот, кого отправляли за дверь.

— Михт! Михт идет! — зашипел он.

Но было уже поздно: кальварен вошел в зал.

Все вытянулись в струны и так и застыли. Кроме них двоих.

— Что здесь происходит? — спросил Михт, вперив взгляд в Люциана. В общем-то, по понятной причине: выглядел он явно сейчас как потенциальный посетитель карцера на ближайшие сутки. Амир ответить не мог по понятной причине — он сипел.

Люциан взял валяющийся рядом с драконом браслет и поднялся. Но ответить так и не успел.

— Разминочный поединок, — произнес Этан. — Адорр Драгон и лэард Сайтанхорд решили размяться перед тренировкой.

Кальварен посмотрел на остальных:

— Поединок?

— Да, — подтвердил один из лэардов. Он был из тех, кто не принимал ничью сторону, и следом за ним остальные хором ответили:

— Да!

Все, кроме друзей Амира, которые переводили взгляд с него на кальварена, на остальных, и так бесконечно по кругу.

— Сдается мне, здесь о чем-то умалчивают, — жестко произнес Михт. — И если это так...

— Н-нет, — сдавленно просипел Амир.

— Нет?

— Др...гн п...прсл, — говорил он еле-еле, глотая половину звуков, а то, что ему удавалось сказать, выходило шипяще-свистящим, — пм...чь с бр...бй. Я... сгсл...ся. М... мы отрб...ли з...шт. Я отвл... кс. Эт... сл...чйнст.

— Что-что? — уточнил кальварен.

— Драгон попросил его потренировать, — перевел один из друзей Амира. Тот самый, который стоял у дверей. — Амир... то есть лэард Сайтанхорд согласился. На защите он отвлекся. Пропустил удар.

Михт вновь посмотрел на Люциана. Посмотрел в упор. Вместо ответа тот пожал плечами и протянул Амиру руку, чтобы помочь подняться. Руку, которую тот принял. Он явно уже приходил в себя и понемногу запустил процесс исцеления. Потому что в рукопожатии

была сила. Во взгляде тоже. Не та сила, которая обещает размазать по стенке, а сила уважения и признания.

— Вы здесь для борьбы с потенциальной угрозой, — резко произнес кальварен. — Ваша сила нужна для того же, а не ради ваших соревновательно-показательных выступлений. Наказаны будете оба. Сегодня после ужина явитесь на кухню. Вся уборка будет на вас. Без магии! Я прослежу лично.

Раньше Люциан, наверное, пришел бы в бешенство, но сейчас ему стало смешно. Так смешно, что уголки губ невольно поползли вверх: тэрн-ар моет посуду и убирается после ужина в гарнизоне. Собирает объедки, все это выносит... куда положено.

— Я сказал что-то смешное, адорр Драгон? — сухо поинтересовался Михт.

Люциан тут же вернул уголки губ на место.

— Нет.

— Нет. Вот и чудесно. Для обучения и отработки навыков борьбы и магической защиты есть тренировки, в следующий раз за такое пойдете в карцер, а не на кухню. Это ко всем относится. Всем понятно?

— Да! — хором гаркнули все.

Даже Амир. Хотя и не так громко, как остальные.

— Лэрд Сайтанхорд! Вам явиться в лазарет. Остальным — вольно.

Кальварен окинул всех холодным взглядом и вышел. Лэарды и адорры разошлись к снарядам, Амир вышел, и только сейчас Люциан понял, что так и сжимает поломанный браслет с вириттой в ладони. Он жег руку, но разжать пальцы он просто не мог, наоборот, сжимал их все сильнее.

— Ты молодец, — с уважением сказал лэард, который первым его поддержал. Точнее, поддержал Этана, подтвердив, что это был поединок.

Люциан молча кивнул. Говорить не мог вроде как Амир, но сейчас чувство было такое, что это в нем не осталось слов. Он вернулся к турнику, возле которого сбросил рубашку, сунул браслет в карман брюк, оделся. Застегнулся на все пуговицы, набросил мундир.

— Здорово ты его приложил, — Этан хлопнул его плечу. Остальные тоже кивали и улыбались. — За дело.

Слов все еще не находилось, поэтому он продолжил одеваться. Поправил мундир, затянул пояс. Вышел, направляясь по длинному коридору к полигону, чтобы попрактиковаться в магии. И подумать.

Но остаться одному была не судьба.

— Эта вещь для тебя очень важна. Она от любимой, да? Я бы тоже в драку полез, если бы Арькин подарок вот так... ты прости, что я тебя остановить пытался. — Когда Этан волновался, говорить он начинал быстро и безостановочно. Так, что просто невозможно было вставить хотя бы слово. — Но я как-то не подумал сразу, а когда понял...

— Все в порядке, — все-таки перебил его Люциан.

— А почему ты никогда о ней не рассказывал? — Этан широко улыбнулся. — Я ж думал, что у тебя так и нет никого.

Видимо, новости до гарнизона если и доходят, то не все. В частности, о Ленор Ларо, которая, на минуточку, была его невестой на самом деле, никто не знал. А вот об Анадоррской знали. Потому что Анадоррская — достойная партия для тэрн-ара, а Ларо — нет. Вот так избирательно новости и появляются.

— Ты из-за нее на Анадоррской отказался жениться?

— Этан. — Люциан остановился так резко, что друг чудом не влетел в него.

— Не в свое дело лезу? — насупился парень. — Ну ладно. Я-то тебе про Арьку все рассказал... а ты не хочешь. Ну и не надо.

Он произнес это абсолютно беззлобно, без обиды, хотя и с некоторой толикой разочарования.

Все рассказал — это была не игра слов. За время их знакомства Люциан познакомился с Ариной так же, как если бы знал ее лично. С самого детства. Дело было в том, что с самого детства ее знал Этан, а, соответственно, и все друзья. Все, вплоть до цвета носочков, которые она любила, когда была малышкой, и заканчивая любимым десертом — ягодным муссом, который готовила ее мама. Раньше Люциан и представить не мог, что вообще будет слушать нечто подобное без желания подколоть или убраться подальше, но... Но Этан говорил о своей Арине и расцветал. Он уже в красках представлял, какой у них будет свадьба, которую он сделает, чтобы ее порадовать — потому что ему-то на эти обряды плевать, рассказывал, какой хочет для них, для

их семьи дом: в первую очередь простенький, а после можно и побогаче. Этан даже запахи представлял, говорил:

— Вот представь: приходишь ты в дом, а там вкусно так ягодным пирогом пахнет. И она выходит тебя встречать... — И взгляд у него при этом был такой мечтательный, что Люциану становилось дико.

Возможно, потому что он сам о семье никогда не задумывался. По крайней мере, о такой. Не по расчету, не по долгу, а по сердцу. Когда дома встречает самая желанная на свете женщина, а ты готов сделать для нее все.

Бред какой-то!

Он отмахивался от этих мыслей, слушал Этана, улыбался. Но сам вполне отчетливо понимал: не для него это все. А что тогда для него?

— У тебя же сегодня у брата свадьба, — неожиданно произнес парень. — Я думал, ты увольнительную попросишь, а ты с самого утра по тренировкам зарядил.

Люциан поморщился. Они как раз вышли на полигон, который снова встретил их пронизывающим ветром, но к ветру он уже привык. А вот кое к чему другому привыкнуть так и не получилось. Хотя он действительно собирался — получив сообщение от Сезара: «Я буду очень рад тебя видеть», — даже готовился идти к начальнику гарнизона за увольнительной. Вечер собирался, два собирался, три собирался. Плевать ему было, что официально он не приглашен. На то, что Лена явится со своим Валентайном — увы, нет. Представить их сидящими на Сезаровой свадьбе, так близко, так тесно, со своим собственным счастьем... внутри все просто переворачивалось и замыкало даже при мысли об этом. Не говоря уже о том, чтобы увидеть все в реальности. Воочию, так сказать.

Нет уж.

Пусть наслаждаются своим счастьем без него.

Он так решил, и решил, что пора ее отпустить. Снова.

Тем более что именно он первым от нее отказался, именно он ее оттолкнул. От этого хотелось рвать и метать, но что было сделано — того уже отменить нельзя, и, раз за разом справляясь с этой мыслью, Люциан обещал себе, что вот завтра ему совершенно точно уже будет все равно. Но «все равно» не наступало, и представлять Лену с Альгором было по-прежнему больно.

Поэтому сегодня вечером он отправит Сезару свои поздравления, и на этом пока все. Вряд ли он на самом деле кому-то будет там особенно нужен, отпразднуют без него.

— Свадьба у брата. Не у меня, — он окончательно закрыл тему, посмотрев на Этана. — Ты тоже тренироваться? Или как?

Парень вздохнул.

— Да я вообще-то тебя попросить хотел... если меня накроет вот так, как недавно Джуга, или что-то серьезное случится, ты Арьке моей сообщи. Ну, что я не пропал просто так, и как я ее любил. Не хочу, чтобы было официально, как для всех.

Вот тебе и светлый парень. Люциан даже брови приподнял:

— С чего ты вообще о таких вещах задумываешься?

— Мы здесь в гарнизоне, тут всякое бывает. Да и к тому же, — Этан потер ладонь о ладонь. — Меняется все, Люциан. Я здесь давно, и то, как раньше было — и то, как сейчас, это небо и земля. Тьма усиливается, ты-то вряд ли почувствовал, потому что недавно прибыл. А вот если бы почувствовал... в общем, ладно. Ты просто обещаешь, хорошо? Парням я такое говорить не хочу, а с тобой нормально.

— Погоди, что значит — Тьма усиливается? — Люциан пристально посмотрел на него. — Об этом же сообщают в Хэвенсград, а значит, были бы предприняты меры.

Этан посмотрел на него с какой-то легкой иронией.

— Вот я сейчас думаю, тэрн-ар ты, или с Третьей луны свалился? Разумеется, о таком сообщают. А меры... ну какие тут меры? Простым людям и драконам такое точно никто рассказывать не будет, мы ж тут все контракты на клятве неразглашения подписываем. Если что — сразу под трибунал.

— То есть ты хочешь сказать, что мой отец в курсе и ничего не делает?

— Откуда я знаю, делает он или не делает, — Этан пожал плечами. — Я говорю только то, что вижу и знаю. Так что по поводу моей просьбы?

— Я этот вопрос решу, — хмуро сказал Люциан. — И все у вас с Ариной будет, как ты задумал. Выбрось эти мысли из головы вообще, идет?

Друг кивнул, а после покинул полигон, оставив его одного. Быстро собрался и хлынул дождь, поэтому желающих

потренироваться больше не было, но Люциан был счастлив. Выложившись в одиночку, он пошел тренироваться с остальными под руководством наставников и кальваренов. Обед, новые тренировки, ужин, отработка (или как тут это называлось) на кухне с Амиром, где они выгребли столько всего, что времени подумать о свадьбе Сезара, Лене и Валентайне просто не было.

Вечером он рухнул в постель и заснул мгновенно. Чтобы глухой ночью проснуться посреди затихшей казармы в холодном поту.

Ему снова приснилась Лена, на этот раз действительно она, а не Ленор. Она стояла в лучах кроваво-красного солнца, и Тьма заполняла ее, впитываясь в платье, кожу и волосы, мерцая ледяным серебром и черными искрами. Лена протягивала к нему руку, и он тянулся к ней, но не успевал: Тьма накрывала ее с головой, изменяя даже радужку глаз до угольно-черной в одно мгновение. Взгляд ее становился безразличным, а после она рассыпалась пылью тлена у него на глазах.

Глава 10

Соня

Сквозь какой-то полусон Соня слышала:

— ... это нормально для девицы ее возраста, переволновалась во время обряда. Сейчас все будет хорошо.

И правда, сознание прояснилось достаточно быстро, как будто пелену вытягивали каким-то мощным пылесосом. Вот только Соня знала, что пылесосы тут ни при чем: все в этом мире измерялось магией. Начиная с материальной стороны, заканчивая оружием и лечением. Вряд ли в том мире, в котором она родилась, она бы так легко очнулась и чувствовала себя при этом такой свежей и бодрой, будто отсыпалась неделю где-нибудь на Мальдивах.

— София? — склонившийся над ней Сезар с тревогой вглядывался в ее лицо, и эта тревога — именно искренняя, получилась настолько болезненной, что Соня быстро оттолкнула его руку и села. Платье помешало сделать это так изящно, как могло бы быть без платья, но сейчас она была счастлива, что целитель Фергана не стал ее раздевать. Оказаться раздетой перед Сезаром — это было бы выше ее сил.

— Все хорошо, — поспешно сказала она. — Я устала и переволновалась. Прошу меня простить, сейчас мне нужно переодеться.

И ведь не солгала даже: ей действительно нужно было переодеваться к праздничному обеду, во второе платье. Коротко улыбнувшись королевскому целителю, она поднялась. Должно быть, в себя ее привели сразу после того, как они оказались в замке Фергана — не было ни малейших сомнений, что Сезар сразу же принес ее сюда. Здесь должен был проходить праздник, да и вряд ли тэрн-ари доверили бы кому-то еще.

Тэрн-ари. Соня горько усмехнулась, а Сезар протянул ей руку.

— Пойдем. Я тебя провожу.

— Просто открой мне портал, — попросила она. — Мы и так достаточно времени потеряли из-за моих волнений.

Он открыл, и Соня поспешно шагнула в него, до ужаса опасаясь, что Сезар последует за ней. Но он не последовал — и она вздохнула с облегчением. А в комнате ее уже встречали служанки, которые быстро присели (по этикету), а после помогли новоиспеченной тэрн-ари снять платье, разобрать прическу и снять тяжелую, предназначенную только для церемонии тиару. Второе платье (для обеда) было свободным и легким, волосы уже приглашенные сразу после переодевания стилисты тоже уложили так, чтобы они не мешались и не лезли в тарелки и бокалы.

— Как вам, тэрн-ари? — грудным низким голосом спросила женщина, которая занималась ее прической.

— Чудесно, — София едва ли взглянула на себя в зеркало.

Комната была ей незнакома, да и вряд ли стоило с ней знакомиться. На главную церемонию в Соборе она облачалась в доме Драконова, а это — место, где ей всего лишь предстоит переодеться, поскольку сразу после бала Сезар заберет ее в свою. В свои личные покои, и от одной только мысли об этом начинала кружиться голова.

«Не хочу, не хочу ничего знать! Не хочу об этом думать...» — откинув все мысли, она сделала вид, что осматривает себя в зеркале. Любой нормальной девушке было бы не все равно, как она выглядит на собственной свадьбе.

Служанки тем временем уже подсустились и с помощью артефакта пригласили Сезара. Когда он вошел все поприседали в такие глубокие реверансы, что им грозило потом обратно не разогнуться. Правда, на них Сезар не смотрел, он смотрел только на нее.

— София, — он протянул ей руку. И, не удержавшись, добавил: — Ты восхитительна.

«Прекрати называть меня по имени! — хотелось закричать ей. — Прекрати произносить его так!»

Но она сдержалась, холодно улыбнулась и кивнула.

— Благодарю.

Дальше был обед, и в этом роскошном, бесконечно огромном зале, светлом, украшенном цветами и легкими летящими тканями, играющими искорками солнца, Соня едва запихнула в себя несколько кусочков еды. Запихнула-то в принципе исключительно потому, что Драконов на нее смотрел очень внимательно, а еще очень внимательно

смотрел сидящий рядом Сезар. Который все-таки не преминул отметить:

— Ты так мало ешь, София. Все в порядке?

— Я всегда мало ем, — отмахнулась она.

В ответ Сезар приподнял бровь, и Соня немедленно вспыхнула.

— Говорить о том, кто и сколько ест — не по этикету, тэрн-ар. Оставьте меня в покое!

Это было сказано достаточно резко и холодно, и она надеялась, что он замолчит, но не тут-то было.

— Я знаю, твой аппетит, София, — улыбнулся он, — и нахожу это невероятно привлекательным.

Ну да. Соня любила поесть. Она всегда любила вкусно поесть, а главное, на ее килограммах это никак не сказывалось (к счастью, в теле Софии Драконовой тоже), но это не отменяло того, что общаться с ним она не хотела. Тем более вот так доверительно, будто ничего вообще не произошло!

— Ты ничего обо мне не знаешь, Сезар, — холодно, невероятно холодно произнесла она, и улыбка сбежала с его губ. Потому что он и правда о ней ничего не знал. Не знал того, что знает Люциан. Не знал того, что Ленор Ларо — на самом деле ее лучшая подруга из другого мира, Лена Харитоновна. И уж тем более не знал, что этот брак — только ради нее, исключительно ради нее! А впрочем, об этом не знал никто. Даже Лена.

Только она. И Иван Драконов.

К счастью, дальше Сезар молчал, отделяваясь лишь дежурными фразами и реагируя вместе с ней на тосты. К несчастью, обед продолжался. Выступали приглашенные маги, создавая невероятную красоту перед гостями, но Соня смотрела на все с одной-единственной мыслью «когда же это все закончится», поэтому не наслаждалась ни напитками, ни едой, ни представлениями, где, подчиняясь магии, ввысь взмывали полупрозрачные драконы, и раскрывались прекрасные цветы, били фонтаны — и в них с крыльев и лепестков осыпался золотыми искрами флер.

К счастью, никто не орал: «Горько!» — здесь не было такой традиции. К несчастью, обед продолжался прогулкой по королевскому парковому ансамблю, где разносили приятные охлаждающие напитки и раздавали крошечные декорированные десерты, которые выглядели

просто произведениями искусства, и есть их казалось каким-то кощунством.

Все это дефилирование с Сезаром закончилось восседанием на креслах в самой глубине парка, где молодой паре предстояло принимать подарки, и эти подарки казались просто бесконечными. Как и вереница аристократии — людей и драконов, которая началась с Фергана, который лично вручил им документы на загородное поместье.

— Новую семью стоит начинать с нового дома, — сообщил тэрнар, и собравшиеся взорвались аплодисментами.

А самое паршивое заключалось в том, что София не могла даже поговорить с Леной во всей этой суете. Особенно сейчас, когда ей так нужна была поддержка... С другой стороны, может и к лучшему, что не могла. Лена бы наверняка что-то заметила, сейчас уж так точно. Она и до этого постоянно выпрашивала, пыталась вывести на разговор, но Соня держалась. Держалась и справлялась.

Сейчас тоже справилась, когда Лена с Валентайном дарили общий подарок, а Лена украдкой еще сунула ей маленькую коробочку и подмигнула. Соня широко улыбнулась, но, как только подруга отошла, сунула подарок в ворох остальных, и тот свалился куда-то между двумя большими коробками. Что в них было, она даже представить не могла.

В заключение был легкий фуршет, потом ее отпустили переодеваться, а после начался бал. Невероятный, красивый, и Соня танцевала с Сезаром, не чувствуя ни себя, ни своего сердца, дрожа от его прикосновений и желая сбежать отсюда далеко-далеко. Она раздавала дежурные улыбки, смеялась, даже отошла с Леной к столам и снова удивительно легко солгала в ответ на вопрос:

— Ну, как тебе быть женой тэрн-ара?

— А есть какая-то разница, чьей женой быть? Ничего необычного.

Лена рассмеялась, и Соня рассмеялась тоже, это был их единственный разговор, потому что дальше, приставленные к ней с этого момента фрейлины утащили ее знакомиться с остальным высшим драконьим светом: точнее, с женской его половиной. Соня не запомнила даже половины имен, а другую половину, была больше чем уверена, впоследствии наверняка перепутает.

Но это были еще цветочки. Ягодки начались, когда Соня поняла, что Сезар забирает ее в свое поместье. После роскошного фейерверка, когда в темном небе над королевским замком парили драконы, раскрывались золотом огненные шары, и порхали диковинные птицы с далеких островов, после того, как они попрощались со всеми, он просто открыл портал и унес ее туда. И в комнате, которую им предстояло делить на двоих, уже все было подготовлено к первой брачной ночи.

Постель аккуратно расстелена, поверх лежала невероятно прекрасная сорочка, тончайшая, сразу становилось понятно, что она ничего не скрывает. Ткань была настолько приятной, как нежнейший шелк, что Соня задумчиво гладила ее кончиками пальцев, пока, опомнившись, не отдернула руку, как от огня.

Что же она делает?!

Что она вообще натворила?!

Метнувшись к окну, она распахнула его, но несмотря на звенящую прозрачную ночную прохладу, дышать все равно было нечем. Поэтому Соня подбежала к двери, распахнула ее и вылетела в коридор. Она бежала, не разбирая дороги, наугад, путаясь в коридорах и переходах, но все-таки нашла лестницу, а после и двери, ведущие на балкон первого этажа, выходящий в парк. Усевшись на перила, она перекинула ноги и спрыгнула, и побежала дальше.

Все дальше, дальше и дальше от этого дома.

От Сезара.

От своей непоправимой ошибки.

Сезар Драгон

— Что она сделала? — уточнил Сезар у слуги, который стоял перед ним, опустив голову. Его привела горничная, после того, как Сезар не нашел Софию в их спальне... Точнее, в ее спальне. Их она должна была стать чуть позже: разумеется, он прекрасно понимал, что после случившегося ей потребуется время. Поэтому приказал все приготовить для нее и зашел пожелать жене доброй ночи.

Жена. Он даже в мыслях опасался это произносить до сегодняшнего дня. Увы, его мечта — возможность жениться на той, кого любишь — стала реальностью лишь после того кошмара, через который Софии пришлось пройти по его вине. Исправить это Сезар не

мог, но он мог сделать все, чтобы она чувствовала себя счастливой. Чтобы она чувствовала себя в безопасности рядом с ним. Все, чтобы София жила как в сказке, и он твердо намеревался это осуществить.

Правда, сегодня на свадьбе его уверенность пошатнулась, когда София то вздрагивала от его прикосновений, то окатывала холодом, то откровенно грубила. Больше всего было услышать то, что он ничего о ней не знает, хотя, возможно, это и было правдой. Но это тоже было поправимо.

Сезар обещал себе не погружаться в чувство вины с головой, а делать все, чтобы исправить то, что между ними произошло. Так он решил и сегодня, после ее слов. Глупо было бы ожидать, что все будет как прежде — хотя между ними «как прежде» ничего толком и не было.

Были взгляды. Прикосновения. Была жгучая ревность к Люциану, хотя ревновать к Люциану было просто-напросто глупо, но Софию он ревновал ко всем. Ко всем, кто имеет возможность проводить с ней время, ко всем, кто имеет возможность сближаться с ней. Просто потому, что у него такой возможности не было: на нем висел этот идиотский долг наследного тэрн-ара. Когда его, наконец, не стало, Сезар вздохнул с облегчением. Он был бы счастлив, если бы случившееся благодаря его темной сути не висело над ними. Он был счастлив, когда София дала свое согласие на этот брак, и именно в этот день он поклялся себе сделать все, чтобы они, наконец, были счастливы.

— Выпрыгнула с балкона, — повторил слуга, казалось, стремясь стать совсем маленьким. — В парк.

Он проходил дальним коридором и как раз увидел его жену, которая как сквозь землю провалилась: со слов слуги, София выбежала на балкон, взобралась на перила и прыгнула прямо в парк. А хуже всего было то, что их брачный узор никак не отзывался на магию, с помощью которой супруги могли «позвать» друг друга. Это была просто красивая бесполезная закорюка, даже не вспыхнувшая, когда Сезар произнес заклинание.

— Хорошо, — коротко ответил он, хотя ничего хорошего не было. — Утром мы познакомимся со всеми, после завтрака.

Последнее уже относилось к управляющему, который склонил голову. Слуги отправились по своим делам, а Сезар — в парк. Искать

Софию.

Небольшое (по меркам тэрн-арха) поместье представляло собой белоснежный каменный особняк в три этажа. Окруженный парком, он располагался в предместьях Хэвенсграда: так же, как и дворец, загородная резиденция правителей Даррании, разве что чуть подальше от города.

В парке было множество развилок, уютные беседки, ухоженные дорожки, красиво оформленные деревья и аккуратные газоны. Стоило ему шагнуть на одну из таких дорожек, тут же вспыхивали светлячки магических фонарей. Сезар был бы счастлив пройти здесь вместе с Софией. В такой вот сгущающейся легкой прохладе, накинуть ей на плечи платок, чтобы не замерзла, возможно, погасить фонари, чтобы вместе смотреть на звезды. Посидеть в беседке.

Или прогуляться к озеру. Оно сейчас проглядывалось вдалеке, между расходящимися аллеями и деревьями. Темнело черным пятном.

До этого дня Сезар не бывал здесь ни разу, но подарок отца не стал для него случайностью. Он знал, что Ферган захочет от него избавиться, и знал, что во дворце тэрн-арха их не оставят. Он не испытывал по этому поводу разочарования и был даже рад, что сможет строить свою жизнь с Софией вдали от всех. От всего постороннего влияния, от всего, что может ей навредить, от косых взглядов. На нее даже на свадьбе уже смотрели кто снисходительно, кто-то — с завистью и непониманием: и чего такого особенного в этой девице, что ее выдают замуж за самого тэрн-ара?

Все такие взгляды Сезар пресекал ледяными и жесткими, и под его взглядами эти же самые «поздравляющие» тушевались и начинали еще милее улыбаться, и еще громче поздравлять. Но да, он наверняка знал, что попытки уколоть и задеть ее будут, так что отца стоило поблагодарить за такую возможность. Побыть вдали от всего этого. Позволить ей привыкнуть. София и так через многое прошла по его милости.

На дорожках ее не было. Он попетлял по центральным, заглядывал в беседки, звал ее по имени — не особо, впрочем, надеясь услышать ответ, и направился к озеру. Быстрым шагом, потому что судя по всему, если София где-то и была, то именно там. Чем быстрее он шел, тем сильнее колотилось сердце. Но не от скорого шага, а от предчувствия встречи.

Что он сказал или сделал не так? Сегодня.

Ведь зная Софию, он понимал, что она вышла за него по своей воле. А стало быть, тоже хотела дать им второй шанс. Возможность начать все заново, с самого начала.

Он шел все быстрее и быстрее, и, наконец, увидел ее.

София сидела на берегу озера: невероятно хрупкая и бесконечно прекрасная. Платье расстелилось по земле, словно впитав цвет плавающих по воде цветов. Ярко-фиолетовые, с такими же фиолетовыми пластами листьев, словно парящими над водой, они едва уловимо мерцали под огоньками магических фонарей. На темном небе застыли три луны: Арана — наполовину надкушенная сверху, Тъеха — чуть снизу, и полная Ланти. В этом бесконечном смешении света и магии София казалась далекой и нереальной. Тонкие нити украшений платья сверкали на плечах и груди, искорками мерцали серьги, полосками — браслеты, под которыми прятался брачный узор. У него защемило сердце от ее красоты. От того чувства, которое спиралью раскручивалось в груди, мешая дышать. Это и была самая настоящая магия, истинное волшебство — смотреть на нее и знать, что она твоя.

В этот краткий миг, когда любовался сидящей на берегу женой, Сезар был бесконечно счастлив, а потом...

Потом София вскинула голову, и волшебство исчезло.

Потому что в глазах ее застыло самое что ни на есть настоящее отчаяние. И слезы.

— София, что... — Он запнулся, споткнувшись о корнецвет под ногами. Впрочем, уже в следующий момент перешагнул мощные, взрослые над землей корни и оказался рядом с женой. — Что происходит? Что случилось?

— Что случилось? — слезы в ее глазах стали злыми. — Ты спрашиваешь меня, что случилось?

Сезар протянул ей руку, но она ее не приняла. Просто вскочила, отряхивая платье.

— Да. Я спрашиваю тебя, что случилось. Мы теперь муж и жена...

— Только для остальных, — выдохнула София. — Или ты думал, что я подпущу тебя к себе после всего?

Сезар предполагал, что просто не будет, но сейчас просто опешил от обрушившихся на него ярости и боли. От ненависти, что засверкала

в ее глазах вместе со льдинками слез. От того, как она на него смотрела: как на самый свой страшный, ненавистный кошмар.

— Ты дала свое согласие на этот брак, — произнес он. — Зачем, если я тебе настолько не нужен?

Возможно, не стоило этого говорить, но он тоже устал. Устал чувствовать себя виноватым, устал пытаться справиться с этим каждый свой день. Каждую минуту. Сезар правда надеялся, что их союз все исправит: не сразу, но со временем, станет новым для них началом, и сейчас искренне не мог понять, что случилось. Что еще случилось помимо того, что натворил он?!

— Я дала свое согласие на этот брак, — София обхватила себя руками, — потому что мне важна моя репутация. Мне важна репутация моей семьи. Это ты у нас... тэрн-ар.

Последнее она произнесла как ругательство.

— А я — дочь Ивана Драконова, у которой свои обстоятельства. Куда нам до вас, до вашего невероятного величия.

— Подожди. Постой. Ты сейчас о чем? Мы же говорили перед помолвкой...

— Говорили, — лицо Софии исказилось, она обхватила себя руками, — но я тогда была под зельем. Мне пришлось его принять, чтобы не плюнуть тебе в лицо, чтобы согласиться, чтобы не сойти с ума после той ночи! А потом мне пришлось принять еще и тот факт, что мы с тобой связаны на всю оставшуюся жизнь. Брачными узами. К счастью, ничем кроме них!

Она говорила, задыхаясь, и в каждом слове сквозила такая боль, что становилось не по себе. Настолько не по себе, что хотелось ударить в ответ: ударить тем же холодом, такими же жестокими речами, но Сезар глубоко вздохнул и глубоко выдохнул. Ей больно, и это понятно. Ей очень больно. Ему самому было больно. И больно до сих пор. Вдвойне больнее от того, что он причинил эту боль ей — той, кого хотел оберегать и защищать, той, что для него была важнее всего, дороже жизни.

— София, — негромко произнес он. — Я знаю, что совершил непоправимую ошибку. Я знаю, что ответственность за все, что произошло, на мне, и мне нести ее до конца дней. Но я уже говорил, и я повторяю: я правда хочу сделать тебя счастливой. Я хочу подарить тебе весь этот мир и гораздо больше. Я люблю тебя.

София дернулась, как от удара. Отпрянула, глаза сверкнули теперь уже гневом.

— Любишь? — прошептала она. — И давно, Сезар? С тех пор, как вынужден был отказаться от помолвки с Женеьев Анадоррской? По той же причине, что и я — просто не мог иначе? Потому что Иван Драконов хоть и человек, но скандал мог устроить знатный, мог основательно пошатнуть ваше светлое золотое величие.

Он глубоко вздохнул. Прикрыл глаза — лишь на мгновение, потом продолжил:

— Я никогда не любил Женеьев, София. Ты это прекрасно знаешь. Мы должны были сочетаться браком по династическим соображениям, из-за политики. У нее ко мне тоже не было чувств. Я имею в виду тех чувств, как у нас с тобой...

— У нас с тобой ничего нет, Сезар, — София стянула браслеты, показывая ему запястье с брачным узором. — Ничего, кроме этой бесполезной магической почеркушки. Все, что было у меня к тебе, ты разрушил сам, в ту ночь. Вернуть это уже нельзя, и я этому рада. Что же до нашего брака, я буду примерной женой. Для всех. Для тебя — просто женщиной, которая живет с тобой под одной крышей. Я никогда не лягу с тобой в одну постель. Никогда! Ни за что. И чем скорее ты это поймешь, тем лучше!

Она яростно швырнула браслеты на землю, прямо к воде, и озеро, подчиняясь порыву ветра, тонкой рябью качнуло воды в их сторону. Сезар попытался перехватить ее руку, хотя ее ярость уже обрела отклик внутри него. То, что с таким трудом поддавалось контролю, жесткому контролю, который он столько лет держал, которому его учил Валентайн, снова заклобуилось внутри, как черный туман.

«Тебе не обязательно спрашивать ее мнения, — как бы говорило оно, — ты можешь сделать ее своей прямо сейчас. Прямо здесь».

Наказать ее. Проучить. Заставить ответить за свои жестокие слова.

Все это настолько остро запульсировало в груди, что Сезар разжал пальцы и отступил сам. Мгновенно выжигая из себя все чувства, все то, что делало его живым. Запирая на тысячи замков, чтобы темная магия не получила из этого всего силу.

— София, — произнес он, — не надо так. Я причинил тебе боль. Я прошу прощения. Я готов просить прощения каждый день, если это потребуется. Давай просто...

— Давай просто ты оставишь меня в покое? Я дала обещание сотрудничать в отношении этого брака, — она вскинула голову. — И на людях никто и никогда ничего не заподозрит. Но здесь и сейчас, между нами... я тоже буду честна. Мне не нужны твои извинения. Мне не нужны твои попытки все исправить. Мне не нужно ничего от тебя, ни твой мир, ни ты сам. Ты мне не нужен, Сезар.

Она обошла его, подхватив юбку. Остановилась в нескольких шагах за его спиной, словно вспомнив что-то.

— Полагаю, будет правильно, если в дом мы вернемся вместе. Я прошу прощения за то, что сбежала вот так, это никогда больше не повторится.

Он чувствовал Софию совсем рядом. Такую близкую и в то же время бесконечно далекую. Держать сознание, держать концентрацию сейчас было несравнимо сложно, но Сезар снова и снова, раз за разом вспоминал уроки Валентайна, выстраивая ментальные барьеры и отключая чувства. Он делал это до тех пор, пока Тьма, с шипением бьющая хвостом, не растворилась в силе контроля и блоков светлой магии. Пока он не уверился в том, что сегодня набрать силу ей уже не грозит.

Только тогда, глядя на слабо поблескивающие на земле нити браслетов, он повернулся к Софии.

— Будет все, как ты захочешь, — глухо произнес он. — Но я не отступлюсь. Я не оставлю тебя наедине с этим, и я не оставлю тебя. Я буду тебе мужем, пусть даже только для всех, и я буду ждать того дня, когда ты сможешь меня простить.

По лицу Софии прошла судорога, она плотно сжала губы. Но больше ничего не сказала, просто положила ладонь на сгиб его локтя и зашагала рядом. Они все-таки шли по этим дорожкам вместе, и на каждом шагу Сезар снова и снова повторял про себя.

«Настанет тот день, когда мы будем смотреть отсюда на звезды. Настанет тот день, когда я провожу ее в самую уютную беседку и накину на плечи платок. Настанет тот день, когда София меня простит».

Глава 11

Лена

Не знаю, каким бы было первое утро после свадьбы Сони в моем мире, но в Даррании оно началось с объятий Валентайна. Этот дракон настолько собственнически притянул меня к себе, что вывернуться из его рук не представлялось никакой возможности.

— Ва... — произнесла я, когда первая попытка расцепить его пальцы закончилась только более тесными объятиями. Я не договорила, потому что меня укусили за шею. Чувствительно так укусили, не больно, но до мурашек.

— Ты дракон или вампир? — поинтересовалась я, когда пришла в себя.

— Это тот, кто пьет кровь невинных жертв? — интимно поинтересовался Валентайн. — Помню, ты рассказывала.

— Ай! — я дернулась, когда меня укусили снова. При этом вжимаясь бедрами в мои ягодицы, однозначно демонстрируя, что у драконов, как и у вампиров, как и у прочих представителей мужского пола, утренняя реакция на желанных женщин одинаковая.

Я даже додумать не успела, как меня уже снова присвоили. Одним движением. И это оказалось настолько резко и настолько контрастно, что у меня с губ сорвался совершенно непристойный глубокий стон. Который однозначно понравился Валентайну, потому что на него он отозвался хриплым:

— Уверена, что ты невинная, Лена?

Я бы сказала все, что по этому поводу думаю, но мне было не до того. Тем более что его ладонь уже накрыла мою грудь, лаская и сжимая, и наше утро продолжилось сладкими, томительными движениями. Сбивающимся дыханием, стонами удовольствия и дрожью предвкушения нарастающего наслаждения, раскрывшегося ослепительно-ярко. Вот именно после этого самого наслаждения, когда Валентайн расслабился, я и сбежала в ванную. Коварно вывернулась из его рук и отправилась по делам насущным и чистить зубы, потому что романтика романтикой, но физиологию и гигиену никто не отменял.

— М-м-м... прекрасно выглядишь, — сообщили мне, когда я, завернувшись в халатик, стояла у глубокой раковины с медными ручками и таким же узорчатым красивым краном. Валентайн обнял меня со спины, и я посмотрела на него через зеркало.

— Ты хочешь, чтобы я не смогла ходить? В принципе?

— Я могу носить тебя на руках.

— Заманчиво, но я предпочитаю передвигаться самостоятельно, — я выскользнула из объятий и развернулась к нему лицом. — Представляешь?

— Представляю, что в твоём мире, Лена, совершенно невыносимые женщины.

— Это ты меня назвал невыносимой? — наигранно возмутилась я, упираясь ладонями ему в грудь. Поскольку одеться Валентайн так и не потрудился, это прикосновение грозило мне повторением близости, а еще кожу что-то царапнуло. — Ой!

Я отняла руку и увидела крохотную пластинку чешуйки, проступившую у него на груди. От нее расходился еще островок чешуи, но он как бы располагался под кожей и был мягким, а эта вот... вылупилась. Валентайн посмотрел поверх моего плеча — сейчас чешуя серебрилась и у него на скулах, и вот такими мягкими островками на ключицах. Его взгляд стал холодным, и я поспешила поинтересоваться:

— Магия становится сильнее?

— Да, — произнес он.

— Это хорошо или плохо?

— Чем сильнее во мне магия, тем сложнее мне будет контролировать ее силу. — Валентайн отпустил меня. — Но я справлюсь.

Меня это определенно радовало. Хотя бы тот факт, что он больше не говорит, что на него может напасть эта черная страсть (хотя судя по Сезару, эта черная страсть — та еще напасть). Что он должен меня уберечь, и поэтому нам не стоит видеться — тоже. Пусть мы с ним все обговорили и обсудили, каждый раз, когда речь заходила о его темной сути, он становился далеким и холодным, и словно отрезал себя от меня и от наших чувств. Я этого совершенно не хотела, поэтому поднялась на носочки, коснулась губами его губ.

— Уступаю ванную тебе. А потом можем наконец поговорить с Ленор. Мы и так слишком долго откладывали.

Сработало: Валентайн перестал смотреть на себя в зеркало, как на врага, и снова посмотрел на меня.

— Точно уступаешь? Или все-таки останешься? Моя невинная Лена.

Последнее, произнесенное низким драконьим полурыком, прозвучало так, что желание остаться чуть было не пересилило здравый смысл. Правда, потом я вспомнила, что пора бы уже и честь знать: вопросом Ленор однозначно стоит заняться, потому что это как плесень под кафелем. То, что она прикрыта плиткой, еще не значит, что ее нет, и что в следующий момент она не расплзется по всему дому. Поэтому я хитро улыбнулась, покачала головой и выскользнула за дверь.

Направляясь к себе в спальню, в ту комнату, с которой начиналось мое пребывание в этом доме, я подхватила виритту, которой придумала имя Лавиль, с тумбочки.

— Не вздумай опять что-нибудь выкинуть, — предупредила я Ленор, усаживаясь на застеленную кровать. С тех пор, как я перестала пользоваться спальней, комната выглядела как в музее или как в фотостудии: ее содержали в идеальной чистоте, убирались, здесь и правда можно было стилизованные фотосесии устраивать.

Подумав о фотосессиях, я подумала о Соне. Хотела ей написать, но решила что не стоит: уж точно не в первое утро после свадьбы. Насколько я знала, они с Сезаром не собирались в свадебное путешествие: здесь не было таких традиций, а Соня не особо хотела путешествовать. Поэтому напишу позже, а пока займусь тем, а точнее, той, кем давно стоило бы заняться.

Прикрыв глаза, я сосредоточилась на своих внутренних ощущениях, представила комнату Ленор в городском особняке Ларо и почти мгновенно оказалась там. Так легко, будто просто шагнула из этой реальности в свое сознание.

Она сидела на кровати. Сидела и смотрела на меня по-прежнему с ненавистью, но теперь еще и со страхом. Что-то внутри тонко кольнуло совестью, но я от нее отмахнулась. Я не просилась в это тело. Я вообще не просилась в этот мир, так что моей вины в том, что она оказалась в этом положении — ноль целых, ноль десятых.

— Готова нормально разговаривать? — поинтересовалась я. — Если ты все слушаешь и слышишь, то ты в курсе, что мы с Валентайном тоже не в восторге ото всей этой ситуации. Он хочет найти выход, но для этого ему надо с тобой поговорить. Почувствовать тебя с помощью магии.

Ленор усмехнулась. Ну как усмехнулась: уголок губ дернулся вверх, потом опустился вниз. К нему присоединился второй.

— Ты называешь меня плесенью, Лена, — сказала она. — Но плесень — это ты. Ты заняла мое тело и отняла мою жизнь, мою...

— С твоим ко мне отношением мы уже разобрались, — перебила я. — С моим к тебе тоже, у нас взаимно заплесневелая недружба. Теперь к делу: ты хочешь решить этот вопрос? Или хочешь продолжать сидеть здесь и смотреть на все, как сторонний наблюдатель?

— Решить вопрос? — Ленор снова зло улыбнулась. — Ну да. Всенепременно. А как ты его решишь? Как его решит он? Ты сама говорила, что нам не хватает одного лишнего тела, чтобы все жили долго и счастливо. Как по мне, это уравнение не решается ни в одну сторону, Лена. Кроме разве что единственного варианта: твой Валентайн не хочет со мной разговаривать. Он хочет выжечь меня из тебя.

— Что? — переспросила я.

— Что? — передразнила Ленор, явно наслаждаясь моей растерянностью. — Ты правда думала, что он со мной разговоры вести собирается? Изучать? Ему проще сразу избавиться от меня, чтобы тебя освободить.

Какой бред!

Я этого не сказала, но поскольку Ленор транслировалось абсолютно все, что я думаю, она усмехнулась.

— Ну да. Чего еще можно ожидать от той, которая отжала мое тело и которой пофиг, что я вижу все, чем вы занимаетесь.

Лексикон Ленор из моих мыслей пополняла с завидной регулярностью, это я уже поняла. А еще поняла, что действительно не думала о том, что она в общем-то видит каждое наше с Валентайном... в общем, видит все. Нет, я об этом знала, но не думала. До настоящего момента просто этим не заморачивалась. Мне что, правда было все равно? Или... мне и сейчас все равно?

— А это уже только тебе решать. — Ленор так и не сдвинулась с места, продолжала сидеть на кровати. — Знаешь, я даже рада, что ты не видела нас с Люцианом. Потому что мы тогда были только вдвоем. Тебя там точно не было...

— Заткнись, — прошипела я. — Заткнись, или до Валентайна ты не доживешь!

Ленор приподняла брови.

— Ну вот тебе и ответ. Знаешь, как ты меня бесила, когда я только-только приходила в себя после той дуэли? Но тогда ты была совершенно другой. Ты меняешься. Становишься как твой Валентайн. Тебе наплевать на других, если они стоят у тебя на пути...

Я почувствовала, как внутри потянуло холодом, и глубоко вздохнула. Я не позволю этому повториться! Не позволю этой овце вывести меня из себя!

— В твоих же интересах сотрудничать, — сухо сказала я. — Чтобы найти выход, надо действовать сообща, а не строить интриги и не делать пакости исподтишка. Без твоих нравоучений я как-нибудь обойдусь, а вот насчет разделения с тобой тела — я тоже не в восторге, можешь мне поверить. Так что с тебя — нормальное общение с Валентайном.

— А с тебя что? — Ленор заглянула мне в глаза. — Сотрудничество — оно, знаешь ли, Лена, на две стороны работает. Что я от этого получу?

— Не умрешь? — предположила я. — Получишь возможность избавиться от меня?

— Если он объяснит тебе как, я с удовольствием, — хмыкнула Ленор. — Подставляться под его темную магию просто потому, что ты ему безоговорочно веришь, я не хочу. И не стану.

— Значит, будешь сидеть тут до скончания века? Моего.

— Нет. Не буду. Я найду способ получить контроль над телом и все рассказать. Не Валентайну. Тем, кто действительно будет готов помочь *мне*.

— Это кому? — поинтересовалась я.

— Например, Макс. Ему ты тоже лжешь. Ладно, когда меня не было, точнее, когда ты не знала, что я есть, но сейчас... Ха. Да ты всем лжешь, Лена! Даже себе. Ты лжешь себе каждый раз, когда ложишься в постель с Валентайном. Тебе он не нужен. Вы с ним как две черные

дыры, затягиваете, затягиваете, затягиваете — и уничтожаете. Ты и Люциана почти уничтожила, к счастью, у него хватило сил к тебе больше не лезть...

Я сама не поняла, как оказалась рядом с ней, а еще — как моя ладонь сомкнулась на ее шее. Мы же были в моем сознании. В моем! В нашем... но я сдавила ее горло, как на самом деле, и осознание этого повергло меня в такой глубокий шок, что я разжала пальцы и отступила. Отшатнулась.

Что со мной рядом с ней происходит?!

Во что я вообще превращаюсь?

— Я тут ни при чем! — выкрикнула Ленор, вскакивая с постели. — Это ты, Лена! Это твое! Ты меняешься! Твоя темная магия тебя меняет. Ты хочешь сотрудничать — ну так вот тебе мои условия! Я хочу занимать свое тело наравне с тобой. Я хочу, чтобы за каждый новый день в моем теле один день был моим! Я хочу жить эту жизнь пусть даже наполовину! На меньшее я не соглашусь, можешь не сомневаться. И я буду бороться, потому что мне терять нечего! А вот ты можешь потерять все!

Я прикрыла глаза, а распахнула их резко, уже в реальности.

Оглушенная, сидела на кровати и думала обо всем, что только что произошло. О требованиях Ленор. О том, что я чувствовала внутри нашего общего сознания. О том, что со мной происходит, и о том, почему внутри меня так часто возникает эта черная дыра безразличия. Неужели я правда становлюсь темной? Неужели это правда воздействие темной магии?

В таком состоянии меня и застал Валентайн, заглянувший в спальню.

— Ну и почему ты сюда сбежала? — поинтересовался он.

— Надо было поговорить. С Ленор.

— Опять? — он нахмурился. — Без меня?

— На мне браслеты, — напомнила я. — Разметать здесь все темной магией мне не грозило. И, Валентайн, скажи мне одну вещь: ты хочешь поговорить с Ленор, чтобы прощупать ее, или ты хочешь выкинуть ее из моего сознания? Уничтожить?

Валентайн нахмурился. Прошел в комнату, опустился рядом со мной на кровать.

— Это она тебе сказала?

— Да. Я не поверила. Но я хочу услышать это от тебя.

Он вздохнул. Как-то так, что я сразу поняла, что Ленор была права. Господи, Ленор была права! Он действительно хотел ее уничтожить! А я...

— Ты не считаешь, что об этом как минимум стоило сказать мне? — поинтересовалась я, глядя на него в упор. — Потому что это касается меня напрямую! Не просто сказать, спросить моего мнения. Как ты вообще себе это представлял, Валентайн? То есть я открываюсь тебе, якобы для того, чтобы вы пообщались, прихожу в себя, и ты мне говоришь: упс — с Ленор произошел несчастный случай, ее больше нет?

— Ты все не так поняла, Лена.

— Да? А как это надо было понять? — последнее я прошептала, потому что сердце бешено колотилось, и я проглотила несколько звуков вместе с дыханием. — Объясни мне. Расскажи. Потому что я ровным счетом ничего не понимаю!

— Два сознания в одном теле все равно не смогут ужиться, — он посмотрел мне в глаза. — По крайней мере, на постоянной основе. Даже если благодаря каким-то экспериментам и магической науке Эвиль вы сейчас здесь вдвоем, чем это чревато, не знает никто. Да, я хотел поговорить с Ленор и попытаться с помощью магии прочувствовать, что она такое. Насколько глубоко она в тебе сидит, и смогу ли я ее удалить без вреда для тебя.

Я хотела что-то сказать, но во мне временно кончились слова. Поэтому подозреваю, что со стороны я выглядела как рыбка, которую океанская волна отправила позагорать: открывала и закрывала рот.

— И да, Лена, я не стану за это оправдываться. Если выбирать между тобой и Ленор, мой выбор будет очевиден. На самом деле, когда дело касается тебя, мой выбор будет очевиден всегда. Я не готов тобой рисковать и проверять, что натворила твоя мать в прошлом.

— То есть говорить с Эвиль ты изначально не собирался? — поинтересовалась я, обретая дар речи. — Все это было для того, чтобы я согласилась на твой разговор с Ленор?

Слово «разговор» я выделила особенно, но Валентайн остался совершенно невозмутим.

— Собирался. Если ты не согласишься. Я никогда ничего не сделаю против твоей воли, если только это не будет угрожать твоей

жизни. Можешь думать, что хочешь, но на самом деле для меня это даже не выбор. Это единственно верное решение, откладывая которое, я ставлю тебя под угрозу. Можешь себе представить, что я из-за этого чувствую?

— Валентайн, но она живая! — воскликнула я. — Нельзя просто так взять и убить кого-то, просто потому что он потенциально угрожает мне!

Его лицо стало каменным. Жестким. Во взгляд вернулось знакомое по первым нашим встречам архимаговское серебро и отчуждение.

— Пообещай мне, — сдавленно прошептала я. — Пообещай, что ничего ей не сделаешь, что мы будем вместе искать выход... другой выход. Пожалуйста, Валентайн.

Он промолчал, и я поняла, что не могу даже сделать вдох. Мне словно сердце сдавили ледяной рукой, а следом за ним и легкие.

— Тогда уходи, — попросила я. — Просто уходи. Я не могу сейчас с тобой разговаривать.

Я не могу с тобой разговаривать. Это было настолько остро, что мне снова стало нечем дышать, повторно, но уже по другой причине. Я понимала, что готова наговорить ему кучу всего, и не хотела этого — и вместе с тем хотела. Все это внутри меня смешалось в такой гремучий коктейль, что, казалось, сейчас рванет, и осколки шейкера полетят по всей комнате. Больно было так, что даже слезы застыли обжигающим колючим песком внутри.

Валентайн поднялся, и в этот момент раздался негромкий стук в дверь.

— Войдите, — сухо произнес он.

В спальню впорхнула горничная, которая тут же сделала книксен и произнесла:

— Прошу прощения, архимаг, но вам сообщение. Срочное.

— Говори.

— Слушание по делу Ленор Ларо отменяется. Все семьи, которые выдвинули обвинения, от них отказались, а учитывая новые показания Люциана Драгона, дело совместным решением драконов и людей принято закрыть. — Она посмотрела на меня и с улыбкой добавила: — Поздравляю.

Глава 12

Поместье, которое Сезару и Соне подарил Ферган, было основательным, трехэтажным, и чем-то напомнило мне Екатерининский дворец. Правда, парк здесь был немногим поменьше, но это я оценила на глаз, пока шла по дорожке к главному входу: внутренние порталы здесь почему-то не разрешались, поэтому меня встречали на улице. Слуги в расшитых золотом ливреях провожали меня в малую гостиную, где среди небесно-голубого и белого цвета золото и мрамор пола снова напомнили о родном Питере.

Тем не менее на диванчике с бархатной обивкой я сидела как на иголках, и, в конце концов, подскочила и подошла к окну, застыв у тяжелой плотной ярко-голубой портьеры, легкие занавеси под которой почти не прикрывали вид на залитый ярким летним солнцем парк. Отсюда было видно только красиво подстриженные газоны, кусты и деревья, никакого пространства, как сказала бы тетя Оля, но я нашла это вполне умиротворяющим. Особенно умиротворяло то, что пели птицы: пели в еще не успевшем набрать жару дне.

Соня согласилась меня принять сразу же, как я ей написала, а написала я ей сразу же, как стали известны подробности моего чудесного избавления от местного суда. Оказывается, главным инициатором прекращения моего дела стал Иван Драконов, а родители парней, которых я приложила, приходили вместе с ним. Причем приходили подтвердить, что не имеют ко мне абсолютно никаких претензий, вот вообще. Что все это страшное недоразумение, и что они очень рады, что никто невинный не пострадал.

Учитывая, что на меня хотели повесить всех собак, а в случае Даррании, скорее уж всех драконов, это выглядело, мягко говоря, театрально. Благо с соображалкой у меня все было в порядке, и я шустро сложила два и два. Сейчас же стояла у окна, искренне надеясь, что я ошибаюсь. Потому что при одной только мысли о том, что я права, меня бросало в холодный пот.

— Лена? О чем ты так срочно хотела поговорить? — Соня в легком персиковом платье выглядела так свежо, такой красивой и выпавшейся, что я мигом усомнилась в своих умозаключениях.

— О тебе. Обо мне. О том, почему Драконов экстренно снял обвинения, и теперь слушание по делу мне не грозит.

Улыбка сбежала с Сониных губ, и я поняла, что рано радовалась. Потому что, будь это просто инициатива Драконова, Соня бы сейчас прыгала до потолка. Но я оказалась права. Я уже знала это до того, как она произнесла следующие слова:

— Я не могла поступить иначе, Лен.

— Что?! — взвыла я. Мне казалось, что я схожу с ума! Или весь мир сошел с ума. — Ты вышла за него замуж, чтобы купить мне вот этот вот... это вот?!

Похоже, общение с Ленор не прошло для меня даром, потому что я окончательно утратила контроль, подлетев к Соне и схватив ее за руки:

— Зачем?!

— А ты разве не сделала бы то же самое для меня?

Я проглотила слова, которые застыли во мне на подлете, а спустя секунду даже уже не помнила, что я хотела сказать.

— Сонь, но я... ты же связала свою жизнь с тем, кого ненавидишь! — это вырвалось само собой. — Скажи мне, что это не так. Скажи, или я сойду с ума!

Подруга вздохнула. Отвела глаза. А мне захотелось побиться головой о стену. Может, если очень сильно побиться, оттуда вытряхнется Ленор и найдет себе другое место жительства? Хотя бы она меня донимать не будет!

В этот момент я поняла, что злюсь не на Ленор. Не на то, что Соня мне ничего не сказала и решила поиграть в героиню. Увы, злилась я исключительно на себя: на то, что не поняла все сразу. На то, что не настояла на откровенном разговоре. Но как, спрашивается, было настоять, если Соня была так убедительна? А я тоже хороша. Развесила уши и пошла заниматься своими делами.

Драгунова осторожно высвободила свои руки из моих и кивнула на столик, который для нас накрыли по всем правилам этикета.

— Давай попьем ранх, Лена. Или джмерг. Что хочешь?

Никогда бы не подумала, что это скажу, но...

— Дорнар-оррхар. Можно сразу целую бутылку.

Соня улыбнулась:

— Ты же свалишься после первого глотка.

— Не надо меня недооценивать, — буркнула я, и мы все-таки пошли к диванчику.

Соня сунула мне в руки местный эклер — по крайней мере, тесто напоминало заварное, с начинкой из воздушного крема.

— Ты знаешь, как заткнуть мне рот, да?

— Я просто хочу, чтобы мы нормально поговорили. Потому что что сделано, то сделано, отменить это невозможно, да я и не хочу. Я знала, на что иду, и сделала это. Ты здесь ни при чем.

— Конечно.

Я сунула в рот эклер целиком и принялась жевать, хотя и очень сильно боялась, что он выйдет мне боком. Ну ладно, не боком, а через задницу, потому что в последнее время все как-то... через задницу! Вот только если для эклера это в порядке вещей, то для остального не очень.

— Почему ты мне ничего не сказала?

Соня приподняла брови:

— Потому что ты бы устроила драму?

— Я похожа на королеву драмы?

— Нет, но когда речь заходит о том, чтобы кто-то что-то сделал для тебя, у тебя случается истерика. Ты очень любишь помогать другим, Лена, но абсолютно не умеешь принимать помощь.

— Это не помощь. Это великая жертва. Ты хоть понимаешь, что я сейчас чувствую?

— Не благодари.

Соня подвинула ко мне блюдце и чашку, и я налила себе ранх. Сидела, пила и жевала, и старалась не думать о том, что она права. Я бы, наверное, такое устроила... но она... она конечно... без комментариев.

Подруга выбрала джмерг, и его горьковато-шоколадный аромат разносился по гостиной, вплетаясь в свежесть летнего дня так же, как солнце вплеталось в насыщенные темные волосы, струящиеся по Сониным плечам. Она была такая красивая и такая утонченная, настоящая принцесса, что я на миг подумала: может быть, я правда слишком драматизирую? Соня не выглядит расстроенной, она в красивом доме, да, она вышла замуж за Сезара не по любви, но это ведь не конец света. Все можно исправить.

— Сонь, — произнесла я, когда наконец смогла говорить относительно без эмоций. — Я очень, очень тебе благодарна за то, что ты меня спасла. Но это слишком большая цена для меня.

— Это не твоя цена, Лена. Моя. Только мне решать, какую я готова заплатить цену за спокойствие и счастье любимой подруги.

У меня на глаза навернулись слезы. Я не позволила себе устроить потоп, поэтому сидела и глубоко дышала, должно быть, целую вечность. Чтобы сказать:

— Ты же можешь с ним развестись. Да, разводы в Даррании редкость, но я думаю, что если Сезар...

— Не могу. Династические браки не расторгаются, это особая магия.

Я ошалело посмотрела на нее.

— То есть как?

— То есть так. Магия, которая связала нас с Сезаром — это на всю жизнь. Магия тэрн-ара и его избранницы. Но я не кривила душой, когда говорила, что не хочу перебирать отцовских женихов, так что все к лучшему. Этот брак избавил меня от необходимости тешить Драконовские амбиции, а значит, так тому и быть.

Я сползла по дивану, положив голову на спинку. Теперь я могла лицезреть высокие потолки с изображением драконьих рун. Интересно, зачем они здесь? И не они ли блокируют возможность проходить порталами сразу во дворец? Спинка дивана, сияющая золотом, больно врезалась мне в шею, но я не шевелилась.

— Как мы до такого докатились, а, Сонь? Что ты Ивану Драконову доверяешь больше чем мне?

— Ивану Драконову я вообще не доверяла. Мы заключили магический договор, согласно которому он не мог нарушить свое обещание. Тебе я доверяю больше, чем себе, но это правда было мое решение, и я не хочу больше об этом говорить. Сезар относится ко мне нормально, он не намерен ни к чему меня принуждать. Мы договорились, что будем жить в разных комнатах, для всех будем супругами, и на этом все. Надеюсь, на этом все и для тебя, Лена, потому что я не хочу слышать по этому поводу никаких комментариев, и совершенно точно я не хочу больше это обсуждать.

Я выпрямилась и молча кивнула. Да и что тут скажешь? Сейчас, когда все уже сделано.

— Сонь, ты же знаешь, что ко мне можно прийти со всем, правда?

— Разумеется! С чего ты взяла, что между нами вообще что-то изменится?

Глубоко вздохнув, я потянулась к Соне и обняла ее. Мне правда очень хотелось верить в то, что ничего не изменится, но оно уже изменилось. Во что это все выльется, мне оставалось только догадываться.

— Я хочу еще раз поговорить с Ленор, — произнесла я, когда вечером Валентайн вернулся домой. — Но сначала я хочу поговорить о ней с тобой. И не только о ней. Как ты?

Кажется, он такого не ожидал — особенно после того, как мы расстались. Потому что только приподнял бровь:

— О чем ты?

— Обо всем. О том, что происходит во Дворце правления. О том, что происходит между нами. Я не должна была с тобой так говорить. Просто вся эта ситуация... она для меня слишком. Когда я начала думать, что моя жизнь более-менее стала простой, появилась Ленор, и... — Я развела руками. — Я тоже не в восторге от того, что приходится с ней делить тело, да и, если честно, для меня это как какой-то страшный сон, но я точно уверена в том, что я не хочу, чтобы она пострадала. Она и так уже пострадала, когда твой... Адергайн провернул это все с межмировым перемещением. Поэтому я просто хочу во всем разобраться, и я хочу, чтобы ты думал о ней наравне со мной. Потому что мы не вправе решать, кому жить, а кому умирать, Валентайн. Мы не боги, а даже если бы ими были, я бы ни за что на такое не пошла. Ты меня понимаешь?

Он помолчал. Поскольку говорили мы в его кабинете, просто поднялся из-за стола, приблизился ко мне и потянул за собой на тот самый диван, который поставили здесь для меня.

— Да, — произнес Валентайн, когда мы сидели рядом. — Я тебя понимаю, Лена. Больше того, я этого ожидал. Поэтому ничего тебе и не говорил. Потому что такой выбор — перекладывать на тебя такой выбор — это...

Он не стал подбирать слова, просто ненадолго замолчал, а потом продолжил:

— Надеюсь, ты никогда перед ним не окажешься.

— Ты не станешь ничего делать, не сказав мне? Не посоветовавшись со мной? Пожалуйста. Пообещай мне это про Ленор. Для меня это важно.

— Обещаю, — произнес он, и у меня просто скала с плеч свалилась. Рассыпалась осколками, крошкой, я же порывисто его обняла и уткнулась лицом ему в плечо.

— Спасибо, — пробормотала в это плечо. — Спасибо тебе.

Вместо ответа Валентайн притянул меня к себе еще ближе. Какое-то время мы просто молчали, а потом он прошептал мне в макушку:

— Сейчас я счастлив.

— Что? — поинтересовалась я, запрокинув голову.

— Ты спрашивала, как я. Теперь я счастлив.

— Почему?

— Потому что у меня есть ты, — он говорил, и с каждым словом его лицо становилось все более и более светлым. Ушла морщинка между бровей, появившаяся, когда мы вновь заговорили про Ленор. Ушла мрачная резкость. — Потому что рядом с тобой я становлюсь лучше. Потому что ты даришь мне свет, который я так и не смог найти в себе.

— Ерунда, — я улыбнулась в ответ и коснулась кончиками пальцев его скулы. — В тебе есть свет, Валентайн. В тебе его столько, что хватит на всю Дарранию и на все Темные земли. Я бы не смогла быть рядом с тобой, если бы было иначе.

Улыбка, тронувшая его губы, ушла мгновенно. Растворилась, словно ее и не было.

— Во Дворце правления сейчас все относительно тихо, — произнес он.

— Тихо? Разве расследование по Лэйтору закрыли?

Валентайн снова нахмурился.

— Тот, кто его вышвырнул на Алой площади, не оставил никаких следов. Магические следопыты прибыли на место слишком поздно, все уже стерлось, никаких зацепок, никто ничего не запомнил. Так что, можно сказать, мы в тупике. Пока что ясно только одно: тот, кто это сделал, обладал очень большими ресурсами, и он до сих пор в Даррании.

— Вы его найдете, — я потерлась щекой о его подбородок. Слегка колючий. — Ты найдешь. В тебе я ни на минуту не сомневаюсь.

Он провел пальцами по моей шее, вдоль позвоночника.

— Я люблю тебя, Лена.

Я замерла. В сочетании с короткой незамысловатой лаской признание получилось таким оглушающим, что я сейчас ничего больше не слышала. Даже биения своего сердца: оно, кажется, там притаилось и сидело тихо-тихо, опасаясь первым же ударом спугнуть то, что я только что услышала.

— Ты... — прошептала я. — Ты — что?

— Тебе нравится это слышать? Я люблю тебя, Лена, — повторил он. — Больше жизни. Больше чего бы то ни было, что в ней когда-либо было. Ты для меня бесценна.

Можно тысячу раз представлять такой вот момент, а можно один раз прожить — и все равно он будет не похож ни на что из того, что ты себе представляла. Сидеть вот так рядом, близко-близко к любимому мужчине, смотреть в темные глаза, отмеченные серебряными искрами его магии — и слышать его слова. Слова, которые идут из самого сердца.

— Да, — ответила я. — Да, мне нравится это слышать. Так бы слушала и слушала, Валентайн.

Вместо ответа он потянул меня на себя, и диван в очередной раз стал невольным свидетелем нашей близости. Впрочем, диван-то ладно, а вот Ленор... но о Ленор я вспомнила только когда приходила в себя от очередного яркого наслаждения, и, кажется, в этот момент слегка покраснела.

— Что-то не так? — поинтересовался Валентайн, когда я завозилась, начала поправлять юбку и вообще быстро приводить себя в порядок.

— Ленор. Она все видит. И вообще. Я собиралась с ней поговорить...

— Ты сейчас такая невероятная, — он сцепил руки, не позволяя мне вырваться сразу же. — Сейчас и всегда.

— А ты... тебя... тебя не смущает? — спросила я, краснея еще сильнее под его откровенным взглядом. Сейчас он задержался на моей груди, все еще возбужденной после яркого наслаждения. Мазнул по острым соскам даже поверх ткани платья, и я невольно прикрылась руками. — Тебя не смущает, что она все видит?

— Нет. Потому что я вижу только тебя, Лена.

Валентайн развел мои руки в стороны, наслаждаясь моим смущением, которое прорвалось невесть откуда, а после с явным сожалением отпустил.

— Хорошо. Иди говори со своей Ленор. Только в браслетах, и если что...

— Если что, я тут же этот разговор закончу. Я уже научилась это делать.

Я соскользнула с дивана и отправилась в свою спальню. Опустилась на кровать, привычно прикрыла глаза, сосредоточившись на внутренних ощущениях. Пару раз успела глубоко вздохнуть и глубоко выдохнуть. Открыла глаза в знакомой уже до деталей комнате, какой она осталась в памяти Ленор. Вот только Ленор нигде не было. Ее не оказалось ни на кровати, ни у окна, ни у стены. Оглядевшись, я направилась к единственному месту, в котором она могла скрываться — к шкафу.

Что это вообще за детские прятки?

Распахнув двери шкафа, я увидела... пустоту.

А в следующий момент меня с силой ударило в спину, голова взорвалась болью, и я в эту пустоту полетела. В пустоту и в темноту, черную как ночь, чтобы, когда она развеется, увидеть, как Ленор рассматривает свои руки. Шевелит пальцами, будто не веря в то, что она может это сделать.

Рассматривает свои ладони, а потом вскакивает на постели и начинает прыгать на ней, как сумасшедшая. Такой же сумасшедший коктейль чувств обрушивается и на меня, и меня подхватывает им, крутит, как в воронке, бросает туда-сюда.

Приходится ухватиться за то, что первым приходит в голову, за мою мысль: «Это не я», — и тут же накрывает осознанием, что Ленор управляет телом, а я... я бьюсь, пытаюсь перехватить контроль, пытаюсь вырваться наружу, кричу, но меня никто не слышит. Мечусь по комнате, но она как тюрьма, как клетка.

Бесполезно.

Я заперта в этом теле и в этом сознании, как когда-то она.

Как раз в ту минуту, когда я в ужасе, тщетно, снова и снова пытаюсь почувствовать себя или свою магию, Ленор надоедает прыгать. Она слезает с кровати — раскрасневшаяся, растрепанная,

подходит к зеркалу. Смотрит на свое-мое отражение и с ехидной улыбочкой произносит:

— А вот теперь, Лена, мы повеселимся.

Глава 13

Некоторое время спустя

В прошлый раз на открывающем балу я была с Люцианом. В этот раз — с Валентайном. Хотя, наверное, сказать, что я была с Валентайном нельзя, потому что с ним пришла Ленор. Я это отмечала уже философски, рассматривая украшенный бальный зал ее глазами. Встречая взгляды окружающих через ее восприятие. К этому я привыкла: не сразу, конечно же. Первые несколько дней я вообще сходила с ума, металась по клетке сознания, пытаюсь из нее вырваться, но темную магию блокировали браслеты, а светлая, видимо, с этим не помогала. Или не помогало в принципе ничего, но Ленор решила подстраховаться и с браслетами не расставалась. Она с ними спала, ела, купалась, даже трахалась с Валентайном.

Ну что я могу сказать? К этому я тоже привыкла относиться философски. За время пребывания в глубинах моего подсознания она неплохо меня изучила. Я бы сказала, изучила очень хорошо, у нее был мой словарный запас, мои воспоминания и опыт моих поступков в самых разных ситуациях. Она слышала все, что я говорила, и все, что говорили мне, и, судя по всему, конспектировала. Ленор даже жесты мои копировала настолько точно, что я одраконовала.

Конечно, одраконеть сильнее, чем после ее удачного выселения меня на задворки сознания было сложно. Или после того, как эта скромница, «любящая» Люциана, принялась весело зажигать с Валентайном, используя все, что было в ее распоряжении, а он... а он тоже ее не узнал. И все-таки да, первое время у меня было много поводов для одраконований. Теперь, на второй месяц заточения в башенке в стиле «Ленпунцель и злобная ведьма Ленорища», я уже ко всему относилась с большой долей пофигизма.

Если сначала было больно и обидно: в частности, от того, что Валентайн ничего не почувствовал, то сейчас стало уже почти все равно. Соня, кстати, тоже ничего не почувствовала, и Ярд, и Макс. Но с ними Ленор мало общалась — предпочитала одиночество или общество Валентайна, мотивируя это тем, что у Сони же своя жизнь,

потому что она вышла замуж за Сезара, а Макс взрослый мужчина, пусть сам строит свое новое будущее.

Она реально использовала мои слова! Никто бы даже не подкопался, но слова — это слова, а чувства — это... это нечто другое. Если первое время я верила, что Валентайн ее раскусит, вытащит меня отсюда, то потом уже и на это надеяться перестала. Смирилась.

Ленор больше не разговаривала со мной: ни через зеркало, ни тем более через подсознание. А что самое смешное, теперь, когда она засыпала, я пребывала в темноте. Не знаю, как было у нее по первой, но я не могла перехватить контроль над телом. Ни пошевелить пальцами, ни открыть глаза. Впрочем, я все равно пробовала — снова и снова, но безуспешно. Она засыпала — и я погружалась во тьму. Она это знала, потому что по утрам довольно улыбалась.

Бонусом я теперь слышала ее мысли: например, что эта тварь Лена получила по заслугам, или что трахаться с Валентайном ей даже нравится, хотя, конечно, это не навсегда. Она развлекалась и ждала удобного момента, чтобы с ним расстаться. Потому что быстрое расставание, конечно, сразу же вызвало бы вопросы, ну и... ей нравилось, что я на это смотрю. Ей реально нравилось мстить мне таким образом и заставлять наблюдать, как любимый мужчина занимается сексом с другой. Хотя и не знает об этом.

А еще она поразительно быстро привыкла к моему имени. Ни разу не продраконила, когда ее называли Леной.

— Я ненадолго тебя оставлю, — произнес Валентайн, касаясь губами ее руки, и она улыбнулась моей улыбкой.

— Разумеется. С твоим новым назначением никто не поймет, если ты будешь проводить все время со мной, а не рассказывать адептам о перспективах светлого будущего.

Что самое мерзкое, так бы могла сказать я! А Валентайн, помимо архимагической должности, внезапно еще и получил предложение стать заместителем ректора. Когда предыдущий решил, что ему пора на покой, Эстре, разумеется, подсуетилась и быстренько подтянула его поближе, а он взял и согласился. Чтобы быть поближе ко мне. То есть к Ленор. То есть ко мне!

Ненавижу это все!

Как же я ее ненавидела первое время. Я не знала о том, что она тут сидит, а она знала. Знала — и все равно делала все то, что делала.

Сначала я просто кипела, сжигая себя изнутри этим чувством и невозможностью что-либо изменить, от всей тщетности своих попыток ненависть разгоралась во мне с каждым днем все сильнее, пока я не поняла одну очень простую вещь: да, Ленор посадила меня сюда намеренно, хотя сама через все это прошла. Да, она знала, что я «познакомилась» с ней относительно недавно и пыталась как-то это решить, но в ее планы это не входило. Да, она делала мне больно нарочно, но убивала я себя сама. Этой ненавистью. И, когда я это поняла, я перестала ее ненавидеть. Ну как... не сразу, конечно же. Порой меня выбивало в крайности, вот как сейчас. Но это чувство было скорее мимолетным, эмоциональным, вспышкой, а не кислотой, разъедающей меня изнутри.

Я училась радоваться простым вещам: в частности, когда Ленор просыпалась, темнота заканчивалась. Наступало новое утро, светило солнце, пели птицы, а ночами было невероятно прекрасно смотреть на звезды даже ее глазами. Я искала в себе любовь там, где ее не должно было остаться, и это стало моим единственным утешением. Потому что ни спать, ни плакать я не могла — это телу нужен отдых, это у тела есть слезные железы. Я искала саму себя в этом заточении, и понимала, как часто игнорировала такие простые вещи. Как, например, возможность поднять руку, сжать что-то в своей ладони или коснуться любимого мужчины. Обнять подругу. Прижаться губами к стакану с водой...

— Я ненадолго, — повторил Валентайн, улыбнувшись. Мне.

И от этой улыбки сердце в очередной раз разлетелось осколками. Он затерялся в толпе собравшихся, а Ленор с улыбкой помахала Максу. Он был с Алиной. С этой мерзкой, невероятно меркантильной девицей, которая вытягивала из него деньги на побрякушки, новые наряды, дорогие места, а потом всем этим хвасталась. Он же ничего этого не замечал, а Ленор... Ленор было плевать. Сколько раз я пыталась ее дозваться, но тщетно: она то ли меня игнорировала, то ли реально не слышала.

Соня еще не приехала, поэтому Ленор направилась к столу с закусками и дорнар-скар, возле которого застыли вышколенные слуги.

— Ты слышала, что Женевьев Анадорская будет у нас преподавать? — донеслось до меня.

Две девушки, проходившие мимо, увлеченно обсуждали новый преподавательский состав.

— Женевьев? Серьезно?

— Да! Да-а-а! Представляешь?

Ленор пошла дальше: Женевьев ее мало интересовала, а я вздохнула. Мысленно, ментально — как это там называется?

Анадоррские, к слову, уверенно набирали позиции, а Ферган нервничал. Это было заметно по тому, что он все чаще появлялся в проекции, демонстрируя свою силу, но, кажется, медленно но верно терял позиции. У Анадоррского было много сторонников, а еще было неоспоримое преимущество: наследник, который никого не насиловал и который не отказывался от престола на глазах у всех.

Погоняв циничные мысли туда-обратно, я вернулась в реальность. Ленор как раз собиралась потребовать у слуги бокальчик дорнар-скар, когда по залу пронесся громкий слаженный вздох. Обернувшись к дверям, она застыла, как та статуя в пошлом стишке. Моргая и пытаюсь справиться с нахлынувшими на нее чувствами, потому что в зал вошел не кто иной, как Люциан Драгон.

Ленор сейчас не была исключением: вместе с ней застыли и все остальные. Кажется, даже негромкая музыка притихла еще сильнее, потому что каждый шаг Люциана сейчас раздавался в воцарившейся тишине невероятно громко. Волосы у него окончательно отросли, и он стянул их в небрежный хвост. Эта небрежность, пожалуй, была единственной деталью, которая напоминала о прошлом Люциане, потому что резкость его черт, жесткость и выправка в сочетании с военной формой создавали совершенно иной образ.

Незнакомый. И взрослый.

Мгновения оцепенения миновали, и по залу полетели шепотки:

— Люциан Драгон...

— Не может быть!

— Он же должен быть в гарнизоне...

— Ты знал, что он вернется?

Последнее спросил Дас. Он повернулся к Нэвсу, рядом с которым с такими же изумленными лицами застыли девушки-драконессы. Парень помотал головой. Друзья Люциана, оказывается, тоже успели подойти к столам и сейчас выглядели не менее ошарашенными, чем остальные.

Ленор же глубоко вздохнула, словно ей не хватало воздуха, особенно когда Люциан на нас посмотрел. Кажется, у нее даже сердце в этот момент перестало биться. Что, несомненно, было бы печально для нас обоих, хотя куда уж печальнее. В те секунды, что она цеплялась за его взгляд, Ленор еще и не дышала, но потом, к счастью, Люциан прошел мимо. Направился к лестнице — по ней как раз спускалась Соня. Увидев его, она улыбнулась, а я искренне пожалела, что не могу уйти в отключку.

Потому что жизнь продолжалась. Для всех. Моя подруга сейчас помахала мне рукой, не зная, что это не я. Ленор, разумеется, непустила такой возможности и устремилась к ним на всех парах. Бегу, волосы назад — вот это сейчас было про нее. Странно, что в портал не скакнула, а то слишком уж разогналась.

— Привет! — поздоровалась она таким голосом, что по ощущениям готовилась вот-вот хлопнуться в обморок или на экзамен, к которому ничего не выучила.

— Привет, — Соня порывисто ее обняла. — Ты как? Выглядишь бледной.

— Я? А... да. Ничего. Все в порядке, — она обняла Соню в ответ. — Просто, видимо, не выспалась.

— Валентайн спать не давал? — насмешливо поинтересовался Люциан, и ее аж передернуло. Внутри.

Справедливости ради стоило отметить, что сегодня Валентайн спать давал, но, видимо, Ленор за жопу покусала совесть. Я даже пожалела, что у меня нет попорна, чтобы сесть и посмотреть на это представление, но кто ж мне помешает посмотреть его просто так.

— Нет. Просто не выспалась, — проблеяла она. — Не все в этом мире сводится к Валентайну Альгору.

— Да ты что? — усмехнулся Драгон.

— Люциан, — Соня взяла его за руку, — давай не будем.

— Даю. Не будем, — как-то легко согласился он.

— Ты правда вернулся? — Глаза Сони сияли счастьем. Непривычное для нее состояние, но я была искренне рада за подругу. Если появление Люциана заставляет ее светиться, то пусть он появляется почаще. — Или в увольнительной?

— Я вернулся. Восстановился без лишнего шума заранее.

— А... а гарнизон?

— А гарнизон никуда не денется, — почему-то нахмурившись, произнес Люциан. — Хочу закончить обучение. Для начала.

— Я так рада! — Теперь Соня обняла и его, а я стояла и понимала, что ничего не меняется: наше трио опять притягивало внимание всех. Супруга Сезара Драгона, опальный принц, отказавшийся от престола и бывшая дочь заговорщиков, а ныне герлфренд Валентайна Альгора.

К нам уже спешили Макс с Алиной, от взглядов, прилипающих к коже, становилось даже слегка жарковато. Хотя не исключено, что Ленор было плевать на взгляды и на Аникатию, Клаву и Лику, созерцавших нас с таким видом, будто хотели распылить на атомы. Скорее всего, ей было жарко от Люциана, который на нее (на меня, на нас) вообще не смотрел. А вскоре, к счастью, перестали смотреть и остальные, потому что на балкон выплыла Эстре и в классическом стиле принялась вещать о том, сколько всего интересного нас ждет в новом году. Она поздравила первокурсников, поздравила последнекурсников, остальных — тоже, с новыми перспективами и горизонтами, новыми уровнями погружения в магию и все такое.

Потом представила нового заместителя ректора, и на балкон вышел Валентайн. Вопреки предыдущему году, сегодня многие смотрели на него с любопытством и искренним интересом, а многие девушки — еще и с восхищением. Мне тут впору бы было поревновать, но во-первых, сложно ревновать, когда ты сидишь в голове у Ленор Ларо и наблюдаешь за происходящим из позиции «хорошо в деревне летом», а с другой — по-моему, ревность во мне сдохла, так и не зародившись.

Потому что Валентайн смотрел только на меня. На нее. Смотрел и не узнавал, не чувствовал, что это не я. Он говорил и смотрел на нее так, будто она была мной! Мне хотелось закрыть глаза и отвернуться, а я не могла. Ленор же было без разницы, как он на меня смотрит, все ее мысли сосредоточились на Люциане и метались, как обезьяна по комнате с бананами.

Что ему сказать?

Мне нужно что-то сделать прямо сейчас...

А как это сделать, чтобы никто ничего не заподозрил?!

Я не хочу быть рядом с ним Леной.

Но, может быть, первое время... а потом, когда он привыкнет, когда поймет, что ему со мной хорошо... со мной, а не с ней, я все ему

расскажу!

Так она и зыркала на него всю речь Валентайна, мешая мне сосредоточиться хотя бы на чем-то, кроме этого бесконечного мыслепотока. В итоге пропустила даже появление Женевьев, которую тоже представила Эстре. Оказалось, Анадоррская у нас будет вести магическое право, которое как раз начиналось со второго курса. Ее взяли в помощь магистру: ему в этом году предстояло быть в разъездах, и второкурсников полностью отдали ей. Потому что для тех, кто выбирал право уже как приоритетный предмет для своих специальностей, оставался он, а вот обязательку (в смысле, обязательный курс) будет вести она.

— Также в этом году планируется расширение курса по темной магии. В частности, мы добавим больше исторических сведений по Мертвым землям.

А ей так можно говорить, да?

Эстре, похоже, даже не заметила, что оговорилась: она сверкала, как и ее ослепительная шевелюра, которую подчеркивали строгий темно-синий костюм и белая блузка. Изредка она смотрела на Валентайна, и выглядела в этот момент точь-в-точь как Ленор рядом с Люцианом. Поразительно, раньше я этого не замечала, но рядом с мужчиной, который нравится, любая, даже самая жесткая женщина становится мягче. Раннимой и уязвимой.

— А теперь я даю слово нашему новому магистру. Женевьев.

Анадоррская шагнула вперед. Ее волосы тоже сверкали, только не огненной медью, как у Эстре, а золотом. Костюм на ней был кремовый — в Академии форма была только у адептов, магистры могли одеваться, как хотят.

— Добрый день! Я рада приветствовать всех вас, — начала она, а Ленор перехватила слегка удивленный взгляд Люциана. Обернувшись, увидела Ярда, который незаметно подошел к нам, а сейчас отползал за спины собравшихся, явно стремясь слиться с толпой.

— Это что? — все-таки озвучил свой вопрос Драгон.

Алина хихикнула.

— О, это... — Макс закатил глаза. — Ладно, я вам потом расскажу. Мы познакомились на Эллейских островах. Точнее, они познакомились.

Ленор даже не повела ухом, никакой заинтересованности. Все, что ее интересовало — Люциан. Который, внезапно, отвлекся от Женевьев и посмотрел на меня в упор.

«От радости в зобу дыханье сперло» (с) Ленорка взвизгнула во все Ленорье горло.

Ну ладно, визга и верещания не было, она просто начала краснеть. Я это заметила по красным пятнам на руках, которые она сцепила до побеления пальцев.

— ... считаю магическое право одной из важнейших основ. Во время обучения это был один из моих любимых предметов, и я надеюсь, что смогу передать эту любовь вам...

Слова Женевьев долетали как сквозь толщу воды, потому что мое-Ленорье сердце бухало в ушах. И провалилось в пятки, когда Люциан, шагнув к ней вплотную, произнес:

— Надо поговорить, Лена. Наедине.

Глава 14

Раньше я только в анекдотах такое слышала, когда девушка встречается парня, и у нее в голове выстраивается вся цепочка — от конфетно-букетного периода до трех детей и старости у камина. Вот у Ленор сейчас примерно то же самое: она представляет, как Люциан зажимает ее у стены, все, что происходит дальше, потом свадьбу, и как они живут долго и счастливо в домике с уютным видом на сад. Могла бы я говорить, сказала бы, что это не про Люциана, но я говорить не могу, и все, что мне остается — это надеяться на ее прокол. Что сейчас она сделает или скажет что-то, не соответствующее мне, и это увидят все. В том числе Соня!

Но Ленор глубоко вдыхает, выдыхает, а потом произносит:

— Не думаю, что это хорошая идея.

И отворачивается.

Я жерываюсь от двух совершенно противоречивых желаний: пнуть ее под зад хотя бы ментально или поаплодировать. Нет, ну какова, а! То, что актриса из нее превосходная, я поняла с самого начала, но чтобы такая! Она продолжает стоять и думать о том, как ей вообще разрулить эту люциано-валентайновскую ситуацию так, чтобы никто ни о чем не догадался, а я размышляю о ее талантах. Справедливости ради, о Люциане до сегодняшнего дня она думала крайне редко. Только когда оставалась одна, ни разу рядом с Валентайном, потому что боялась, что он прочтет ее мысли, как читал мои. Чтения мыслей у них, правда, не случалось, но она все равно предпочитала перестраховываться.

Например, впервые разговаривая с ним после того сеанса, сказала, что Ленор она не нашла, и что та не выходит на связь. Увела разговор в сторону темной магии, которая, якобы, могла задвинуть Ленор в глубину сознания. Сказала, что хочет от нее отдохнуть и наконец-то насладиться счастливыми мгновениями рядом с ним. Валентайн, судя по всему, тоже был счастлив насладиться мгновениями, да и наслаждался. Откровенно говоря.

На этом настроение у меня испортилось и вспоминать расхотелось. Тем более что Женевьев закончила говорить, Эстре

объявила открытие бала, а Альгор уже спускался к нам. Люциан же развернулся и направился в другую сторону, напоследок мазнув по мне взглядом. Ленор тяжело вздохнула и тут же улыбнулась, когда Валентайн взял ее за руку. Пока происходил местечковый обмен любезностями, я ненадолго выключилась, включилась уже когда мы пошли танцевать.

Ярд пригласил Соню, Макс подал руку Алине, Ленор украдкой высматривала Люциана, кого там пригласил он? Я же смотрела на Валентайна и мысленно звала его по имени. Снова и снова. Снова и снова. Я так часто делала в первые дни, да и потом изредка тоже. Это в последнее время мои попытки вернуться свелись к минимуму, а поначалу я что только не перепробовала.

Осознав, что магия мне неподвластна, я стала звать Валентайна. Начала вспоминать родных, свой мир, концентрироваться на эмоциях и чувствах, на всем, что помогло бы мне стать сильнее, на всем, что формировало мою личность на протяжении всех этих лет. Увы. Все мои попытки, все способы разбивались о главенство Ленор и тишину.

Открывал бал традиционный первый танец *pa'ajard*, этакий ускоренный вальс, в котором мы с Валентайном закружились по залу. Точнее, это могли бы быть мы, но наш единственный бал, где мы с ним танцевали, а потом разругались — зимний, остался в прошлом. Сейчас я смотрела на него глазами Ленор, зная, что его ладонь скользит по ее спине, а его взгляд — по ее губам. Что это он подхватывает ее в кружении, что нахлест рук, и отступ, и следующее прикосновение — это все для нее.

Она запрокидывает голову, смеется, а над ними парит дракон и праздничные огоньки-светлячки мерцают, придавая залу и всему происходящему атмосферу таинственности и романтичности.

После танца Валентайн принес два бокала с дорнар-скар, и, хотя появление Люциана Драгона взбудоражило всех, на нас все равно продолжали смотреть. Мы были самой скандальной парой — архимаг, магистр (а теперь еще и заместитель ректора) и адептка. Еще внимание привлекала Соня, которая теперь была тэрн-ари. Не раз и не два между танцами я слышала, как перемывали косточки Сезару, ей и Женевьев и строили предположения, что сдавать магическое право Соне придется долго.

— Хотя может, она и не будет особо зверствовать... все-таки София жена самого Драгона.

— Драгона, который больше не наследный тэрн-ар.

— Да, и к тому же, у Анадоррских есть все шансы быстренько их подвинуть...

Я сплетни никогда не любила, Ленор же ими откровенно наслаждалась. Поэтому сейчас застыла, делая вид, что рассматривает затейливый узор огоньков, складывающийся в распускающийся цветок.

— Посмотрела бы я на лицо Анадоррской, если бы здесь был Сезар...

— А почему его нет, кстати?

На балы в Академию не допускались посторонние, но Сезар, как выпускник, имел на это право. То, что его не было, доказывало, что у них с Соней все осталось на прежнем уровне. Если не стало хуже.

Я бы спросила, но Ленор блюла «нашу договоренность», и к этой теме не возвращалась. Честно говоря, она вообще ни разу не поинтересовалась, как там у Сони сейчас дела, и я бы на месте Сони что-то да заподозрила. Но, судя по всему, подруга очень не хотела об этом говорить, настолько, что была искренне счастлива отсутствию вопросов.

Мне же оставалось довольствоваться тем, что узнавала Ленор.

Овца!

Валентайн, который отходил разобраться с адептами-первокурсниками, протащившими алкоголь под маскирующим заклинанием, вернулся, и мы почти сразу снова нырнули в танец. Я поймала себя на том, что думаю «мы» — интересно, если он верит, что это я, а я действительно здесь, значит, можно так говорить? И думать? Или я начинаю сходить с ума?

Насколько вообще реально сойти с ума, когда ты и есть ум? В смысле, разум... сознание. Душа. Кто я вообще?

— Как там дела? — поинтересовалась Ленор.

Это был танец *er'geathn* — «скольжение» в переводе с драконьего. Пары создавали коридор рук, а другие скользили по нему, потом менялись, все это двигалось, и было довольно-таки живо и весело. Вот пока мы скользили, а не коридорничали, можно было и поговорить, поэтому Валентайн ответил:

— Скорее всего, встанет вопрос об отчислении.

— Вот идиоты.

Он хмыкнул, но ничего не ответил.

— Попасть в Академию Драконова — и так глупо подставиться!

Зачем!

Ленор триндела без умолку: видимо, чтобы не думать про Люциана. Потому что у него отбоя от девчонок не было, после первого шока все оправились и потянулись к принцу, отвергнувшему престол, как к интересной диковинке. Подозреваю, что дело было не только в этом — он изменился. Будто стал разом старше на несколько лет, и даже по сегодняшнему нашему общению становилось понятно, что это действительно так. Возможно, это была маска, просто образ, но адепки таяли, а Ленор бесилась и раздражалась. Она могла контролировать мысли, но не чувства, которые сейчас и выплескивала раздражением, в частности, на проштрафившихся с алкоголем адептов.

Мы встали в коридор, потом танец сменился, потом еще и еще...

Вечер тянулся, как патока, как резина. Для меня — по одной причине, для Ленор — по другой. Ее аж корежило, когда она видела Люциана с другими девушками, особенно когда они восхищенно хлопали глазами, а он им улыбался. Вот как такая овца — и может быть такой умной? Достаточно умной, чтобы обвести всех вокруг пальца, и достаточно овца, чтобы беситься, когда Люциан даже Соню на танец приглашает! Соня же замужем! Они просто друзья! Да и по поводу остальных — видно же, что ему все эти девицы по барабану!

Дракон его знает, как я умудрилась это понять, но лично мне, будь я на ее месте, здесь ревновать было бы не к кому. Абсолютно точно. Ну, кроме может быть довольно-таки милой первокурсницы, рыженькой, с небесно-голубыми глазами, такой хрупкой, что ее ветром может сдуть. Пожалуй, вот здесь да, потому что на нее Люциан и смотрел немного иначе, и вел себя с ней по-другому. Более внимательно что ли. Более трепетно.

Все-таки сторонним наблюдателем, не наделенным телом, иногда быть весьма интересно. Замечаешь многое, что упускаешь, будучи в сознании, сконцентрированным на ситуации.

К счастью, все имеет свойство заканчиваться, и этот вечер не стал исключением.

Бал закрыли, все разошлись — адепты преимущественно по комнатам, мы же с Валентайном домой. Ленор продолжала психовать, потому что Люциан ушел в портал с той рыжей, ее прямо трясло. Особенно трясло потому, что Валентайн освободился быстрее, чем рассчитывал — все-таки на магистрах на балу большая ответственность, и она не успела выяснить, кто эта рыжая.

— Валентайн, — произнесла она как раз в тот момент, когда он расстегивал рубашку.

— М?

— Может быть, мне стоит вернуться в Академию? Это будет удобнее, чем ходить порталами каждый день. Насколько я знаю, мою комнату уже отдали другой адептке, но может быть, есть что-то похожее? Старшекурсники же выпустились, и...

Она осеклась, потому что Валентайн посмотрел на нее очень пристально. Так пристально, как не смотрел уже очень давно. Примерно со дня нашей первой встречи. Догадался? Почувствовал что-то?

Угасшая было надежда вспыхнула с новой силой, и я мысленно вновь закричала: «Валентайн! Валентайн, это не я!»

Он вплотную шагнул ко мне, то есть к Ленор, а я затаила дыхание. Если бы, конечно, оно у меня было.

«Валентайн, Валентайн, Валентайн...» — шепчу я, глядя ему в глаза. Точнее, пытаюсь, потому что Ленор отводит взгляд, когда он произносит:

— Мне казалось, мы все обсудили по поводу твоей безопасности. Или что-то сейчас изменилось?

В его голосе холод, и Ленор пожимает плечами.

— У меня было не так много уютных моментов с друзьями. Мне хотелось бы быть поближе к ним, вот и все.

— Ты — не простая девушка, Лена. Ты же это помнишь? — Валентайн касается ее подбородка, невольно побуждая поднять голову. Когда он смотрит на меня так, мне кажется, что он смотрит на меня. Или мне просто очень этого хочется.

— Конечно, помню, — отвечает она. Немного раздраженно. — Просто я опять буду выделяться... даже Соня будет жить в Академии.

Это правда. Соня будет жить в Академии, хотя она замужем. Очередной звоночек о том, что с Сезаром у них ничего не наладилось.

Вот только Ленор на это плевать, ей плевать на всех, кроме себя. Ей даже наплевать на то, что она снова собирается обманывать Люциана, которого якобы любит.

— Все дело в Соне? Ты хочешь быть ближе к ней?

— А ты как думал? Сам же видишь, что они с Сезаром ближе не становятся, а она совершенно одна! Думаешь, для меня это так легко?

Что я говорила? Ей бы в театр! Такая актриса пропадает. Вот только сейчас вместо злости и раздражения на меня накатывает усталость. Я правда устала надеяться, что у Ленор проснется совесть, а у Валентайна — осознание того, с кем он находится рядом. Если очень долго надеяться, надежда может протухнуть. Она, конечно, не сыр бри, но похоже, что у нее тоже есть срок годности.

Интересно, если Ленор попытается соблазнить Люциана снова, у нее получится? Да наверняка получится, я в ней больше не сомневаюсь. Потом она, правда, ему признается — ну, по крайней мере, пока что собирается признаться. Как будет дальше, одной Тамее известно. Хотя скорее уж Лозантиру. Может, и передумает, и проживет рядом с ним всю жизнь, как Лена. Особенно если ее мечты о домике с садом станут реальностью.

— Хорошо, — говорит Валентайн. — Давай договоримся так: день дома, день в Академии. Я спрошу, что осталось свободного из комнат.

— Правда? Правда?! Ты лучший! — Ленор взвизгивает и повисает у него на шее, а он притягивает ее за талию и целует.

В такие моменты мне очень хочется выйти из тела: это все равно, что смотреть, как твой любимый мужчина занимается любовью с другой. У тебя на глазах, а ты не можешь ни пошевелиться, ни закричать, ни даже выбежать из комнаты.

Еще я очень остро вспоминаю наш с ним последний разговор:

— *Тебя не смущает, что она все видит?*

— *Нет. Потому что я вижу только тебя, Лена.*

Ты никогда меня не видел. Потому что если бы видел, ты бы не допустил всего этого. Ладони Валентайна скользят по ее плечам, а я ощущаю, как по моим щекам бегут невидимые слезы. Конечно, это всего лишь мои чувства, никаких слез нет. Я не бестелесное существо, я даже не призрак, все, что от меня осталось — имя и память. Во мне, потому что никто другой обо мне не вспомнит.

Это я — Лена, а для всех Лена она.

«Не сдавайся, — мысленно шепчу самой же себе, — не сдавайся. Ленор же смогла пробиться, пусть почти спустя год, а значит, и ты сможешь!»

Увы, сейчас это не помогает, потому что губы Валентайна скользят по ее шее, и она запрокидывает голову, обвивая его всем телом. Нет, знаете ли, это уже совсем не похоже на месть: сейчас в ее теле вспыхивает желание, Ленор даже прикрывает глаза, вздрагивая от его прикосновений-ласк.

Наверное, мне стоило бы привыкнуть.

Наверное.

Но я не могу! Не могу!

Не могу!

Вспышка перед глазами настолько неожиданная, что я не сразу понимаю, что произошло, а когда понимаю...

— Ты совсем обнаглел? — холодно интересуется Валентайн Альгор у Дракуленка. Хотя теперь, пожалуй, уже даже не у Дракуля, а у Дракулица! Глаза зверя сверкают, будто их накачали пламенем. Я бы даже сказала, будто у него вместо глаз само пламя, он дергает ушами, принюхивается, смотрит на меня... а потом начинает рычать.

На миг сердце, или что там у меня сейчас вместо него, проваливается в пропасть, а потом начинает колотиться быстрее. Не сразу, но я понимаю, что так бешено колотится сердце Ленор, а еще я понимаю, что меня узнали. Точнее, узнали, что это не я! Дракуленок меня узнал!

— Это я-то обнаглел? — его же голосом отвечает уже совсем взрослое Дракулице. — Это ты тут с Ленор Ларо зажигаешь, пока Ленка наша у нее в голове чахнет, а я обнаглел?!

На миг в комнате повисает пауза. Такая, когда Ленор просто хлопает глазами, а потом взрывается визгом:

— Валентайн! Он рехнулся! Ты что, не видишь?

Она пятится за спину архимага, вцепившись ему в плечи.

— Где он вообще пропадал все это время? Ты уверен, что твой отец его не подослал? Он же... он же абсолютно ненормальный, ты на него посмотри!

Валентайн как-то глубоко вздыхает. Очень глубоко. Потом смотрит на Дракуленка и говорит:

— Пошел. Вон.

Не могу поверить! Просто поверить в это не могу!

Он что, совсем слепой? Или настолько не хочет заморачиваться? Да что с ним вообще происходит?!

Дракуленок рычит, угрожающе, шерстечешуйки встают дыбом, хвост, на конце которого сформировалось похожее на наконечник стрелы жало, елозит туда-сюда. Он не обрел материальность полностью, уж не знаю, ему просто так хочется, или у Валентайна в доме опять появились какие-то ограничения в связи с техникой безопасности по Адергайну. Как бы там ни было, повредить ничего он не может... пока, но выглядит это более чем угрожающе.

— Отпусти Ленку, ты, засранка двуногая! — выдает Дракуль довольно-таки зло, хотя если бы я и правда не сидела в голове у Ленор, ржала бы, как довольная лошадь. — Или откушу тебе голову и выплону в окно!

— Валентайн! — вскрикивает Ленор. — Его послали меня убить!

— Лена. Назад! — Он лишь на миг оборачивается, его взгляд врезается в ее. Пальцы сдавливают запястья, когда Валентайн отталкивает меня и снова оказывается лицом к лицу с разъяренным не на шутку зверем Загранья.

Я не вижу лица Валентайна, но вижу, как над его ладонями формируется черный сгусток. Это одно из сильнейших боевых заклинаний темных, он мне рассказывал, когда мы изучали темную магию. Он называется Н'rdran, что означает «несущий смерть», и от такого удара не выживет никто. Даже призрачный мясник, это высшее заклинание темных, способное развеять даже бесплотное существо.

— Валентайн! — ору я во весь голос. — Валентайн, да остановись же, нет, стой!

За несколько мгновений до того, как смертоносный набравший мощь шар срывается с его ладоней, мое сердце падает в пропасть. Я не уверена, что смогу это пережить! Я многое могу пережить, но...

— Нет!

Щит выстраивается на интуиции, на внутренней силе, на воспоминаниях — в голове само собой всплывает данное Валентайном плетение. Его очень сложно построить, особенно для такого вида атаки, но эта мысль приходит уже потом. В тот самый момент, когда на

моих глазах смертоносный шар впитывается в выстроенную мной защиту и с шипением растворяется, так и не достигнув цели.

Э... выстроенную... мной?!

Я опускаю глаза, чтобы увидеть, как шевелятся мои пальцы. Я ими шевелю. Я? Я! Не Ленор!

Это осознание оглушает с силой прямого удара боевой магии в грудь, у меня даже в ушах звенит. Потом я понимаю, что на моих запястьях больше нет нивелировых браслетов — очевидно, их разомкнул Валентайн, когда схватил меня за руки и оттолкнул. Я моргаю, переводя взгляд с запястий на него и обратно. Моргаю, толком не в состоянии ничего понять, кроме как то, что снова дышу и живу.

Валентайн смотрит на меня как-то странно, болезненно, словно из него тоже только что вытащили сердце и запихнули обратно. И в этой звенящей тишине, когда остатки темной магии с шипением растворяются в комнате, раздается рык Дракуленка:

— Вы, блин, совсем охренели?!

Глава 15

Оказывается, что такое больно, я уже успела за это время забыть. Больно, когда ты в теле, в смысле. Потому что на том самом уровне, в сознании, все ощущается несколько иначе, а вот сейчас меня просто скручивает от взгляда Валентайна. Потому что в нем тоже боль, а мне сейчас не хватает силы, чтобы справиться и со своей, и с его.

— Уйди, пожалуйста, — прошу я.

— Лена, я никуда не уйду.

— Я тоже никуда не уйду, — сообщает Дракуленок, и впервые за все время голос Валентайна от него не кажется мне забавным.

— Да, прости. Забыла, что мы в твоей спальне. Уйду я, — я хочу его обойти, но он перехватывает меня за руки. От прикосновения — первого за долгое время настоящего прикосновения, внутри все взрывается, и память, зараза такая, подбрасывает абсолютно все прикосновения, которые доставались Ленор.

— Отпусти! — ору я. Как мне казалось, я могу справиться со всем, но с этим не могу, мне так больно, что хочется выть, кричать, царапаться и кусаться, как маленькому ребенку, которого обидели незаслуженно. А Валентайн еще и подливает масла в огонь, когда обнимает меня и прижимает к себе, и вот тут уже я начинаю вырываться и драться по-настоящему.

— Отпусти! Пусти! Пусти же! — дергаюсь, изворачиваюсь, бью его кулаками по груди до тех пор, пока он все-таки не отпускает, а я налетаю на Дракуленка и наступаю ему на лапу.

— Уй! — раздается за спиной, но мне все равно.

— Я вижу только тебя, Лена, да?! — кричу я Валентайну в лицо. — Я тебя люблю?! Я заметила, как ты ее любил, довольно часто, надо сказать! Или черная страсть распространяется на тела, а не на личности?

Его лицо становится каменным, а я, наконец-то получив долгожданное преимущество, вылетаю из комнаты и бегу в свою. В ту самую, где Ленор обрела надо мной власть, которую никто не заметил. Мне хочется орать, бить все подряд, все ломать, но вместо этого я просто падаю на кровать и реву в голос. И правда, как маленькая

девочка, но мне все равно. Я сейчас и есть маленькая девочка, я хочу домой, я хочу к маме! Мама — моя настоящая мама, уж точно меня бы ни с кем не перепутала, но она мертва. Она умерла так давно, что я почти не помню ее лицо, запах и голос. А здесь, в этом мире, у меня даже ее фотографий не осталось.

Это вызывает новый всплеск слез, которые текут просто безостановочно, я их даже не вытираю, захлебываюсь, обнимаю руками подушку и ору в нее. Она достаточно приглушает звуки, чтобы не перепугать горничных и прислугу до икоты. Мне настолько больно, что на миг приходит даже дикая мысль — вернуться в сознание, и пусть Ленор подавится своим телом, но в этот момент за спиной кто-то осторожно вздыхает.

— Пуф-ф-ф, — раздается сзади, и надо мной проносятся струйки дыма. Потом кровать скрипит, потому что на нее взбирается огромная туша, переступает через меня, а морда размером с хорошенький стул приближается к моему лицу: — Ленка. Лен. Ну не плачь, а? Хочешь, я его сожру?

— Он сам кого хочешь сожрет, — всхлипываю я, вспоминая, что произошло в спальне.

Нет, я конечно догадываюсь, что произошло, Валентайн понял, что Дракуленок говорит правду, а потом решил спровоцировать меня, зная, что желание защитить того, кого я люблю, во мне сильнее всего, и что если это не вышибет Ленор, не вышибет уже ничто. Вышибло. На пару с темной магией, магией тьмы, которую я сейчас, кстати, в себе совсем не ощущала. Видимо, все силы ушли на построение того щита высшего порядка. Хорошо хоть он получился. А то я не знаю, что было бы. Наверное, Дракуленок прыгнул бы в Загранье, успел бы? Но это сейчас я могу мыслить здраво, а тогда...

Я судорожно вздыхаю, и он вздыхает со мной. Призрачно-обжигающий дым жаром окутывает лицо, как будто я оказалась в сауне или в кедровой бочке.

— Давай так. Я тут посижу немного, пока ты успокоишься, а потом извиняться буду...

— Ты-то за что? — я даже перестаю всхлипывать.

— За то, что так долго не приходил, — сообщает зверь, окончательно переступает через меня и слезает с кровати. На ней он все равно не поместится, поэтому только кладет голову поверх

покрывала и моргает. Умильно. В сочетании с его диковатой внешностью это смотрится ну очень забавно. Точнее, смотрелось бы очень забавно, если бы мое чувство юмора не помахало мне ручкой.

Так мы и сидим-лежим рядом в тишине. Дракуленок сопит в две дырки, грустно меня рассматривая, а я рвано дышу, после такого слезопотока иначе просто не получается. Он моргает, я моргаю. Я не моргаю, он не моргает. В какой-то момент у меня затекает рука, а залитое слезами лицо начинает пощипывать, поэтому я поднимаюсь и иду в ванную. Когда возвращаюсь, Дракуль все так же сидит у моей постели и вздыхает.

Я же понимаю, что во мне опять та странная пустота, которая накатывала внутри Ленор достаточно часто, но лучше уж так, чем то что было недавно. Усаживаюсь в кресло, и он цокает ко мне. Садится напротив, за счет своих размеров оказываясь со мной лицом к лицу.

— Ну и почему ты так долго не приходил? — спрашиваю я, потому что Дракуленок не виноват во всем, что произошло. Он вообще не виноват ни в чем. Ни в том, что его Хитар использовал, ни в том, что его Валентайн использовал, чтобы «активировать» меня.

— Стыдно было, — сообщает зверюга и опускает голову.

— Почему?!

— Потому что я на тебя напал... не смог его приказу противиться. Точнее, тогда я напал на нее. Я это уже потом понял, когда меня в Загранье вынесло. Ты по-другому воспринимаешься, Лена. Но не суть... Я не должен был на тебя нападать, даже если это она. Я же и тебе навредить мог. Вот.

Он скребет лапкой по полу, а я наклоняюсь к нему: так, чтобы увидеть его глаза.

— Ты же знаешь законы магии. Ты им подчиняешься.

— В том-то и дело, сначала не подчинялся. Я же не убил тебя тогда, когда только-только появился, а в том подвале мог. Но он усилился хорошо, этот приказ был напитан такой тьмой...

— Погоди. — Разговоры обо всем отвлекают, но даже помимо этого весьма интересно то, что он только что сказал. — Ты говоришь, что Хитар как-то усилил свой призыв?

— Да. Неимоверно. Понятие не имею за счет чего и откуда у него такие ресурсы, у-у-у... Сам бы его разорвал, если бы не похоронили

уже! — Дракуленок рычит, а потом, мигом растеряв свою грозность, сообщает: — Лен, ну прости меня, а?

— Мне не за что тебя прощать.

— Не за что?

— Законы магии никто не отменял. Ты меня спас, уже второй раз. Сегодня, — я протянула сложенные лодочками ладони, и Дракуленок плюхнул в них уже совершенно не призрачную, тяжелую лапу. — Никто не почувствовал, что я — это не я, а ты почувствовал.

Он глубоко вздохнул.

— Ты правда не злишься?

— Правда.

— Мир?

— Мир.

На этот раз мы вздыхаем вместе. Я сползаю с кресла, усаживаюсь рядом с ним, а он обвивает меня своим жутковатым, но для меня совершенно не страшным хвостом. Я ему рассказываю обо всем, что произошло, как Ленор меня обманула, как воспользовалась тем, что я хотела ее защитить, а он — как путешествовал по Даррании в Загранице. И не только по Даррании.

— В Мертвых землях тоже побывал. Там такое... у-у-у-у...

— Что там такое?

— Тьмы все больше и больше становится. Она как бы сгущается, концентрируется, набирает силу, а что происходит, я толком понять не могу. Собственно, поэтому к вам и пришел. Хотел твоему... Валентайну все рассказать, авось и сообразит что-то. Но теперь думаю, что зря. Соображалка у него плохо работает.

Я дергаю уголком губ в ответ на такую неловкую попытку поддержки, но говорить о Валентайне по-прежнему не хочется.

— Так ты только поэтому пришел?

— Ну и по тебе еще соскучился, — между делом сообщает Дракуленок и отводит глаза.

Вот кокетка!

— Я тоже тебя люблю, — сообщаю я, обнимая зверя за шею с наростами и шипами, а он, такого не ожидая, замирает.

— Лен, ты чего... порежешься же! Осторожнее.

— Не порежусь. О друзей не режутся, — говорю я и притягиваю его к себе еще сильнее.

Наше уединение прерывают достаточно бесцеремонно и вполне в духе Валентайна: архимаг просто открывает дверь и шагает в комнату, жесткий и мрачный, с серебряной радужкой, в которую уже вплетаются черные щупальца тьмы.

— Брысь, — коротко произносит он, и Дракуленок раздувает ноздри.

— Это мой гость, — резко отвечаю я, поднимаясь и врезаясь взглядом в мужчину, который возвышается над нами. В такие моменты его темная суть контрастом выделяет его превосходство над окружающими еще сильнее, чем обычно, но те времена, когда это работало со мной, остались в далеком прошлом. — И мой гость останется в моей комнате, потому что я этого хочу. А вот ты уйдешь.

Валентайн знакомо прищуривается. Знакомо и недобро. Дракуленка, не успевшего опомниться, магией сносит в портал, который тут же закрывается, меня лишь окатывает потоками воздуха и холодом тьмы.

— Вздумаешь сунуться сюда сейчас — запечатаю возможность появляться в моем доме, — холодно сообщает Валентайн тому, кто, должно быть, уже пытается прорваться к нам из Заграницы.

— Вот, значит как? — складываю руки на груди, в упор глядя на него.

— В моем доме никто не будет мне диктовать, когда и как мне говорить с моей женщиной.

Я приподнимаю брови:

— Так он вроде и не диктовал. Это я сказала.

— Потому что ты не в себе.

— Нет, Валентайн. Не в себе я была почти два месяца, а ты ничего не заметил. Для меня это достаточная причина, чтобы дать мне время и возможность побыть одной.

— Для меня это достаточная причина, чтобы уничтожить Ленор Ларо прямо сейчас.

Он шагает ко мне, протягивает браслеты, которые достает из кармана пиджака. Я смотрю на них, потом на него.

— Браслеты я больше не надену, — говорю я. — Это первое. А второе — мое мнение по поводу Ленор не изменилось.

Поразительно, но это правда.

Я не хочу ее смерти. Никогда не хотела, и даже после всей той боли, после всего, через что я прошла, я не готова допустить то, о чем говорит Валентайн. Наверное, стоит этому порадоваться — что во мне нет этой внутренней тьмы, желания мстить, желания избавиться от той, что намеренно посадила меня в тюрьму подсознания и манипулировала всеми моими друзьями, но с радостью у меня сейчас напряги. Поэтому остается просто принять это как факт, равно как и то, что в радужках Валентайна становится все больше черного цвета.

— Ты же понимаешь, что я не могу ее оставить, Лена?

— Ты же понимаешь, что это решать не тебе? — зеркалю его вопрос, глядя на него в упор.

— Это решать мне, если ты не можешь решиться. От повторения ситуации никто не застрахован.

Да ты что?

— Знаю. Поэтому впредь буду осторожнее. Не буду с ней разговаривать, не подготовившись.

— По-моему, ты себя переоцениваешь, Лена.

— А по-моему, ты недооцениваешь меня. Всегда недооценивал, если за все это время ровным счетом ничего не заметил.

В нашем диалоге ненадолго повисает пауза, после которой он все-таки произносит:

— Мне жаль.

Мне жаль? Это все, что ты можешь сказать? Я вот многое могу сказать, но... не стану. Потому что это многое уже бессмысленно. Все, что было до Ленор, сейчас бессмысленно, мне просто нужно понять, как с этим жить дальше, а присутствие Валентайна эту задачу совершенно не упрощает. Сколько раз я мечтала о том, как он вышвырнет ее из моего тела, обнимет меня, скажет, что меня любит? Сколько раз я представляла, что он поймет, поймет, поймет! Но он так ничего и не понял. И не понял бы, если бы Дракуленок не появился, чтобы рассказать ему о том, что творится в Мертвых землях.

— Зря ты прогнал Дракуленка, — говорю я. — Он хотел тебе рассказать кое-что важное. О том, что происходит с концентрацией Тьмы в землях твоего отца.

— В Мертвых землях?

— Именно там. — Я потираю ледяные ладони друг о друга.

Сегодня еще не осень, но очень близко к тому, большая часть лета и самых теплых дней в Хэвенсграде достались Ленор. Равно как и все мои мечты, песчаной горкой рухнувшие на берег, где их смыла волна. Что же касается меня, я... у меня впереди второй курс в Академии Драконова. Это все, что я сейчас знаю.

— Мне правда надо побыть одной, Валентайн, — говорю я. — Если ты меня правда любишь... — Я осекаюсь, потому что не верю больше в эти слова. — Если я хоть что-то для тебя значу, не удерживай меня.

Я шагаю вперед, и в первый момент мне кажется, что он меня не отпустит. Просто не позволит выйти из этой комнаты, и меня всю окутывает холодом изнутри. Потому что сейчас я в самом деле не готова с ним говорить. Потому что если он попытается давить, если не даст мне уйти, это будет конец. Не знаю, мне страшнее от этого или от того, что все продолжится, но Валентайн отступает.

Я подхватываю лежащую на кресле виритту (Ленор сегодня собиралась в этой спальне, отдельно, чтобы поразить Валентайна своей неземной красотой) и иду к двери. Прямо так, в бальном платье, да, но мне все равно. Еще все равнее, что будет дальше, потому что прямо сейчас мне кажется, что дальше уже ничего не будет. Я выхожу на Эзалийскую набережную, бреду по ночной улице. Этот район — один из самых престижных и безопасных в Хэвенсграде, и все равно на меня с удивлением косятся редкие уже за счет позднего времени прохожие.

Во мне явно узнают адептку Драконовой Академии, то есть Академии Драконова, потому что ежегодный Открывающий бал — такое же событие, как и Зимний. Только если зимние балы проходят по всей Даррании, Открывающий — один-единственный, это традиция именно главного учебного заведения страны. О нем везде пишут, о нем везде говорят, а во Флидхааре за пару недель до его начала идут бурные обсуждения, кто и в чем придет. Разумеется, это просачивается в семьи адептов, и дальше, дальше, дальше...

А вот я дальше не могу. Не могу идти.

Может, я и сидела сегодня в сознании, но Ленор-то танцевала. Может быть, дело и не в этом. Может быть, дело просто в том, что я не хочу идти дальше. Не знаю, куда мне дальше идти, хотя Эзалийская набережная не просто большая. Она огромная. Проходит через

несколько районов, сменяя не только повороты реки, но и атмосферу города, и архитектуру домов, и виды.

Платье возмущенно шуршит, когда я усаживаюсь прямо на ступени. Ноги все же гудят, даже несмотря на ультраудобную обувь, которая почти не ощущается. Я смотрю на водную гладь, в которой отражаются убаюкивающе покачивающиеся огни, они двигаются, как двигались сегодня пары в танце va'огга, «парение»: спокойно, размеренно, плавно, я бы даже сказала вальяжно. Это гипнотическое зрелище заставляет меня моргать и расслабляет. По крайней мере, я хочу в это верить.

Прохлада, которой с реки тянет весьма ощутимо, бодрит, заставляя невольно поежиться. Я лишь успеваю подумать о том, что надо было взять что-то, что можно набросить на плечи, когда на эти самые плечи ложится довольно-таки жесткая, но в то же время окутывающая теплом ткань.

— Нашла, где сидеть, — комментирует Люциан Драгон, усаживаясь рядом со мной на лестницу.

Глава 16

Люциан Драгон

Не таким он представлял свое возвращение. Да, если честно, он вообще смутно его представлял, потому что Академия после гарнизона казалась не то обыденной, не то слишком простой, не то вообще из другой реальности. Все эти балы, желание покрасоваться, показать, какой ты крутой. Забавно, но Люциан отлично помнил, что сам был таким. В точности таким же, а от воспоминаний о прошлом Открывающем бале вообще хотелось пробить лицо ладонью насквозь.

Тогда Лена только еще появилась в его жизни, а он был слишком собой, чтобы это оценить. По большому счету, он в принципе мало что ценил, разве что Нэв. И то относительно, а девушка, которую Люциан увидел на балу, была поразительно похожа на его сестру. Своей хрупкостью, огненно-рыжим цветом волос, тонкой, почти просвечивающей кожей, которую по весне украшала россыпь веснушек и оставалась надолго.

Она была одна, вокруг нее не крутились подружки, не толпились парни, и он подошел, чтобы познакомиться. А познакомившись, не сдержал улыбки, потому что девушку звали Амира. С Амиром они друзьями не стали, но дракон перестал его доставать после того случая. Не просто перестал, пару раз даже серьезно выручил, когда объяснил на практике тонкости построения боевых заклиний и стратегии. Он же был одним из тех, кто вышел его провожать, когда Люциан возвращался в Хэвенсград после того, как Эстре дала добро на его восстановление.

— А я знал, что ты надолго здесь не удержишься, — сказал он, усмехнулся и добавил: — Удачи, Драгон.

Родители Амиры категорически не хотели отпускать ее на постоянное проживание в Академию — боялись, что сверстники окажут на нее негативное влияние, поэтому после бала она собиралась домой, и Люциан предложил ее проводить. Открыл портал (по странной иронии судьбы она жила на Эзалийской набережной, неподалеку от дома Альгора), они немного прогулялись, а после он довел ее до роскошного четырехэтажного особняка. Амира не была

драконессой, но ее родители были сильными магами, и у нее тоже оказался очень большой потенциал, именно поэтому она смогла поступить в Академию Драконова. Обо всем этом девушка рассказала Люциану на прогулке, об этом, а еще о том, что из-за такой строгости родителей у нее совсем нет друзей.

— Ничего, — пообещал Люциан. — Мы это исправим.

И она посмотрела на него как на Тамею. Чем еще больше напомнила ему сестру, к которой, признаться, он не успел заглянуть. Из гарнизона сразу направился в Академию, а о том, что дальше будет, почти не думал. Почти.

Пока не увидел Лену.

Или Ленор?

Лена на него никогда не смотрела так: даже при всем при том, что у них было одно на двоих тело, той одной ночи хватило вполне. Для того, чтобы понять — перед ним не она. Но Соня вела себя совершенно спокойно, остальные тоже, и он подумал, что так и надо. Лозантир его знает, что у них у всех тут происходит или произошло. Он хотел поговорить с ней наедине, чтобы узнать, но Лена-Ленор отказалась, а потом он увидел ее танцующей с Валентайном и окончательно передумал общаться. Весь вечер убеждал себя в том, что это их дело, как они там развлекаются, но то, что Люциан знал о Лене, совершенно не вписывалось в то, что он видел.

Возможно, именно поэтому ноги сами привели его к дому Альгора, и он торчал под их окнами, как дурак, совершенно не представляя, зачем. С полчаса точно, хотел уже уходить, но увидел мелькнувший в окне знакомый хрупкий силуэт и словно прирос к каменной мостовой.

А спустя несколько минут она вылетела из дома и побежала по набережной. Сначала очень быстро, потом все медленнее, медленнее и медленнее, словно на каждом шагу к ее ногам добавлялось по тяжелой гире. Люциан шел следом, но она даже ни разу не обернулась, словно вообще никого и ничего не замечала. Потом и вовсе замедлилась, спустилась к воде и села на ступени.

Еще какое-то время он смотрел, как Лена сидит неподвижно, глядя на воду. Почему-то ему хотелось, чтобы это была Лена. Почему-то она ощущалась именно так. Он стоял, не отводя от нее глаз, и думал обо всякой ерунде — вроде той, что ему здесь делать нечего, и что

здесь делает она, а потом она поежилась, и оцепенение спало. Люциан просто шагнул к ней, набросил ей на плечи мундир.

— Нашла, где сидеть.

Она повернулась. Посмотрела в упор, и это точно была Лена.

Это был ее взгляд. Казалось бы, такие тонкости... или полный бред. Возможно, он просто слегка рехнулся из-за того, что произошло. Между ними. Между ним и Ленор, вот и выдумывает теперь всякое.

— Здесь хорошо, — сказала она. — Спокойно.

И больше ничего. Отвернулась, продолжила смотреть на воду, а ему словно жало в сердце вонзилось. Потому что в этом ее «хорошо, спокойно» была какая-то странная стылая пустота, под которой крошились осколки боли.

Снова показалось?

— Спокойно, — подтвердил Люциан. Просто не представлял, что сказать.

Когда это ему стало сложно говорить с ней? Да и в принципе — когда это стало сложно? Он никогда, ни в одной ситуации не терялся, у него всегда находились слова. Всегда, но не сейчас.

Какое-то время они сидели молча. Лена стянула края его мундира так, словно собиралась в нем спрятаться, а он с трудом сдерживал желание ее обнять. Потому что вот эта близость по-прежнему была выше него, и, даже несмотря на все, она никуда не делась. Рядом с ней все остальное становилось неважным, далеким и несущественным. Даже Альгор, силуэт которого маячил рядом с ней совсем недавно, хотя раньше это казалось непреодолимой преградой. Но не сейчас.

Ваала билась о камень, плеск волн нарушал тишину засыпающей столицы.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Лена, когда эта самая тишина слишком затянулась.

— Амиру провожал.

— А. Это та рыженькая?

— Да. — Почему-то ему хотелось услышать в ее голосе, прочитать в ее глазах, на ее лице ревность. Или не хотелось. Так всякий раз бывало, когда он оказывался рядом — совершенно противоположные чувства, раздирающие на части. Как его еще не порвало на пару десятков Люцианов — большой вопрос.

— Хорошая девушка. Наверное. — В ее голосе не было ничего.

Ни ревности. Ни радости. Ни соответствия словам, которые Лена произносила. Она говорила как механический артефакт, из которого ушла вся магия, или как ненастроенная виритта. Хотя у любой виритты явно было побольше эмоций, чем у Лены сейчас.

«Она поссорилась с Альгором. Тебе это надо?» — снова ввинтилось в сердце.

Ядовито. Зло.

Но Люциан отмахнулся от этой мысли.

— Позволишь?

Лена приподняла брови, когда он потянулся к мундиру, а потом замерла. Он же вытащил из кармана и протянул ей браслет: тот самый, который переломанным поднял с мостовой в день, когда их с Соней чуть не растерзала обезумевшая толпа.

— Держи. Я его починил. Эвиль тоже. Она со мной разговаривала.

Сначала она смотрела на этот браслет. Потом подняла взгляд на него.

Заморгала. Часто-часто. А потом по ее щекам побежали слезы. Одна, другая, третья...

Лена

Я все-таки разревелась. И из-за чего? Из-за этой дурацкой виритты, которой в природе уже существовать не должно! Я даже не думала, что она жива, думала, что ее там растоптали! Откуда она вообще у Люциана? Зачем он все это сделал? Зачем ее починил? Зачем говорит все это?

Я ненавидела собственную слабость, но ничего не могла с собой поделаться, слезы просто текли. Не так, как в моей комнате, в доме Валентайна, с подвываниями и судорожными вздохами. Они просто выкатывались из глаз, скользили по щекам, заставляя меня чувствовать себя маленькой, слабой и уязвимой.

Ненавижу это чувство!

Ненавижу его!

Я резко поднялась: так, что поскользнулась: ступенька под ногами оказалась сырой, но у Люциана всегда была отменная реакция, а сейчас стала еще лучше. Я чуть было не поцеловала его рубашку, но он вовремя меня подхватил. Подхватил и прижал к себе.

— Что произошло, Лена?

Этот вопрос меня окончательно добил. Этот вопрос, да и вся ситуация, в принципе так похожая на ту, что произошла в королевском замке, когда Валентайн в лоб сообщил мне о смерти Сони. Вот только в тот момент я была с Люцианом, а еще в тот момент не было всего того, что было, поэтому я мгновенно вывернулась из его рук. Проглотила горькие слова, готовые вот-вот сорваться с языка: может, он их и заслужил, но точно не сегодня. Сегодня — это моя обида и боль для Валентайна, и я не имею права бить ей других.

— Ничего. Все хорошо. Спасибо, — я сжала виритту в кулаке. — Ты был прав, здесь нечего делать.

Его глаза привычно сверкнули золотом. Надо же, за столько времени я так и не поняла, что они у него под магией светлые. Не голубые, не серые, а такие, как кремовый ликер. Или кофе со сливками. Но я так привыкла к этому золотому образу, что вообще раньше не всматривалась, или мне просто было без разницы, какие там у него глаза. Сейчас же я увидела это отчетливо — такой неземной цвет, нереальный, и вместе с вириттой шарахнулась назад.

— Я тебя провожу.

— С ума сошел?! — выдохнула я.

— А что? Не все в мире концентрируется на Валентайне Альгоре. Или как ты там сказала?

«Это не я сказала», — хотела ответить я, вместо этого мотнула головой.

— Не стоит. Правда.

— Лена, я не могу тебя отпустить в таком состоянии. Только идиот мог тебя отпустить в таком состоянии.

Не знаю, нарочно он это сказал или нет, но получилось почему-то довольно больно.

— Идиотизм удерживать того, кто удерживаться не хочет. Или провожать того, кто этого не хочет.

— Может быть, — Люциан усмехнулся, — но я все равно тебя провожу. Так что у тебя есть выбор: пойти со мной добровольно или пойти со мной недобровольно, чтобы вся улица услышала, как мы препираемся. Давно в Даррании не было скандалов.

А вот это уже было больше похоже на него, спасибо Тамее! Плакать тут же расхотелось, захотелось огрызаться и кусаться. И на том спасибо!

— Хочешь меня проводить? — уточнила я, поворачиваясь к нему лицом. — Плевать на то, что этого не хочу я?

— Мне не плевать на тебя, Лена. Никогда не было.

«Правда? — захотелось спросить. — И когда меня забирал Лэйтор, тоже не было?»

Но я поняла, что у этого разговора истек срок годности. В самом деле, того Лэйтора уже нет в живых, так что продолжать об этом говорить, вспоминать — зачем? Да и в принципе мы уже непростительно долго с ним разговариваем, а мне пора домой. Если я не хочу завтра явиться в Академию с зареванным опухшим лицом, невыспавшейся. Причем если с первым получится справиться с помощью магии, то со вторым — увы, нет.

— Значит, ты меня одну не отпустишь? — уточнила я.

— Нет, — он покачал головой.

Я вздохнула. Приблизилась к нему настолько, что ему невольно пришлось шагнуть чуть ниже, чтобы мы не врезались друг в друга. Люциан как раз встал на ступеньку, с которой чуть не улетела я, поэтому мне надо было всего лишь посильнее толкнуть. Что я и сделала. Он не ожидал, поэтому кувыркнулся в реку довольно шустро, раздался достаточно громкий бульк, брызги полетели в разные стороны.

Вынырнул Драгон практически сразу: мокрый и злой, но, поскольку течение здесь было сильное, отнесло его так прилично подальше.

— С ума сошла?! — рявкнул он, перекрикивая возмущенный таким бесцеремонным вторжением плеск воды.

Я пожалала плечами. Сняла мундир, аккуратно положила его на парапет и быстро пошла в сторону дома. Насколько быстро, насколько могла, и спустя минут десять уже поднималась по ступенькам. Толкнула отозвавшуюся на меня дверь, защитное заклинание снова с шипением запечатало ее за моей спиной.

— Я рад, что ты вернулась, — Валентайн шагнул ко мне, и я даже вздрогнула: он что, здесь меня ждал?

— А у меня был выбор? — поинтересовалась я. — Вопрос с комнатой в Академии для меня, теперь уже для меня, все еще актуален. Я хочу переехать завтра же, и очень надеюсь, что все это решится быстро.

— Лена, — он приблизился, подошел ко мне почти вплотную, — тебе не надо переезжать.

— Это уж позволь решать мне.

— Я понимаю, что ты обижена...

— Обижена? — я приподняла брови. — Я не обижена, Валентайн! Ты спал с Ленор два месяца, ты с ней разговаривал, вы вместе гуляли, вы даже в ресторан умудрились сходить, а после провели несколько дней на Эллейских островах, хорошо хоть о ребенке не договорились! И ты ничего не заметил. На такое не обижаются. Такое можно только принимать. Или не принимать. Сейчас мне нужно время, чтобы понять, какой вариант мой, и твое присутствие рядом со мной в этом уравнении будет лишнее. Или мое рядом с тобой.

— Для меня это ничего не меняет, Лена. — Его губы сжались в плотную линию, резкую, как лезвие, и такую же опасную.

— Мне жаль, — я развела руками. — Потому что для меня это меняет все. Я буду благодарна тебе, если поможешь с комнатой в Академии, но если не захочешь — я тоже пойму и завтра пойду к Эстре сама.

— Зачем ты так?

Можно было заорать: «А ты зачем?!» — но все, на что хватило меня, это просто пожать плечами.

— Я делаю максимум из того, что могу. Я могу остаться в этом доме на эту ночь, и я остаюсь. Но это — мой максимум. Доброй ночи язык не поворачивается желать, но я надеюсь, что тебе удастся отдохнуть.

Я не стала дожидаться ответа, поднялась, вернулась к себе. Привычные ритуалы перед сном на то и привычные, чтобы совершаться на автоматизме. Я ложилась в постель с твердым намерением заснуть в течение часа, но спустя несколько часов поняла, что обломалась с этой твердостью на корню.

Поднявшись, я подошла к окну, взобралась на подоконник прямо в сорочке и долго смотрела на молчаливо несущую свои воды Ваалу. Сколько это — долго, понятия не имею, но у меня все-таки начали слипаться глаза. Река умиротворяла, успокаивала, словно вытягивала из меня все тревоги и боль: по старой памяти, как родная, знакомая с детства Нева. В таком вот полутрансовом состоянии я переползла на кровать.

Последним, что я увидела, засыпая, был браслет с Эвиль. Он лежал на тумбочке и посверкивал, отражая забирающийся в комнату через окно далекий холодный свет лун.

Глава 17

Форма с иголочки. Прическа. И да, магия делает свое дело по поводу любой бессонной ночи. Конечно, на самочувствии это не сказывается, а вот на внешности — вполне. Никто не скажет, что я спала от силы часа три, потому что у меня есть экстренная аптечка красоты. Так ее называю я. Здесь это называется «красота на дому», продаются такие комплекты (зелье плюс заклинание) в дорогих салонах, потому что и стоят более чем ощутимо.

Ленор ими баловалась. В смысле, дорогими салонами и такими вот улучшителями. Ей все время что-то в своей внешности не нравилось: то кожа слишком светлая, то прыщ выскочил. Вообще-то, злоупотреблять ими не рекомендуют по двум причинам. Первая — это все равно воздействие на организм, магическая быстрая перестройка клеток, вторая — этот процесс, даже если он локальный (например, лицо) и легкий — все равно достаточно неприятный. Ощутимый. Я на мезотерапии никогда не была, но в моих представлениях чувствовалось это примерно так же: покалывание, только в данном случае разовое по всему лицу.

Благодаря Ленор и ее недовольству собой я узнала еще и о том, что здесь существуют пластические операции. Которые совершенно не операции, конечно же: в Дарранни все корректируется с помощью магии, просто проходит это в присутствии опытного целителя, а вот меняют внешность специалисты по красоте. Так что да, здесь можно и форму носа поменять, и грудь увеличить, и что угодно сделать. Обезболивающее зелье, два опытных специалиста, по-нашему, медик и косметолог — и вперед. Так что, может я и неправа была насчет Алины и ее естественных губ, кто знает. А впрочем, мода с Земли сюда все равно вряд ли добралась, и единственной причиной, по которой я думала обо всей этой ерунде был тот факт, что о не ерунде я думать не хотела. По крайней мере, пока.

Я достаточно успокоилась, чтобы держать лицо в Академии, и все это сейчас вспоминать равносильно тому, что ковыряться в ране палочкой с сучками. Так что лучше я буду думать о том, какие губы у

Алины и о косметологически-магических изысках, чем обо всем, что случилось вчера.

Горничная приходила пригласить меня к завтраку, но я отказалась, сказав, что не голодна. Не солгала ни словом: представляя, что мне надо что-то в себя запихнуть, я чувствовала себя как беременная. В смысле, меня тут же начинало тошнить. К счастью, хвала всем богам этого мира и Вселенной в целом, у меня стоит заклинание, благодаря которому беременной мне быть не грозит.

Я улыбнулась своему отражению в зеркале — получилось даже довольно естественно — и, подхватив сумку, спустилась в холл. На ходу попросила горничную собрать мои вещи, потому что к вечеру я уже намеревалась обзавестись комнатой в Академии. Так или иначе.

— Тебе нужно поесть, Лена, — негромко произнес Валентайн, который появился в холле почти сразу же следом за мной.

— Да, папочка.

— Я тебе не отец.

«Ты мне никто», — чуть было не ляпнула я. Хорошо хоть не ляпнула, потому что эта мысль даже мне самой показалась страшной.

— Тогда не веди себя как отец. Захочу есть — поем. Сейчас меня стошнит от первого же куска.

— Тебе нехорошо?

— Ты издеваешься? — Я сложила руки, глядя на него в упор. — Мне хорошо. Отлично. Лучше всех. Будет еще лучше, если мы прямо сейчас откроем портал в Академию, и я наконец-то смогу учиться. Смогу выкинуть все случившееся из головы. Пожалуйста, Валентайн, давай не будем усложнять все еще больше, чем оно есть.

Видимо, он понял, что я не отступлюсь, поэтому просто открыл портал. В своем кабинете в магистрериуме, но я даже против этого не возражала. Прогуляться по парку перед началом занятий, освежиться — что может быть лучше!

— У меня уже новый кабинет, — произнес он, когда я шла к двери. — В связи с назначением. Здесь нужно просто собрать вещи.

— Удачи, — не оборачиваясь, ответила я. — Главное, не перепутай, где ты архимаг, а где заместитель Эстре.

Я вышла и от души хлопнула дверью. Может, это было жестоко, не знаю, но во мне не хватало сил нормально с ним разговаривать. Два месяца трахать Ленор и ничего не замечать тоже было жестоко, и я

пыталась справиться с этим чувством каждую минуту бодрствования. Вот как, как с этим справиться?! Я же утром проснулась совершенно спокойная. Ну может быть, не совершенно, но совершенства в принципе не существует, идеал — это миф. Тем не менее две минуты рядом с Валентайном — и я ошетибилась колючками, как ежекрыл в период полового созревания.

В парке уже появились адепты, и, в отличие от прошлого года, они не смотрели на меня так, будто я прокаженная. Впрочем, если бы и смотрели, я бы не особо расстроилась, но со мной, наоборот, все здоровались. Я отвечала. Хотя замечала среди них и тех, кто от меня шарахался, но не злиться же на такое всю жизнь. Вчера на балу ушами Ленор я впитала еще одну важную информацию: в Академию вернулись все, кого родители изолировали по причине Ленор Ларо. В общем, можно сказать, жизнь налаживалась.

Если бы сейчас у меня в голове не возникла мысль, что слово «налаживаться» от слова «лажа». В моем случае.

Отпихнув проснувшийся сарказм, я шагнула в двери Академии и только тут вспомнила, что так и не включила виритту. Свою обычную. Не Эвиль. Эвиль зачем-то лежала у меня в сумке, хотя изначально я не планировала ей пользоваться.

Не планировала же, да?

В итоге я стянула привычный (по-моему, больше Ленор, чем мне) браслет, закинула его в сумку, а надела подарок Люциана. Коснулась пальцами звеньев, размыкая контуры запечатывающего заклинания.

— Эвиль?

— Рада тебя видеть, Ленор! — тут же отозвалась старая знакомая, и я подавила желание содрать ее с запястья. Она была как новенькая, в смысле, это была моя Эвиль, с внешностью Эвиль Ларо, и я даже не представляла, сколько потребовалось труда и времени, чтобы все это восстановить. Самому. Представить, что Люциан все восстанавливает сам, было сложно, но в этот момент я представила. И быстренько переключилась:

— Запусти ознакомление с Академией и с миром...

— Это не потребуется, Ленор, — Эвиль улыбнулась. — Люциан Драгон уже все сделал, я знаю все, что тебе необходимо, и, возможно, чуточку больше. Моя память полностью восстановлена и дополнена, я смогу быть полезной тебе, как раньше.

— Хорошо, — ответила я, — тогда проводи меня в столовую.

— Прямо, через холл и направо, — улыбнулась Эвиль. — Далее по длинному коридору, почти до конца.

Я уже на полпути поняла, что Сони в столовой быть не должно, потому что она замужем и живет с Сезаром. Но время до первого рычания оставалось, да и не сворачивать же на полпути, тем более что Ярд наверняка там. А вот Макс должен был завтракать в столовом зале для первокурсников. Такое разделение придумали исключительно потому, что первый курс хотели сплотить по максимуму. Ну и конечно, я хотела бы взглянуть на зал, который был в разы больше того, где завтракали, обедали и ужинали мы, и даже при этом там все приемы пищи проходили в две смены. Первая — это второй и третий курсы, вторая — четвертый, пятый, шестой и седьмой.

Для последних занятия начинались на пару позже, так что они все успевали, а вот третий курс был очень важным рубежом, на нем многие отсеивались. Как по итогам успеваемости, экзаменов, так и по рекомендациям магистров, которые обсуждались на уровне ректора. Части адептов, которым Академия Драконова не готова была предложить дальнейшее обучение в своих стенах, предлагали распределение по другим университетам, зачисление без экзаменов. Чаще всего это были ситуации, когда магистры не считали магический потенциал адепта достойным. Иногда — из-за каких-то серьезных проступков или повторяющихся нарушений. В любом случае, это всегда решала комиссия, и никогда один магистр или ректор. В случае спорных ситуаций могли привлечь даже Ивана Драконова, потомка отца-основателя, так что в теории любая несправедливость была исключена.

Но это в теории, а на практике мне Оллихард снизил баллы за то, что я Темные земли Мертвыми назвала. Хотя они изначально так назывались!

Столовый зал действительно оказался огромным. Высоченные своды взлетали под прозрачную купольную крышу, из-за чего он весь был залит солнцем. Здесь было несколько порталов для раздачи еды, а стены украшали «живые картины», на которых повара трудились над едой, больше напоминающей произведения искусства, не покладая рук. Я же поняла, что чтобы найти здесь кого-то, надо заранее знать, где искать. Но и тут подсказала Эвиль:

— Ваши столы — в дальнем конце зала, Ленор. Все второкурсники собираются там.

Про дальнюю она не шутила. Хорошая тема вообще: пока доберешься туда, запыхаешься, пока доберешься обратно — похудеешь. Не надо за фигуру переживать, ешь сколько влезет.

Увидев Ярда, я замахала ему рукой, и он помахал в ответ. Внезапно рядом с ним обнаружилась Соня, которая, вопреки моим предположениям, предпочла завтраку с Сезаром завтрак в Академии. Это оказалось настолько же неожиданно, как и то, что, похоже, обсуждали все собравшиеся: Люциан Драгон сидел за столиком с той самой рыженькой первокурсницей.

Амира. Так, кажется, ее зовут. Вот только сейчас ее тут быть не должно. Да и вообще быть не должно, потому что она с первого курса. Хотя какая мне разница, тут она или не тут?

— Привет, — приблизившись, поздоровалась с Соней и Ярдом.

В нашу сторону почему-то опасливо поглядывали бывшие подружки Драконовой. Ну то есть и Сонины бывшие подружки, которые ходили за ней и Клавой, и я даже на миг призадумалась, не решили ли нам в очередной раз устроить какую пакость. А впрочем, если решили — сами виноваты. У меня сейчас было такое настроение, что даже отчислением из Академии не напугаешь.

— Привет! — первой отозвалась Соня, за ней Ярд.

Я подвинула к себе ближайший свободный стул и опустилась на него. Спина к Люциану и его новой знакомой.

— Лен, поговорим? — спросила Соня. Все уже привыкли, что мое имя так сокращают — она и Макс, и не только привыкли, но и стали так же меня называть. Все. Даже Алина и Ярд.

— О чем? — я приподняла брови.

В ответ подруга многозначительно мотнула головой в сторону искомого принца с новообретенной первокурсницей.

— В смысле?

— Наедине.

— Женские секретки? Понимаю, — кивнул Ярд. — Не буду вам мешать.

— Да ты не мешаешь... — начала было я, но под Сониным взглядом он быстро схватил сумку и ретировался из столовой. Я проследила за тем, как он идет к высоченным дверям и перевела

вопросительный взгляд на подругу. Если честно, я не думала о том, как будут строиться наши отношения после такого... точнее, после того, как она меня тоже не узнала. Если Валентайн знал меня около года, то Соня, моя Соня, гораздо больше. С самого детства.

Да, Ленор играла умело, но ведь были всякие моментики, на которые можно обратить внимание. Например, на то, что она не стремится с ней встречаться, не спрашивает о том, как она себя чувствует. Не интересуется, как у Сони сейчас с Сезаром. Или же ей этого и не нужно? Может, я просто была слишком доставучая? Может, Соне в принципе хорошо без меня?

— Эй. Ты где? — Она пощелкала пальцами у меня перед носом.

— Что?

— Я спросила, зачем ты сбросила Люциана в реку?

— Уже пожаловался? — поинтересовалась я.

— Не пожаловался. Мы просто встретились перед завтраком, я предложила ему сесть к нам за столик. Люциан сказал, что за ним наверняка нарисуеться ты, а он не готов сегодня сидеть рядом с тобой. Я спросила о причине, и он ответил. Что дико зол на тебя, и объяснил, почему.

— А, ну так это его перманентно-переменное состояние. Он либо дико зол на меня, либо меня шантажирует, либо пытается убить.

У Сони округлились глаза.

— Что?

— Ничего. Можешь спросить у него на досуге, занятная была история. Вы же с ним хорошо дружите.

— Лен, ты чего?

— А ты чего? — хмыкнула я. — Мне лично совершенно без разницы, за что он на меня зол.

— Я просто пытаюсь понять, что произошло! Вы мне оба дороги, вы мои друзья. И я не хочу, чтобы...

— Давно мы оба стали тебе дороги? — жестко поинтересовалась я. — Хотя стой. Я думала, что я очень давно. А на деле получается, что тебе есть дело абсолютно до всех, кроме меня.

— Лен! — Соня понизила-повысила голос до свистящего шепота. — Это неправда. Что с тобой происходит?

— Спасибо, что спросила. Два месяца я сидела в этом теле в заточении. Два месяца моим... ну или своим телом управляла Ленор, а

никто из вас ничего не заметил! Ты ничего не заметила! — я выпалила все это на эмоциях, еле слышно, но на одном дыхании, и только сейчас поняла, что Соня смотрит на меня, не моргая.

— Что? — снова переспросила она.

В этот момент я поняла, что наехала на нее за всех. За Валентайна. За Ярда. За Макса. Хотя последние двое ничего не знали о моем иномирном происхождении и вписке на птичьих правах в это неразделенное тельце, получается, что они тоже не увидели, что я слегка изменилась. Ленор даже внешне была другой, у нее взгляд менялся! Я это видела в зеркале. А они нет.

— Забей, — сказала я, поднимаясь. — Просто забей.

— Лена... Лен, нет! Стой! — Соня вскочила следом за мной, попыталась схватить меня за руку, но я увернулась.

К счастью для всех, к нашему столику подрулили те самые барышни из бывшей Драконова-компани.

— София, — торжественно произнесла одна, — мы очень хотим снова с тобой дружить...

— Да, и мы просим прощения за то, что не смогли сразу разобраться кто есть кто.

— Клавдия, она ведь нам угрожала.

— Говорила, что устроит так, что мы станем изгоями...

— Девочки, мне сейчас не до вас, — начала было Соня, но я ее перебила:

— Ты послушай бывших подруг. Они дело говорят, — даже не представляла, что во мне столько злого сарказма.

Девушки этого не заметили.

— Мы будем рады, если вы, — та, что начинала первой, сделала акцент на «вы» и посмотрела на меня, — примете нас. Мы очень сильно ошиблись, но мы надеемся на прощение.

Я не стала дожидаться развязки и направилась к выходу из столовой. Да, не таким я видела наш первый за долгое время разговор с Соней, но сейчас я не хотела ничего слушать и понимать. Я вообще хотела забыть обо всем этом, вот только кто бы мне это еще помог забыть. Я думала, что мне будет легко, ну то есть как легко, я, когда представляла свое освобождение, представляла, как радуюсь жизни, как наслаждаюсь дуновением ветерка на коже, как обнимаю их всех. Вместо этого я чувствовала сковывающее меня раздражение и досаду,

и обиду, и злость — как будто в этом теле случились нелады с гормонами или меня преждевременно накрыло ПМС. Последнее, увы, было левой отмазкой — по той самой причине предохранительного заклинания, но факт оставался фактом. Я злилась. Не хотела, но злилась, и чем сильнее я пыталась задавить в себе эту злость, тем сильнее она становилась, захватывая меня в кольцо своих удушающих объятий. Поэтому я просто позволила ей быть. Поэтому я не приближалась к аудитории, пока все не оказались внутри, поэтому дождалась рева дракона, предвещающего начало первой пары, дождалась, пока Оллихард зайдет в аудиторию, и скользнула следом за ним.

Чтобы выбрать место подальше ото всех.

Чтобы никто не мог ко мне пересесть.

Соня, заметив, что я устраиваюсь на самом дальнем ряду, приподнялась было, но магистр Оллихард сварливо произнес:

— Тэрн-ари Драконова, я надеюсь, ваше особое положение не станет причиной того, что вы будете бегать по аудитории половину лекционного занятия? Я был бы вам очень признателен.

В другой раз я бы назвала его мерзким старикашкой и мысленно пнула под его магистрскую задницу, сейчас же просто опустила глаза, услышав, как Соня произносит:

— Не буду, магистр Оллихард. Простите.

Меня разрывало на части от собственных чувств. От того, что обрушилось на меня, от того, что я все это чувствовала и не представляла, что делать дальше. Мне отчаянно хотелось вернуть все, как было, вернуться в тот момент, когда я приняла решение пойти в комнату с Ленор одна, без Валентайна, и в то же время я понимала, что это ничего не изменит. Оно уже случилось, просто сейчас я знаю, как это может быть. Каким оно может быть. Чем все обернулось.

— Что ж, адепты, приветствую вас всех на втором курсе. — Магистр Оллихард сложил руки на уровне груди, касаясь пальцами друг друга. — В этом году мы углубимся в историю Даррании и пройдем каждый отрезок этого пути более основательно. В частности, все-таки побываем на выездном занятии, посетим алтарь Горрахона, и в самое ближайшее время. Надеюсь, в этом году нам ничто и никто не помешает.

Он посмотрел на меня в упор: так, будто я лично ему помешала, и за это магистр собирался прожечь во мне дыру. Внезапно что-то заставило меня вскинуть голову. Прямой взгляд в упор, глаза в глаза, холодный и жесткий. Я не могла видеть себя со стороны, но я себя чувствовала, и Оллихард почему-то кашлянул и поспешно отвел глаза.

— Гхм... Кхм... что ж...

А я поймала себя на мысли, что смотрю на него сверху вниз и улыбаюсь.

Адергайн Ништарн

Он рассматривал девчонку в «зеркале», соединяющем две точки пространства, и наслаждался. Эта Лена, признаться, на одно, пусть даже очень короткое, мгновение заставила его поволноваться. Она была непонятной. Иррациональной. И в какой-то миг ему показалось, что пророчество дало сбой, что все разворачивается не так, как он планировал. Впрочем, этот миг миновал, а вмешавшаяся в ситуацию Ленор Ларо пришлось как нельзя кстати.

Нет ничего более отрезвляющего, чем осознание, что друзья — это слабость. Любовь — это слабость. Сильные чувства — это слабость. Сейчас, когда Лена еще только начала это понимать, ей предстоит долгий путь. Долгий, но первый шаг уже сделан. Первая точка невозврата пройдена.

Адергайн посмотрел ей в глаза, как мог бы смотреть этот жалкий старикашка, толком не ведающий, о чем вещает, но хорохорящийся, выпячивающий свое звание магистра, и ощутил давно забытую дрожь предвкушения. Она не могла его видеть, но сейчас будто смотрела в упор на него, и в глазах ее вспыхивали черные искры столь нужного ему бесконечного потенциала.

— Скоро мы увидимся, Лена, — коротко произнес он. — Очень скоро. Ты даже не представляешь, как я жду дня, чтобы познакомиться с тобой лично.

Он мазнул пальцами по ее скуле, и пусть пока что она не могла это почувствовать, очень скоро это изменится. Очень скоро они будут вместе, и они вместе изменят мир.

Напоследок оценив затягивающий взгляд, которого коснулась тьма, Адергайн легким движением пальцев развеял зеркало.

Глава 18

Амильена Эстре

Начало нового года в Академии всегда кажется бесконечным. Это и общение с попечительским советом, и бал, и первые дни, когда все встает с ног на голову. Деканы бегают с вытаращенными глазами, потому что некоторые магистры считают, что они выше остальных, и под них надо подстраивать расписание, а с вытаращенными глазами они в первую очередь бегут куда? Правильно, к ней. Хотя некоторое время назад, когда она только заступила на пост, ее и всерьез-то никто не воспринимал, но таково уж общество Даррании. Женщину в нем замечают, когда она зубами и когтями выгрызает себе свою значимость и заявляет о себе тем или иным способом.

Этот год был отмечен еще и появлением нового магистра — Женевьев Анадоррской. Ни один ректор в здравом уме не стал бы рисковать и брать ее на работу, поскольку Анадоррский считал, что дело женщины — политически удачно выйти замуж, но Амильена, памятуя о том, как сложилась ее собственная судьба, не стала прятаться от предстоящего разговора с потенциальным тэрн-архом. В конце концов, пока он еще не тэрн-арх, а его дочь имеет право строить свою жизнь так, как считает нужным.

Анадоррский так не считал, о чем уже с утра высказал ей все в нелестной форме с требованием немедленно отстранить Женевьев от преподавания.

— Я не потерплю, чтобы она позорила мой род, — высокомерно сообщил этот... драхон, глядя на Амильену сверху вниз. В принципе, Белавуард на всех так смотрел, и, когда он впервые переступил порог ее кабинета, Эстре подумала, что менять Фергана на него — все равно что менять ежорога на ежекрыла. Одна драх разница.

— То есть вы считаете, что воспитание будущего поколения — это позор? — спокойно парировала она, глядя ему в глаза. Холодные, как лезвие кинжала, в противовес теплomu золоту волос, которое унаследовала его дочь. Впрочем, в волосах уже холодом отметилась седина, что добавляло его образу определенной завершенности.

— Я считаю, что это не дело для благородной особы, — сухо отозвался Анадоррский, — и дискутировать по этому поводу с вами не собираюсь, ректор Эстре. Надеюсь, вы прислушаетесь к моему мнению, в противном случае мы с вами будем разговаривать уже на другом уровне.

Белавуард едва успел унести свое безграничное величие из ее кабинета, а она только-только прикоснулась к документам, когда в кабинет явился другой визитер. Причем если Анадоррский приходил через секретаря, этот всегда приходил порталом. Без спроса. И всегда знал, что у нее просто не хватит сил его выставить. А стоило бы. Потому что Валентайн Альгор был для нее той самой отравой, которой для себя считал темную магию. Он проникал в ее кровь, как яд, как дорнар-орхарр в диком количестве, превращая ее, состоявшуюся женщину, ректора Академии, в глупую влюбленную девчонку. Ту самую, которая однажды совершила ошибку, которую он ей не простил.

Так и не простил, она точно знала, но все равно не находила в себе сил выкинуть его из головы, из сердца и из своей жизни. Подчиняясь какому-то странному болезненному чувству, Амильена снова и снова приближала его к себе. Даже несмотря на то, что между ними теперь стояла Ленор Ларо. Эта серость, которая стала для Валентайна наваждением — иначе и не скажешь. Что мог такой мужчина, как он, найти в абсолютно никчемной адептке?

Ответ оказался простым: темная магия. То, что влекло его к ней, было в его крови, и противиться этому он не мог. Или не захотел. Амильена поставила бы на второе, поскольку представить себе Валентайна, который чего-то не может, у нее не получалось. При всем желании.

— Ленор Ларо к тебе еще не приходила?

— И тебе доброго дня, — холодно отозвалась она, поднимая на него глаза. Валентайн выглядел хмурым, но почему это должно ее волновать?

И все же оно волновало, она это чувствовала, как никогда остро.

— Не могу назвать его добрым. Так приходила или нет?

— Нет, а должна? — Амильена свернула магический лист коротким движением пальцев, и он растаял в воздухе. — О чем, прости, нам с ней говорить?

— О том, что она хочет комнату в Академии.

— Вот как. Вы поссорились?

Вместо ответа он подошел к окну. Встал за ее спиной, так близко и в то же время так далеко.

— Я хочу, чтобы ты ей отказала.

— В проживании в Академии? — Амильена почувствовала смутное раздражение. Просто потому, что все их последние разговоры, не считая его перевода на должность ее заместителя, крутились вокруг этой Ленор! — Не имею права, прости. Если адептка заявляет о том, что ей нужно помещение для проживания, Академия должна его предоставить. Это прописано в своде правил, и тебе, как моему заместителю, это стоило бы знать.

— Ты всегда играешь по правилам, Амильена? По правилам было отдавать ее гритту?

На щеках Эстре вспыхнули красные пятна. Мало того, что он уже отчитал ее за это, как девчонку, так теперь еще будет припоминать?!

— За это я уже извинилась. Даже перед ней. По твоей просьбе. Ну а с твоей новой просьбой ничего не выйдет. Ничего не могу сделать. Если она обратится ко мне, я дам распоряжение коменданту.

Она побарабанила пальцами по столу и поднялась. Разговаривать с ним спина к спине было привычно, как они только не разговаривали. Ведь было время, когда они сидели в Академии на крыше, Амильена — откинув голову ему на плечо, а над ними кружило бесконечное, усыпанное звездами небо. Сидеть спиной к спине было уютно, а еще невероятно, бесконечно, безгранично тепло. Никогда раньше она не чувствовала ничего подобного. Никогда позже — тоже. Сейчас все вспомнилось настолько огненно, настолько остро, даже едва уловимое касание его пальцев, скользящих по ее ладони, что на миг показалось, будто она перенеслась в прошлое.

Будто и не было между ними всех этих лет. Той пропасти, разрастающейся с каждым днем после ее нелепой ошибки.

Возможно, именно поэтому она все-таки повернулась к нему. Взгляд врезался в напряженные плечи. Ей невыносимо, до дрожи в пальцах хотелось приблизиться, коснуться его.

— Не можешь или не хочешь? — обернувшись, Валентайн пристально посмотрел ей в глаза.

Таким взглядом можно было прошить насквозь, но у нее был иммунитет. Частичный, но все-таки иммунитет.

— Не хочу, — ответила она. — Не хочу, Валентайн. Ты прав. У меня нет причин мирить вас с этой девчонкой, что бы там между вами ни произошло. А теперь, если не возражаешь...

— Я ей изменил, — произнес он, оборвав ее попытку выставить его из кабинета. — Не совсем изменил, но...

Валентайн замолчал, и тишина между ними капала в вечность, как мгновения времени. Отсчитывая каждый вдох. Каждый выдох.

Сколько лет прошло с того дня, когда он вот так откровенно говорил с ней? Когда он ей доверял.

— Что?.. — переспросила Амильена. Голос звучал хрипло и как-то сухо, поэтому она кашлянула, а продолжила только уже после этого: — Что ты имеешь в виду? Как можно изменить «не совсем»?

Она ждала чего угодно. Того, что он скажет, что это не ее дело. Отмолчится. Просто уйдет — все это было вполне в духе Валентайна Альгора. Вместо этого он произнес:

— Ленор... не совсем Ленор. В ее тело отец перенес другую девушку. Из совершенно другого мира. Все это... очень сложно, Амиль. Настолько сложно, что я впервые за долгое время не знаю, как быть.

Валентайн Альгор

Не так давно он сам рассказывал Лене, что чужими тайнами не разбрасываются. Что ими очень опасно делиться. Тогда это еще была Лена. Признаться, все произошедшее до сих пор не укладывалось у него ни в голове, ни в сердце. Если бы отец мог видеть его сейчас, он был бы доволен, потому что увидеть его растерянным, сбитым с толку, а самое главное — не способным до конца совладать с собой и своими мыслями — Адергайна такое точно порадовало бы. Долгие годы Валентайн настолько держался за свой контроль, что сейчас не представлял, что делать с его потерей. Не представлял, как перестать думать о том, что произошло. О том, как все исправить. О том, возможно ли это.

Амильена была его единственным другом. Единственной, кому он доверял безоговорочно до одного случая. До того, как появилась Лена, но сегодня, стоя с Амиль лицом к лицу в кабинете, он увидел в ее

глазах ту самую девочку. Ту, что не побоялась пойти против всей Академии и встать рядом с ним. Так можно ли ее винить за то, что произошло после? Долгие годы, особенно сразу после случившегося, Валентайн не мог ее простить. Считал, что у нее был выбор, и она его сделала, судил так же резко и категорично, как судили его. А ведь она просила прощения. Говорила, что ошиблась, что хочет все исправить, но то, чем могли бы стать их отношения, было безнадежно разрушено.

Сейчас ему было даже страшно думать о том, что то, что было между ним и Леной, тоже разрушено.

Потому что, несмотря на то, что он к ней испытывал, он ничего не увидел. Не заметил. Не почувствовал.

Хотя мог бы. Должен был!

Но ему было так хорошо с ней.

Не с ней.

С Ленор Ларо.

— Ты сейчас о чем? — осторожно уточнила Амильена, словно не могла поверить ушам. — О том, что в теле Ленор Ларо живет другая личность? Магически подселенная? Такое возможно?!

Он бы тоже не поверил сразу, если бы не жил с этим год. Или около того. Он знал Лену год, но ничего не заметил. Чувство вины разъедало похлеще темной магии, и для него, привыкшего перешагивать через все легко, это чувство было новым. Незнакомым, непонятным, потому так легко и добралось до сердца, ударило точно в цель.

— Да. Я именно об этом. История будет долгой, Амиль, поэтому лучше присесть.

Валентайн рассказал ей все с самого начала, и она слушала, не перебивая. Не задавая вопросов, просто позволяя ему выговориться, и ему действительно становилось легче. Будто со словами он отпускал часть груза, тяжестью лежащего на сердце, отпускал все то, что мешало дышать со вчерашнего вечера.

Вчера!

Это произошло вчера. А чувство такое, будто он уже год живет с этим, варится как в огромном пламенном котле в чертогах Лозантира.

Изредка он замолкал, чтобы подобрать слова. Рассматривал знакомую обстановку ее кабинета, которая, впрочем, сменила цвет. Мебель осталась той же, но взамен светлой легкости добавилась

темно-зеленая строгость, как в обои, так и в обивку. Разбавлял эту строгость кремовый, ореховый и неброское золото, и, стоит отметить, такие цвета ей шли гораздо больше, чем оставшиеся от предыдущего ректора.

Амильена сидела за столом, Валентайн — в кресле напротив. Он понятия не имел, сколько они говорили, но их никто не тревожил. Оно и неудивительно: сейчас шли занятия, поэтому и магистры, и деканы, и адепты были заняты своими делами. Этот ее сумасшедший секретарь, Номбри, на сегодня отпросился. Валентайн знал об этом, потому что тот подбежал к Эстре вчера, когда они обсуждали детали его нового назначения. У парня серьезно заболела сестра, и он просил разрешения встретиться и проводить Анадоррского, а потом сразу уйти.

— Я правильно понимаю, что ты хочешь сбежать в самый ответственный день, Номбри? — обманчиво-мягко поинтересовалась Амиль.

Умела она так разговаривать, что даже намеренно смягченная ее природная драконья резкость пробивалась из под этого спокойствия и пробирала подчиненных до мурашек.

— Д-да, но я... у нее целительские манипуляции до обеда, и я... я потом сразу вернусь, — краснея, затараторил парень. — Я ж-же не так часто отпрашиваюсь, за все время это первый раз...

— Номбри, успокойся. Разумеется, ты можешь уйти.

— Да? Да. Спасибо, ректор. Спасибо. Я правда быстро, туда и обратно...

Эта резкость сочеталась в ней с мягкостью, а жесткость — с умением чувствовать и истинным, искренним состраданием. Должно быть, никогда раньше Валентайн не думал ни о ком так глубоко, не думал так глубоко о ней. Но этому его научила Лена. Всмотриваться в других. Думать об их чувствах. Этому и многому другому. А он... он даже не заметил, что ее нет.

Что ее место заняла эта Ленор Ларо.

— Полагаю, это как-то связано с экспериментами Эвиль по разделению личности, — произнес он. — И что, возможно, я прав, Ленор Ларо и Лена — всего лишь часть одной личности, поэтому я ничего не заметил. Другого объяснения я не вижу, и мне в самом деле придется говорить с Ларо через Загранье. Только так я смогу оценить ситуацию и решить эту проблему.

— Под проблемой ты подразумеваешь Ленор? — В темно-зеленых, с ореховой дымкой, глазах мелькнуло странное выражение. — Она живая, Валентайн. Ее нельзя решить, как нечто несуществующее.

Что-то похожее ему сказала Лена.

Очень похожее. А у него, видимо, талант выбирать сердобольных женщин, не способных здраво оценивать потенциальную угрозу.

— Я о том, как в целом решить эту ситуацию, — он кивнул. — Как сделать так, чтобы Лена... была собой.

— Ты же знаешь, что у этого уравнения нет решения, правда?

— Если даже нет, я его найду.

Амильена не стала настаивать, посмотрела через его плечо на дверь. Задумчиво закусила губу.

— Знаешь... я благодарна за то, что ты мне все рассказал. Ты можешь мне доверять, Валентайн, я это знаю, и ты это знаешь. Но ты ведь не за этим ко мне пришел. Точнее, не только за тем, чтобы раскрыть тайну, которой очень дорожишь. — Она внимательно посмотрела на него. Так, будто видела насквозь. — Ты пришел за советом, пришел спросить, как тебе быть, и мой ответ тебе вряд ли понравится. Но это единственное, что ты можешь сделать в данной ситуации.

Она замолчала, и он молчал тоже. Потому что в такие моменты, как тогда, в далеком прошлом, ему казалось, что они настроены друг на друга. Считается, что между мужчиной и женщиной подобные отношения выливаются исключительно в страсть и бесконечность, но еще это — отличительная черта дружбы. Эстре всегда была ему другом в первую очередь, и только потом уже всем остальным. По крайней мере, так это видел Валентайн. А как это представляла она?

— Если хочешь все исправить — отпусти ее, — произнесла Амиль, глядя ему в глаза. — Позволь ей найти эту комнату, позволь побыть одной и подумать.

— Нет. — Валентайн покачал головой. — Нет. Можешь мне поверить, это не выход.

— Можешь поверить мне, — она усмехнулась, — если ты запретишь ей жить в Академии, если будешь таскать за собой на привязи, ты ее потеряешь. Так ты потеряешь ее гораздо быстрее, Валентайн. Сейчас для нее ты — источник боли. Представь, каково это

— постоянно держать руку в огне. Она больше не вспомнит, что когда-то ты ее согревал, если сейчас не позволить ей отойти.

Представить себе, что нужно будет отпустить Лену, что нужно будет жить без нее, было невыносимо. Настолько, что внутри словно повернули ржавый металлический кинжал, источающий саму тьму. На миг знакомое чувство, темное и холодное, коснулось искушающим шепотом: «Ты можешь просто оставить ее себе. Вам даже необязательно жить в Даррании», — и это чувство было настолько реальным, что Валентайн, преодолевая боль, кивнул:

— Ты права.

Эстре усмехнулась снова. Но на этот раз как-то горько:

— Надо запомнить этот день, когда ты со мной согласился. Да еще и по такому поводу. — В ее словах, в ее голоса тоже звучала боль. — Она изменила тебя, Валентайн. Ты стал другим.

— Это плохо?

— Нет. Это просто факт. И еще мне немножечко грустно, что это была не я. — Она не позволила ответить, добавила торопливо: — Для меня действительно очень важно, что ты пришел с этим ко мне. Я это ценю. Бесконечно.

Вместо слов Валентайн дотянулся и накрыл ее пальцы ладонью. Отметив, как Амильена вздрогнула, но не попыталась отнять руку, просто посмотрела ему в глаза. Так, как не смотрела уже давно. Мгновения подобных взглядов между ними остались в далеком прошлом.

— Ты сможешь меня простить? — спросила она. — Когда-нибудь? За то, что я...

Когда-то он думал, что нет. Когда-то. Да и долгое время эта стена между ними то становилась крепче, то чуть слабее, но она была. До настоящего момента, до этого дня, потому что сейчас она рассыпалась, и ветер уносил ее крошку, как тленную пыль. Только совершив страшную ошибку, понимаешь, как важно прощение. Только чувствуя боль, понимаешь, насколько другому тоже может быть больно.

— Это все больше неважно, — произнес он. — Для меня нет. Ты мой друг, Амиль, и так будет всегда.

Она улыбнулась — как-то наивно, слегка неуверенно и недоверчиво, словно на миг снова стала той самой адепткой, а не грозным ректором Эстре.

— Спасибо, — прошептала она.

— Спасибо за то, что выслушала.

Амильена все-таки убрала руку.

— Так что, когда твоя Лена придет, я отправлю ее к коменданту.

Валентайн глубоко вздохнул:

— Лучше вызови его сразу. Пусть найдет ей комнату заранее и сообщит через виритту.

Она хмыкнула, но ответить не успела: в дверь постучали.

— Да, — резко отозвалась Амиль, мгновенно преображаясь.

В кабинет заглянула ее сестра. Увидев его, остановилась.

— Ты занята? Я зайду позже.

— Ты должна быть на занятиях, или я ошибаюсь?

— Оллихард отпустил нас раньше. Мне нужно с тобой поговорить.

— Я уже ухожу, — Валентайн поднялся. Не сказав больше ни слова — было вполне достаточно взглядов, которыми они обменялись с Амиль, направился к выходу. Последним, что он услышал, было:

— Что опять, Лика?

— Я хочу сообщить, что адепты нарушают правила. В частности, первокурсница завтракала в столовой для...

На этом он закрыл за собой дверь, оставив сестер одних.

Ему еще предстояло смириться с мыслью, что Лена снова будет жить отдельно.

Глава 19

Лена

Я думала, что без Валентайна будет легче. Что там, где ничто не напоминает о том, что произошло, будет легче. В новой комнате: не такой роскошной, как у меня была в прошлом году, и не такой маленькой, как была изначально, действительно ничто ни о чем не напоминало. Ни о чем и ни о ком, даже окна у нее выходили на дальний уголок парка, и в целом можно было зацепиться разве что за общую атмосферу.

Но я все равно лежала на кровати и бездумно пялилась в потолок. Потом переворачивалась на бок и так же бездумно пялилась в стену. Потом — на пресловутое окно с новым видом. Потом — в покрывало, потом опять в потолок, и так дальше по кругу. Если бы я была шашлычком, я бы равномерно прожарилась с такими оборотами, но я была Леной, которая просто крутилась вокруг своей оси.

И пыталась понять, как ей быть дальше с той болью, которая живет внутри.

— Ленор, тебе стоит заняться подготовкой к завтрашним занятиям, — «включилась» Эвиль.

— Ага.

— Я бы рекомендовала особое внимание обратить на драконий язык, по этому предмету у тебя пробелы. Пусть пока домашнего задания еще не было, стоит повторить уже изученное, чтобы не попасть в неловкое положение.

Ха. Да с талантами магистра Доброе утро я еще не раз и не два попаду в неловкое положение. Ну или со своим талантом к драконьему языку. Эта помесь латыни, французского и языка инопланетян с его грамматикой казались мне чем-то нереальным. Я прекрасно понимала, что, возможно, все дело в том, что у остальных была фора по его изучению, но у Сони, например, форы не было, и она прекрасно справлялась. Может, я просто не создана для говорения по-драконьи.

«По-моему, ты на себя гонишь».

Этот голос раздался в голове так неожиданно, что я чуть не подпрыгнула. Спасибо хоть лежала и ни по какой лестнице не

спускалась.

— Тебя не спросили, — огрызнулась я на Ленор.

— Ну в общем-то да. Меня никто ни о чем не спрашивал.

Это что, новый уровень нашего общения? Без погружения в подсознание?

Супер.

— Чего тебе вообще надо? — поинтересовалась я.

— О теле забочусь, — огрызнулась она. — Если будешь все время лежать, разжиреешь, мышцы атрофируются, станешь страшной и никому не нужной.

— Иди на... праздник к Лозантиру, — мило отозвалась я.

— С кем ты разговариваешь, Ленор? — поинтересовалась Эвиль.

— Сама с собой. Я с ума сошла.

— Если ты чувствуешь легкое недомогание, — обеспокоенно произнесла виритта, — спустись к магистру Симрану и опиши ему свои симптомы.

О да! Только магистра Симрана мне и не хватало. И ему меня — с Ленор в голове.

— Ленор, ты меня слушаешь? — повторила виритта.

— Она не Ленор, — раздалось в голове.

Чтобы не сойти с ума на полном серьезе, я просто отключила виритту и стянула браслет.

— Да, я не Ленор. А Ленор буквально преображает белье. Хотя о чем это я. Она его не носит, — пробормотала я, снова переворачиваясь на спину.

— Ты о чем? — раздалось озабоченное и встревоженное. Видимо, мое бессвязное бормотание проняло даже ее. Нет, ну а что? Я бы тоже испугалась. Вот сойду с ума на полном серьезе, и будет она сидеть в теле девицы, кукарекающей, вращающей глазами и пускающей слюни.

Представив такое, я фыркнула.

— Как тебе такое развитие ситуации, Ленор? А?

На том конце сознания молчали: видимо, приходили в себя. Ну или связь прервалась, я не знаю. В конце концов, я понятия не имею, как так получилось, что теперь мы вообще вот так общаемся. Безо всяких дополнительных погружений друг в друга, и все такое. То есть в разум. То есть в сознание.

А без разницы.

— Лена. Ле-ен, — донеслось в голове.

Как же ты меня достала!

— Что?!

— Я просто хотела сказать, что мы друг без друга не обойдемся.

— Говори за себя. Я вот, например, очень хорошо без тебя обойдусь, — я перевернулась на бок.

— Да. Я заметила. Особенно когда ты распугала всех друзей и не хочешь ни с кем говорить.

— Ну, предположим, не всех.

Макс не особо стремился со мной общаться, увлеченный Алиной, Ярд больше был занят основами артефакторики, на которых становился просто невменяемым ученым, а не адептом. Соня с переменным успехом пыталась пообщаться со мной и отбиться от бывших подруг, но и первое, и второе — тщетно. Я продолжала злиться, и разговора у нас не получалось.

— Лена, нам надо поговорить.

— О чем? — уточнила я.

— Обо всем. Например, о том, что я была неправа.

О как.

— Была неправа, когда трахалась с Валентайном или когда представлялась мной все это время? — уточнила я, стараясь, чтобы сарказм не летел во все стороны, как брызги из-под колес автомобиля во время ливня.

Получилось плохо.

— И первое, и второе. Я должна была сразу признаться. Но я боялась. Боялась, что он меня просто-напросто выжжет, а потом... потом все стало сложно. Можешь мне поверить, в том, чтобы быть тобой, нет ничего особо привлекательного. Они все любили тебя, не зная, что я — это я. Думаешь, это лучший для меня вариант?

— Если бы они меня любили, они бы все поняли! — рывкнула я.

— Ну а лучший или не лучший, мне плевать! Ты могла поговорить с Валентайном. Могла попросить помощи...

— И он бы помог! Тебе! — рывкнула она в ответ. — Веришь или нет, Лена, я тоже хочу жить! Очень хочу! Пусть даже это не жизнь, в чем ты сама убедилась! Но только от этого ничего не меняется. Здесь, внутри, все равно очень хочется жить. Ты наверняка это чувствовала! Не говори, что ты этого не чувствовала! Может быть, я и далека от

идеала, особенно в твоих глазах, но я боролась за то, что у меня осталось. За то немногое, что у меня осталось! Я не хочу умирать, не хочу быть тобой, и тело делить с тобой тоже не хочу! Но если я что-то и поняла, так это то, что без сотрудничества у нас с тобой ничего не получится.

— Да, мы уже говорили о сотрудничестве, — напомнила я. — После чего ты ударила в спину.

— Я же сказала, что была неправа! Я прошу прощения, ладно? Я правда прошу прощения, я хочу все исправить. Я... я благодарна тебе за то, что ты не попросила меня уничтожить даже после всего, что я сделала. И я очень хочу, чтобы мы смогли нормально поговорить. Договориться. Потому что я так больше не могу!

Женевьев Анадоррская

В столовой, как всегда, было очень светло: матушка не терпела полумрака, а учитывая, что окна выходили на тeneвую сторону, магические светильники полыхали на полную. Подчеркивая золотое убранство просторной комнаты, их искры играли на рамах картин, перепрыгивали на обивку и подлокотники, путались в волосах. Женевьев предпочла бы естественный свет осеннего заката, пусть и немного потерянный именно здесь, но кто бы ее спрашивал. Спрашивали ее о другом:

— Ты сегодня говорила с ректором Эстре? — скупое поинтересовался отец. Он пришел в ярость, когда узнал о ее желании преподавать, матушке даже пришлось воспользоваться нюхательными зельями, чтобы не потерять сознание.

Младший брат, которому это все было совершенно неинтересно, поерзал на стуле, глядя на блюда, которые слуги вот-вот готовы были подать, но под жестким взглядом отца врос в спинку и замер.

Никто в этом доме не начинал есть, пока отец не отдаст приказ. Никто в этом доме вообще ничего не делал, пока отец не отдаст приказ. Временами Женевьев искренне удивлялась, что ей вообще разрешили заниматься с детьми и вести благотворительность, но, видимо, это было по поводу предстоящей свадьбы с Сезаром Драгоном.

Будущей тэрн-ари положено заниматься чем-то таким, вот отец и не возражал. Тот факт, что Женевьев делает это по зову сердца, должно

быть, ни разу не приходил ему в голову. Как и тот, что у дочери стоило бы поинтересоваться, прежде чем делать ее невестой наследного принца. Но... всего лишь одна встреча с Сезаром — и Женевьев поняла, что теперь уже ей не хочется возражать. Он поразил ее своей зрелостью, галантностью, вниманием к ней и к ее интересам. Они действительно много общались, гораздо больше, чем предписано этикетом, поэтому их пара всегда вызывала наиживейшее внимание.

Ферган и отец были довольны тем, что происходит, вот только для Женевьев все это ни разу не было игрой. Не было политикой. Ей в самом деле нравилось проводить время с Сезаром, тем более что их интересы и взгляды на жизнь во многом, да буквально во всем, совпадали. Им было о чем поговорить, им никогда не было скучно вместе, и она сама не заметила, как влюбилась.

А когда поняла, что влюбилась, было уже слишком поздно. Сезар ни разу не позволял по отношению к ней ничего компрометирующего, и это она тоже поняла слишком поздно. Галантность, вежливость, внимание, совпадение интересов и взглядов — все это не значит ровным счетом ничего, если нет страсти. Искры. Того, что обычно возникает между мужчиной и женщиной, равнодушными друг к другу.

Он не стремился ее касаться, не бросал противоречивых взглядов на губы, не оглаживал ими фигуру. Женевьев уговаривала себя, что это всего лишь его воспитание, что он просто такой сам по себе, но уже тогда это было слабым утешением. Даже несмотря на то, что они были друзьями — они действительно стали друзьями, ей отчаянно хотелось большего.

Хотелось почувствовать его губы на своих, пусть даже это подвергло бы риску ее репутацию, случись кому-то увидеть или узнать об этом, хотелось неловкого касания рук. Хотелось, чтобы он хоть раз признался ей в том, в чем она не могла признаться ему — что с трепетом ожидает их первой ночи. Женевьев почти решилась с ним об этом поговорить, но тут появилась Софья Драконова.

Хотя как сказать — появилась. Она и до этого была, но внезапно оказалась под кураторством Сезара и вошла в его жизнь. Настолько быстро, ярко, огненно, как вспышка — как никогда не получалось у нее самой. Тогда-то Женевьев впервые узнала о том, что такое ревность. Тогда впервые в жизни почувствовала, каково это — когда

мужчина, который скоро назовет тебя женой, голодно, жарко, невыносимо чувственно смотрит на другую.

О да, на нее он смотрел так, как никогда не смотрел на Женевьев. С ней он позволял такое, что могло просто и легко разрушить все — в частности, когда в Академии просто перекинул ее через плечо и унес на глазах у всех.

У них все-таки состоялся откровенный разговор: не тот, о котором Женевьев мечтала, а по поводу Софии. Сезар обещал, что это больше никогда не повторится, что он нацелен на их брак, и ему ничего не помешает, что это был просто воспитательный момент. Наверное, не стоило ему верить, но сердце верит в то, во что хочет. Верит, отринув голос разума и все, что происходит у тебя на глазах. Вот и Женевьев поддалась ему. Поддалась этому чувству, позволила себе просто отвернуться от того, что было очевидно.

За что потом жестоко поплатилась.

Когда она поняла, что не сможет быть его женой ни ради своей однобокой любви, ни ради политики? В тот миг, когда Сезар оставил ее одну за ужином и не вернулся. Когда вылетел вслед за Люцианом, изменившись в лице, узнав о том, что на Софию Драконову напали какие-то горожане. Для нее это стало последней каплей. Именно в тот момент пришло осознание, что все. Она не хочет, не может и не сможет так жить. Что нужно его отпустить, пусть даже от этого очень больно.

Понимая, что отец не позволит ей этого сделать, Женевьев просто пошла к Фергану. Разумеется, надолго тайной этот разговор не остался, она едва успела вернуться, как Белавуард пригласил ее в кабинет. Поставил *Cubrire Silencial* и орал так, что тряслась мебель. У него даже драконьи черты начали проступать, в какой-то миг Женевьев показалось, что сейчас начнется оборот.

— Ты опозорила нашу семью! — тяжело дыша, выплюнул отец. — Как ты могла?! После всего того, что мы с матерью для тебя сделали?!

Над матушкой колдовали целители: она показательно упала в обморок, когда Женевьев вернулась. Отец не стал скрывать, явно для большего эффекта, и Лоиза Анадоррская встретила дочь с залитыми слезами лицом и укоризненным взглядом. Чтобы потом прямо на ее глазах картинно потерять сознание.

Женевьев знала о том, что не все матушкины обмороки — настоящие, но все равно не могла избавиться от чувства вины. Оно укусом бьянигла проникало в сердце, отравляя и заставляя чувствовать себя маленькой, никчемной и неблагодарной.

— Папа, он меня не любит! У него роман с другой! — попыталась она объясниться хоть как-то, но отец взревел ошпаренным драконом:

— Не любит?! Роман с другой?! Женевьев, ты же не вчера родилась! Ваш брак изначально был политическим, ваши отношения — для народа и для создания наследников! Какая тебе вообще разница, с кем он путается?! Вспомни хотя бы Эттиану Эзалийскую! Если бы супруга Отторгана Великого побежала отказываться от их брака, во что бы все превратилось?! Не любит! Да он всю жизнь провел с этой Эттианой, а ты подставила меня из-за какой-то нелепой интрижки!

Женевьев судорожно вздохнула. Она хотела сказать, что брак с Сезаром никогда не был для нее только политикой, и что для нее есть разница, но отец перебил ее раньше, чем она успела начать.

— Позор, — хлестко и жестко повторил Белавуард, глядя на дочь и раздувая ноздри, как обернувшийся. Из них разве что струйки дыма не вырывались. — Какой позор! Ты завтра же, вместе со мной, пойдешь к Фергану, мы принесем свои извинения за твою недостойную просьбу, и сделаем все, что он попросит, чтобы эта помолвка осталась в том статусе, в котором она была.

— Нет, — жестко произнесла Женевьев.

Впервые в жизни она осмелилась так перечить отцу.

— Нет? — Белавуард опешил.

— Нет. Я не пойду на такой брак. На брак, в котором я буду никем. Я не стану жить рядом с мужчиной, который... — Ее голос прерывался, Женевьев задыхалась от волнения. Возможно, относись она к Сезару так же, как и он к ней, для нее легче было бы все это пережить. Легче воспринять, что он любит Софию, что он хочет быть с ней. Но она любила его, и сердце не принимало, что ей нужно будет терпеть отношения, в которых она — никто. — Который любит другую.

Отец в два шага преодолел разделяющее их расстояние, от его резких движений что-то упало с массивного красного дерева стола и с глухим стуком утонуло в ковре.

— Пойдешь, — прошипел он, глядя ей в лицо. — Пойдешь, или завтра же покинешь мой дом, и ни один благотворительный фонд не захочет с тобой сотрудничать. Такая дочь, дочь, думающая только о себе, мне не нужна.

Женевьев не успела даже слова вставить, как он продолжил:

— Подумай хотя бы о матери, если тебе плевать на брата и на меня. О том, как это скажется на ее репутации! Ведь именно женщина ответственна за поступки дочери, за ее воспитание. Ты знаешь, сколько всего она сделала для тебя! Знаешь — и вот так просто это перечеркнешь? Просто потому что тебе в голову взбрела... любовь?!

Последнее Белавуард вытолкнул с таким выражением лица, будто любовь была какой-то мерзостью. Пакостью, от которой стоит немедленно отмыться, да получше.

— Сезар Драгон — достойный во всех отношениях дракон. Он замечательно к тебе относится, и чем ты ему отплатила?

«Да не нужна я ему!» — хотела закричать Женевьев, но поняла, что уже заранее проиграла. Отцу все равно, что с ней будет в этом браке, матери... у Лоизы Анадоррской всегда были свои ценности, и любовь в них никогда не входила. Замуж за отца она вышла по расчету, и их двоих это устраивало. Но ведь главное, что это устраивало двоих? Чтобы это устраивало и его, и ее? Как быть, если все внутри восстает против свадьбы с Сезаром, хотя глупое сердце продолжает рваться к нему?

Усилием воли Женевьев остановила эти мысли. Пожалуй, отец прав. Соглашаясь на этот брак, она заранее знала, что стало его причиной. Потом, когда поддалась чувствам, позволила себе мечтать о несбыточном, словно запустила в себе опасное заклинание, оплетающее ее день за днем. Дающее надежду, заставляющее грезить о большем. О чем — о большем? Сезар ей никогда ничего не обещал. Не говорил слов любви, ничем не показывал своих чувств. Даже в том объяснении, в котором фигурировал «воспитательный момент», в нем не было чувств. Он не сказал, что любит, а прощения просил не за то, что задел ее чувства, а за то, что это могло сказаться на репутации их помолвки.

Так что, возможно, она действительно развела драму на пустом месте. Поступила опрометчиво, на чувствах, а чувства — не лучший советчик.

— Хорошо, отец, — сказала она тогда. — Я пойду завтра с тобой к Фергану и принесу извинения за свою просьбу.

Взгляд Белавуарда немного, но смягчился.

— Слава Тамее, разум тебя не оставил. По крайней мере, не до конца. — Он все еще раздувал ноздри, но уже ощутимо расслабился. — Ступай. Навести мать и попроси прощения у нее. За то, что по твоей милости она не сможет даже подняться завтра.

Лоиза правда очень любила болеть, делала это упоительно и со вкусом. Как, впрочем, и все в своей жизни, но спорить с отцом еще и по этому поводу, возражать уже не осталось сил. В тот вечер Женевьев просто поднялась к матери, попросила прощения, а остаток вечера и ночи провела, лежа в постели и глядя широко раскрытыми глазами в потолок.

Ни двигаться, ни спать не хотелось. Даже усталость не брала свое, а стоило закрыть глаза — и она видела, как меняется лицо Сезара, как сползает его привычная уравновешенная маска, когда Люциан говорит о нападении на Драконову. Должно быть, со временем она сможет с этим смириться. Как сможет смириться с тем, что он будет возвращаться домой и пахнуть ей. Или любой другой женщиной — если отец прав, но все же, где-то глубоко внутри Женевьев знала, что не будет.

Только ей. Только Софией Драконовой. Он ей настолько пропитался при том, что между ними еще ничего не было, так что уж говорить о том, когда это что-то случится.

Женевьев не любила историю Эттианы Эзалийской, потому что не любила истории о любовницах. Она считала, что женщина, влезаящая в семью, недостойна того, чтобы о ней рассказывали и превозносили. Пусть даже эта семья политическая. Всегда найдется оправдание тому, почему жена плохая, а разлучница вся такая хорошая. Всегда найдутся те, кто скажет, что тэрн-арха своего супруга не любит, что вышла за него из-за короны. Кто бы знал, что однажды она окажется на месте этой самой жены. Кто бы знал, как из-за этого горько...

Тамея смилостивилась над ней. Когда утром Женевьев уже собирали на встречу с Ферганом, хмурый отец сообщил, чтобы ждала дома и срочно ушел к тэрн-арху порталом. Вернулся он не просто хмурый, еще и злой, и сообщил, что Ферган меняет наследника, и что ей предстоит выйти за Люциана Драгона. Должно быть, недовольство

отца объяснялось тем, что он боялся очередного потока возражений с ее стороны, но Женеьев, услышав о таком, испытала небывалое облегчение.

Люциан не вызывал в ней никаких чувств — разве что легкое раздражение временами, но она никогда не видела в нем будущего мужа. Тем проще было согласиться на такие перемены, потому что в случае с ним ей было все равно, сколько у него будет любовниц. Ей было даже все равно, как это скажется на ее репутации: все-таки расторжение помолвки с Сезаром Драгоном — это не то же самое, что опрокинуть на себя дорнар-скар на приеме.

Повезло и здесь. Одна из причин серьезных волнений отца, что смена наследника Даррании и новая помолвка обществом будет воспринята в штыки и неблагодарно, не оправдалась. Советники тэрн-ара и отца сработали сообща, и в результате двойной помолвки все ждали, чуть ли как явления Тамеи. Для Женеьев же предстояло новое испытание, но заключалось оно отнюдь не в Люциане Драгоне.

При одной только мысли о том, что Сезар на глазах у всех назовет Софию своей, внутри все сжималось. И он назвал, помолвка состоялась, и небо не рухнуло на землю. Рухнуло лишь что-то внутри Женеьев, придавив всей своей тяжестью сердце, сжимая его до крохотного комка, который снова смог нормально забиться лишь после слов Люциана:

— Женеьев, я не могу на тебе жениться.

Это прозвучало как хорошенькая пощечина раскачивающейся на ветру слабачке, раскисшей от того, что мужчина, который никогда ее не любил, сейчас с любовью смотрел на другую. Она пришла в себя от таких слов, мысленно благодаря Люциана за то, что сейчас он это сказал. За то, что вытряхнул ее из ее слабости и напомнил о том, кто она такая!

Женеьев Анадоррская! Сильная женщина, а не размазня, которая всю жизнь будет страдать по мужчине, который предпочел ей другую.

В портал она уходила с высоко поднятой головой.

Отец был в ярости, мать дома снова упала в обморок, но Женеьев было уже все равно. Она впервые за все это время по-настоящему выдохнула, а после вдохнула — тоже по-настоящему, полной грудью. Отстранившись от политики и от того, что происходило, она съездила отдохнуть на Эллейские острова, где собрала себя и свой образ заново.

Где впервые по-настоящему стала женщиной, и вот сейчас, глядя на перекошенное лицо отца, вопрошавшего об Эстре, эта женщина лишь приподняла брови.

— А должна была? — спросила легко, с той же небрежностью, с которой могла интересоваться погодой. — Занятия у меня начинаются завтра, никаких новостей от ректора не было.

— Твои занятия не должны начаться! — взревел отец.

Матушка побелела, слуги слились со стенами, а брат выронил ложку, которую вертел в руках.

— Ах, вот в чем дело, — спокойно произнесла Женевьев. — Ты говорил с Амильеной Эстре? Чтобы меня отстранили.

— Говорил! Но раз эта женщина не понимает по-хорошему...

— Нет, это ты не понимаешь по-хорошему, папа, — вперив в отца жесткий взгляд, произнесла она.

Матушка сдавленно вздохнула и принялась усиленно обмахиваться веером. Белавуард побагровел, но на сей раз Женевьев не собиралась уступать ему инициативу.

— С какой же формулировкой ты попросил ректора Эстре меня отстранить?

— С той самой, что это позор для нашей семьи! Работающая дочь!

— Вероятно, лучше было бы, если бы я с утра до вечера интересовалась нарядами, красотой и постоянно скульптурировала лицо у лучших магов, — хмыкнула Женевьев. — Прости, папа, но дочь тебе досталась с совершенно другими интересами, и дабы не смущать вас своим присутствием и своей необычностью, я завтра же найду себе отдельное жильё.

Она аккуратно сложила салфетку, положила ее рядом с тарелками и поднялась.

— Сядь! — прорычал отец. — Сядь немедленно! Мы не закончили!

— Закончили, — ответила Женевьев, немного замедлившись на слабом возражении Лоизы:

— Дорогая! Но мы еще не поужинали!

— Поужинаете без меня, — она мягко коснулась плеча матери. — Я не голодна, мама.

Из столовой она выходила в точности так же, как из парка тэрнарха. С широко расправленными плечами. С ощущением того, что все,

что сейчас происходит — невероятно, бесконечно, невероятно
правильно.

Глава 20

Лена

С Ленор у нас толкового разговора не получилось. Просто по той причине, что пока разговаривать с ней нормально я была не готова, и прекрасно отдавала себе в этом отчет. Но кое в чем она однозначно была права: так дальше продолжаться не может, этот вопрос нужно решать. Причем решать здесь и сейчас, сидеть и ждать, что Ленор внутри меня сама рассосется — бессмысленно и беспощадно. Скорее уж, она разовьется. Во что-нибудь еще.

Поэтому утром я проснулась с твердым намерением поговорить с Валентайном по-деловому, оставив позади все женское немогунехочунебуду, а заодно и обиды с разочарованиями. Обиды обидами, разочарования разочарованиями, можно сидеть и дуться здесь на всех месяца два, закопаться в учебу и вообще из этой комнаты не вылезать, а можно вернуться к нормальной жизни и заниматься проблемой, которая есть. Она просто есть. Как факт.

С этим фактом ничего нельзя сделать, а с проблемой — можно. Поэтому из комнаты я выходила, преисполненная решимости. Перед завтраком и занятиями я успевала заскочить в магистрериум, а Валентайн, по идее, уже должен был там в это время наблюдаться: он все-таки теперь заместитель ректора. Да, совмещает это с архимагической должностью, но я надеялась, что успею его поймать. Если не успею — тогда уже напишу и договорюсь о встрече, но вот такая, внеплановая и спонтанная почему-то казалась мне гораздо более деловой, чем если бы мы с ним предварительно пообщались через виритт.

Он сейчас носил виритта, которого ему подарила Ленор. На его двадцать восьмой день рождения. Который, впрочем, оказался весьма условным — сам Валентайн весьма приблизительно представлял, когда появился на свет, но у них как-то зашел разговор о том, что Ленор (то есть я) хочет на свой праздник, и она, хитрая лиса, немедленно заговорила и о нем.

Честно, я уже не представляла, что меня злило больше: то, что никто ничего не понял, или то, что меня так легко заменить этой

отменной актрисой с навыками Маты Хари.

Вот стоило об этом подумать — и я опять начала заводиться! Поэтому ускорила шаг, чтобы дотопать до магистрериума как можно быстрее, поэтому не заметила укромную нишу на повороте. Того, кто тусовался в укромной нише я тоже не заметила: аккуратно до того, как этот кто-то рывком втянул меня туда и опустил драпировку. Оказавшись в полумраке, лицом к лицу с Люцианом Драгоном, я поняла, что моя нервная система обрела некоторую стабильность. По крайней мере, мне уже не хочется драться, я даже не вздрогнула и не успела проглотить сердце, которое даже не попыталось выскочить из груди.

— Что это, если не завуалированное приглашение к диалогу? — задумчиво поинтересовалась я, глядя на него.

Света здесь было мало, он пробивался разве что в щели между неплотно задернутой драпировкой и камнем, а еще снизу, откуда по каменному полу тянуло не только солнечными лучами, но и холодом. Правда, Люциана тоже можно было назвать светильничком: глаза у него сияли, и магия привычно вплеталась в волосы.

— А без сарказма можно, Лена? — поинтересовался он.

— Без сарказма скучно, — сообщила я.

— Я знаю, что произошло с тобой и Ленор.

Почему я даже не удивлена? Наверное, надо всерьез думать над тем, что я говорю Соне, а то у нее какие-то сомнительные принципы сохранения чужих тайн. Стали. Раньше я такого за ней не замечала.

— Молодец, — сообщила я. — И?

— Мне очень жаль.

— Да мне тоже. — Я потерла ладони друг о друга, согревая их. — Если это все, то я пойду. Ты, кстати, нарочно выбрал место, где нет ни одного водоема или хотя бы окна?

На лице Люциана не дрогнул ни один мускул. Напротив: он смотрел на меня как-то... иначе. Так, как никогда не смотрел раньше, или смотрел, но все равно по-другому. Короче, кэрролловская Алиса меня бы поняла, а вот я себя сейчас не до конца понимала. Почему я еще в этой нише, почему вообще говорю с ним и почему размышляю над тем, как он на меня смотрит.

А может быть, все дело в Ленор?

— Это не все, — хрипло сказал он, перехватывая меня за руку, когда я все-таки сделала шаг назад.

Забытым, совершенно невероятным образом, это прикосновение впилося в руку, как раскаленный браслет. Поэтому я немедленно ее отняла и сложила их на груди.

— Что еще?

— Валентайн Альгор еще не знает, не так ли? О том, что мы переспали.

— Странно, правда, — я хмыкнула и согласно кивнула. — Учитывая, что об этом знаешь ты.

Люциан нахмурился:

— За кого ты меня принимаешь, Лена?

— За шантажиста?!

— Я не виноват, что эта дура Ленор приперлась ко мне!

— Да ты вообще ни в чем не виноват! Тебе же все равно, кого трахать.

— Я думал, что это была ты!

Мы застыли друг напротив друга, как перед каким-то магическим поединком. Золото в его глазах разогрелось еще сильнее, я бы даже сказала, разгорелось, что в случае его драконьей ипостаси было гораздо более верным. На миг, который для меня растянулся во времени, я даже не представляю, сколько минут прошло, пока между нами, как неисправный провод или выбившееся из формулы расчета магическое заклинание, искрило напряжение.

Потом я приподняла брови:

— Неважно. Нет, я не сочла нужным посвятить его в это событие и честно не представляю, каким образом оно касается тебя.

— Оно касается меня, потому что касается тебя.

— Не-а. У тебя просто болезненная страсть ко всему, что ты не можешь получить, Драгон.

— Ты сейчас о чем?

— О том, что я единственная девушка, которая с разбегу не запрыгнула в твою постель, теряя трусы, и тебе это не дает покоя. Поэтому тебе не дает покоя и то, что я говорю Валентайну, что не говорю, когда, зачем и почему. Не говорю, потому что не хочу, чтобы в Даррании стало на одного тэрн-ара меньше.

Он прищурился, шагнул вплотную ко мне, но наткнулся на преграду сложенных на груди рук. Вообще поразительно, как можно использовать сложенные на груди руки, если резко выставить их вперед, острыми локтями упираясь в грудь того, кого не хочешь к себе подпустить.

— В целом это оскорбительно, но вообще...ты за меня волнуешься, Лена?

— Не за тебя, а за Валентайна. Чтобы он тебя не прибил. За это явно будут судить.

Люциан втянул воздух, зрачки вертикалью расплосовали радужку, сделав его глаза похожим на золотые провалы, в которые уронили кинжалы. Скулы обозначились резче, да и сам он в один миг стал резким. Хищным. Драконом.

Присутствие такой силы не могло пройти незамеченным, вот и моя суть отозвалась на него болезненно-чувствительной, как от высокой температуры, кожей, и выстроившимися рядами волосков на руках. Хорошо хоть те, что на голове, остались стянутыми в хвост, а не повторили мой изначальный трюк с магией в действии.

— Я отказался от тебя однажды, — с совершенно незнакомыми, взрослыми и рычащими нотками в голосе произнес он. — Потому что был идиотом. Второй раз — потому что посчитал, что ты с ним будешь счастлива. Но теперь, после того, что случилось, я больше никогда от тебя не откажусь. Ты будешь моей Лена. Я сделаю все от меня зависящее для того, чтобы ты стала моей.

Опаньки, оторвало полжопаньки.

Хотя нет, оторвать полжопаньки могло из-за неудачного заклинания, а в данном случае я лишь тяжело вздохнула.

— Люциан, ты с этим безнадежно опоздал, — сообщила я. — Те времена, когда мне хотелось быть твоей, остались в далеком прошлом. Учитывая отягчающее обстоятельство, то есть Ленор Ларо, у меня сейчас в принципе нет желания не то что ни о чем таком говорить, но и в принципе ни о чем таком слышать.

— При чем здесь Ленор Ларо?! — первую часть моей речи он пропустил, как нечто малозначимое. Ту самую, в которой я говорила о временных рамках и запоздалом признании, которое было прямо как по классике Чехова про лошадиную фамилию.

— При том, что пока внутри меня сидит вторая личность, ни о каких отношениях ни с кем и речи идти не может.

— А когда перестанет, сможет?

В этот момент я поняла две важные вещи: первая — я зачем-то продолжаю вести очень откровенные разговоры с Люцианом Драгоном, в случае которого это может быть воспринято как угодно. Как угодно его высочеству, в смысле. Второе — при чем здесь Ленор Ларо, и правда? Какое она имеет отношение к тому, что он только что сказал?

— Пока, — просто сказала я, намереваясь выйти, но он снова мне не позволил. Перехватил за руку:

— Мне все равно, что ты там себе надумала, Лена. Мне важна ты, а не Ленор, и я от своих слов не отказываюсь.

— Ну и носись с ними, как с писаной торбой! — разозлилась я.

— С чем?

— У Сони спроси!

Воспользовавшись его замешательством, я нырнула за портьеру и быстро зашагала в нужном мне направлении. Понимая, что для полного, абсолютного и безоговорочного счастья мне сейчас не хватало еще только интереса Люциана. Ну вот что ему не сидится со своей Амирой, а? Хорошо же так сиделось вчера за завтраком, уютненько!

— Лена. Лена, подожди, — он догнал меня уже у лестницы, где было достаточно много адептов, поэтому я чуть не пнула его под коленку.

— Ленор-р-р-р, — прошипела, а если быть точной, почти прорычала я.

Вместо ответа он развернул меня к себе лицом.

— Я буду рядом, что бы ни случилось. Ко мне ты можешь прийти со всем, с чем угодно, если понадобится. Или не приходить. Просто знай это.

Если бы Люциан продолжил давить на то, что сделает меня своей любой ценой, или что-то в таком духе, я бы, не стесняясь, послала его при всех. Но он просто предложил помощь, и это получилось так обескураживающе-остро, что я сама не поняла, откуда в груди взялся пакет с воздухом. Этот пакет словно меня закупорил, мешал вдохнуть, ответить хоть что-то — резкое или не резкое, не суть важно. Я вдруг

поняла, что все пытались меня на эту тему разговорить: что Валентайн, что Соня, а Люциан нет. Он даже не спросил про Ленор, как будто она вообще была неважна. Как будто была важна только я, и осознание этого заставило меня повторно вырваться из его рук, быстро слететь по лестнице, рискуя в кого-нибудь врезаться, и зажмуриться, когда услышала в спину:

— Мне нравится твое имя!

Для него будто вообще было неважно, что обо всем этом подумают — тем более что на него и на меня уже начали оборачиваться. Мне ли не знать, как в академии Драконова распространяются слухи: со скоростью пожара в лесу, а главное, мне ли не знать, во что это все может превратиться. Напряжение между мной и Валентайном сейчас и так искрит, если к этой искре поднести активатор в виде Люциана, я даже не представляю, что может случиться.

Оставалось только надеяться, что Валентайну никто ни о чем не доложит, хотя ему я собиралась повторить в точности то же, что Люциану: никаких отношений, пока у меня с Ленор одно на двоих тело. Мало того, что это в принципе вуайеризмом пахнет, так еще и каким-то новым видом извращения, особенно после того, что случилось.

Я ускорила шаг еще больше, по парку уже буквально летела, подхваченная порывами ветра, как сорванный с дерева листок. Благодаря Люциану времени на разговор с Валентайном у меня осталось гораздо меньше, и в тот момент, когда я об этом подумала, услышала чей-то плач. Не просто плач, такой наимогущественный рев, очень напоминающий звук, с которым ревела в раздевалке перед физкультурой наша отличница, которая получила первую четверку в своей жизни в одиннадцатом классе. По сочинению, из-за пропущенной запятой.

Сначала я даже не поняла, что это происходит внутри меня, даже успела поозираться, оглядывая местные кусты на предмет обиженных адептов, но...

— Люциан назвал меня ду-у-урой! — взвыло в голове, взвыло в голос, а после я снова услышала рев.

Супер! Отлично! Замечательно просто!

Если мне чего-то еще не хватало для полного счастья, то это оно!

— Замолчи, — еле слышным шепотом прошипела я. — Я из-за твоих воплей мыслей своих не слышу!

— Он назвал меня ду-у-урой! — снова повторила Ленор. — Ему плевать на меня! Ему нужна только ты... я думала, он захочет меня спасти...

Не знаю, что во мне сейчас произошло. То ли взыграла женская солидарность, то ли дурость (уже моя собственная, потому что Ленор было плевать на мои чувства, когда она трахалась с Валентайном), но я замедлилась. Остановилась. Потом и вовсе села на скамейку.

Понимать, что ты одна в целом мире, и никто не хочет тебя спасти — это та еще жопа. Причем если я понимала, что меня никто не спасает, потому что тупо не догадывается, что я в жопе, то у Ленор совсем другая история. Вот такой вот круговорот жоп в природе.

Психотерапевтом ей, я, конечно, не нанималась, и, по большому счету, с ней вообще не стоило говорить, но я все-таки еле слышно произнесла:

— Он на тебя злится. Не думаю, что ему все равно.

— Ему все равно-о-о! — взвыла она. — Все равно, умру я или нет. Главное, чтобы ты осталась.

— Даже если так. Стоит ли реветь из-за того, кому без разницы, умрешь ты, или нет?

Странно, но это подействовало гораздо эффективнее, чем то, что я сказала до этого: вопли и всхлипывания прекратились, и моя голова снова стала моей. Относительно, конечно, но и на том спасибо.

— Если я что-то и поняла в этой жизни, — добавила я, — так это то, что бесполезно тратить нервы и время на тех, кому на тебя пофиг. Гораздо лучше просто быть собой, наслаждаться жизнью — прости, пока совершенно не тот случай, но я иду решать этот вопрос — но, так или иначе, своим людям или драконам никогда не будет на тебя наплевать. И вот ради них уже можно даже реветь. Хотя лучше, конечно же, улыбаться.

Мне прямо захотелось добавить в конце: «С вас пять тыщ», — но я удержалась. Во-первых, Ленор все равно читает мои мысли. А во-вторых, сарказм здесь точно ни к месту.

— Макс любит тебя, — добавила я. — Он просто не знает, что я — это ты... тьфу! Что ты — это я?

Как вообще правильно?

— Неважно. Я вот боюсь ему говорить, потому что не представляю, как он отреагирует. Но если хочешь, пойдём к нему и расскажем правду. Вместе.

Внутри меня громко вздохнули.

— Нет. Не надо. Не сейчас. Давай сначала поговорим с Валентайном, а потом посмотрим.

— Хорошо, — легко согласилась я, потому что еще и эмоционального разговора с Максом я бы точно сейчас не потянула. По крайней мере, в ближайшие дни.

— Спасибо, Лен, — Ленор хлопнула носом. А потом зачем-то все испортила: — Ты правда его совсем не любишь?

— Кого?! — опешила я.

— Люциана.

Сговорились они все, что ли?!

— Ты вроде как мысли мои можешь слышать, — заметила я. — И то, что я говорю, тоже. Мне сейчас не до отношений вообще. И со своими признаниями он опоздал.

— Но ты на него злишься, — возразила она. — До сих пор. А это значит, что ты к нему равнодушна!

Так, а вот я сеанс психотерапии точно не заказывала.

— У меня все, — произнесла резко, поднимаясь. — Как ты правильно заметила, нам надо поговорить с Валентайном, а если я еще немного задержусь, то останусь без завтрака. Прости, но между тобой и завтраком я выбираю второе.

Ленор не ответила. То ли молчаливо согласилась, что нашему общему организму завтрак более полезен, чем разговоры, то ли снова обиделась. Как бы там ни было, она больше не выла внутри меня как привидение, провокационных вопросов не задавала и с советами не лезла. В относительно приятном расположении духа я и постучала в новый кабинет Валентайна с мыслью о том, что все пройдет хорошо.

— Заходи, Лена.

Он меня снова чувствует?

Я едва успела открыть дверь и сделать пару шагов, как меня взглядом пригвоздили к полу и ледяным тоном поинтересовались:

— О чем ты говорила с Люцианом Драгоном?

Да, тема жоп оказалась раскрыта не до конца.

Глава 21

С одной стороны это, конечно, здорово бесило, а с другой — избавило меня от необходимости колупаться в своих чувствах по поводу Ленор и прочего. Потому что когда Валентайн включал такой тон, чувства во мне были однозначные.

— А ты с кем и о чем сегодня разговаривал? — поинтересовалась я, проходя в кабинет и устраиваясь в гостевом кресле. — В подробностях, пожалуйста. Короткие отчеты не принимаются.

Мне даже уточнять не хотелось, откуда он узнал про наш разговор с Люцианом. Я просто злилась. Злилась, потому что предъявлять мне претензии — совершенно точно не ему! И уж точно не в таком тоне.

Мой выпад незамеченным не остался: Валентайн зло прищурился.

— Так сложно ответить на мой вопрос, Лена?

— Сложно, потому что это не твое дело, и я не хочу об этом говорить.

— О чем ты тогда хочешь говорить? Хотя я в принципе знаю. О Ленор.

— Совершенно верно. Угадал. Но не о том, как вы с ней весело зажигали, — да что ж меня на этом заклинило-то, а! — А о том, как нас развести по разным комнатам. В смысле, по разным телам. Без членовредительства и уничтожения кого бы то ни было, чтобы в ходе этого процесса ни одно животное не пострадало.

Выдержки из титров голливудского фильма Валентайн не понял, потому что нахмурился. Впрочем, тут же сказал:

— Кстати, о животных. Я говорил с Дракуленком, он очень хочет поговорить с тобой. Узнать, стоит ли откусывать мне голову или нет.

В это мгновение я вспомнила, что встречаться с Дракуленком могу, по сути, только в доме Валентайна. По крайней мере, в спокойной обстановке. Ну или на кладбище в дождливый и безлюдный день, но последнее меня вообще не прельщало ни разу.

— Я об этом подумаю, — сказала я.

— О чем еще ты подумаешь, Лена? Наши отношения...

— Кстати, я шла поговорить еще и о наших отношениях. Вообще-то все это связано с Ленор, но раз уж ты поднял тему. Ни о каких

отношениях не может быть и речи, пока она во мне.

«Он меня убьет», — пискнула Ленор, которая снова подала голос, когда увидела серебро в глазах Валентайна.

«Не ссы, прорвемся», — подумала я. Точнее, молча ответила ей, потому что мне уже порядком надоело разговаривать с самой собой вслух.

Валентайн молчал долго, только на скулах играли желваки, а хищные черты все больше и больше напоминали о его происхождении. Серебро чешуи так отчетливо проступало на коже, что о нее снова можно было порезаться, а еще навевало воспоминания о том, как я ее касалась. С какой нежностью ее касалась я. Странно, но я не припомню, чтобы такое делала Ленор. На этой мысли я просто закусила губу и отвернулась.

У Сониных папы и мамы все было непросто, но мне тогда казалось: ну что тут может быть сложного? Любишь — оставайся, не любишь — уходи. Сможешь простить измену — пусть все остается как есть, не сможешь — разводишься. Но когда дело коснулось меня самой, внутри все перевернулось и превратилось в застрявший в груди ком, который мешал дышать, когда я обо всем этом вспоминала. В конце концов я принялась разглядывать обстановку нового кабинета, кабинета заместителя ректора.

Во-первых, он был в разы больше того, предыдущего. Просторнее, светлее, и с образом Валентайна вязался примерно как песочная галета с массивным ботинком. Предыдущий его владелец явно благоговел к песочно-карамельным оттенкам, и Валентайн торчал посреди кабинета, как черная скала, возвышаясь надо всем этом царством света. Судя по тому, что портьер и тюли уже не было, царство света здесь ненадолго, а еще здесь была вторая дверь, которая вела... куда-то.

— Там должен быть кабинет моего секретаря, — произнес Валентайн, проследив мой взгляд, — но я пока от него отказался.

— И уволил ни в чем не повинного парня?

— Ни в чем не повинная девушка сейчас в отпуске, чему несказанно рада.

Ага. Девушка. Потрясающе!

Я подавила желание заглянуть в этот кабинет и посмотреть (хотя бы приблизительно), как выглядит его владелица — может, у нее там

собственная фотка стоит. Точнее, ее местный магический аналог.

Вот же жопская жопа, я никогда, никогда никого не ревновала! Даже с Валентайном и Эстре это была не ревность, это, скорее, были обида и непонимание, когда она разгуливала голой по его дому, а теперь вот — получите и распишитесь.

Одна измена, которую технически даже изменой назвать нельзя, а в голове уже куча говна, которое колхозной лопатой не выгребешь. Трактор надо вызывать.

— Теперь к вопросу о Ленор. Я почти все подготовил для связи с ее матерью через Загранье. Думаю, в ближайшее время я с ней переговорю, и у нас появятся хотя бы какие-то ответы на вопросы. Зная которые, мы уже сможем предпринять следующие шаги.

Я облизала внезапно пересохшие губы.

— Как?

— Что — как? — сцепив руки на столе, поинтересовался Валентайн.

— Как ты с ней переговоришь?

— Это древний ритуал темных. Он затрагивает отпечаток сознания некогда жившего человека или дракона через его связь с уходом в Загранье. Поскольку прошло уже достаточно много времени, не думаю, что информации будет море, но ниточки, зацепки я из нее вытащу. Можешь мне поверить.

— Ты говорил, что это требует... очень много темной магии, — негромко произнесла я. Проглотив вопрос: «Тебе это не навредит?»

— Она у меня есть.

— Я знаю, но...

— Это единственный шанс решить нашу общую проблему, — холодно произнес Валентайн. — Если, конечно, ты не надумала пустить меня в свое сознание для приватного разговора с Ленор.

«И ее устранения», — дополнила я мысленно. Вслух говорить не стала, конечно, но оно и не требовалось. В том, что Валентайн может уничтожить Ленор, оставив меня одну, я в принципе не сомневалась. Как не сомневалась и в том, что не смогу с этим жить и не смогу жить с тем, что он это сделал. Нашим отношениям — если у них еще есть шанс — придет конец. Полный, безоговорочный.

— Я хочу присутствовать, — сказала, наконец, я.

— Это исключено, Лена.

— Это касается меня напрямую. Меня и того, что со мной происходит.

— Это опасный ритуал, ради которого мне пришлось делать официальный запрос. — Валентайн подался назад, но руки так и не расцепил, и у меня возникло ощущение, что ему так же кошмарно, невыносимо неловко из-за всего этого, как и мне. Такое допущение на миг отозвалось в сердце разбитой там хрупкой нежностью, надеждой, желанием потянуться к нему, разрушить выстроенную между нами стену, но я удержалась.

Нам нужно решить вопрос с Ленор и только потом разбираться в наших отношениях, я в этом уверена. К тому же, время позволит мне немного остыть и говорить уже не на эмоциях. По крайней мере, не на таких, как сейчас.

— Какой запрос? Куда? — поинтересовалась я.

— В Ведомство по магическим расследованиям. Официально я инициировал это, потому что дело Хитара собираются закрыть со дня на день. Я сказал, что мне нужно быть уверенным, что мы ничего не упускаем.

— Его собираются закрыть?! — я даже невольно приподнялась, опираясь на подлокотники.

— Да. Они изучили все, все обстоятельства. Имена твоих родителей восстановлены, все вопросы с наследством и патентом решены в вашу с Максом пользу...

— Не все, Валентайн, — я покачала головой. — Они точно не все обстоятельства изучили. Потому что на теле Хитара была метка Иеххарга.

— Метка? — Валентайн снова нахмурился, его взгляд стал цепким. — Ни в одном отчете она не фигурировала.

— Что ж, тогда еще веселее, — я пожалала плечами. — Значит, кто-то хотел, чтобы она не фигурировала, и мы имеем дело...

Вот тут я осеклась. С чем мы на самом деле имеем дело, я не представляла, в конце концов, я не детектив и даже не особо увлекалась ими в нашем мире. Вот Соня да, она любила такое и почитать, и посмотреть. Она бы сейчас сходу с десятков гипотез выдвинула, мне же в голову пришло только одно: кто-то очень не хотел, чтобы про эту метку узнали, и этот кто-то сделал так, чтобы о ней не узнали.

— Ты уверена, Лена? Когда ты ее видела?

— Когда ворвалась полиция... — Я вздохнула, махнула рукой, не желая продолжать шуточки про наш мир. — В общем, когда вы все вломились в тот подвал, и Хитару не повезло. Он упал лицом вниз, и я видела метку между его лопаток. Все как по учебнику.

С этой метки, можно сказать, началось наше знакомство с Валентайном. Хотя, конечно же, оно началось на балу, но один из самых запоминающихся моментов нашего общения был связан с ней. Тот самый, когда он приказал мне раздеться. Миленько было.

Меня слегка передернуло от воспоминаний, и я поежилась.

Зато хорошо запомнила, что это такое. Метка для сокрытия темной магии в любых ее проявлениях. Наносится на уровне сердца, между лопаток или на груди, для этого требуется человеческая жертва. Сам себе маг эту метку нанести не может, так что Хитару явно помогли. А вот кто — интересный вопрос. Равно как и интересный вопрос, какое этот кто-то имеет влияние, если смог это скрыть в процессе расследования.

Валентайн, судя по всему, думал о том же, потому что губы его сошлись в тонкую линию. Крылья носа дрогнули, выдавая его ярость и напряжение, я же вновь подумала о том, как хорошо я его изучила. Ленор было без разницы, а я все это помнила. Но Валентайну было без разницы, что перед ним Ленор, а не я.

Усилием воли выдернув себя из этого, я постучала пальцами по столу.

— Мне точно не позволят присутствовать при твоём разговоре с Эвиль?

— При моем разговоре с Эвиль не будет присутствовать никто. Я его проведу в Темных землях. Это ритуал полного погружения в Загранье, такое вряд ли кого-то порадует в Даррании.

— Я не... ты уверен, что это безопасно? — все-таки сорвалось с моих губ.

— Для кого?

— Для тебя!

— Ты за меня волнуешься, Лена?

Примерно то же самое у меня сегодня спросил Люциан, вот только в случае с Валентайном огрызнуться не хотелось. Я устала

огрызаться. Устала быть одна против всех. Несмотря на все, я устала от того, что произошло, и устала от состояния нашей войны.

— Не должна? — осведомилась я.

Он смотрел на меня так долго, так внимательно, в самое сердце, что я разрывалась между острым желанием сбежать и попросить его так не делать. В конце концов, победило первое.

— Мне нужно на завтрак и на занятия, — сказала я. — Будь осторожен.

Что я еще могла сказать?

Направляясь к двери, я будто увязала в песке, мне отчаянно, невыносимо, безумно хотелось развернуться, хотелось отменить все, что произошло. Отменить я не могла, забыть, увы, тоже, поэтому просто шла к двери, искренне надеясь, что он скажет хоть что-нибудь. А лучше, чтобы ничего не говорил. Вот такая я противоречивая натура.

— Лена.

Я замерла.

— Я снова чувствую тебя. Поэтому я спросил про Драгона.

Сердце пропустило удар.

— Мне приятно, что ты обо мне волнуешься. Мне безумно... — Валентайн на мгновение замолчал, а я вцепилась в ручку сумки, чтобы не обернуться. — Мне невыносимо плохо без тебя. И еще более невыносимо знать, что я сам все разрушил. Я искренне надеюсь, что ты дашь мне возможность все исправить. Когда будешь готова.

Я молчала. Кусала губы и молчала, потому что мне столько всего хотелось ему сказать! О том, что прошло чуть больше суток с момента моего возвращения, а мне кажется, что целая вечность. Что видеть его так же больно, как его не видеть. Но я прекрасно понимала, что все эти слова проще не сделают, напротив, только все усложнят. Пока я об этом думаю, пока мне так больно, лучше оставить все как есть.

— Давай разберемся с тем, что сотворила Эвиль, — сказала я. Облизнула пересохшие губы и поспешно, насколько могла, вышла, прикрыв за собой дверь. Прислонилась к ней спиной в лучших традициях романтических сцен, когда он и она зависли по обе стороны от двери и страдают, вот только Валентайна по ту сторону не было. Он остался за своим столом.

Так близко и так далеко, а меня, в этом самом порыве, привела в себя ректор Эстре. Драконесса вышла из своего кабинета, окутав мое

одинокость резким шлейфом своего парфюма и окатив фирменным взглядом свысока. Ее дверь была прямо напротив двери Валентайна, и я подумала, что это очень удобно. Для нее.

Ну вот. Опять я...

— Добрый день, ректор, — сдержанно поздоровалась я, отлепляясь от двери.

— Добрый день, адептка Ларо. Вы пришли или уже уходите? — Ее голос был привычно резким, но каких-то надменных ноток в нем я не слышала.

— Уже ухожу.

По коридору я шла со странным чувством, что ректор смотрит мне в спину, как будто у меня там была точка снайперского прицела, крестик для тира или пресловутая метка Йеххарга. Впрочем, продолжалось это недолго: хлопнула дверь в кабинет Валентайна, и ощущение взгляда между лопаток исчезло. Хотя ощущение странности никуда не делось, мне показалось, или Эстре смотрела на меня по-другому? Без желания смести магией со своего пути во всех смыслах?

Я определенно пересидела взаперти в теле Ленор, если мне уже такое приходит в голову.

В столовой все были на своих местах, Амиры рядом с Люцианом сегодня не наблюдалось, а вот он пристально смотрел на меня. Поэтому я села между Соней и Ярдом, к нему спиной. Абсолютно не удивившись, что несколько девушек из бывшего лагеря Клавы переместились к нам поближе и поглядывают на Соню, будто только и ждут ее знака.

Соня же на них не смотрела вовсе, она смотрела исключительно на меня. Я задрала голову, обожглась о солнечный свет, зажмурилась.

— Мы можем поговорить? — подруга коснулась моего запястья. — Наедине.

— Я поесть хочу, — вместо стеклянной крыши я уткнулась взглядом в тарелку. Обжечься тут можно было разве что ранхом, но я решила пока его не пить, пусть остывает.

— Хорошо. Когда ты поешь.

— Лучше не сегодня.

Ярд перевел изумленный взгляд с меня на нее и обратно, но ничего не спросил. Я же вплотную занялась тем, зачем все на самом деле приходят в столовую утром.

Завтраком.

Глава 22

Лена не хотела с ней разговаривать, и это было очевидно. Когда они так отделились? Когда стали настолько чужими, что она сама ничего не заметила — никаких перемен в самой лучшей подруге, почти сестре. Настолько, что Лена теперь ни видеть, ни слышать ее не хотела, не хотела не то что простить, даже просто поговорить. Ведь там, на Земле, все было иначе. Ближе их никого не было, Соня могла прийти к ней с чем угодно, как и Лена к ней.

Возможно, все дело было в том, что они почти год провели, ничего не зная друг о друге, в Софии Драконовой и Ленор Ларо. Или в том, что Соня не хотела говорить правду о замужестве с Сезаром — заранее зная, какой будет реакция Лены. Или в том, что она в самом деле ее не узнала. Не увидела, не разглядела в ней совершенно другую девчонку, захватившую ее тело. Хотя тут вообще непонятно, кто чье тело захватил, но эту Ленор Соня уже заочно ненавидела.

За то, что та выкинула!

За то, что все так получилось. За свою ошибку. За то, что теперь между ней и Леной снова стена, которая выросла еще больше, чем из-за недомолвок по поводу Сезара. А между тем как замуж она за него вышла только ради Лены! Только ради ее счастья! Соня смотрела на нее и думала, что она счастлива, счастлива со своим Валентайном, и это грело сердце, даже когда становилось совсем одиноко.

Но нет.

Мало того, что это оказалась Ленор, так еще теперь и Лена вела себя как чужая. Отличное довершение того, что приходится жить с Сезаром и видеть его каждый день! Помня обо всем, что случилось. Помня обо всем, как будто это случилось вчера. Да, он пытался с ней говорить, пытался держать дистанцию, но в его глазах все равно горело это пламя — то самое, которое вспыхнуло в тот злополучный вечер. Сезар смотрел на нее так, словно не мог ею наддышаться, а Соня чувствовала, что задыхается от этих взглядов.

Когда-то она бы все отдала за то, чтобы он на нее так смотрел!

Сейчас же дергалась от малейшего жеста в ее сторону, и, когда Сезар это понял, хотя бы перестал к ней тянуться на людях. Слуги

считали, что все нормально: все-таки Сезар был принцем, а у венценосных особ редко бывают браки по любви. Фрейлины, которые жили в их доме и сопровождали Соню повсюду (прилипучие, как подружки Клавы, право-слово, но отказаться было нельзя) — и того подавно ничего не замечали. Они вообще были недовольны, что оказались в загородном доме тэрн-ара. Соня случайно подслушала их разговор, появившись у дверей женской гостиной раньше, чем положено.

— Вообще-то я думала, что мы будем жить в Главном дворце, — сообщила Юли, невысокая хрупкая блондинка, которая была среди фрейлин негласным лидером. — Думала, что нас будут приглашать на все балы и приемы...

— Я тоже, — уныло согласилась Кари. Миловидная девушка, самая высокая, даже выше Софии на целую голову. Самая, как ей казалось, адекватная. — А здесь даже не сходишь никуда! Никуда не выедешь. Эта София целыми днями сидит дома или гуляет по парку, даже в город не выбирается. Хоть драконом ори.

— Да я не представляю, как такой можно быть! — подтвердила Ирена, самая старшая, брюнетка с пронзительно-синими глазами. — И это София Драконова! Без нее же ни один бал не обходился, а сейчас сидит сиднем, никого не зовет. Даже родные к ней приезжали всего раз, и то, потому что того требовал этикет!

— Не знаю, девочки, — подвела итог Юли, — но мне кажется, что у них с тэрн-аром не все гладко. Вы видели, как они держатся?

— Пф, что такого. Это же обычный династический брак.

— Да какой он династический? Вы что, правда думаете, что Драгон на ней женился из политических соображений? Она же человек! Дети-полукровки у тэрн-ара! Нет, тут явно что-то еще...

— Мне лично совершенно это неинтересно, — хмыкнула Ирена. — По крайней мере, почему он на ней женился, а вот то, что у них ничего нет — вполне. Возможно, тэрн-ара заинтересует нормальная, живая девушка с огоньком, а не эта полудохлая рыбина.

— Да ты что такое говоришь, Ирена!

— А что? Думаешь, быть фавориткой тэрн-ара не почетно? Уж всяко лучше, чем выйти за какого-то аристократишку средней руки...

Девушки захихикали, а Соня чуть ли не пнула дверь, проходя внутрь. По крайней мере, от потоков магии створки разлетелись в

разные стороны, с треском ударившись о стены и перепугав фрейлин. Они одновременно вскочили, Юли даже покраснела, как перезревшая помидорина, а Соня с милой улыбкой сообщила:

— Рада вам сообщить, девушки, что унизительные обязанности фрейлин полудохлой рыбины не в Главном дворце вам исполнять больше не придется. Вы свободны.

Девушки покраснели уже сильнее, начали рассыпаться в извинениях, но Соня даже не стала слушать. Просто вышла и отдала приказ экономке помочь фрейлинам собрать их вещи и покинуть поместье. Они пытались пробиться к ней в покои, чтобы извиниться, но она строго-настрого запретила пускать их к себе, поставила магическую защиту и легла спать. Все чаще ей теперь хотелось спать посреди дня. Если раньше она могла весь день что-то делать, а потом еще и всю ночь, то сейчас все чаще запиралась у себя, чтобы никого не видеть и не слышать. Ее то знобило, то тошнило, то болела голова, то вообще ничего не хотелось.

Когда буквально через несколько часов тем же днем к ней пришел Сезар, она с трудом оторвала голову от подушки.

— Фрейлины просили о возможности переговорить с тобой и попросить прощения, — произнес он.

— Я не...

— Я им отказал. Когда узнал, что случилось. Они сказали, что это были глупые женские разговоры, но это ничего не меняет. Ты больше их не увидишь.

Соня кивнула и снова завернулась в покрывало. За окном дышало жарой невероятно красивое лето, а все, чего ей хотелось — снова провалиться в небытие сна.

— София. Ты же знаешь, что мне никто не нужен, кроме тебя?

— Знаю. Но мне все равно.

Сезар ничего не ответил, только на подушку рядом с ней лег букет пестроцветов. Соня узнала их безошибочно, по аромату. Они больше всего напоминали земные ирисы, но были разных, порой самых несочетаемых цветов и оттенков, зачастую даже на одном стебле. Отсюда и пошло их название, а еще они пахли летом, солнцем и карамелью. Для нее теперь это был и запах Сезара, потому что он постоянно приносил их.

Эти пестроцветы росли в неограниченном количестве на полях неподалеку от поместья. Яркими островками полыхали в насыщенно-зеленой траве, как костры. София как-то пошла туда гулять, когда Сезар отлучился к отцу или в город, нарвала, аккуратно разложила на платке, чтобы принести домой и поставить в воду, а он явился внезапно и все испортил.

Во-первых, нарушил ее уединение и этот бесконечно прекрасный в ее одиночестве день, а во-вторых, узнал, что ей понравились цветы и теперь постоянно таскал их в ее спальню. Один букет увядал, как тут же появлялся второй. Принимать их от него не хотелось, а выкидывать рука не поднималась. Это были единственные подарки мужа, которые София не выбрасывала в окно сразу же, как они появлялись, и Сезар быстро это понял.

Вот и сейчас, стоило ему выйти, как она повернулась, поднялась и пошла ставить букет в вазу. Рассеянно глядя кончиками пальцев лепестки — алые, сиреневые, белые. Такие нежные и такие прекрасные. Случилось это за неделю до Открывающего бала, а сейчас...

— Адептка Драгон. Адептка Драгон!

Соня подскочила, даже не сразу проассоциировав себя с тем, кого назвала магистр по магической зоологии. Строгая, седая, с тугим пучком на затылке.

— Может быть, вы будете так любезны повторить то, что я только что сказала?

Соня понятия не имела, что она сказала. Но еще она терпеть не могла, когда ее спрашивают, а она не знает, поэтому сейчас сжала губы и зло посмотрела на магистра.

— Не можете? Очень жаль. Было бы замечательно, если бы вы, вместо того, чтобы витать в облаках, следили за новым материалом. Предмет зоомагия не настолько важен, если вы в Хэвенсграде, но если вы окажетесь одна в лесу или в поле, уверяю, он очень вам пригодится. Итак, о чем я только что говорила, адепт Лорхорн?

Ярд ответил мгновенно:

— Вы рассказывали о хвиинстах, это сумчатые животные, покрытые чешуей, как обернувшиеся драконы. Чисто теоретически, они могли бы быть маленькими драконами магического животного мира, если бы у них не атрофировались крылья. Атрофировались они,

потому что хвиинсты преимущественно передвигались в зарослях и по земле, спасаясь от более крупных хищников, и сейчас у них на спине такие маленькие отростки, которые не имеют никакой функции. Самки откладывают яйца, которые греют и высиживают вместе с самцом, а когда вылупляются детеныши, самка перекладывает их в сумку и уходит.

— Замечательно, — магистр повернулась к другим рядам. — Адептка Лузанская, с чем это связано?

— С тем, что когда самка хвиинста носит в сумке детеныша, в ее теле создаются мощные защитные магические импульсы, защита самца ей больше не нужна. Если попытаться дотронуться до самки с детенышем, можно получить магический разряд, способный привести к остановке сердца. Так же они — и самцы, и самки, являются единственными естественными врагами бьяниглов. Не считая обернувшихся драконов, хвиинсты единственные невосприимчивые к их яду обитатели нашего мира, поэтому они вполне успешно ими питаются. Еще они спокойно перемещаются между Дарранией и Темными землями, но выбирают преимущественно нашу территорию, поскольку в Темных землях очень много опасных тварей и менее плодородные места...

— Проще говоря, им там нечего жрать, а вот их сожрать могут, — тихонько добавил Дас, из-за чего по лекционному залу прокатился общий смешок. Не смеялась только Лена. И Соня.

Магистр тоже шутки не оценила:

— Я бы вас попросила, адепт Ниргэм, выразаться как подобает адепту учебного заведения такого уровня. По крайней мере, на моих занятиях. Благодарю, адептка Лузанская, а к вам, адептка Драгон, тоже большая просьба. Будьте внимательнее и запоминайте то, что я говорю. В этом году вас ждет много практики и серьезный экзамен. Который, увы, не отменит ваше замужество.

Соня перехватила надменный взгляд Клавдии, полный превосходства, и покраснела.

— Хорошо, — процедила сквозь зубы.

Дальше стало еще «веселее»: следующей лекцией шло магическое право, которое должна была вести Женевьев. Соня чувствовала взгляды однокурсников всей кожей, причем так остро, как будто все произошло только вчера. Скандалу их помолвочной «перетасовки»

явно недоуделили время, потому что случился он перед экзаменами и каникулами, зато сейчас адепты явно буравили ее взглядами. Помимо этих буравчиков, в воздухе витал невысказанный интерес — что же будет — и нездоровое любопытство. Ее продолжали считать разлучницей: той, что «увела» Сезара у такой идеальной Женевьев Анадоррской.

Лены не было рядом, она будто нарочно приходила и садилась в самый последний момент, чтобы с ней не общаться — как будто Соня собиралась на нее напасть, привязать к стулу и заговорить до смерти! Ярд тоже исчез. Впрочем, покрутив головой, Соня обнаружила его на самом дальнем ряду, в самом дальнем углу, полусползшим под стол. Обычно туда садились те, кто меньше всего хотели учиться и любили заниматься своими делами на лекциях — рискуя получить отработку, выговор или вообще первую галочку на отчисление в личном деле, но Ярд выглядел так, будто отравился и подавился одновременно. Соня даже собиралась поинтересоваться, как он там вообще, но подняться едва ли успела: к ней, заставив подняться всех сидевших посередине, от компании драконов пересел Люциан.

— Ты как? — спросил он.

У Сони задрожали губы. Только усилием воли у нее получилось не разреветься и не позволить себе расклеиться окончательно.

— Нормально, — ответила она.

Люциан набросил небольшой *Cubrire Silencial*, отрезавший их разговор от рядом сидящих, и только после этого продолжил:

— Точно? С ней вы, судя по всему, так и не поговорили.

Соня мотнула головой. Говорить о Лене было больше всего.

— Я... — судорожно сказала она. — Я знаю, что накосячила, но...

— Обожаю ваши словечки. Дело не в тебе, Соф. Дело в ней.

Люциан накрыл ее руку своей, и Соня не удержалась. Положила голову ему на плечо, а потом крепко-крепко его обняла.

— Спасибо. Спасибо тебе.

Благодарить его стоило еще и за то, что он ни разу за все время не спросил о Сезаре. О том, как там у них. О том, почему его брат так и не появился на балу.

— Да не за что, — весело отозвался Люциан. — И насчет этого...

Он мотнул головой, неопределенно, явно намекая на то, что творилось вокруг по поводу предстоящего занятия Женевьев:

— Не переживай. Им быстро надоеет, тем более что она точно это не поддержит.

— Откуда ты знаешь? — Соня подняла голову и неловко освободилась из дружеских объятий.

— Оттуда. Женеvьев не такой идеал, каким хочет казаться, но она... в каком-то смысле идеал, да, если ты понимаешь, о чем я, — Люциан хмыкнул. — Просто она умеет быть выше обстоятельств там, где другой изошел бы на говно.

— Я тебя обожаю, — сказала Соня. — Особенно когда ты говоришь, как парень из моего мира.

— С кем поведешься...

— От того и будут дети, — фыркнула она.

Люциан приподнял брови, а потом кивнул:

— Я запомню.

— Лучше запиши.

— У меня хорошая память, а в вашем мире очень колоритные фразочки.

Соня снова улыbnулась, но улыбка мгновенно погасла: вошедшая в аудиторию Лена увидела, что она сидит с Люцианом, резко развернулась и поднялась, а точнее, взлетела по ступенькам на самый верх. К Ярду.

— Лена такая Лена, — хмыкнул Люциан и снял не дающее слушать их разговор заклинание.

В тот же момент раздался оглушающий рев дракона, и в зал вошла Анадоррская. Невероятно прекрасная, в деловом костюме, со стянутыми в строгий хвост волосами. Если бы не вся эта парящая в облаках Академия, обстановка, где режут драконы вместо звонка, и прочее, ее вполне можно было бы принять за преподавательницу любого современного университета из родного мира.

Представив, что могла бы сейчас учиться в родном Санкт-Петербурге, заниматься фотографией, возвращаться домой к матери, которая ее действительно любит, Соня закусилa губу. Сглотнула слезы и до самого конца лекции внимательно слушала Женеvьев, не позволяя себе больше ни единой мысли о том, другом мире. О том, как все могло бы быть.

Тем более что Люциан оказался прав: Женеvьев ничем не выделяла ее из других адептов, их взгляды несколько раз встречались,

но катастрофой это не закончилось, да и в целом, она не заметила в ее глазах какого-то пренебрежения, злости или хотя бы легкого раздражения-недовольства, напряжения. Так что те, кто ждал драмы, обломались, и в самом деле — ближе к концу лекции ее уже не прожигали взглядами.

После обеда у Люциана была боевая магия, сразу теория и практика на военном факультете, а у них — уже все, свободное время. На обед Соня не пошла, потому что не хотелось есть, надо было отправить вызов с виритты, чтобы ей открыли портал в поместье, но в поместье тоже не хотелось. Поэтому она пошла в парк, села на скамейку, на аллее осеннего плодочвета.

Это дерево ближе к осени разбрасывалось фруктами, похожими на помесь яблока и айвы, поэтому запах стоял просто умопомрачительный. В одно мгновение он снова напомнил Соне о доме, о том, как все было там, и не разревелась она исключительно потому, что оказалась в тени шагнувшего к ней Сезара.

Глава 23

Сезар! Что он делает здесь, в Академии?!

На его лице непривычное, хмурое выражение. Да, когда они разговаривали о том, почему все его подарки оказываются за окном, или о том, что она не хочет с ним ехать на пикник, взгляд Сезара тоже был далек от веселого, но вот лицо, лицо становилось непроницаемым. Сейчас же он именно хмурый. Еще и злится, судя по искрам золота в темной радужке.

Хотя какое ей дело до его злости!

— Что ты здесь делаешь? — как можно равнодушнее спросила Соня. Тут уж впору благодарить Тамею, что он явился до того, как она разрыдалась.

— Пришел тебя забрать.

— Мы, кажется, договаривались, что ты не появляешься в Академии.

— Мы договаривались, что я не появляюсь на балу, и я выполнил твою просьбу. Но это не значит, что я буду избегать свою жену постоянно.

Жену. С губ сорвался невольный смешок, и Сезар помрачнел еще сильнее. После чего схватил ее за локоть, вздернул на ноги и буквально увлек за собой в портал. Вопреки обычному переходу, они оказались не в холле, а в ее спальне, и Соня резко отняла руку. Отступила на несколько шагов:

— Тебя не смущает, что у меня могли остаться дела в Академии?

— Меня смущает то, как ты себя ведешь!

— Что?!

— Что ты проводишь время с Люцианом, вместо того, чтобы поговорить со мной!

На мгновение Соня просто замерла. Это был первый раз за все время после той ночи, когда Сезар позволил себе по отношению к ней такую резкость. Это был первый раз, когда к золотым искрам в его глазах снова добавились серебряные и знакомая, пугающая тьма.

Тем не менее она сложила руки на груди и ударила его холодным взглядом:

— Ты за мной следишь?!

— Нет! А следовало бы. Потому что когда твой брат сообщает тебе, что твоя жена нуждается в поддержке — это, знаешь ли, чересчур!

Так это Люциан ему рассказал?! Потрясающе. Вот и верь после этого мужчинам!

— Я не нуждаюсь в поддержке, — сухо отрезала Соня.

— Поэтому ты рыдала у него на плече?

— Я не рыда... rrrrrr! Люциан! — прорычала она. — А знаешь, что? Теперь точно не буду, сообщать обо мне будет некому!

Да она после такого на километр к нему не подойдет! Она же ему доверилась, доверилась как лучшему другу, а он пошел и все растрепал Сезару! Да что ж за драконство такое-то, а?! Ну просто... просто слов нет!

— София, что происходит? — Сезар шагнул к ней внезапно, перехватил за локти. Настолько внезапно, что не отшатнуться, не закрыться она не успела, и в Соню просто ударило его близостью. Такой знакомой, такой желанной когда-то и такой пугающей сейчас. От его прикосновений повело, а следом словно высоким напряжением ошпарило воспоминаниями.

Соню затрясло, она забилась в его руках, готовая просто отбиваться, руками, ногами, и Сезар немедленно ее отпустил. Немедленно, но достаточно для того, чтобы увидеть, во что она превратилась рядом с ним. В запуганную истеричку, которой белый свет не мил.

— Уходи, — сдерживаясь из последних сил, произнесла она.

— София, я правда могу помочь. — Он поднял руки вверх, словно показывая, что больше ее не коснется. — Я правда хочу помочь. Я хочу, чтобы между нами было доверие...

— Доверие?! — выплюнула Соня ему в лицо. — Нет уж, Сезар, чего между нами никогда не будет, так это доверия! Не после того, что было!

— Я не прошу о большем, — на скулах Сезара заиграли желваки, было видно, что он сдерживается из последних сил. — И никогда не попрошу, пока ты не будешь готова, но мы с тобой муж и жена, и я прошу о нормальном, доверительном отношении. О том, чтобы мы

разговаривали. О том, чтобы ты не выставляла себя на посмешище, обнимаясь с моим братом...

— Так вот в чем дело! — Соня ядовито рассмеялась. — Тебя беспокоит твоя репутация! То, что подумают обо мне и Люциане. Так бы сразу и сказал, Сезар, я понятливая! На этот счет можешь больше не волноваться, я же тебе сказала. Ни на шаг больше не подойду к твоему брату, мне не нужен в друзьях тот, кто не умеет хранить тайны!

Глаза Сезара сверкнули самой настоящей тьмой, и она шарахнулась в сторону. Настолько явно, что не увидеть этого мог только слепой. Тем более что Соня врезалась в комод, и Сезар едва успел подхватить магией вазу, которая готовилась закончить свой жизненный путь на полу. Бытовое заклинание вернуло вазу на место, а он рвано, глубоко вздохнул несколько раз.

Тьма в глазах погасла, золото тоже. Лицо его снова превратилось в непроницаемую маску.

— Я так больше не могу, София, — спокойно произнес он. Настолько противоестественно спокойно, что сразу становилось понятно, какую черную мощь он прячет внутри. — Я люблю тебя, но видеть твое равнодушие и пренебрежение — настоящая пытка. Может быть, я сам это заслужил, не спорю. Но я не готов с этим жить. Когда все только начиналось, когда ты призналась мне в нашу брачную ночь, мне казалось, я с этим справлюсь. Справлюсь с тем, что ты смотришь на меня как на чудовище и отворачиваешься всякий раз, когда никто не видит. Увы, я значительно слабее, чем думал.

Соня, ожидавшая дальнейших расспросов, высоко вскинула голову.

— И что ты предлагаешь? — спросила она.

— Я оставлю тебе это поместье. Ты можешь жить здесь одна. Можешь приглашать кого угодно. Можешь звать новых фрейлин, можешь упиваться своим одиночеством — все, как решишь ты. Если я буду тебе нужен, просто позови. Если тебе понадобится хоть какая-то помощь — ты в любую минуту можешь обратиться ко мне. Но терпеть такое отношение, твое пренебрежение и отчужденность я больше не могу. И не стану.

— Хорошо, — быстро кивнула она, чувствуя странный горьковатый привкус разочарования.

Непонятно с чего.

Вот вроде же радоваться должна, но почему-то не радуется. Напротив, после слов Сезара стало еще более тоскливо. Тоскливо и одиноко. Он не уходил, словно ждал чего-то, какого-то продолжения после ее «хорошо», но она молчала. Молчала достаточно долго, и тогда Сезар кивнул.

— Хорошо, — подтвердил он.

Развернулся, чтобы уйти.

В этот момент низ живота пронзило странной тянущей болью. Словно на каждом шаге Сезара в нее ввинчивался арбалетный болт, все глубже, глубже и глубже. Соня вцепилась в край комода побелевшими пальцами, скользнувшими по светлому дереву и сорвавшимися вниз. Она пошатнулась, начала заваливаться, ваза все-таки рухнула, разбросав осколки, брызги и пестроцветы по мебели и по полу.

Следующая вспышка боли была такой острой, что потемнело перед глазами, а потом Сезар ее подхватил. То ли она на мгновение потеряла сознание, то ли просто потерялась, потому что осознала себя уже на кровати, его ладонь — на щеке, в его глазах плескалось такое море тревоги, что ей стало еще страшнее.

— София, — обеспокоенно произнес он, — София, что случилось? Что у тебя болит?

Его ноздри едва уловимо шевельнулись, Сезар дернулся, посмотрел куда-то. И она, проследив его взгляд, приподнялась на локтях, чтобы увидеть расплзающееся по синей форменной юбке кровавое пятно.

Сезар Драгон

Их с Софией отношения с самого начала катились дракону под хвост. Все пошло не так, еще когда он с первого взгляда влюбился в ее улыбку — в абсолютно обезоруживающую улыбку, такую искреннюю и светлую, какой она никогда не была до той злополучной дуэли. По большому счету, Сезар вообще плохо представлял, какой она была, может быть, просто мало ее знал, но образ Софии Драконовой, ей же и созданный, рушился с каждым днем на глазах. С каждым днем он все отчетливее понимал, что влюбляется и падает в эту девушку, в эту невероятную молодую женщину, как в бездну, но ничего не предпринимал. Лгал себе. Лгал ей. Лгал Женевьев. Уверял себя в том,

что долг наследного принца важнее, а в итоге... в итоге он сам, своими руками разрушил все, что только можно.

Когда он начал терять надежду? Сезар и сам толком не знал. Каждый день, просыпаясь рядом с ней в поместье — рядом и невыносимо далеко — в соседней спальне, он надеялся, что сегодня что-то изменится. Но ничего не менялось. Подарки она выбрасывала, на свидания не соглашалась. Для всех она была его женой, как и обещала, но стоило им остаться наедине, как все рушилось. Стена между ними выросла до небес, и преодолеть ее не могла помочь никакая магия. Все его усилия оборачивались прахом. Все их разговоры за столом сводились к обсуждению светских тем: таким в самом деле мог бы быть династический брак. Единственным связующим их звеном оставались эти простенькие цветы, пестроцветы.

Их София никогда не выбрасывала. Каким-то десятым чувством, с помощью какого-то глубинного знания Сезар догадался подарить ей их. И цветы в самом деле остались в ее комнате, а не отправились за окно или куда похуже. Однажды к нему прибежала горничная, которая обнаружила драгоценности в мусорном ведре. Надо было видеть ее глаза.

Впрочем, до слуг и их пересудов Сезару дела не было. А той, до кого ему было дело, не было дела до него.

Он украдкой ловил ее образы: в легком персиковом летнем платье, когда она сама сияла в том поле, как цветок, будто в один миг преобразившись. Увидев ее такой, Сезар на мгновение подумал, что все переменится, но потом София обернулась, заметила его и погасла. Словно это проклятое пустое поле с цветами давало ей силы, а он отнял!

Он хотел подарить ей поездку на Эллейские острова, но и этот подарок оказался отвергнут. София отвергала все, что было связано с ним, любую мелочь. Или любую роскошь. Кроме этих несчастных цветов! Или счастливых цветов. Которые дарили ему надежду, что таяла в его сердце с каждым днем.

Возможно, именно поэтому когда с ним связался Люциан, он уже заранее был на взводе. Стоило злиться на себя, а он злился на него. За то, что может быть с Софией, за то, что она нормально с ним разговаривает, на нее — за то, что окатывает холодом всякий раз, когда

он пытается поговорить, на весь мир. Возможно, именно поэтому получив от Люциана запрос, он сухо поинтересовался:

— Что?

Связь по виритте могла быть в виде сообщений, которые запечатлевались в памяти артефакта, а могла быть голосовой в режиме реального времени. Голос передавался на артефакт Люциана, Люциан отвечал, и его ответ приходил к нему. Эту разработку Эвиль Ларо уже не увидела, она только начинала над ней работать, когда их с мужем несправедливо обвинили. Доделывали технологию уже лучшие артефакторы Даррании после ее смерти, они же добавили возможность видеть того, с кем говоришь по схемам матери Ленор.

Сегодня Люциан говорил из какой-то ниши, что на него было вообще не похоже: он никогда ничего не скрывал в принципе. Свои проколы и ошибки его брат называл «выбором тэрн-ара», да и в принципе с самооценкой у него проблем не было.

— Я тоже рад тебя слышать, Сезар.

— Учитывая, что ты вернулся несколько дней назад, а нашел время связаться со мной только сейчас, я делаю вывод, что братские чувства тут ни при чем.

— Ты что, обиделся, что ли?

— Ты скажешь, что тебе от меня надо?

— Не мне, а твоей жене. Твоей жене нужно от тебя внимание, Сезар! Она ходит по краю, а ты этого не замечаешь.

«Почему никто не замечает, никогда не замечал, что по краю хожу я?»

Ярость внутри полыхнула черной, тягучей тьмой, и тут же погасла, приглушенная привычным контролем.

— Тебе не кажется, что это не твое дело? — Уж точно не Люциану его учить, как ему строить отношения с Софией!

— Не кажется. Потому что сегодня твоя жена чуть не плакала в моих объятиях, забив на то, что на нас смотрят все.

Нет. Про контроль говорить было рано. Скручивающаяся в груди узлом тьма снова раскрыла когтистые крылья.

— Она поругалась с лучшей подругой. Ей плохо. Ей настолько плохо, Сезар, что ты даже представить себе не можешь. Какого у вас там вообще происходит?!

— А вот это совершенно точно не твое дело, — почти прорычал он. — Если тебе больше нечего мне сказать, на этом закончим.

Люциан даже ответить не успел, когда он прервал связь. А спустя несколько мгновений уже был в Академии, разыскал Софию. Умом он прекрасно понимал, что между ней и Люцианом ничего нет, нет и быть не может, но разум — это одно, а черная страсть — другое. Теперь он понимал, о чем говорит Валентайн. Понимал и едва сдерживался, помня о том, что произошло, когда он не сдержался.

Наверное, этот момент и стал последней каплей. Тем самым переломным жалящим в самое сердце поражением, когда Сезар решил сдаться. Потому что он смотрел на нее — и сходил с ума. От безумного желания обладать ей, сделать ее своей по-настоящему, а не только велением магического ритуала, от которого толку ноль. Глядя на свою жену, он вдруг в отчаянии понял: сколько бы он ни сдерживался, сколько бы ни душил в себе эти сводящие с ума чувства, рано или поздно он может сорваться снова.

Именно поэтому он принял решение уйти.

Поэтому и потому, что София смотрела на него, как на чудовище — и была права.

Понимая, что он может вообще больше ее не увидеть, что она станет еще гораздо дальше от него, Сезар все-таки шел к двери, чувствуя, что тащит на своих плечах скалы или с десяток раненых драконов. А потом София потеряла сознание. Упала бы, если бы он в один миг не успел ее подхватить.

Он едва устроил ее на кровати, когда почувствовал запах крови. Она это тоже увидела и побелела еще сильнее, вцепившись в простыни и покрывала. Сезар же на миг утратил способность мыслить здраво: ему показалось, что он снова тот бессильный мальчишка — бессильный перед своим чудовищем, тьма которого убивает мачеху. Мать его младшего брата. Потому что его темная сила вытравила из него целительские свойства светлой магии. Потому что там, где любой светлый, даже достаточно слабый, мог попытаться это кровотечение остановить, он ровным счетом ничего не мог сделать.

Только бросить вызов на виритту и подхватить стремительно белеющую Софию на руки. Впервые за долгое время она вцепилась в его плечи, а он укачивал ее как ребенка, считая удары сердца до того

мгновения, как в комнату влетел их семейный целитель и его помощники.

Только тогда Сезар позволил себе отойти к окну, по-прежнему не сводя взгляда с жены, рядом с которой Глатхэн выстраивал контуры для остановки кровотечения. Его пальцы шевелились так быстро, что, казалось, они не двигаются, а мельтешат в пространстве. Помощники восстанавливали силы Софии, ускоряя восполнение потерянной крови, и, когда ее щеки порозовели, Сезар, кажется, впервые за все это время вздохнул. Судорожно, хрипло и рвано.

Легкие занавеси взлетали и опадали под пока еще теплыми порывами ветра, и так же спокойно сейчас вздымалась и опадала грудь Софии, которую целитель отца, их семьи, погрузил в сон. Мужчина еще продолжал что-то делать, но его ладони уже двигались мягко, в медленном ритме, а помощники даже отступили. Дождавшись кивка целителя, они поклонились Сезару и покинули спальню.

— Глатхэн, — он все-таки не выдержал. — Что с ней?

— Жизни вашей супруги больше ничего не угрожает. — Мужчина продолжал выстраивать какие-то контуры, видимые только ему одному. Сейчас — буквально, потому что его ладони светились, а вся остальная работа происходила у Софии внутри. — Чего не скажешь о вашем ребенке, тэрн-ар.

— Ребенок? — переспросил Сезар с таким ощущением, словно впервые слышал это слово и сейчас пытался понять, что это значит.

Вместо ответа ладони целителя засветились еще сильнее, магия потекла по выстроенным контурам с утроенной силой: настолько, что Сезар ощутил ее присутствие физически. Почувствовал — и тут же о ней забыл, потому что в этих контурах начали вырисовываться очертания. Маленькие ручки и ножки, крохотный, еще не до конца оформившийся полудраконенок, чья жизнь рвано и дергано пульсировала в ладонях пытавшегося ее удержать Глатхэна.

— Я сумел остановить кровотечение, — прокомментировал мужчина, — и, как я уже сказал, тэрн-ари ничего не угрожает. Сейчас важно сохранить жизнь внутри нее, и для этого я тоже делаю все от меня зависящее. Мне понадобится время, я не представляю, сколько. Возможно, несколько часов, возможно, весь вечер и ночь. Вас я попрошу выйти, потому что ваше присутствие будет меня отвлекать и может повлиять на энергетический фон, который я буду выстраивать.

Сезар слушал его, даже, кажется, улавливал смысл слов, но смотрел только на магическую проекцию крохотного существа. В свете магии Глатхэна он казался совершенно потусторонним, а еще, да так и было на самом деле, бесконечно, невыносимо хрупким.

— Каковы шансы? — спросил он. Голос неожиданно дрогнул.

— Сделаю все, что смогу, — ответил Глатхэн, продолжая раскручивать энергию исцеления, — но ребенок еще слишком мал и очень слаб, поэтому никаких гарантий. А теперь прошу вас, тэрн-ар. Здесь любое присутствие будет лишним.

Сезар позволил себе посмотреть на крошечного, даже не до конца обретшего черты малыша еще несколько мгновений, а после вышел. Он знал, что в случае, когда речь идет о последней грани жизни и смерти, целителю лучше работать один на один с исцеляемым. Любое постороннее присутствие нарушает энергетический фон, вторгается в потоки, и вся работа может пойти насмарку. Особенно это связано с близкими родственниками, которые своими переживаниями запускают колебания, способные своими вибрациями повлиять на выстроенные контуры.

Особенно когда речь идет о том, кто даже еще не понял, что такое жизнь, а уже оказался на грани смерти.

Ребенок.

Оглушенный этой мыслью, он дошел до гостиной, не замечая никого и ничего, опустил в кресло. Дыхание казалось чужим, биение сердца тоже. Он слышал их как бы со стороны, а комната двигалась перед глазами, то теряя резкость, то снова ее обретая.

Отец был прав, когда отказал ему в наследовании престола. Он слишком слаб, слишком уязвим, а еще слишком опасен. Его темная сторона разрушает даже просто своим существованием: возможно, если бы он обладал, как и все драконы его рода, магией исцеления, сейчас Глатхэну не приходилось бы бороться за жизнь его сына. Или дочери?

Сезар на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл — ничего не изменилось. Все так же равнодушно застыли на стенах живые пейзажи, на одном из которых плескались воды Золотого океана в дымке рассветного марева. Бесконечная гладь, затягивающая, манящая, небо в нежных оттенках, вот-вот готовящееся стать золотым, одного

цвета с песком и океанскими волнами, а ближе к полудню раскалиться добела.

Возможно, если бы ему удалось уговорить Софию поехать с ним на Эллейские острова, все было бы по-другому. Возможно, если бы он не отвернулся сегодня, не сказал, что уйдет, не тащил бы ее за собой так резко в портал... Все драховы страхи снова обрушились на него, окатывая давящим, изматывающим, бесконечным чувством вины.

Лишь усилием воли Сезару удалось сосредоточиться, вытащить себя на поверхность, потому что он уже начинал задыхаться.

Сколько он себя помнил — он никогда и ни к кому не обращался за помощью: наследник должен уметь решать любую проблему сам. Будь то военное положение, совет по гражданским вопросам или собственные чувства. Сезар всегда считал, что может справиться со всем, но сейчас не справлялся. Все тщательно возведенные стены рушились, броня с хрустом крошилась и впивалась металлическими осколками в самое сердце.

— Люциан, — коснувшись виритта, позвал он, — как появится возможность, приходи.

Сколько времени прошло, Сезар понятия не имел. Казалось, целая вечность. В гостиную уже заглядывала горничная, интересовалась, не принести ли чего, но, наткнувшись на его взгляд, пробормотала извинения и быстро ретировалась. Время шло: тянулось и растягивалось, сжималось и раскрывалось, замедлялось и летело со скоростью набравшего высоту дракона.

До той минуты, пока в гостиную без стука не ввалился покрасневший, потный брат, отросшие волосы которого были наскоро стянуты в небрежный хвост. Вопреки строгим правилам военного факультета, Люциан даже форму не успел застегнуть — сразу было видно, что торопился. И это было совсем на него не похоже. Вообще. Никак.

— Ты же знаешь, на боевой магии виритта нужно отключать и снимать, — прокомментировал запыхавшийся брат. — Что у вас тут произошло?

Объяснения тоже были не в его стиле, но Сезару сейчас было не до изменений в характере Люциана. Он сжал подлокотники кресел так, что резной узор до боли впился в ладони. Но именно эта боль отрезвила и дала возможность сказать:

— Мой ребенок сейчас умирает. Из-за меня.

Глава 24

Люциан Драгон

Если после общего факультета военный казался каким-то форменным издевательством, то после гарнизона уже воспринимался так, как легкая утренняя разминка. На середине занятия магистр Ихтон это заметил и саркастически поинтересовался, не доставить ли тэрн-ару шезлонг с Эллейских островов. Если на общем в ответ на такую шпильку можно было огрызнуться, то здесь это расценивалось как пререкания со старшим по званию (коим, разумеется, являлся магистр), поэтому Люциан спокойно ответил, что готов к любому уровню нагрузки.

Зря.

Однокурсники, конечно, обалдевали, а Ихтон явно отрывался, устроив ему полосу магических препятствий курса этак с последнего. Наверное, раньше после такого Люциан отправился бы напрямик в лазарет к Симрану, а так (никогда бы не подумал, но спасибо Амиру) ни разу не ударил в грязь лицом. Ни иносказательно, ни буквально. Хотя, конечно, попотеть его Ихтон заставил, явно превышая свои магистерские полномочия. Добился, правда, исключительно того, что в конце Люциану все аплодировали, так что с полигона он уходил героем. К вящему неудовольствию магистра.

Он собирался принять душ и пойти к Нэв: даже несмотря на то, какой разговор состоялся между ним и отцом вчера. Ферган согласился его принять и пришел в ярость, когда узнал, зачем он явился. Люциан рассчитывал откровенно поговорить с тэрн-архом о ситуации на границе — о давящем присутствии тьмы, о всплесках, после которых адорров и даже некоторых лэардов лечили от психической невменяемости. Кальварены еще держались, но в целом это явно требовало пристального внимания, при этом никаких действий со стороны столицы и правительства не предпринималось.

Рассчитывая на одно, в итоге он получил совсем другое — полыхающего яростью дракона, который назвал его бесполезным мальчишкой и посоветовал в ближайшее время не попадаться ему на глаза. Когда Люциан попытался возразить, что это стоит внимания,

Ферган выставил его вон, напоследок снабдив емкой характеристикой, что один раз он уже подставил семью, и что лезть туда, в чем не разбираешься — это его отличительная черта, наравне с упрямством, граничащим с глупостью.

Будь на его месте кто угодно другой, вряд ли Люциан позволил бы себя вот так выставить, но это был тэрн-арх. У которого на разговор с сыном явно были другие надежды. Он рассчитывал — о чем заявил сразу, что Люциан опомнился и готов принести публичные извинения Анадоррским и принять статус наследника. Когда выяснилось, что это не так, Ферган и пришел в лютейшую ярость, и дальше с ним можно было не разговаривать. К сожалению, Люциан этого сразу не понял, а от отца вышел взбешенный и злой.

Приносить публичные извинения Анадоррским он не собирался, разве что готов был попросить прощения у Женевьев. Лично. Но случая пока не представилось, да и его все время как-то сворачивало на разговоры с Леной.

Которая все-таки носила его браслет.

Точнее, не его, а тот, что он починил. Свой простенький браслет с первой вириттой, Эвиль. Дурацкая радость по этому поводу была из ряда вон, но Люциан уже смирился. С тем, что он не может быть к ней равнодушен. Никогда не сможет, а после того, чем с ним поделилась София-Соня, он понял, что уже не отступится. Каким нужно быть идиотом, чтобы столько времени не замечать, что рядом с тобой другая?

Да, он сам совершил такую же ошибку, но это был один вечер! Одна ночь! Не половина лета же, драхи его задери!

Осознание этого — того, что он будет бороться за Лену, словно позволило вздохнуть свободнее. Словно отпустила невидимая жуткая магия, давящая на грудь. Возможно, именно поэтому он первым делом схватился за виритта, который передал ему сообщение от Сезара. В его голосе, обычно неизменно спокойном, уравновешенно-снисходительном или резковатом, с нотками превосходства, сквозили такие боль и отчаяние, что Люциан мигом забыл про душ.

С Сезаром они никогда не были особо близки, но об этом он подумал, уже когда открывал портал в их поместье. И еще в те мгновения, когда горничная провожала его в гостиную, где застывший

в кресле брат напоминал каменное изваяние. А потом он сказал то, что сказал, и Люциан замер.

— Ребенок? — переспросил он.

— Да. После той ночи. — Сезар все-таки оттолкнулся от подлокотников и поднялся к нему навстречу. — Он... она... Софии стало плохо сегодня, а я ничего не смог сделать. До этого я вообще собирался уйти. Бросить ее одну. Если бы я ушел, она был могла...

— Так, стой. — Люциан шагнул к брату и взял его за плечи. — Что с Софией?

— Все хорошо. Сейчас, — Сезар говорил так, будто сам в это не верил.

— Хорошо, что все хорошо, — он мысленно облегченно вздохнул. — А ребенок? Что с ним?

— Им сейчас занимается Глатхэн. Было сильное кровотечение. Он же... если бы я мог сделать хоть что-то, но я не мог, Люциан. Понимаешь? Не мог?

Люциан впервые видел брата таким: потерянным, словно под ногами горела и расходилась земля, и Сезар уже был готов просто свалиться в один из этих разломов. Так странно было осознавать, что безупречный Сезар Драгон может быть таким, и в то же время Люциан сам себя смутно помнил, когда увидел пострадавшую после похищения Лену. Смутно помнил, что он там вообще делал. Сезар же действительно не мог ничего сделать — еще одна отличительная его особенность — когда любимая женщина истекала кровью у него на руках. Каково это, Люциан даже представить себе не мог. Не хотел и не мог, поэтому сейчас поморщился.

— Глатхэн — лучший из лучших, он спасет твоего... вашего ребенка, — произнес он первое, что пришло в голову. Ничего другого просто не приходило.

Сезар усмехнулся:

— Ты так в этом уверен?

— Я это знаю. Он лечил нас сколько я себя помню. Его опыт и его магия творят чудеса, Сезар.

Глатхэн действительно был с их семьей вот уже больше сорока зим. Опытный целитель, пришедший в семью тэрн-арха помощником предыдущего, выросший благодаря своему уникальному таланту. Да, все светлые драконы обладают способностью к исцелению, но не все

обладают тем, что было у Глатхэна: чутье, умение работать со внутренними контурами и энергиями на каком-то таком уровне мастерства, где все прочие просто сдавались бы. Целительство — это ведь не только про то, чтобы залечить и срастить рану или убрать воспаление, целительство — это о том, чтобы предвидеть последствия и копнуть глубже, предотвратить возможные осложнения.

Возможно, у него бы получилось и маму спасти, если бы все произошло не так быстро, если бы выброс темной магии брата был не таким сокрушающим. Если бы мама не отдала все силы на спасение Нэв. Воспоминания об этом заставили поморщиться снова, но уже по другой причине. Долгие годы он винил в смерти матери брата, но сейчас отчетливо понимал: это был ее выбор. Первый выбор — спасти маленького Сезара, второй — свою пока еще не рожденную дочь.

— София справится, — неожиданно для себя произнес Люциан.
— Она сильная.

Брат кивнул, подтверждая его слова.

— Да. Она сильная.

— Ваш ребенок тоже. Честно говоря, не представляю, как у вас может быть иначе.

Сезар глубоко вздохнул и на мгновение прикрыл глаза.

— Спасибо, — произнес он. — Спасибо, что пришел.

— Да мне все равно особо нечего делать было, — насмешливо произнес Люциан, но тут же покачал головой. — Прости. Мне правда важно, что позвал ты именно меня.

Потом они вместе сидели, разговаривая обо всем. Люциан рассказывал о буднях в гарнизоне, мысленно отмечая, что брат иногда проваливается в себя и свои мысли, но говорить не переставал. Спрашивал Сезара о том, что он планирует делать дальше — теперь, когда не нужно принимать на себя ответственность за всю Дарранию. Тот даже отвечал, что пока не представляет, чем хочет заниматься, потому что всю жизнь готовился быть тэрн-архом, и сейчас просто ведет дела этих земель. Понемногу из его глаз уходило это обреченное выражение, Сезар оживал, и они вдвоем даже не сразу заметили, как стемнело.

Очнулись только, когда дверь в гостиную распахнулась, и горничная впустила одного из помощников Глатхэна.

— Тэрн-ар, — тот поклонился. — Тэрн ар, — теперь посмотрел на Сезара. — С вашим малышом все в порядке. Вы можете подняться к своей жене.

Брат поднялся так стремительно, так быстро вышел, что Люциану просто не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним. Точнее, пойти можно было куда угодно, но он все же направился за помощником, едва поспевавшим за Сезаром, к лестнице. А дальше — ноги сами привели его наверх, к комнате Софии. Дверь прикрыть не успели, Глатхэн говорил с братом:

— ... в ближайшие пару дней вашей супруге лучше лишний раз не вставать с постели. До утра она проспит, я наложил заклинание восстановительного сна. Разумеется, когда тэрн-ари София вернется в Академию, никаких физических нагрузок, даже элементарных. Я записал свои рекомендации в ее виритту для освобождения от...

Сезар слушал и смотрел на Софию, бледную, утопающую в подушках и покрывалах. Ее укутали, поскольку после восстановительных магических процедур необходимо было дополнительное тепло, и, когда брат наклонился, чтобы убрать прядь волос с ее лица, Люциан качнулся назад. Отошел от двери, направился к лестнице, сам не понимая, зачем вообще поднимался.

Наблюдать за чужим счастьем? И счастье ли это? Для них, после всего, что случилось.

Он вернулся в Академию, где долго лежал на кровати, просто рассматривая потолок. Его комнату ему, естественно, вернули по первому требованию: не суть важно, как к тебе относится отец, пока ты сын тэрн-арха, все будет для тебя. Хотя Люциан даже не просил конкретно эту комнату, для него подготовили именно ее. Все вернули на место: и портрет отца, и вещи, которые он оставил, когда думал, что навсегда уходил в гарнизон.

Стоило подумать о гарнизоне, как виритт сообщил:

— С вами хочет поговорить адорр Этан Змитт, тэрн-ар Драгон.

Другу из гарнизона Люциан обрадовался и сразу же приказал виритту принять запрос. В гарнизоне сейчас уже была ночь, а не как в Хэвенсграде, вечер в самом разгаре. Поэтому Этан первым делом поинтересовался:

— Не поздно?

— Было бы поздно, я бы не ответил. Так что не мнись, как девица на первом свидании. — Грубые шуточки из гарнизона тоже стали частью его жизни. Правда здесь, в Хэвенсграде, мало кто мог их понять, а вот обидеться могли вполне. Этан же только хохотнул:

— Знаешь, мы все тут по тебе скучаем, з...

— Скажешь «Златовласка», я тебя придушу, — беззлобно произнес Люциан.

— Злыдень ты дворцовый, — почти ласково ответил Этан. — Я вот только от Арьки вернулся. Теперь мы официально жених и невеста. А еще я не сегодня-завтра получу звание лэарда, и жалованье, соответственно, увеличится. Так что я смогу свадьбу собрать к весне уже, если не раньше. Зимой жениться, говорят, к счастью — Тамея свое благословение трижды дает, но я не хочу зимой, Арька у меня тепло любит. Лето. Да и не нужно оно особо, благословение это, если уж любишь так, как мы любим, правда ведь?

— Если тебе нужен совет от дворцового злыдня...

Этан снова хохотнул.

— То жениться надо тогда, когда хочется вам, а не когда благословения раздают. Ну а с помолвкой поздравляю. Обидеться что ли, что меня не позвал?

Люциан это сказал шулки ради, но Этан мгновенно изменился в лице и пробормотал:

— Так я это... не было же никакого праздника. У меня только на кольцо хватило. Но на самое лучшее! Я тут в Дэррик ходил... порталом. Там и купил.

Дэррик — небольшой городок, ближайший к гарнизону, где можно было купить хоть что-то мало-мальски приличное. Населения там тысяч под сто, но ювелирные лавочки наверняка есть.

— Мы просто вдвоем под лунами стояли, и я ей кольцо надел, — продолжил тем временем Этан. — Знаешь, так романтично было. Она даже расплакалась. Я сначала подумал, что что-то не так сделал, а потом Арька меня обняла и говорит: «Ты знаешь, что ты у меня самый лучший»? Представляешь?

Наивно. Романтично. Сопливо.

Так Люциан мог бы подумать раньше. Сейчас же первое, что ему пришло в голову — мысль о том, каково это. Услышать, что ты самый лучший для той, по кому сходишь с ума.

М-да-а-а.

— Поздравляю, Этан, — повторил он. — Очень рад за вас. Правда.

— А ты как? — поинтересовался друг. — Как у тебя дела с той девушкой... ну...

Про Лену он ни с кем так и не говорил. Даже с Этаном. Хотя тот и не оставлял попыток вывести его на разговор — то ли просто потому, что привык к таким вот откровенным беседам, в его деревушке такое было в порядке вещей, ничего необычного. Наверное, в этой беспардонной откровенности что-то было, но Люциан к такому был не готов. Поэтому лишь покачал головой:

— Не хочу об этом говорить, Этан.

— Да ты никогда не хочешь!

— Вот приеду к вам на свадьбу и все расскажу, — отшутился он.

— Ты, главное, ее с собой привози.

Почему бы и нет? Глядя в счастливое лицо друга, Люциан вдруг отчетливо представил, какой могла бы быть Лена рядом с ним. На этой свадьбе.

Такая простая деревенская свадьба, в разгар лета. Он не видел ни одной деревенской свадьбы, но сейчас ему почему-то представился сад и грубо сколоченные деревянные столы. А за ними — люди, счастливые, с раскрасневшимися от веселья, солнца (и не только) лицами. Простые наряды, никаких громких речей. И Лена — в легком длинном платье, голубом, в цвет ее глаз, с цветами в волосах. Откуда пришел этот простой образ, Люциан и сам толком не знал, просто неожиданно понял, что улыбается.

Этан еще рассказывал, как суетилась Аринина мама, как смущенно улыбался отец, увидев кольцо. Они всегда знали, что рано или поздно это произойдет, Этана они любили и очень обрадовались, когда узнали о помолвке. Младшая сестра Арины, Полина, та так и вовсе кружила вокруг сестры в надежде, что ей дадут поносить колечко. В деревне ходила такая примета: что если невеста позволит свое примерить, то скоро и тебе невестой быть.

О традициях родных мест Этан говорил с невыносимой теплотой. А еще о том, как плакали его мама и отец, когда узнали. Тоже от счастья.

Представить себе Фергана рыдающим Люциан мог только в одном случае: если Анадоррский все-таки отнимет у него трон. Почему-то эта донельзя циничная мысль снова заставила его улыбнуться. А вот мысль о матери — снова нахмуриться. Ее он вполне мог представить расчувствовавшейся. Искренней, светлой.

Такой, какой она всегда и была.

После разговора с Этаном Люциан еще долго не мог заснуть. Вспоминал те дни, когда мама была жива. Вспоминал, сколько времени она проводила с ним — хотя могла легко сбросить на нянь, воспитателей и гувернеров. Но нет, ей это нравилось. Нравилось с ним заниматься, нравилось с ним гулять, нравилось учить его всему. Сколько лет он не думал о ней, заперев все детские воспоминания на тысячи замков, не позволяя себе ни чувствовать, ни вспоминать?

Еще у нее был совершенно потрясающий голос. Низкий и в то же время такой волшебный, чарующий, обволакивающий. Когда она пела, замирали все. Все замолкали. Ее голос был каким-то воистину магическим, и маленького Люциана она тоже учила петь.

С этой мыслью он и заснул, а проснулся еще до пробудки. Быстро принял душ, собрался и, хотя за это чисто теоретически могло прилететь, вышел из комнаты и зашагал по коридорам. В такое время, правда, дежурные уже редко ходили, потому что до пробуждения адептов оставалось совсем чуть. Но нарваться на каких-то рьяно исполняющих обязанности и желающих кому-то устроить, выражаясь словами Лены и Сони, хорошую жизнь, можно было вполне.

Не то чтобы Люциан переживал на этот счет, просто он хотел успеть поговорить с Леной до пробудки. А с дежурными пришлось бы разбираться на месте, и это тоже отняло бы время.

К счастью, обошлось. В ответ на стук в дверь сначала не происходило ничего, а потом ему все-таки открыла совершенно взъерошенная и заспанная Лена в халатике. В таком коротком халатике, что пришлось приложить все усилия, чтобы об этом халатике не думать, а думать о том, зачем он пришел.

— Люциан! — прошипела она, когда осознала, кто перед ней. — Ты с ума сошел? Я тут сплю!

— Это хорошо, — произнес он.

В гарнизоне на учениях им рассказывали, почему во время войны самые опасные нападения — именно утром. Потому что сознание

после сна мягкое и расслабленное. Поэтому сон во время военных действий — большая роскошь. Еще их учили мгновенно просыпаться, но Лену не учили. Поэтому он успел перехватить дверь, когда она попыталась резко ее закрыть.

— Я тебе не враг, Лена, — сказал еле слышно. — Может, ужепустишь меня? Нам надо поговорить.

— Не надо! Не о чем...

— Есть о чем. — Люциан шагнул вперед так резко, что она невольно отступила, и он захлопнул за собой дверь. — Точнее, о ком. О твоей лучшей подруге. Она беременна.

Глава 25

Лена

Если коротко описать мою жизнь за последний год, то это звучало бы так: звезд-звезд-капелька счастья-звезд-звезд-счастье-звезд. И дело не в том, что я пессимист, я скорее реалист, который трезво смотрит на вещи и оценивает ситуацию. Можно было бы конечно бить себя пяткой в грудь и концентрироваться на позитиве, как предлагало большинство именитых коучей моего мира. Может, и в самом деле есть такие люди, у кого такое получается, и все работает, но, дракона вашего в чертоги Лозантира, почему-то не у меня. Если у меня счастье, я радуюсь, а если (привет, нераскрытая тема) — жопа, то я не буду улыбаться и со снисходительной улыбкой сообщать всем, что это величайший урок в моей жизни, чтобы я выросла и стала достойнее. В моем случае, как мне кажется, вообще гораздо проще сказать: что выросло, то выросло, вспоминая знаменитый анекдот.

Хотя когда я открываю дверь, а за ней оказывается Люциан Драгон, а я настолько сонная, что даже не успеваю ее закрыть, мне уже не хочется вспоминать анекдоты. И уж тем более не хочется их вспоминать, когда он выдает, что Соня беременна! Я настолько теряюсь в этот момент, что даже позволяю ему войти и закрыть за собой дверь. Люциан умудряется еще и заклинание *Cubrire Silencial* повесить, а я все еще стою и хлопаю глазами. Мне очень хочется верить, что такая заторможенная реакция — спросонья, а не потому что Ленор Ларо убивает мой мозг. Или свой мозг. Или одному мозгу слишком много нас двоих.

— Так, — осторожно говорю я, плотнее запахивая халат, потому что взгляд Люциана подозрительно залипает на вырезе. — И что? Сдается мне, если бы все было так просто, ты бы ко мне не пришел.

— Правильно тебе сдается, Лена. — Он наконец-то смотрит мне в глаза и произносит: — Этот ребенок — после той ночи. Вчера она чуть его не потеряла и чуть не погибла сама.

Люциан больше ничего не говорит, но мне и так хватает. Соня вчера чуть не погибла? Из-за выкидыша? Я могла ее потерять... снова. От шума в ушах становится как-то слишком громко, я отступаю. Благо,

тут не так далеко, новая комната не настолько большая, как предыдущая. Опускаюсь на край кровати и вцепляюсь в него.

— Сейчас с ней все хорошо, — добавляет Люциан. — Может, уже перестанешь делать вид, что вы с ней чужие?

Я прикрываю глаза. Потому что понимаю, что он прав. Потому что понимаю, что за своими обидками напрочь забыла о том, что Соня тоже живой человек. О том, что у нее с Сезаром, в общем-то, брак не по любви. Вынужденный. О том, что она пошла на это из-за меня. О том, что Ленор сделала все возможное, чтобы с ней видеться как можно меньше, а у Сони хватало своих переживаний, чтобы параноидально искать во мне чужие черты.

Все эти мысли сваливаются на меня с таким колоссальным и неприподъемным чувством вины, что я на мгновение забываю, каково это вообще — толком дышать.

— Да, — отвечаю совсем невпопад. — Да. Хорошо. Спасибо, что сказал.

Только сейчас понимаю, что так и сижу с закрытыми глазами, а, открыв их, обнаруживаю, что Люциан стоит и мрачно пялится на букет, который доставили вчера вечером. От Валентайна. Если честно, сначала я хотела отправить его обратно, но потом поняла, что это детство. В итоге волшебство местной флористики благоухает на всю комнату, радуя глаз оттенками насыщенно-красного и белоснежного.

— Я не обвинять тебя пришел, — Люциан переводит взгляд на меня. — Но я тоже облажался. Наверное, поэтому меня это так цепляет. То, что ты не можешь ее простить. Потому что с первого взгляда, Лена — прости уж — но вас не различить вовсе. Особенно если она говорит правильные слова.

— Угу, — сообщаю я.

В комнате тепло, да и вообще осень на удивление теплая. Погода стоит летняя, будто природа тоже решила, что задолжала мне, пока телом рулила Ленор. Как бы там ни было, но меня это радует, радует то, что я не мерзну сейчас в этом халатике. Хотя все тело покрылось мурашками от осознания того, что могло произойти. От осознания того, что я могла потерять Соню. Возможно, из-за своего безразличия и заикленности на себе. Да, мне было больно, но и ей тоже. Сколько раз за последние дни она пыталась со мной поговорить...

Да, я вполне очевидно в ударе, потому что даже не отодвигаюсь, когда Люциан приближается и садится рядом со мной.

По ощущениям он сейчас начнет говорить, и говорить будет просто бесконечно, фиг зактнешь — все как я привыкла, но вместо этого он накрывает мои сжавшиеся на ткани пальцы: мягко, и от его ладони идет тепло. Бесконечное тепло, которое втекает в меня через это прикосновение, расслабляя, словно сжавшуюся внутри пружину медленно отпускает. Я перестаю дрожать, хотя мне не холодно, уходит чувство вины, отступает чувство безысходности, в которое я почти-почти себя вогнала через эту самую вину.

— Лен, я не представляю, через что ты прошла, — говорит он. — И мне очень жаль, что меня не было рядом.

Я дергаюсь и изумленно смотрю на него, потому что изначально мне казалось, что этот разговор о Соне.

Нет.

Он обо мне. А ладонь Люциана на моей становится обжигающе-горячей, или мне просто так кажется? Потому что его глаза знакомо раскаляются, от светло-медового до кипящего золота. Светлая королевская магия — это характерное ее проявление, но почему у меня сейчас такое чувство, что это вообще не про магию? Мы сидим слишком близко, если он чуть подвинется, то коснется моего бедра своим. Но хуже всего даже не это. Хуже всего то, что он пришел с такими словами... с такими правильными словами, которых мне никто так и не сказал.

До этой минуты.

Это не жалость, это не попытка уговорить меня, что все хорошо, и не желание вернуть все, как было.

Это просто сочувствие и констатация факта. И сожаления — искренние — о том, что его не было рядом, чтобы помочь. Почему-то я сейчас думаю об этом, а еще о том, что я до сих пор помню, как играет искрами на его ресницах золото магии. О том, что в этой комнате я чувствовала себя бесконечно и безгранично одинокой, пока не пришел он.

О том, насколько все это неправильно.

— Можешь организовать мне переход к Соне? — спрашиваю я. Получается хриплым шепотом, и я быстро вытягиваю пальцы из-под его руки.

Ленор ни разу не была у Сони в гостях, обычно они встречались либо в городе, либо дома у Валентайна, поэтому я понятия не имею, как там устроена система безопасности.

— Она будет спать минимум до обеда. Глатхэн поставил высшее заклинание исцеления, для человека это очень серьезно, поэтому требуется время.

— Хорошо, а потом?

— А потом я все сделаю, Лена. Можешь на меня положиться.

Он сказал это как-то слишком легко, слишком просто. Так же просто поднялся, снял заклинание и вышел раньше, чем до меня успело дойти, что я только что добровольно согласилась на помощь Люциана Драгона. И не просто согласилась, а попросила о ней. Сама.

На занятиях я, естественно, сосредоточиться не смогла. На мое счастье, первой у второкурсников сегодня была лекционно-теоретическая пара по новому предмету: магической биологии, которая требовалась, чтобы на третьем курсе мы могли изучать целительские зелья. Половину из того, что говорила магистр Солаус я пропустила, но решила, что наверстаю потом. А вот второй парой у людей был — ха-ха-ха, драконий язык. На котором магистр Доброе утро решил, что давно не разговаривал на исторические темы именно со мной.

В итоге я здорово развлекла Клаву с Ликой, которые хихикали, пока я пыталась подобрать правильные времена в отсылках к прошлому, определенному и неопределенному, а еще, видимо, погладила тайные садистские наклонности магистра, которому нравилось смотреть, как адепты тупят. Признаюсь, тема была внезапная, лексику нам к ней дополнительно не давали, а я и в лучшие времена путалась во временах, что уж говорить о том, когда все мои мысли сходились на Соне.

К счастью, пар сегодня было всего две, после которых я, наверное, должна была встретиться с Люцианом. Чисто теоретически, если он пообещал все уладить. Поэтому из аудитории я выходила, даже пропуская мимо ушей летящее вслед от Клавы:

— Ларо, ты говорить начиная смогла!

Она явно пародировала то, как я разговаривала на драконьем, но мне было не до нее. Я вышла в коридор и остановилась в раздумьях, как мне поступить дальше, но, пока я об этом раздумывала, навстречу

мне шагнул Люциан. Подозреваю, что он пришел после своего занятия порталом, а еще точно знал, куда идти, потому что иначе просто физически не мог оказаться здесь так быстро.

Я не стала акцентировать на этом внимание, а вот он поинтересовался:

— Как дела?

— Минутка позора на драконьем, как обычно, — ответила я. — А в целом очень жду встречи с Соней.

— Она уже проснулась, так что можем идти. — Люциан внимательно на меня посмотрел и, когда я кивнула, открыл портал.

В просторном светлом холле нас встречали слуги: дворецкий и горничная. Дворецкий — по этикету, горничная — чтобы проводить. Вот так вместе мы и поднялись на второй этаж, прошли светлыми, украшенными пейзажами коридорами, и оказались у двери. Горничная тихо постучала, и, услышав резкий голос Сезара:

— Войдите, — немедленно шагнула в комнату.

— Тэрн-ар Драгон, — произнесла она. — Тэри Ларо.

Соня выглядела хорошо. Значительно лучше, чем после той дикой ночи и после попытки отравиться. Если бы я не знала, что произошло, можно было подумать, что она просто отлично выспалась.

Но я знала.

Поэтому, забыв обо всем, смотрела только на нее, хотя по этикету нужно было должным образом приветствовать Сезара.

— Уйдите все, — неожиданно резко произнесла Соня. Настолько резко, что даже я подпрыгнула. — Кроме тебя, Ленор.

И на том спасибо.

Люциан явно собирался что-то сказать, но она посмотрела на него в упор:

— Видеть тебя не хочу!

Так. И что я, спрашивается, пропустила?

Но выяснять это не было времени, Сезар вышел, увел с собой Люциана, и мы остались одни. На удивление неловкая ситуация стала еще более неловкой, настолько, что впору удивляться, как такое вообще возможно. Рядом с подругой, которую знаешь как себя саму. Или я ошибаюсь?

— Прости меня, Сонь, — сказала я, не двигаясь с места, словно опасаясь своим приближением разрушить остатки того, что осталось

от нашей дружбы. Если от нее, конечно, что-то вообще осталось.

У Сони неожиданно задрожали губы.

— Я его ненавижу! — выдохнула она. — Как же я его ненавижу!

— Кого?

— Сезара! — Она приподнялась на подушках, вцепившись в одеяло, но тут же опустилась обратно, словно что-то вспомнила. — Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу!

Из ее глаз одна за другой покатались слезы. Крупные, они просто хлынули потоком, и я подлетела к ней, забралась на постель, обняла и прижала к себе. Соня вцепилась в меня и редела, а я понятия не имела, что с эти делать! Что вообще делать в такой ситуации? Честно — не представляю, как бы я себя вела, будь я на ее месте. Не представляю и представлять не хочу, поэтому сейчас только крепче прижала подругу к себе.

— Я хочу от него избавиться, — пробормотала она мне в лацкан пиджака. Судорожно, с рваным выдохом.

— От... ребенка? — еле слышно спросила я.

— Да. От ребенка. Ты же мне поможешь? — Соня запрокинула голову. — Сезар запретил даже об этом думать. А я не могу... я не могу его носить! Не хочу... я не смогу, Лена, понимаешь... я не смогу...

Поток ее слов прервался, и она снова заревела в голос, я же прижала ее к себе, укачивая, как маленькую. Каждый раз, отклоняясь назад, я рисковала навернуться с кровати, потому что сидела на самом краешке, а Соня, должно быть, чувствовала себя так постоянно. На краю, с которого в любой момент можно сорваться.

Я не могла представить себе, что она, моя лучшая подруга, которая обожала детей, которую обожали дети — скажет такое. Но еще я никогда не могла представить, что Соня окажется в такой ситуации и перед таким выбором.

Что мы окажемся в такой ситуации.

— Я не знала... у меня стояло заклинание, и я думала, что все хорошо, — прошептала она, снова подняв голову. Мне ничего объяснить не требовалось: у меня у самой стояло такое заклинание, оно не только носило защитную функцию, но еще и избавляло от месячных. — Этот... целитель сказал, что все дело в особенности Сезара. В том, что у него двойная магия, и это могло нейтрализовать...

Она осеклась, снова судорожно вздохнула и повторила:

— Ненавижу. Ненавижу его ребенка. Ненавижу себя.

Мне в целом не нравилось ее настроение, но последнее понравилось вот вообще меньше всего.

— Сонь, ты что такое говоришь? — произнесла я, заглядывая ей в глаза, заключая лицо в ладонях. — При чем тут ты? В чем ты вообще виновата?

— Не я. Мое тело. Абсолютно бесполезное! Как можно было залететь от этого... после этого...

Она задыхалась, а еще, судя по всему, у нее явно начиналась истерика. Как бы мне сейчасгодились способности Люциана или хотя бы практика по первой магической помощи, которая тоже начнется на третьем курсе. Вот где вообще логика — флору и фауну мы изучаем, историю тоже, а как помочь в случае чего — так это на третьем курсе!

— Со-онь. Соня! — чуть громче повторила я, наклоняясь к ней ближе. — Я здесь. Я с тобой. И я считаю, что ты самая лучшая девушка на свете, просто сейчас тебе очень тяжело. Честно — не представляю, как бы я с этим справилась. Наверное, не справилась бы, но ты одна из самых сильных людей, которых я знаю. Клянусь, что больше никогда не буду на тебя обижаться из-за ерунды. Клянусь, что больше никогда не отвернусь от тебя, что бы ни случилось.

— Значит, ты сможешь от него избавиться? — как заведенная повторила она.

Я глубоко вздохнула.

Как на такое ответить?

Что на такое ответить?

— Если ты через пару недель не изменишь своего решения, я тебя поддержу.

Меня аж перекорежило от таких слов. Представить, что я поддержу убийство ребенка... Раньше я никогда не задумывалась об абортах. Честно — даже не копалась в этом, потому что мне в голову не приходило, что можно убить малыша, который растет внутри тебя. А уж если на таком сроке, как у Сони? Как это вообще делается? Здесь, с магией, наверное, гораздо проще. В смысле, гораздо проще это сделать, магически прервать жизнь. Даже на гораздо больших сроках, чем в нашем мире.

Такое вообще возможно?! Вообще допустимо?!

По коже прошел мороз.

— Но я не хочу, чтобы ты всю оставшуюся жизнь ненавидела себя за то решение, которое принимаешь сгоряча. Сейчас ты ненавидишь себя за то, что беременна, но ненавидеть себя за то, что ты убьешь собственного ребенка гораздо страшнее. — Я говорила, и в меня словно снова втекала темная магия, добираясь до самого сердца. Хотя сейчас, разумеется, дело было не в ней. — Поэтому, Соня, подумай о нем. Или о ней. Кто бы это ни был. Подумай, как о маленькой жизни, о существе, у которого бьется сердце. О том, кто не знает, что сделал его отец, о том, кто не знает, что думает его мать. Все, что у него сейчас есть — это ты. Он слышит удары твоего сердца. И на каких-то инстинктах, я не знаю, тянется к ним. Для него ты — его мама, его защитница. Просто подумай об этом, Сонь.

Я сама не заметила, как из моих глаз тоже потекли слезы, и спустя мгновение подруга присоединилась ко мне. Так мы и сидели на кровати, обнявшись, и ревели вдвоем, пока Соня не прошептала сквозь всхлипы:

— Я не буду, Лен. Не буду... его убивать, — она шмыгала носом, а я вздохнула с облегчением и поцеловала ее в макушку.

Повторила:

— Ты очень сильная, Драгунова. Ты справишься. Слышишь? Мы справимся вместе.

— Никакая я не сильная, — Соня подняла зареванное лицо. — Я так скучаю по маме, Лен... ты даже не представляешь! Ночами она мне снится — как я ее обнимаю, а потом она растворяется в тумане. Я тянусь к ней сквозь миры и не могу дотянуться. Не могу сказать, что я жива. Не могу даже просто увидеть... узнать, как она сейчас. Просто посмотреть хотя бы разочек... хотя бы один последний раз увидеть ее...

Мне надо было промолчать. Я должна была промолчать, но я не смогла. Не сейчас.

Покачив головой, я прижала подругу к себе крепко-крепко и произнесла:

— Я видела твою маму, Сонь. И ты тоже можешь ее увидеть.

Глава 26

Валентайн Альгор

Мертвые земли отравлены странным, ни с чем не сравнимым притяжением. У кого-то они вызывают панический страх — когда так и тянет оглянуться за спину, чтобы увидеть чудовище. Или сделать шаг, чтобы пересечь границу. У кого-то — желание биться в истерике, не все справляются с долгим присутствием тьмы в двух шагах от тебя. Кого-то приглашают в свои объятия, чтобы отравить своей бесконечной потусторонней сутью, кого-то заманивают, чтобы убить. Поэтому люди в Харонвилле зачастую теряются, сходят с ума, а иногда добровольно уходят с темными.

В его же случае Мертвые земли изначально были в его крови. Эта отравка, которая пропитала всю его суть, которая не давала наслаждаться жизнью, потому что с первых осознанных мгновений Валентайн буквально ходил по грани, готовый в любой момент превратиться в точную копию своего отца. Не секрет, что у темных нет браков, они не связывают себя никакими обязательствами ни с себе подобными, сколь бы именитыми наследниками рода не были драконессы, ни тем более с людьми, которых используют, как игрушки.

И все-таки он умудрился стать парадоксом. Завести ребенка от обычной женщины для Адергайна стало вызовом и очередным доказательством собственной силы. Темная магия, которая превратит сына обычной женщины в дракона — это ли не насмешка над остальными? Которые сотни зим стараются, усиливают свою кровь через древние линии. Тогда как само понимание, что Адергайн Ниихтарн способен обрести сильного наследника через забаву с простой человеческой женщиной, вторгалось в уклад жизни и мировосприятие вассалов отца неприятной правдой: одной капли его крови достаточно, чтобы кого угодно обратить во тьму.

У темных не бывает полукровок.

Уже тогда, будучи подростком, он испытал это на себе. То, что должно было взять над ним верх к тридцати зимам, обрело бы свою власть над его сутью гораздо раньше, если бы Валентайн не решил сбежать. На него ходили смотреть, как на забавного зверька. Им

восхищались, его ненавидели, его презирали — за глаза, разумеется, в Мертвых землях высказать неуважение наследнику Адергайна было равносильно смерти. На него даже делали ставки: он узнал об этом на показательной казни, когда о споре стало известно отцу. Ставки о том, какой уровень силы он покажет в следующем месяце.

Все это время он считал, что обречен на тьму.

Все это время он думал, что отец, играя с Прианой и заводя столь необычного наследника, коих темные в лучшем случае представляли бастардами, принимая в род на самых последних ролях только после окончательного слияния с темной сутью, бросал вызов всем, кто имел неосторожность сомневаться в его власти. Что для Адергайна это тоже было своеобразное развлечение. Для него, пресыщенного силой Верховного эрда, стремящегося к мировому господству.

Сейчас же...

Сейчас Валентайн начинал думать, что все это было им подстроено. Все, включая его побег. Включая зимы, проведенные в тюрьме в Даррании. Встречу с Леной. Ведь не будь в нем этой его человеческой части, их встреча никогда бы не состоялась. Или же была бы совершенно иной.

Сейчас Валентайн думал о том, что Адергайн создал и вырастил идеальный инструмент для осуществления собственной цели.

Оставался только один вопрос: какой?

И часть этой загадки ему предстояло решить сегодня, через взаимодействие с давно умершей Эвиль Ларо.

Поскольку все было официально, переходить границу он прибыл в гарнизон. Керуан и Ферган, давшие на это свое разрешение, ждали рапортов и докладов от военных, которые будут присутствовать при переходе и которые пойдут с ним на место проведения ритуала.

Первое, что он почувствовал — это то, как на него смотрят. Как на пресловутые Мертвые земли, кто-то с содроганием, кто-то — презрительно-холодно, кто-то пытался смотреть свысока, скрывая пробирающий до костей холод, но неизменно — с липким, неестественным любопытством. Из всех построившихся Валентайн отметил лишь двух парней, в которых почувствовал удивительное спокойствие и жесткую собранность. Ни капли наносного.

Их он и попросил представиться.

— Лэрд Змитт, — первым шагнул вперед молодой светловолосый парень. Очень молодой.

Человек.

Это ощущалось по уровню его магии, по запаху.

Второй оказался драконом. Выше первого парня на полторы головы, темноволосый. Породистый.

То, что надо.

— Лэрд Сайтанхорд.

— Пойдете со мной на место ритуала, — произнес Валентайн.

— Со всем уважением, архимаг Альгор. — Вперед шагнул военный, должность которого он оценил по нашивкам. Он смотрел на него и раздувал ноздри, явно недовольный тем, что приходится общаться с темным, да еще и что-то ему объяснять. — Кальварен Михт. Я бы рекомендовал вам выбрать...

— Ваши рекомендации мне ни к чему, кальварен Михт, протокол соблюден. Со мной на место ритуала отправятся два свидетеля, человек и дракон, с которыми я познакомился только сейчас. Оба они составят независимые друг от друга рапорты в присутствии наблюдающих в разных помещениях, где максимально точно опишут то, что будет происходить. Далее я бы хотел приступить к делу, поскольку уже темнеет, а мне еще нужно вернуться в столицу и составить собственный отчет. Подержите, лэрд Змитт.

Он сунул в руки светловолосого парня шкатулку.

— Что это? — немедленный вопрос от кальварена Михта.

— Кости Эвиль Ларо.

Парень побледнел, но не изменился в лице, и Валентайн мысленно улыбнулся. Все-таки с выбором он не ошибся, потому что в Мертвых землях не место тем, кто падает в обморок при мысли о темном ритуале. Что уж говорить о том, когда он начнется.

— Вы будете меня сопровождать, начиная от перехода границы и заканчивая прохождением через портал, — произнес он, заложив руки за спину. — Во время ритуала вы будете прикрыты двумя щитами, которые выстрою я: внешним — защищающим от любого нападения извне, и внутренним — которое не позволит тому, что я подниму, добраться до вас. Ваша задача отмечать каждую деталь, чтобы составить рапорт и донести его до руководства, а впоследствии до тэрн-арха и Верховного архимага. Задача ясна?

— Да, архимаг! — хором гаркнули лэарды.

— В таком случае выдвигаемся. Ваша работа уже началась.

До границы оставалось около четырехста шагов, но их по протоколу тоже нужно было пройти пешком. Лэарды шли следом, страха Валентайн не чувствовал, разве что легкое, исходящее от них напряжение. Особенно — от человека. Но это и неудивительно, если бы они сейчас оставались совершенно непроницаемыми, впору было бы заподозрить их в пособничестве темным.

Мертвые земли действительно отравляют. Однажды вкусив это могущество, попробовав темные заклинания и осознав их безграничную, дарующую власть силу, отказаться от него очень сложно. Вероятно, тот, кто содействовал Адергайну в истории с Лэйтором, давно испытывает сочетание света и тьмы на прочность. Испытывает крайне осторожно, выставляя на передовую других.

В частности, Хитара Равена.

До границы было не так уж долго идти. Но хватило, чтобы понять, что призрачный мясник говорил правду. Валентайн успел с ним пообщаться, и тварь Загранья рассказала о своих ощущениях, о том, что творится в предместьях границ с отцовскими землями. Тьма незримо присутствовала здесь, хотя усиленный светлыми барьер не мог позволить ей просочиться. Не настолько: она словно вползала в Дарранию сквозь землю, пропитывая каждую трещину, сочилась сквозь рыхлые поры и корни растений, растекаясь все дальше, дальше и дальше, пуская свои щупальца повсюду.

Это означало только то, что сила Адергайна растет. Растет настолько, что скоро его тело будет не способно вынести это могущество. Потому что пределы силы темных лишь в физической оболочке. Даже обернувшись драконом, он продержится пару-тройку зим, окунаясь в море Усопших и подпитываясь смертью.

Валентайн понял, что не ошибся, когда переход сквозь энергетический барьер дался легко, будто он просто перешагнул порог. Будь здесь сильная разница — а она должна была впитаться в кожу ледяным холодом, на уровне инстинктов, он бы это почувствовал иначе. Парни почувствовали бы это иначе, сейчас же лишь недоуменно переглянулись.

— Дальше идем порталом, — прокомментировал Валентайн. — Нам придется углубиться в Мертвые земли, чтобы провести ритуал как

можно быстрее. Щит, который я выставлю, не пробьет никто.

Кроме моего отца.

Он не стал этого говорить, да и ни к чему было. Если Адергайн появится рядом с ними, пробитый щит будет последним, что они увидят. Но он не появится.

Валентайн был уверен в этом настолько же, как и в своих чувствах к Лене.

Что бы там ни задумал отец, он его опередит. Он сделает все, чтобы разрушить его планы. Ради нее.

— Ваша задача: исключительно наблюдение, — он кивнул военным. — Никакой самодеятельности. Я почувствую любую угрозу, даже если буду глубоко в ритуале, поэтому еще раз — никаких заклинаний. Никакой светлой магии, она может нарушить выстроенные мной контуры, и последствия будут непредсказуемы. Все понятно?

— Да! — снова хором отозвались парни.

Без дальнейших проволочек Валентайн открыл портал, и они втроем шагнули в него. Вот здесь уже лэардов слегка замутило и повело, но это была нормальная реакция на такой переход. Не говоря уже о том, что шагнули они по одну сторону Бесконечного леса, а вышли у гор. Где по земле стелился пепельно-серый туман, а крошка тлена оседала на брюках и на ботинках.

— Начинаем, — коротко произнес он.

И принял из рук лэарда шкатулку с костями Эвиль.

Парень смотрел на него с некоторым любопытством, без излишней навязчивости, и это подкупало.

— Отойдите на расстояние десяти шагов, — произнес Валентайн и, когда лэарды подчинились, первым делом возвел внешний круг.

По выжженной земле, из растительности покрытой только цветами хавира — темно-красными, с серыми прожилками, от которых словно иней по поверхности листьев растекался, протянулась серебристая полоса, мгновением позже закольцевавшаяся и вспыхнувшая стеной, отгородившей их от любых обитателей Мертвых земель.

Второй круг — внутренний, полыхнул так же, надежно запирая его и то, к чему он сейчас собирался обратиться. Тишина, воцарившаяся в замкнутом магией пространстве, усиливала удары

сердец. Сейчас они звучали, будто их вытащили из груди и держали в ладонях.

Валентайн на мгновение прикрыл глаза, сосредоточившись на этом звуке, а потом погрузился в Загранье. Все глубже, глубже и глубже. Родственная тьме часть его существа откликнулась на это путешествие, как жаждущий воды путник. Отравленной воды. Валентайн отлично знал, какова цена прикосновения к такому могуществу.

Мир вокруг стремительно менялся, сначала просто утратил остатки красок, потом почернел, следом подернулся мертвенной дымкой заграничного тумана. Этот туман не имел ничего общего с тем, что знаком по осенним, весенним и летним проявлениям природы. Он змеился серебром, вспарывая пространство реальности и размывая сроки давности ушедших. Это была одна из граней перехода в безвременье, где можно увидеть все свои самые страшные кошмары или обнаружить тех, кто давно умер.

Где-то здесь обитала Эвиль Ларо, где-то здесь существовала ее остаточная суть. Та, кем она когда-то была. Последнее воспоминание, навсегда запечатленное в самом сердце Загранья. Уже не она, но ее память у этого существа определено была. И только ее память могла помочь.

Валентайн окончательно отпустил беснующуюся в крови тьму, откликающуюся на призыв, и мир вокруг изменился. Для лэардов все осталось по-прежнему, но он сейчас стоял среди черной мглы, в густом клубящемся мраке, где биение сердца казалось чем-то противоестественным, поэтому оно билось все реже. И еле слышно.

Нельзя оставаться наполовину живым, но именно так можно было описать состояния присутствия в Загранье. И, откинув крышку шкатулки, Валентайн произнес:

— Spmeiro Svaerde. Ethim Lmaano. Vertim Cuerde es Lagerrd Delimo. Vestra Hamin. Danyarde Omorno.

Мгла потянулась к шкатулке. К костям, словно они впитывали всю потустороннюю мощь. Мощь Загранья. Все больше клубов мрака наползало со всех сторон, окутывая останки Эвиль, пока, наконец, из глубины мрака — сверху, снизу, справа и слева, не донесся отчаянный, жуткий вопль.

По колебанию эмоционального фона Валентайн уловил, что лэардов все-таки пробрало, а учитывая, что они не могли видеть никаких изменений, только слышали его заклинания и то, что его притянуло, в этом не было ничего удивительного. Кости взмыли ввысь, закружили над шкатулкой. Для него — в клубящемся черном вихре, для лэардов — просто в воздухе. Визуальное проявление тьмы такого уровня способно было свести с ума, даже несмотря на то, что щит частично нейтрализовал воздействие происходящего.

Очертания фигуры, выстраивающейся из костей, поначалу были разрозненными, как если бы неумелый скульптор собирал свое творение из самых жутких кошмаров всех времен. Валентайн смотрел на вытягивающегося, дергающегося, нависшего над ним монстра без малейших эмоций. В Загранье любые эмоции не то что под запретом — их просто физически невозможно проявить. А даже если бы было возможно, на это проявление жизни: чувства, эмоции — слетелось бы столько тварей, что ему мигом стало бы не до разговоров.

Образ Эвиль соткался достаточно, чтобы начать разговор, и Валентайн посмотрел в пока еще провалы глаз стоявшего перед ним существа.

— Мне нужно знать, что ты сделала со своей дочерью, — без промедления произнес он.

Пока шкатулка — своеобразный магический артефакт, вместилище костей, была у него, воспротивиться ему существо не могло. Разумеется, оно расскажет всю правду, что знала Эвиль. И остается только надеяться, что этого будет достаточно.

— Ленор-р-р-р, — прошипело существо. — Ленор-р-р-р.

— Да, — подтвердил он. У существа уже сформировались глаза и отросли волосы, и сейчас оно было уже похоже на Эвиль. Настолько, насколько это возможно. Даже голубое платье дернулось, подхваченное заграничным потоком, как ветром.

— Она попала под воздействие темной магии. Я попала. Когда носила ее. Исследования показали, что моя Ленор отравлена темной магией, как Сезар Драгон. У меня была возможность их разделить. Единственная возможность разделить две стороны — свет и тьму, пока не начала формироваться личность — в момент рождения. Я сделала это.

Существо действительно считало себя Эвиль, хотя на самом деле таковым не являлось. Это был просто слепок ее сознания, но сейчас важно было то, что оно так считает. За счет темной магии и взаимодействия с останками.

— Ты пыталась уничтожить часть личности, наделенную темной магией? Отправила ее в другой мир?

— Да-а-а-а. Я не смогла ее убить, потому что она тоже была моей дочерью. Частью моей дочери.

Может быть, Эвиль Ларо была непричастна к нападению на Керуана, но то, что она сотворила с Ленор и с Леной было гораздо хуже. Самые страшные его опасения подтвердились: Лена и Ленор — две части одной личности. Точнее, теперь уже нет. Благодаря темной магии и манипуляциям Эвиль они — разные молодые женщины, вынужденные сосуществовать в одном теле, которое в равной степени принадлежит им обоим.

— Как это произошло? — холодно спросил Валентайн. — Как ты нашла тело, в которое смогла ее отправить? Темную часть новорожденного младенца.

— Я нашла заклинание, которое доработала, — существо неестественно широко распахнуло рот. — Во время моих родов часть личности должна была отделиться и попасть в умершего сразу после рождения младенца, пока еще был жив мозг.

Процесс переноса части сознания в момент смерти, когда уже перестало биться сердце. Валентайн отметил это для себя, вперив жуткий чернеющий взгляд в стоявшую перед ним некогда женщину. Он увидел собственное отражение в ее светлой радужке: чешуя, текущая по коже расплавленным, застывающим на глазах металлом. Глубина провалов глаз, в которых не видно зрачков.

— Ты была уверена, что это сработает. Почему?

— Я не была уверена наверняка. Я ученая, и знаю, чем теория отличается от практики. Но я проверила. Я наблюдала за тем, как растет вторая часть моей дочери. В хорошей семье. К сожалению, каким-то образом ее судьба оказалась связана с судьбой Ленор, и она начала повторяться в другом мире. Например, у нее должен был родиться брат в тот же день, что и наш с Симеоном сын.

Повторяющаяся судьба.

Смерть родителей Лены в тот же день, что и смерть Симеона и Эвиль?

— Они являются частью единого целого, и они оказались в одном теле. Что будет, если уничтожить одну из частей сознания?

Эвиль глубоко вздохнула. Точнее, судорожно дернулась, как если бы могла вздохнуть.

— У тебя не получится. Уничтожить светлую может только темная, и наоборот. Но эта смерть приведет к полному торжеству тьмы над светом. Даже разделенные мирами, они оставались связаны. Что уж говорить о том, что произошло после объединения в одном мире.

Валентайн мысленно выругался. Нет, он не предполагал, что все будет просто, но... Ленор — как светлая часть Лены? Это же парадокс. Лена — самая светлая женщина из всех, кого ему доводилось встречать. Самая светлая, самая добрая, самая невероятная.

Существо потянулось к нему, словно и впрямь старалось коснуться.

— Необязательно убивать кого-то из них. Они вполне могут существовать вместе.

— Как ты это себе представляешь?!

— Есть одно заклинание. Я готовила его для Сезара Драгона, на случай разделения. Еще до того, как мы поняли, что это невозможно, что может привести к безумию и самым непредсказуемым последствиям.

— Какое?

— Заклинание переключения. Это был вариант на время, в течение которого мы планировали отделять одну часть от другой. На несколько дней, чтобы не травмировать психику ребенка. На время, когда светлый Сезар управлял бы своей личностью, его темная часть выключалась бы и ничего не помнила. И наоборот. Это заклинание находится в архивах Фергана и копия — в подвале моего дома. В глубине погреба остался скрытый магическим активатором тайник.

— Что используется в качестве магического активатора?

— Кровь моей дочери.

Валентайн на миг замолчал. Ему надо было собраться с мыслями. Отправляясь сюда, он был готов ко всему, но, оказалось, все гораздо сложнее. Значительно сложнее, чем он предполагал изначально.

Усилием воли он заставил себя сосредоточиться. Каждое проведенное на такой глубине Загранья мгновение меняло его изнутри. По большому счету, единственным его якорем была Лена. Только Лена. Не будь этой силы внутри, он бы вышел отсюда Рэнгхорном Ниихтарном.

Сейчас же было жизненно важно уточнить еще некоторые моменты.

— Ты ставила на нее защиту. Почему? Темная защита принесла бы ей гораздо больше неприятностей, даже если бы спасла жизнь.

Как в случае с сетью Грихмира.

Существо совсем по-человечески вздернуло брови.

— Я не ставила ей темной защиты. Я отрезала ее от тьмы и ото всех своих экспериментов не для того, чтобы снова в это погрузить!

Значит, Адергайн.

— Кто помогал тебе с темными заклинаниями? Откуда ты брала сведения и данные для своих экспериментов? Для разделения личностей младенца? Для переноса ее в другой мир и отслеживания судьбы второй личности своей дочери? Это тьма, и Ферган Драгон явно не был заинтересован в такого рода исследованиях. Так откуда ты их взяла?

— Д... — Эвиль открыла было рот, но в этот момент внутри нее полыхнуло. Отдачей темного заклинания могло бы располосовать на части: сотни смертоносных черных лезвий врезались в мгновенно поставленный щит и рассыпались на части. Так же, как на части рассыпалась Эвиль.

И кости. Сквозь мерцание щита Валентайн видел, как оседает на землю уничтоженный чужим заклинанием и уже совершенно бесполезный прах.

Глава 27

Лена

— Пять основных признаков близости темной магии, готовой перейти в открытую стадию.

Взметнулся лес рук. Странно: раньше я такого на занятиях у Валентайна не замечала. А еще не замечала, чтобы адепки так откровенно на него пялились. Ладно бы просто пялились, некоторые, пренебрегая правилами Академии, расстегнули верхние пуговички на блузках и надели поддерживающее и увеличивающее белье. Мне, как женщине, это было заметно.

— Адепка Кэррин.

Девушка, к которой он обратился, потупила глазки, а потом произнесла:

— Простите, магистр, у меня все вылетело из головы. Переволновалась. Может быть, вы нам напомните?

Это вообще ЧТО?!

— Адепка Кэррин напишет развернутую работу на эту тему, подготовить которую нужно будет к следующему практическому занятию, — не меняясь в лице, сообщил Валентайн. — Среди желающих высказаться еще есть особы с провалами в памяти?

«Особы» немного поутратили энтузиазм, а я почему-то ощутила такое истинно женское удовлетворение. Хотя на меня Валентайн с утра не смотрел. Вот вообще. Просто пришел на занятие, окинул аудиторию взглядом, скользнув им по мне как по остальным собравшимся, и сразу перешел к делу.

С одной стороны, я его понимала: я тоже никак не прокомментировала его цветы. Даже «спасибо» не сказала. С другой, это было немного... обидно! Потому что я имела право на него злиться, а ему с чего? Это не я зажигала почти два месяца с моей ментальной злобной близняшкой (прости, Ленор, но как есть).

На самом деле после встречи с Соней я хотела поговорить с ним тем же вечером, но решила отложить до утра. Учитывая, что наши отношения пребывали в несколько подвешенном состоянии, заявляться к нему домой было бы опрометчиво. Не говоря уже о том, сколько там

осталось воспоминаний — и коротких счастливых мгновений, и изгаженных Ленор. Я рассчитывала, как и в прошлый раз, пересечься с Валентайном до занятий — поговорить о том, как важно Соне сейчас будет хотя бы на мгновение увидеть маму, но проспала.

А проспала из-за странных и диких ощущений: посреди ночи проснулась от холода и ощущения чьего-то пристального, скользящего по телу взгляда. Но, когда открыла глаза, рядом со мной никого не было, да и в целом в комнате было достаточно тепло, из чего я сделала вывод, что это просто кошмар. Из тех, кто переходят из сна в реальность, когда ты подскакиваешь на постели и думаешь, что все это было почти наяву.

После такого сложнее всего заснуть, я ворочалась, дергалась от каждого шороха, потеряла часа два-три бесценного сна, поэтому проспала даже побудку и вопли Эвиль, пытающейся меня разбудить. Правда, с третьего раза ей это удалось, поскольку ночью я ее надела после таких ощущений. На всякий случай. В результате эта вредная вириттина ужалила меня разрядом магии, а потом еще и сообщила, что это была крайняя мера.

В итоге я все равно осталась без завтрака, но к Валентайну не успела. Зато успела на первую пару. Темная магия. Мне этот предмет, конечно, не особо был нужен, но мы с ним еще в прошлом учебном году обсудили, что выделять меня из остальных еще и таким образом — не лучшая идея.

— Итак, — повторил Валентайн. — Пять основных признаков?

Рук стало поменьше, и я тоже подняла. Потому что я их наизусть помнила.

— Адептка Ларо.

Наконец-то его внимание ко мне вернулось. Хотя вернулось — это слабо сказано, он смотрел на меня в упор. Настолько в упор, что мне даже захотелось поинтересоваться: он меня насквозь пытается рассмотреть, то, что под блузкой, или я просто зубную пасту с лица забыла смыть?

— Первый: это ледяной холод. Ощущение, что резко похолодало, — произнесла я, не желая повторять опыт адептки Кэррин с рефератом. Зная Валентайна, с него станется, невзирая на лица.

— Что насчет холодных помещений и зимы?

— В холодных помещениях или зимой на открытой местности для этого существует второй существенный признак: ощущение чьего-то присутствия. Это происходит в связи с тем, что активируются слои Загранья, а там много чего обитает.

— Опасного, — с нажимом произнес Валентайн, не сводя с меня пристального взгляда. — Очень опасного. Не считая того, что само по себе проявление темной магии опасно. Третий признак?

— Ощущение несколько измененного сознания. Как будто ты застыл между сном и явью. Это может напоминать переходное состояние из кошмарного сна в... — я осеклась и сглотнула.

Да нет. Не может быть! Это что, дело в том, что сегодня ночью было то самое? Он поэтому на меня так смотрит?

— Продолжайте, адептка Ларо, — хмыкнул Валентайн. — Мы все ждем ваших глубоких познаний в области темной магии.

А вот это уже было форменное издевательство!

Начиная с того, что если ночью со мной было то, что было — то откуда он об этом знает? Да и вообще, я не драконий спецназ, у меня даже ознакомительных занятий по военке, которые будут на пятом курсе, еще не было! В смысле, я не из тех, кто спросонья вскакивает с постели в режиме полной боевой готовности.

— В реальность, — сухо закончила я. — Недолгое ощущение не то пробуждения, не то сна.

— Четвертое и пятое, — проигнорировал мои эмоции Валентайн, — уже финальные признаки скорой активации.

— Беспокойство и дикое желание спрятаться на уровне животных инстинктов. Следующий признак — это уже мгновения активации. Серебряные искры, едва различимые.

— Замечательно, — он почти оскорбительно-равнодушно от меня отвернулся, разом напомнив, каким засранцем умеет быть. — А теперь главный вопрос: почему все вышеперечисленное чаще всего бесполезно?

Руки снова потянулись вверх.

На сей раз Валентайн в упор посмотрел на Люциана:

— Послушаем вас, адепт Драгон.

— Потому что все это происходит в считанные мгновения, пять в одном.

— И адепт Драгон только что рассказал нам о том, что?..

— Темную магию невозможно зафиксировать до ее фактического проявления.

— О чем мы все с вами тоже знаем с прошлого года. Некоторые — лучше остальных, верно? — на меня Валентайн не смотрел, но я резко почувствовала себя неучем. — Что нужно сделать, чтобы защитить себя от ее проявления? Адептка Экторд.

Странно было видеть друзей Люциана отдельно от него: Милли, Невс, Лиллея и Дас теперь сидели вчетвером.

— Выставить ментальную и физическую защиту.

— Сначала ментальную?

— Сначала физическую. Потому что если ударят по телу, ментальная уже не потребуется.

— А если ударят ментально? Среди темных заклинаний очень много подчиняющих разум, и об этом я вам тоже рассказывал. Как быть в таком случае? Чтобы не превратиться в марионетку темного?

Милли слегка покраснела. Открыла рот, словно собираясь что-то сказать. Закрыла.

— Кто знает ответ на этот вопрос?

Я знала. Но связываться с Валентайном опять не хотелось. Его архимагическое величество явно было не в духе и врубило режим Отморозко, поэтому я предпочла помолчать.

Остальные тоже молчали. Возможно, эту задачку решила бы Соня, но ее освободили от занятий на неделю, ей требовались покой и полное восстановление. Хотя, если честно, для такого ее стоило бы освободить от Сезара, и об этом я тоже намеревалась поговорить. Правда, не с Валентайном. С Ферганом.

— Весь курс хочет написать работы с собственными исследованиями на эту тему. Замечательно, — кивнул Валентайн, и тогда Люциан снова поднял руку.

— Адепт Драгон?

— Исходя из имеющегося у меня опыта, я бы рекомендовал ставить сначала физическую. Потому что ментал всегда пробивается по слабым энергетическим контурам.

— Вы в этом настолько уверены? Иногда слабый ум приводит к разрушению тела.

По аудитории пронеслись смешки, но Люциан пожал плечами.

— Тело и сознание неразрывно связаны. Но чтобы пробить ментально, сначала нужно зацепить по телу. Все наши чувства и ощущения формируются в теле. Вряд ли получится возвести ментальную защиту, корчась от боли.

— Точно так же с вашим телом сделают все, что захотят, если перехватят ваш ум. — Валентайн сложил руки на груди. — Что именно в вашем случае, тэрн-ар, может привести к совершенно плачевным последствиям. Занимательно, что даже побывав на первой линии границы, вы так и не поняли, что первым подавляется сознание. Воздействие всегда происходит через сознание. Да, ощущения действительно зарождаются в теле, здесь не поспоришь. Но первым угнетается именно разум. Страх, бессилие, на которое накладываются заклинания, рождаются именно в нем.

— Позвольте не согласиться. — После нового заявления Люциана в аудитории стало настолько тихо, что, кажется, замерли даже камни, из которых была построена Академия.

Валентайн приподнял брови, а я мысленно выругалась. Если вспомнить, чем в прошлый раз закончилось противостояние этих двоих на занятии по темной магии, то...

— Вы хотите поспорить со мной на моем предмете, адепт Драгон?

— Как вы правильно заметили, — произнес Люциан, — страх и бессилие рождаются в разуме. Но реагирует в первую очередь тело. Я действительно провел достаточно времени на первой линии границы, чтобы понять, что тело значит не меньше, чем разум. Они взаимосвязаны настолько, насколько это возможно, и механизм построения защиты я бы выстраивал именно в таком порядке. Мгновения проявления — физическая защита, следующий миг — ментальная. Между активацией защитных схем должно пройти несколько мгновений, не больше. Но первым защищается физика. Потом — разум.

Какое-то время в аудитории продолжала звенеть тишина, потом Валентайн кивнул.

— Адепт Драгон только что избавил вас всех от необходимости писать работы к следующему занятию. Потому что — первое — защита физического тела в самом деле очень важна, если вам перекроют способность дышать, вы не сможете выстроить второй щит. Второе: ментальные заклинания всегда накладываются на физические,

чтобы выбить вас из равновесия, нарушить внимание и концентрацию. Третье: ментальная устойчивость зависит от гармонии и баланса вашего тела. Поэтому для любителей ходить на физподготовку только для допуска к остальным предметам у меня плохие новости. Четвертое: разбалансировка начинается с сомнений в себе, адептка Экторд. И адепт Драгон нам только что это наглядно продемонстрировал.

— Но вы... вы же магистр, — возмутился за сестру Нэвс. — Мы ориентируемся на ваше мнение. На ваш авторитет!

— Знаете, сколько у вас по жизни будет мнений и авторитетов, адепт Экторд? — насмешливо поинтересовался Валентайн. — Так вот, пятое: мгновения размышления и любое промедление может стоить вам жизни. Поэтому прямо сейчас мы с вами будем учиться ставить защиту. На практике.

По залу пронеслись возмущенно-взволнованные шепотки.

— Мы что, на боевой, что ли? — выдал Дас, за что заработал пристальный взгляд Валентайна.

— Программу утвердили без вашего ведома, адепт. Извиняться за это не буду. И, поскольку вы проявили инициативу, с вас и начнем. Спускайтесь ко мне, будем наглядно изучать то, что только что обсуждали.

Дас открыл рот. Потом закрыл. Потом демонстративно небрежно поднялся и спустился по лестнице к Валентайну. Все ощутило напряглись. Все, кроме меня и, кажется, Люциана. Я почувствовала на себе его взгляд, невольно обернулась. Он в самом деле смотрел на меня, и я поспешила вернуть все внимание Дасу. Я только-только успела выдохнуть, что Люциан с Валентайном обошли друг друга вниманием, не считая учебных моментов, и стать катализатором чего-то иного мне совершенно не улыбалось.

— Вернемся к телу, — произнес Валентайн, который сейчас стоял напротив Даса. — Вот перед нами адепт Ниргэм. Вроде бы спокойный, вальяжный, расслабленный. Но только на первый взгляд. Зная, что сейчас ему предстоит выстраивать защиту от темной магии, он уже в напряжении. Как это отражается на его теле? Даже по видимым признакам: плечи жесткие, тонкая линия губ. Внутри сжатая пружина. Что, по, сути, не хорошо и не плохо — когда мы готовимся к защите, наше тело становится напряженным. Да, страх рождается в разуме, но

блокирует он именно тело. А следом делает вязкими мысли. Вот такой интересный парадокс. Мы постоянно прыгаем из разума в тело и из тела в разум. Как подготовиться к защите, избегая излишнего напряжения?

Да, по сравнению с первым курсом, второй будет явно более насыщенным. Из аудитории все выползали слегка взмокшие — и я в том числе, хотя мы с Валентайном обрабатывали эти щиты. Но то ли дело было в том, что в моем случае он действовал быстрее — в смысле, проявлял темную магию: элементарную, конечно же, но пару раз я чуть было не пропустила потенциальную атаку. То ли в том, что я давно не практиковалась. Хотя кроме меня и Люциана ее пропустили все. Даже те, кто учился на военном.

— Поскольку теории сегодня не было, домашнее задание — отработка навыка выставления щитов с разрывом в несколько мгновений. Физический и ментальный, пока берем базу, к более сложным перейдем во втором полугодии.

Я нарочно копалась в сумке подольше, чтобы остаться с Валентайном наедине, но мой план обломился на корню. Адептка, которую наградили рефератом, копалась в сумке еще дольше меня, изредка кидая злобные взгляды то в мою сторону, то в сторону других копающихся. В итоге вся эта компания с разных концов аудитории ломанулась к нему, обступив со всех сторон и засыпая вопросами, одновременно подпирая пышными, у кого благодаря белью, у кого благодаря природе, бюстами.

Посмотрев на всю эту красоту, которую Валентайн не спешил отгонять, я перекинула сумку через плечо и вылетела за дверь. В конце концов, я еще опоздать могу! На свой любимый драконий язык, и вот уж тогда магистр Доброе утро отыграется на мне по полной!

Нет уж, спасибо.

Я пришла вовремя, и мой «любимый» магистр уже оказался на месте. Не преминув меня тормознуть, когда я шла к рядам.

— Адептка Ларо!

Пришлось тормозить.

— Да, магистр?

— Ваша критическая ситуация с языком не оставила мне другого выбора, кроме как назначить куратора, который будет с вами

заниматься и поможет подтянуть мой предмет хотя бы до простейшего разговорного.

Вот как у обычного магистра получается так говорить, что чувствуешь себя маленькой и ничтожной? Я чувствовать себя маленькой и ничтожной была не готова, поэтому расправила плечи и кивнула.

— Понимаю. Я уже занималась дополнительно с Софией Драконовой, и могу продолжить...

— Люциан Драгон.

— Что?

— Вашим куратором я назначаю Люциана Драгона, — сообщил Доброе утро. — Он изъявил желание исправить ситуацию, и я счел нужным поддержать эту инициативу. Поскольку мои уроки уже превращаются в юмористическое представление благодаря вам, заниматься будете каждый день после учебы и один раз на выходных. Дни можете выбрать сами, но отчитываться о результатах будете лично мне. Хотя я и так увижу все ваши результаты на занятиях. А теперь занимайте свое место, адептка Ларо.

Что там Валентайн говорил про тело и разум? Я сейчас буквально выросла в землю, точнее, в пол аудитории, потому что в здании парящей в облаках Академии до земли было далеко.

— Я могу сменить куратора? — уточнила я.

— Нет, — с явным удовольствием ответил магистр, заметивший мое замешательство.

— Но мне не комфортно будет заниматься именно с ним...

— Я здесь не для того, чтобы заботиться о вашем комфорте. Я здесь для того, чтобы вы заговорили на драконьем, адептка. Все. Это больше не обсуждается!

Я хотела возразить, но драконий рев не позволил. Вцепившись в сумку с такой силой, что ей грозило остаться без ручек, я зашагала к машущему мне Ярду. Раскаты драконьего рычания-звонка еще разносились по коридорам и учебным залам. И кто бы знал, насколько я сейчас была близка к тому, чтобы в точности так же эпично взрычать!

Глава 28

После занятий Драгон предсказуемо оказался возле аудитории. То есть после последней пары. Я даже не сомневалась, что он здесь будет, но сейчас этому искренне порадовалась. Во-первых, не надо бегать по всей Академии, чтобы его найти и популярно объяснить, что я с ним заниматься никаким языком не буду. А во-вторых, это сэкономит мне время и поможет застать Валентайна в его новом заместительско-ректорском кабинете. Не придется вечером идти в город с помощью портала.

— Как здорово, что ты здесь! — сообщила я Люциану, готовящемуся что-то мне сказать. От удивления драконопринц замер, а я воспользовалась моментом: — Потому что сейчас ты пойдешь к магистру Доброе утро и скажешь, что у тебя возникли срочные обстоятельства, и что ты не сможешь со мной заниматься.

— А, — понимающе кивнул он, опираясь локтем о стену рядом со мной. — Все в порядке. А то я уже подумал, что ты правда рада меня видеть.

— Ничего не могу поделать с твоими странными фантазиями.

— О моих настоящих фантазиях ты еще не слышала, Лена.

Я сдержалась. Даже не закатила глаза. Хотя все это мне здорово напомнило начало нашего общения, когда Люциан еще думал, что Ленор — одна из запавших на него дурочек (и в общем-то был прав), вот только я была не Ленор. Правда, сдуру тоже на него запала. Чего не сделаешь в режиме отчаяния.

— Хорошо, что мы все решили на берегу, — кивнула я и собиралась его обойти, но Люциан легко оттолкнулся от стены. Я бы сказала, спружинил, напомнив мне о моей же собственной ассоциации — драконокот, и покачал головой:

— Нет.

— Что — нет?

— Я не откажусь от занятий с тобой. Ты можешь на них не ходить, но тогда тебе придется объяснять своему магистру, что происходит, и почему у тебя нет прогресса. Возможно, впоследствии объяснять придется и в ректорате. Говорят, он тот еще засранец.

Когда он начинал говорить словами из моего мира, я почему-то представляла его в нашей реальности. Люциан из нашей реальности не отпускал волосы, зато носил черную кожаную куртку поверх растянутой майки с какой-то хулиганской надписью, джинсы, которые едва держатся на костяшках бедер, и брендовые кроссовки. Поймав себя на этой мысли, я сначала слегка офигела. А потом подумала: какого я вообще представляю его в моем мире?

— Ты опять? — спросила я, стряхивая странное наваждение.

— Что опять?

— Опять за старое. Шантаж и прочие прелести.

Люциан нахмурился. Впрочем, тут же расслабился:

— Это не шантаж. Это искреннее желание помочь тебе с драконьим языком.

— Искреннее. Желание. — Получилось как всегда саркастично.

— Искреннее не бывает. И если бы ты перестала искать подвох в каждом моем действии, ты бы это увидела и поняла сама.

— Как я могу не искать подвох?! Я просила тебя не усложнять мне жизнь, учитывая, что ты в курсе моей ситуации, тебе тоже должно быть все понятно!

— Как могут усложнить жизнь занятия драконьим языком?

— Потому что они с тобой!

— А что со мной не так? С Соней же ты занималась.

— Соня моя подруга!

— И что? Я твой друг. Или хочу им стать.

— Люциан! — чуть не взвыла я. — Давай называть вещи своими именами! Ты никогда не хотел быть моим другом! Ты всегда хотел затащить меня в постель, ты трахнешь меня — и успокоишься. Только тогда ты успокоишься!

— Проверим?

Вот теперь я натурально взрычала:

— Все! Поступай как хочешь. Можешь прямо сейчас пойти к магистру и сообщить, что я не буду с тобой заниматься! Мне наплевать. Дай пройти!

Десять раз мне дали пройти.

Люциан шагнул в сторону, куда качнулась я.

— Между прочим, своей эмоциональностью ты привлекаешь гораздо больше внимания, чем если бы просто пошла со мной

заниматься.

Я открыла рот, чтобы высказать ему все самое любезное, что пришло мне в голову, и тут же его закрыла. Потому что Люциан был прав: на нас опять смотрели, какие-то девчонки уже перешептывались и хихикали. Надеюсь, по Академии не пойдут слухи, что я выясняю отношения с Драгоном-младшим, потому что выяснять нам нечего! И это совершенно точно будет чересчур.

— Я не хочу с тобой заниматься, понятно?

— Почему?

Да что он пристал-то! Почему-почему.

— Потому что!

— Просто объясни. Тогда я пойду к магистру, и сам откажусь.

Объяснить? Хорошо!

— Потому что ты мне не друг и никогда им не был! Потому что мне опасно находиться рядом с тобой! Потому что я...

— Не друг — тогда кто я тебе, Лена? — На этот раз он качнулся ко мне, я не успела отпрянуть. И вдруг на ужасающе короткий миг поняла, что меня все еще не отпустило. Что это вот все, вся моя обида, разочарование, мелькнувший перед глазами золотой хлыст, и в то же время все наши мгновения — первый поцелуй, штраф на Алой площади, его объятия в замке отца, уютные обнимашки у него в комнате, мгновения, когда он меня спасал — все это настолько живо, настолько ярко, что мне действительно опасно рядом с ним быть.

— Пусти! — разозлилась я. — Пусти немедленно!

— Я тебя не держу. — Его раскаляющийся взгляд словно сливался с моим, а его пальцы едва касались моей ладони.

Он правда меня не держал.

— Пропусти, — старательно сдерживая эмоции, отчеканила я, и на этот раз мне удалось его обойти.

Я шла по коридору, ускоряя шаг, едва справляясь с желанием сорваться на бег, чтобы вылететь отсюда пулькой. Только этого мне на самом деле еще и не хватало! Вот правда. Ну что за...

Я опомнилась, уже шагая по парку. Быстро, возможно еще быстрее, чем в Академии, но на этот раз потому, что хотела успеть поговорить с Валентайном. Мне жизненно необходимо было поговорить с Валентайном! И не только о Соне, я хотела оказаться рядом с ним, чтобы вспомнить все свои чувства по поводу Ленор.

Пусть лучше мне будет больно, чем я буду думать про Люциана, потому что... потому что это неправильно!

Он меня ненавидел.

Он собирался меня уничтожить.

Сначала боевой магией, потом раздавить морально. Когда шантажировал Максом.

Почему-то на этом моменте на глаза навернулись слезы, я быстро стерла их рукавами, пока никто не увидел, пока не начался водопад. У меня сейчас проблема поважнее: раздвоение личности, а я тут раскисаю по поводу прошлого. Нашла время!

Валентайн, к счастью, оказался на месте.

— Рад тебя видеть, Лена, — произнес он.

— Неужели? Я вот особой радости на занятии не заметила!

Поймав себя на мысли, что сейчас веду себя как какая-то истеричка, только судорожно вздохнула и плюхнулась в кресло.

— Нам надо поговорить. По поводу Сони.

Валентайн приподнял брови, но тут же накинул заклинание тишины.

— Соня подождет. Нам надо поговорить по поводу того, что я узнал от Эвиль.

— А... ты... — Я мигом вытряхнулась из всех своих переживаний и попыталась подобрать слова. С третьей попытки у меня это получилось: — Ты был в Темных... Мертвых землях?

— Да. Был. Но сначала по поводу занятия. Я почти не вижу тебя, и это сводит меня с ума. Буквально. Сегодня ночью к тебе приходил я, и был ужасающе близок к тому, чтобы сделать тебя своей просто потому, что я так хочу. Этот ритуал разбудил в моей крови того, кем я на самом деле являюсь. Я сдержался только потому, что это ты, Лена. Ты мой свет. Ты напоминаешь мне о том, кем я хочу быть. Но ты не поставила защиту, как я тебя учил. Хотя все признаки проявления были. Почему ты не поставила защиту? Хотя я тебе неоднократно говорил, что одно мгновение промедления может обойтись очень дорого?

Он говорил все это, а я чувствовала, как у меня сжимается сердце. Просто потому, что я тоже по нему скучала. Мне тоже было плохо без него. Я не давала себе думать об этом, занимая себя всем чем угодно, но это не отменяло моих чувств!

— Ты злился на меня из-за этой защиты? — уточнила я.

— На себя. Я злился на себя, Лена, потому что каждый раз, когда я смотрю в твои глаза, я думаю, что я подвергаю тебя опасности. Вчера я ходил по краю, когда наблюдал за тобой через слои Загранья.

— А я думала, из-за цветов, — зачем-то сказала я.

— Из-за цветов?

— Ну да. Ты их прислал. Я никак не ответила...

Валентайн поднялся из-за стола столь стремительно, что я не успела вздохнуть. Приблизился ко мне, опустившись рядом со мной на колени, порывисто меня обнимая и притягивая к себе.

— Я схожу без тебя с ума, — тихо произнес он, — я схожу по тебе с ума. Всю свою жизнь я считал, что чувства — это слабость, что подпускать к себе кого бы то ни было так близко — глупость, и глупость непростительная. Но сейчас, рядом с тобой, я чувствую себя как никогда счастливым. Только рядом с тобой. Возможно, тебе кажется, что это звучит фальшиво — после того, что произошло с Ленор, но это действительно так. Я ухватился за возможность быть рядом с тобой, не думать ни о чем, и я совершил ошибку. Страшную ошибку. Но я хочу все исправить, и я надеюсь, что ты дашь мне такую возможность.

Валентайн отстранился, но переплел наши пальцы, глядя мне в глаза.

— Ты позволишь мне все исправить, Лена?

Что ответить? Как ответить?

Никогда не думала, что окажусь в такой ситуации! Но, если честно, я раньше никогда не думала, что окажусь в другом мире, и вроде ничего, справляюсь. По крайней мере, вот уже год здесь живу, и все хорошо. Относительно, но хорошо. Нечего наговаривать, Лена. Так что...

— Мы договаривались, что вернемся к этому вопросу после решения вопроса с Ленор, — ответила я. Руку отнимать не стала.

Валентайн тяжело вздохнул. Поднялся. Но мои пальцы так и не отпустил.

— Да. Ленор, — произнес он. — Ты готова слушать?

Готова ли я?! Да разумеется! Уверена, даже Ленор там засуетилась, хотя вида не показывала. Точнее, голоса не подавала. К

счастью. Мне хватило «репетитора» по драконьему и, что-то мне подсказывало, предстоящих новостей тоже хватит с головой.

Как же я оказалась права!

И как же я хотела бы ошибиться...

Сказать, что у меня был шок — значит, ничего не сказать. После того, как Валентайн закончил рассказ, в течение которого я все время молчала, я молчать продолжила. Переваривала. Всю-всю-всю информацию. Я называла Ленор ментальной близняшкой, вот только она оказалась вообще частью меня. Мы действительно изначально были единым целым. Мы должны были быть единым целым! Если бы Эвиль ничего не сделала, родилась бы первая в мире женская версия Сезара Драгона, да к тому же еще и человек. Первая и единственная, я бы стала неведомой зверушкой очень быстро. Мы бы стали. Мы.

Так что с одной стороны Эвиль понять было можно, а с другой — не очень. Сидя в кресле, я пыталась осмыслить случившееся, в частности, тот факт, что мои родители не были моими родителями. Их дочь умерла при рождении, а ее место заняла я. Еще и эта связь судеб, когда у меня должен был родиться брат, а мама с папой погибли, когда погибли Симеон и Эвиль...

— Лена, — позвал Валентайн. — Скажи хоть что-нибудь.

Я только сейчас поняла, что пальцы наших рук все еще сплетены. Валентайн сидел на краю стола, я в кресле, поэтому они протянулись между нами как канат. Наши руки. Канат, за который я сейчас держалась.

С губ сорвался нервный смешок.

— Ну что я могу сказать... Как ученая и верноподданная Даррании она сделала отличный тактический ход, но как мать она, простите, полное днище.

Валентайн усмехнулся, но тут же снова стал серьезным.

— Разделить нерожденного ребенка?! Реально?! — я глубоко вздохнула.

Тут уже вздыхай не вздыхай, но что сделано то сделано.

— Она разделила вас в момент родов.

— О да. Это многое меняет.

Не знаю, что меня злило больше. То, что эта, с позволения сказать, ученая, сунулась беременная в эксперименты с темной магией, или то, что она разрушила мою жизнь — дважды, между прочим! В первый

раз, когда отправила меня в другой мир, а во второй — сейчас, когда мои родители перестали быть моими родителями. Я отпустила руку Валентайна и вскочила. Он тоже стремительно поднялся.

— Ненавижу ее! — выдохнула я.

— Имеешь полное право.

— Имею... имею! Зачем ты все это мне рассказал?!

— Ты предпочла бы остаться в неведении?

— Да! Нет! Не знаю... — Я сдвинула виски ладонями, а Валентайн приблизился и осторожно привлек меня к себе.

— Лена, правда не всегда бывает красивой, но она всегда приносит облегчение.

Серьезно?! Мне вот сейчас ничуть не легче! Потому что мы с Ленор стали двумя разными личностями, которые заперты в одном теле. В нашем общем теле! Теперь уже понятно, что оно мое ровно настолько же, насколько и ее, но мы — две совершенно разные девушки! С разными чувствами, с разными (насколько это возможно) судьбами, нас не связывает ничего, кроме этой дикости!

«И любви к Люциану», — раздалось в голове.

Вот тут я уже зарычала в голос.

— Уймись! — рявкнула так, что Валентайн приподнял бровь. — Это я не тебе! Ленор пришла, и у нее сезонное обострение.

А хуже всего то, что ничего поделать с этим нельзя! Ну то есть как... я могу с этим что-то поделать, убить ее, например, и стать темной. Но у меня проблемка: даже если бы мне не грозило стать темной, я никого убивать не хочу, даже такую заразу как она! Существенная проблемка, я бы сказала. Не знаю, что со мной не так, я, наверное, какая-то бракованная темная.

— Лена, Эвиль знала, что тебе не дадут жизни, если станет известно о темной сути. А скрыть такое вряд ли бы получилось.

— Знаю! Знаю! — я вывернулась из его рук. — Но уехать в глушь куда-нибудь можно было! А она любила свою карьеру настолько, что...

— Ее муж был архимагом. Куда бы она уехала?

— Не знаю. Куда угодно. Если бы речь шла о моей дочери, я бы никогда, в жизни бы так не поступила!

— Ты же знаешь историю Сезара. Он умеет держать контроль только благодаря моему обучению. Что обычные люди, даже очень сильные маги, делали бы с маленькой необученной наполовину

темной? Но даже если отбросить этот момент... а точнее, нужно отбросить этот момент, потому что я уверен, что дело не только в нем.

— А в чем еще?

— Помнишь, что произошло с Эвиль, когда я спросил ее о помощнике с темной магией? Остатки ее памяти разрушило заклинание, не позволившее продолжать разговор. Кто-то должен был его поставить. Подозреваю, что ей не дали бы уехать, что за ней следили, и ее необычный ребенок оказался бы под угрозой с самого момента рождения. Еще я считаю, что этот кто-то связан с Хитаром и помогал ему подставить твоих родителей. Как раз потому, что Эвиль о нем знала.

Во мне кончились слова. Все, что я смогла сделать — это развести руками и усесться обратно в кресло. Да уж, весело, ничего не скажешь.

— У тебя уже есть идеи, кто это мог быть?

— Мне нужно проверить одну теорию, но давай пока вернемся к Эвиль и Ленор. Что ты решила?

Как там говорилось про девочку, которая ничего не хочет решать, а хочет платье? Я даже платье уже не хочу! Хочу, чтобы этот бред закончился, но — сюрпри-и-и-из! Он не закончится, потому что мы теперь с Ленор вместе навсегда. На веки вечные. То есть не вечные, разумеется, потому что даже темные относительно смертны, но суть ясна. Ходить нам в одном биоскафандре всю оставшуюся жизнь.

Занавес.

«Можно я скажу?» — подала у меня в голове голос Ленор.

Вот надо было прочесть ту книжку, которую Соня читала про Билли Миллигана. Может, сейчас было бы больше понимания по ситуации.

— Ленор хочет сказать, — сообщила я Валентайну. — Вообще, поскольку все обстоит так, как обстоит, я считаю, что она имеет право голоса на равных со мной. Так что...

— Не вздумай уходить, Лена! — По скулам Валентайна зазмеилось серебро, обрисовывая чешую, и Ленор пискнула:

«Я не собиралась перехватывать управление! Я просто сказать хочу!»

— Говорит, что не претендует на тело. Просто хочет сказать.

«Вообще-то я претендую. Но пятьдесят на пятьдесят. День ты, день я, если надо будет ради чего-то поменяться, меняемся».

График работы сутки через сутки, шизофрения и раздвоение личности включены в соцпакет. Оплата — нулевая, вам еще самим придется доплачивать психологам.

Я едва сдержала смешок, как верный признак надвигающейся истерики.

— Я с ней согласна, — сказала Валентайну. — Пятьдесят на пятьдесят. Мы не имеем права держать ее взаперти. Она...

Я чуть не сказала «тоже здесь живет», но вместо этого добавила:

— Представь, что на ее месте оказалась бы я. Как бы ты хотел, чтобы поступили со мной?

На его скулах чешуи стало больше, а еще заиграли желваки.

— Серьезно, Валентайн. Положение безвыходное. Нам придется смириться...

— Я найду тело.

— Здоровое, молодое тело, из которого «внезапно» уйдет жизнь? — я вздохнула. — Все, что мы можем — это повторить трюк Эвиль, когда у кого-то родится малыш, нежизнеспособный ребенок. Но прости, это слишком для меня, во-первых, сама суть. А во-вторых, с моим взрослым сознанием гулить и сучить ножками — первый шаг к безумию. Так что нет. Никаких больше тел. Хватит с меня.

— И как ты себе это представляешь? — поинтересовался Валентайн, хищно раздувая ноздри. — Сегодня ты, завтра она? Что будет с нашими отношениями? С нашей жизнью? Что будет, когда она тоже влюбится?

Да она уже... Я подавила мысль, закидала ее тухлыми помидорками и отправила подальше на свалку сознания, пока до нее не добрался Валентайн. Через нашу восстанавливающуюся связь.

— Знаешь, я так далеко не загадываю. Но вот у нас есть ситуация, и с ней надо как-то жить. Во-первых, надо найти то заклинание, о котором говорила Эвиль. Я не хочу подсматривать за ней и не хочу, чтобы она подсматривала за нами. Важное — то, что нужно помнить, будем записывать либо на виритту, либо в дневник. Чтобы не проколоться, ну, например, если с кем-то о чем-то договорились на занятиях и так далее. Во-вторых, я хочу, чтобы у меня была нормальная жизнь. Насколько это возможно. Поэтому надо просто принять этот факт, и идти дальше.

Я говорила вслух, но на самом деле я говорила с собой. Хотя внутри меня кивала соглашающаяся Ленор, а напротив стоял Валентайн, я уговаривала именно себя. Что все будет хорошо. Что я смогу так жить. Что я смогу с этим справиться. Просыпаться — и не помнить предыдущий день. Не знать, что там начудила эта чудила. Прости, Ленор, но чудила ты достаточно.

«Я, между прочим, тоже за то, чтобы мы жили долго и счастливо», — обиделась та.

«Большой дружной шведской семьей?»

«Давай жить с Люцианом, и никакой шведской семьи не будет!»

Я поперхнулась, закашлялась и мысленно выдала Ленор новую лексику из мира своего временного пребывания.

«Шведская семья — это уже твое присутствие», — подвела итог я.

«Это не шведская семья, это *ménage à trois*».

«Иди ты в баню со своими идеями», — посоветовала я и «отключилась».

— Лена, я найду способ вас разделить. Просто дай мне время, — судя по относительно спокойному выражению лица, Валентайн наш разговор не слышал. И то ладно.

— Хорошо, — покорно согласилась я.

«А давай я буду заниматься с ним драконьим языком? По своим дням?» — раздалось в голове.

Я ее проигнорировала.

— Хорошо?

— Да. Хорошо. Но сейчас нам надо сделать так, чтобы у нее тоже была возможность жить.

И может быть, она переключится с Люциана на того, кто действительно будет ее ценить и любить.

«Ну ты и стерва», — прозвучало в мыслях.

Так я темная. Мне положено.

— Ты в этом уверена, Лена? — Валентайн внимательно посмотрел на меня. Он так часто называл меня по имени, словно боялся, что я его забуду или забуду, кто я такая. Или решу окончательно сдаться и подарить Ленор тело навсегда.

Ничего подобного.

Я просто знала, что не смогу жить спокойно, пока внутри меня заперта такая же девушка, как я. Которая имеет в точности такое же

право на жизнь.

— Уверена. Найдешь способ нас разделить — я буду счастлива. А пока сделаем так.

Он плотно сжал губы, словно собирался возразить, но ничего не сказал. За что я была ему искренне благодарна. Приблизившись к нему, взяла его руки в свои и посмотрела Валентайну в глаза. Так, как не смотрела уже очень давно. В темной глубине вспыхивали и гасли серебряные искры. Я видела в его глазах свое отражение и видела в них его чувства. Те, что были и во мне тоже.

— Да, — ответила я. И в ответ на его немой вопрос добавила: — Да, Валентайн, я согласна, что нам надо все исправить.

Глава 29

— Ты — кто? — переспросила Соня, глядя на меня во все глаза.

— Темная. Половина. — Я подумала и добавила: — Когда-то целой личности. То есть если бы Эвиль не надумала все это сделать, я была бы как Сезар. Она была бы как Сезар... Но если говорить откровенно, не ее, не меня не было бы, был бы кто-то другой. Просто по имени Ленор.

Подруге уже разрешили вставать, поэтому сегодня мы встречались в удивительно светлой гостиной. Она была в кремовых и персиковых тонах, на удивление нежная, девичья. Обивка мебели — в цветочках и птичках, и это контрастировало с тем, что я только что о себе узнала так яростно, что временами начиналось казаться: я лишняя в этом царстве кремово-ягодной ванильки. Хотя по ощущениям, я лишняя везде.

Мать решила, что я причиню очень много проблем и выкинула меня из тела к лозантировой бабушке. Хотя какая она мне мать... моя мама погибла вместе с отцом. Других у меня не было, и не надо. Несмотря на все то, что я только что узнала.

— Это... это... — Соня пыталась подобрать слова, я же пожала плечами.

— Да. Это именно то, что ты подумала, — судя по выражению лица лучшей подруги, подумала она нецензурно.

— И что ты собираешься делать?

Я рассказала.

Глаза у Сони стали еще больше:

— Лена, но это же... ты не должна ей уступать! Это твое тело в точности так же, как и ее! Я не хочу, чтобы она тебя вытесняла!

— Мое. Но и ее тоже. — Я устала спорить на эту тему даже с собой, поэтому сейчас получилось равнодушно.

Потянувшись за ранхом, я отпила терпкий чуть горьковатый напиток с какими-то местными травами. Элитный, разумеется, какой еще может быть в доме тэрн-ара и его жены. Соня ко мне не присоединилась, она просто моргала, пытаясь осмыслить сказанное.

— Не думай, что я забыла про маму. Поговорю с Валентайном сегодня, после того, как наведаемся к Максусу и заберем то, что поможет нам с Ленор существовать в одном теле, не предаваясь вуайеризму.

Подруга покачала головой:

— Максусу ты тоже расскажешь?

Я закрыла лицо ладонями, словно пытаюсь спрятаться.

— Нет, — сказала, убрав их, — по крайней мере, не до конца. Мы еще не придумали, как это сделать так... не вываливая правду. Ну то есть про эксперимент Эвиль мы расскажем, про то, что она сделала. А потом, как-нибудь осторожно, когда будет наилучший момент...

— Для такого не бывает наилучшего момента, Лен.

— Да знаю я. Но мы слишком долго молчали. Получается, не только я теперь, но и Ленор. Лично я не хочу сделать ему больно. Не хочу, чтобы он почувствовал себя преданным.

Соня вздохнула и снова покачала головой:

— Не верю. Может, это какая-то ошибка? Может, темная она, а не ты?

— Да какая вообще разница?

— Разница есть! Я знаю тебя с детства, Лена! Ты умеешь за себя постоять, но ты никогда никому не делала гадостей, не была подлой. Какая же ты темная?

Бракованная.

— В нашем мире нет магии. Думаю, Эвиль на это и рассчитывала, когда отправляла меня именно туда. Там, где нет магии, тьма не может проявиться.

Соня язвительно расхохоталась.

— Вот уж тут я бы поспорила бы.

— Да и потом, насколько я поняла, тьма не проявляется как способность делать гадости. Темная магия — это о том, что стирается понятие между добром и злом. Примерно как у маньяков и серийных убийц, у них там что-то с мозгами происходит, и у них отсутствует сострадание и прочее. То есть им пофиг на боль других, у них такой... особый склад ума.

— Хочешь приравнять себя к маньякам и серийным убийцам? — Соня вздернула бровь.

— Нет. Не хочу. Ты просто не понимаешь... вот в нашем мире не было темной магии, в нем вообще не было никакой магии. Поэтому то,

что было в моей крови, а точнее, в моей сути — кровь-то у меня в том теле вообще была ни при чем, не могло на меня воздействовать. Когда я познакомилась с Валентайном, только-только, он действовал, как... совсем по-другому. Ему было плевать на мои чувства. На то, как и что он говорил и делал. Понимаешь? Он даже о твоей смерти сообщил так, будто ты для меня ничего не значила. Потому что для него это было... ну, просто никак.

— А сейчас все изменилось? — Она все-таки вспомнила про свой ранх и потянулась к чашке. Из открытого настежь окна в дом врывалось тепло: я уже в который раз задумалась о том, что осень в Даррании приходить в этом году не собирается. Да, световые дни стали короче, но менее жарко не становилось. Словно кто-то растянул местный август и перекинул его на новый учебный год.

— Изменилось. Почти, — я пожевала губы. — Думаю, да. По крайней мере, он понимает, что я сейчас чувствую. Хотя когда это произошло с Ленор, мне показалось, что...

Я на миг замолчала, но Соня не спешила мне помогать.

— Что ему все равно, — подвела итог я. — Но потом я поняла, что нет. Он просто по-другому видит этот мир и по-другому выражает свои чувства. Не всегда у него получается, но сегодня... сегодня он говорил со мной так...

— Уверена, что можешь ему доверять?

Вопрос Сони поставил меня в тупик.

— О чем ты? Разумеется, я могу ему доверять. Он сделает для меня все. Он даже пошел в Мертвые земли ради меня.

— Ради тебя или ради себя? — Соня вернула чашку на блюдечко и сложила руки на груди. — Знаешь, до всей этой истории с Ленор я ничего тебе не говорила, Лена. Но теперь я просто не могу молчать. Сезар наполовину темный. Только наполовину. А твой Валентайн — сын Адергайна Ниихтарна. Уверена, что он остановится, если что-то пойдет не так, как он хочет?

Я даже дара речи лишилась, а подруга продолжила:

— Пойми меня правильно. Я просто не хочу, чтобы ты оказалась в такой же ситуации, как я сама. Или в гораздо, гораздо более худшей.

Нет, ну нормально вообще, а?

— Валентайн никогда не причинит мне вреда, — жестко отрезала я. Пожалуй, даже жестче, чем собиралась. — Не думаю, что нам стоит

продолжать это обсуждать.

— Можем не обсуждать, но не говори, что ты об этом не думала.

— Вообще-то не думала, — сказала я. — И не собираюсь.

Соня пожала плечами.

— С твоей стороны очень интересный момент, что ты хочешь просить его о помощи, чтобы увидеть маму, а потом говоришь такое, — я неожиданно разозлилась и поднялась. — Знаешь, я, пожалуй, пойду. Мне надо еще разобраться с тем заклинанием, о котором говорила Эвиль.

Не дожидаясь ответа, я сбросила *Cubrire Silencial*, но Соня все равно успела добавить:

— По-моему, тебе надо разобраться с собой, Лена.

Разобраться с собой — это вот именно то, что мне нужно. Учитывая наличие Ленор. Но то, каким тоном это было сказано и с каким подтекстом, выбесило окончательно.

— Спасибо за заботу, — с трудом сдерживаясь, ответила я. — Но если у вас с Сезаром случился кошмар, вовсе не обязательно кошмарить всех окружающих. Особенно меня. Я этого точно не заслужила!

— Это я тебя кошмарю?! — Соня вскочила, задев столик, и чашки с блюдами на нем жалобно дзынькнули. — Это ты не хотела со мной говорить из-за того, что я в тебе не признала Ленор! Которая, на минуточку, оказалась второй твоей частью, а еще при этом мы виделись всего три раза!

— И я, кажется, попросила за это прощения!

— Конечно, у тебя все просто. Прощения попросил — и проехали!

Я прищурилась.

— Не проехали? Ладно! Когда перебесишься, ты знаешь, как меня найти.

Я вылетела за дверь вовремя, потому что, кажется, в меня полетела чашка. Ну то есть в дверь. По крайней мере, за моей спиной о нее что-то ударилось и со звоном разбилось. Если честно, я сейчас была на таком взводе, что понимала: ушла вовремя. Вовремя! Хотя нет, надо было сразу уйти. Сразу, как только она сказала все это про Валентайна! Потому что... нет, ну надо же вообще было такое придумать?

Да самоконтролю Валентайна только позавидовать можно! Он не далее как вчера проводил темный ритуал в самом сердце Мертвых земель. Даже смотрел на меня из Загранья, но на минуточку — даже ко мне не прикоснулся! Хотя мог. Мог все, и даже больше!

Продолжая кипеть, я дошла до холла, где мне открыли портал прямиком в дом Валентайна. Ну или в наш: по крайней мере, до случая с Ленор я считала, что он стал нашим. Сейчас же настроение испортилось окончательно, и еще больше — когда Кэмми, горничная, мне сообщила, что Валентайн занят архимагическими делами во Дворце правления и вернется позже.

На самом деле я и сама рассчитывала вернуться позже, но не задалось.

«Может, драконьим языком позанимаемся? — поинтересовалась Ленор. — Чтобы времени зря не терять?»

А этой только бы языком позаниматься! С Люцианом! Драконьим, ага.

— Нет! — рывкнула я, устраиваясь на кровати в своей комнате. Заправленной, застеленной и вообще выглядящей как в музее или в фотостудии.

«Почему — нет?»

— Мне еще и тебе объяснять?

— Ему ты так и не объяснила, между прочим, — насмешливый голос Ленор в голове повторно чиркнул спичкой по начинающему затухать раздражению.

— Не объяснила, потому что не обязана! В том числе и тебе.

— Или потому, что ты боишься оставаться с ним наедине.

Что-о-о-о?! Похоже, Соня и Ленор, не сговариваясь, решили довести меня до ручки.

— Можешь тешить себя этой мыслью, — фыркнула я.

— А ты можешь тешить себя мыслью, что тебе все равно, — не осталась в долгу она. — Если было бы все равно, ты бы не сбегала от такой возможности. Предложи тебе, например, позаниматься Ярд — чтобы не попадать под плохое настроение магистра Доброе утро, например, да ты бы побежала, волосы назад. Сомневаюсь, что тебе нравится, что тебя каждый раз тыкают в незнание времен. Хотя нет, даже не сомневаюсь! Тебе не нравится! А вот то, что ты шарахаешься от Люциана — это факт. Вопрос в том, почему?

В Соню хотя бы чашкой можно было кинуть. Я, конечно, не кинула, но можно же было! А чем кидаться в Ленор? В смысле, как в нее кидаться, когда она — это я?

Стойте-ка... она — это я? Мы две части единого целого...

— Уверена, что это не ты транслируешь мне свои чувства к Люциану? — уточнила я.

— Ага-а-а! Значит, чувства все-таки есть?

— Да! Желание от него избавиться, — я сложила руки на груди. Но теория меня заинтересовала, я прямо-таки загорелась тем, чтобы ее изучить. — Смотри, ты была влюблена в него до того, как я попала в твое тело, так? Тело — это биомашина, оно запоминает гормоны и биохимические реакции, которые вырабатывает. На какие-то ситуации, в том числе на определенного человека, ладно, в данном случае дракона — тоже. Получается, что твое тело «помнило» Люциана, и, когда я оказалась в тебе, все эти ощущения достались мне по наследству.

От такого открытия сложно было усидеть на месте, поэтому я вскочила и заходила по комнате. Ленор, оглушенная научными изысканиями из мира двадцать первого века, притихла и перестала меня доставать, а я, тем временем, продолжила:

— Что ж, это многое объясняет. Например, тот факт, что тебя бесило, что я сплю с Валентайном, — я хлопнула в ладоши. — А потом ты зажигала с ним так весело, что забывала обо всем. И, надо признаться, ни разу не переживала, что тебе приходится это делать. Потому что это — уже мои чувства и гормоны.

Я прошлась по комнате до окна и обратно.

— В результате, мои чувства к Люциану, какими бы они не были — это твои чувства к Люциану. Моего тут... ну, только мое присутствие.

Я крутанулась на пятках и снова пошла к окну. Открытие и правда было потрясающим, и, если честно, это многое объясняло. В частности, это означало то, что я в самом деле могу заниматься с Люцианом драконьим, он для меня — просто мечта Ленор. Не моя. То, что меня так кроет рядом с ним — это все ее чувства. Ну и пусть кроет! Потому что это кроет ее, а не меня. Точнее, нас... точнее, меня крыло! Пока я всего этого не поняла.

Супер!

Все, что осталось — проверить эту теорию.

Я коснулась виритты и запросила связь с Драгоном. Ответил он сразу же.

— Я согласна заниматься драконьим, — произнесла быстрее, чем Люциан успел что-то сказать. — Только давай сегодня встретимся в городе. В ранховой тэрны Хлит.

Если он и удивился, то вида не подал.

— Договорились. Когда?

— Если открою портал в точку, буду там минут через двадцать.

— Хорошо. Я тоже.

Я подмигнула Эвиль и «отпустила» ее, а потом отправила Валентайну сообщение, что готова встретиться с ним сразу у Макса часа через два. После чего отправилась в ванную, ополоснуть лицо и немного пригладить волосы: дежурная щетка всегда была на месте. Вообще привычку разбрасывать расчески по всему дому я заимела именно в Даррании — в таких домах не набегаешься ни ножками, ни порталами.

Поправив топорщащиеся пряди, я настроила виритту на переход и запросила соединение к ближайшей с ранховой порталной точке.

— Да, Лена, — донеслось негромкое, — Вы с Валентайном идеальная пара. Потому что ты действительно темная.

Я бы ей ответила, но мне уже пришло подтверждение перехода. В который я, активировав координаты, немедленно и шагнула.

Глава 30

Я думала, что приду первой, но оказалась неправа. Люциан не просто пришел, он уже успел закупиться ранхом, булочками, и теперь сидел за моим столиком! Наверняка ведь у тэрны Хлит все узнал заранее. Вот что за парень, а?

«Парень, которому ты очень нравишься», — раздалось в голове.

Признаться честно, я уже начинала путаться, где Ленор, а где мои мысли, поэтому отвечать не стала. Да и вообще, я сюда не болтать с самой собой во всех смыслах пришла, а драконьим заниматься.

— Отлично выглядишь, — сообщил Драгон, поднимаясь мне навстречу.

— Да, я расчесалась.

Он рассмеялся:

— И я о том. Ты всегда отлично выглядишь, Лена.

Х-ха.

— Спасибо, конечно, но мы вроде договорились до того, что мы друзья.

— Вообще-то мы не до чего не договорились, — сообщил он, отодвигая для меня стул. — Но как скажешь. Друзья не имеют права делать друг другу комплименты?

Я подозрительно на него покосилась. «Как скажешь?» Это точно Люциан Драгон, или у него в голове тоже кто-то завелся?

— Хорошо, тогда вот это вот все к чему? — я окинула взглядом стол, на котором осталось очень мало места для того, чтобы заниматься драконьим.

— К тому, что ты явно еще не ужинала, а время движется к вечеру. Решил, что перед занятиями тебе не помешает подкрепиться.

В отличие от меня, Люциан уже переоделся, и сейчас был в темно-синих брюках и рубашке навывпуск. Вообще-то здесь так не ходили, а еще здесь не по этикету было расстегивать пару-тройку верхних пуговиц, уводя девичьи взгляды в этот вырез. Почему-то считается, что только мужчина может глазеть на женскую грудь, а у женщин все по-другому. Так вот, ответственно заявляю, ничего подобного.

Но! Мне это от Ленор досталось, так что можно расслабиться. И не думать, почему я пялюсь в этот очерченный белой тканью треугольник, вспоминая, какая у него фигура под рубашкой.

— Я пила ранх у Сони, — сказала, отгоняя совершенно ненужные мысли. Но поесть действительно не успела: до того, как взяла печенюку, Соня решила провести сеанс психоанализа Валентайна.

— Как она? — Люциан устроился рядом со мной на стуле и посмотрел мне в глаза.

Когда он вот так смотрел, я терялась. Потому что Люциан безо всяких подколов и снисходительности тэрн-ара, без его бесконечных провокаций и прочего, казался мне на удивление... близким. Я даже ошалела, когда подумала это слово, с чего бы ему быть мне близким? А потом отмахнулась снова: Ленор хочет за него замуж, троих детей и собачку. Ну ладно, предположим собачку в этом мире им завести не грозит, но вот троих детей вполне. Так что неудивительно, что она считает его близким.

— Уже лучше, — ответила я. — Мы поговорили. Сейчас у нее со здоровьем все хорошо, Глатхэн постарался. Поэтому еще немного — и сможет вернуться в Академию.

Люциан кивнул:

— Хорошо. Потому что со мной она разговаривать не желает.

— Почему?! — искренне изумилась я.

— Потому что я якобы сдал ее Сезару.

— А ты сдал?

— Сказал, что ей необходима поддержка. Это было, когда вы поссорились.

— Мы не ссорились.

— Ну да. Ты просто злилась на нее из-за Ленор и игнорировала.

И он туда же?

— Мы вроде драконьим собирались заниматься? — поинтересовалась я.

— Собирались. — Он продолжал смотреть на меня. — Лена, что с тобой происходит?

Когда-то, первое время я не могла привыкнуть к тому, что меня называют моим настоящим именем. Тем самым, которым меня назвала мама. Моя настоящая мама, а не та, которая запульнула меня в другой мир, потому что я несла угрозу мирному существованию их семьи.

Сейчас же это стало обыденностью, но... так меня называли только трое.

Валентайн. Соня. И Люциан.

Люциан был последним, кто узнал о том, что я — это я, и я вдруг подумала о том, как все могло бы обернуться, если бы узнал первым. Наверное, я бы оказалась в застенках у Лэйтора гораздо быстрее, и сейчас мы бы вообще не разговаривали. Я могла бы ему рассказать об этом, обо всех своих мыслях, и о том, что рассказала Соне, но тогда получилось бы, что мы действительно близки, а в мои планы это не входило. Пусть Ленор с ним близость крутит, раз ей так надо.

— Ничего. Все в порядке, — коротко отговорила я. — Так мы будем заниматься, или можно идти?

— Будем, — Люциан оттолкнулся ладонями от стола, взял чайничек (как ни парадоксально, здесь он и правда назывался ранхничек, а если не сюсюкать, то ранхник) и налил мне светло-золотистый напиток в прозрачную пузатую чашку. — Расскажи, в чем твоя основная проблема с языком.

— В магистре Доброе утро, — фыркнула я. — Он постоянно ко мне цепляется, что я путаю времена.

— А ты их действительно путаешь?

— Иногда бывает. Но мне кажется, если бы он меня не дергал на каждой фразе, я бы быстрее разобралась. Если честно, я не понимаю, почему так происходит. У себя я отлично справлялась с иностранными языками. У себя — в смысле, в своем мире.

— Я понял. Может быть, твое сознание просто с трудом адаптируется к местному языку, — сказал Люциан. — Именно к драконьему. То, что Ленор знала, ты восприняла как само собой разумеющееся, потому что оно записано в ней, как на виритте.

Я сдавленно хрюкнула.

«Тебя понизили до виритты».

«А тебя вообще Валентайн не узнал».

Понимая, что мы сейчас договоримся, я снова вернулась к драконьему:

— О таком я, если честно, не думала. С другой стороны, Ленор же тоже из Даррании, ее сознание должно адаптироваться.

— Ее — да, но не твое. Тем более что это не ее родной язык. В любом случае, давай попробуем, — Люциан потянулся за конвертиком

с мясом, и надо же было мне потянуться за тем же самым конвертиком! Произошло это настолько быстро, что я схватила вместо конвертика его пальцы, а он сжал мои. От прикосновения, мимолетного — я тут же отняла руку, словно ударило током сквозь подушечки через предплечье и до самого сердца.

К счастью, Люциан ничего не заметил.

— Попробуем поговорить, — добавил он и кивнул на тарелку. — Как ты скажешь «Я собиралась взять паэттан»?

— Ae-var tonnare deare paettan.

— Ae-var tonnarh deare paettan.

— Да почему?! — взвыла я.

— Потому что ты сказала «Я собралась взять паэттан». То есть определила будущее время. В таком случае проще сказать: Ae-var deares paettan. Я взяла паэттан. Если ты уже собралась, ты это делаешь. То есть это уже действие. А в нашем случае, ты собиралась взять, но что-то тебе помешало. И нам непонятно, возьмешь ты его в будущем, передумаешь, или его вообще уведут у тебя из-под носа.

Подтверждая теорию практикой, Люциан стащил конвертик с тарелки, оставив там второй. С сыром. И смачно откусил.

Я даже рот раскрыла:

— То есть все это «я хотел тебя покормить» было для того, чтобы поесть самому?!

Он рассмеялся.

— Ae-var tonnarh ta-arn varre. R'a ae-var ette rreises.

Я едва успела перевести в голове «Я собирался тебя покормить, и я это сделаю», а он уже отломил кусочек сытной сдобы и протянул мне. Поднес к самым моим губам, коснувшись их мягкостью выпечки и кончиками пальцев.

Я дернулась. Вздрогнула от неожиданности и от слишком ярких ощущений, которые током прошли по коже от этого прикосновения.

Опять Ленор балуется.

И не только Ленор. Люциан тоже балуется. Я ведь не шутила, когда сказала, что ему жизненно необходимо затащить меня в постель. Именно меня. Зря я ему тогда рассказала про Ленор, глядишь, сейчас бы уже успокоился и отстал от меня, наконец. Но теперь...

Я сама не поняла, как это случилось. Просто накрыла губами кусочек булочки вместе с его пальцами и втянула в себя.

Как тебе такое, а, Драгон?

Лена-шарахающаяся-от-тебя вызывает спортивный интерес. А что будет, если Лена перестанет шарахаться?

Я снова увидела вспыхнувшие в его глазах звезды. Те, от которых золото в радужке становилось более тягучим, густым, более раскаленным. Оно набирало силу и цвет, билось о границы зрачков, и в этом ритме сейчас почему-то билось мое сердце. На миг стало нечем дышать, потом воздуха стало слишком много, и закружилась голова. Особенно когда он провел пальцами по моим губам, с нажимом. Бесстыдной лаской утверждая на меня свое право.

Я забыла о том, что мне еще и жевать полагается. Сглотнула сухой кусочек сдобы целиком, закашлялась и отстранилась, откинувшись на спинку стула.

Губы горели, как после самого что ни на есть откровенного поцелуя. Хотя я бы сказала, как после часового сеанса этих самых поцелуев с короткими перерывами на подышать.

Чтоб его!

Чтоб их всех!

Мне даже тело досталось со встроенной хотелкой Люциана Драгона, и как теперь с этим жить? В смысле, мне-то понятно, как с этим жить. Или нет?

— Я действительно не хочу быть твоим другом, Лена, — хрипло произнес он. — У меня это просто-напросто не получится.

— Ну, с друзьями разобрались. Значит, ты все-таки пойдешь к магистру Доброе утро и откажешься?

— С чего бы? Мне все понравилось.

Я чуть не взвыла. Опять!

— И тебе, насколько я вижу и чувствую, тоже.

Он так тактично сказал это «чувствую», что впору вытирать слезы платочком умиления. Нет, правда. Я ощущала себя наэлектризованной настолько, насколько это возможно. То ли магия осознания Ленориной зависимости от этого парня сработала, то ли что-то еще, но вся моя клеточная память сейчас разом активировалась на все мгновения близости с ним. Телом я определенно хотела повторения, и от этого хотелось побиться головой о столик. Нет, это просто драхец какой-то!

— Это понравилось Ленор, — охладила его пыл я.

— При чем тут Ленор?

— При том, что я в ее теле. А она была влюблена в тебя еще давно, кажется, с того самого поцелуя в беседке. Может быть, даже раньше. Тело запоминает реакцию на притяжение, поэтому...

— Успокаивай себя этим, Лена, — он зло усмехнулся.

Знакомо. Настолько, что я тоже разозлилась.

— Успокаивай себя тем, что это не так.

— Мне это не надо. Я и так знаю. Научился различать тебя и Ленор.

— С биохимией и гормонами ты явно не знаком, — отмахнулась я. — Хорошо, как скажешь.

— Скажу еще только то, что ты маленькая лгунья.

От такого заявления я раскрыла рот:

— Ты... ты вообще берега попутал, Драгон?

Люциан продолжал смотреть на меня, прищурившись, а я с трудом удержала себя на месте. Я пришла сюда заниматься! Заниматься! Если я сейчас встану и уйду или вскочу и убегу, что уже больше похоже на то, что я собиралась сделать, только подтвержу его слова. Он так и будет считать, что мне есть до него дело, что я от него горю, завожусь и все такое.

Если останусь — время все расставит по своим местам. Особенно когда мы с Ленор наладим посменное существование. Пусть попробует отличить ее реакции от моих на уровне тела!

— Хорошо, — настолько спокойно, насколько во мне хватало терпения, отозвалась я. — С моими моральными качествами и правдивостью тоже разобрались. Ну а теперь, может быть, уже продолжим занятие? На этот раз только давай сосредоточимся на временах и на разговорном, а не на процессе моего кормления.

Подтверждая свои слова, я забрала себе целый конвертик, отодвинув его подальше от Люциана.

— Хорошо, — подтвердил он. — Что тебе больше всего нравится, Лена?

— Ты опять?

— Я про процесс обучения. Объяснять что-либо гораздо проще на том, что тебе интересно. Когда я был маленьким, одна из моих воспитательниц работала со мной по такому методу, и, признаюсь честно, ни у кого я так быстро не запоминал, как у нее. Так что выбери

какую-то одну тему, которая тебе интересна. От нее будем отталкиваться.

Какая тема мне интересна? Я вдруг задумалась об этом всерьез. Что мне нравится? Здесь как-то не до приложения сферы своих интересов было, сначала пришлось разбираться с мироустройством, потом — с магией и с тем, чтобы себя не выдать, потом с тайнами Ларо, с Люцианом и с Валентайном. С последними я до сих пор разбираюсь.

Но если так говорить, что мне нравится по-настоящему? Соня вот фотографией увлекалась, а я...

Я всегда хотела научиться рисовать. Но у тети Оли не было денег на художественную школу, а еще у нее не было денег на планшет. Тот, который я себе купила, насобирала с карманных, почему-то сломался в процессе моего обучения по роликам из соцсетей. Я почти закончила иллюстрацию, которая мне очень нравилась, и, когда я отнесла его в сервис, мне сказали, что восстановлению он не подлежит. Нужно только менять.

Иллюстрация, моя первая иллюстрация, которая мне толком нравилась, канула в Лету, а новый планшет отправился на полку с книгами до лучших времен. Наверное, можно сказать, что я отказалась от мечты. А может быть, просто не захотела смотреть, как мою мечту в очередной раз пожирает нестабильная техника. Как бы там ни было, на сменном я почеркала еще несколько месяцев, но уже без энтузиазма и без детальной проработки чего бы то ни было, и забила.

А еще очень некстати вспомнился портрет Люциана, который писала Ленор, и который я уничтожила.

«Прости», — абсолютно искренне подумала я.

В ответ не получив ничего.

— Рисование, — сказала я Люциану. — Что-то связанное с изобразительным искусством... с созданием картин.

— Принято, — без малейших проволочек ответил он. — Тогда начнем с повторения. Как ты скажешь: «Я собираюсь написать картину»?

Надо отдать ему должное, дальше мы действительно занимались драконьим. Поесть, правда, тоже успели, что меня определенно радовало. Я чуть не пропустила время, когда надо было выдвигаться в сторону дома Ларо, то есть и в сторону моего дома соответственно.

Когда я поднималась, сидевший за соседним столиком парень поставил чашку мимо блюда, и джмерг расплескался по столу, вызвав у него поток местных ругательств.

Люциан, разумеется, поднялся вместе со мной:

— Я тебя провожу, Лена.

— Не стоит, — категорически отказалась я.

Рано или поздно ему придется принять тот факт, что между нами (между ним и мной) ничего быть не может. Когда он его примет, возможно, у нас получится общаться нормально. Друзьями нам не стать, но мы можем быть просто хорошими знакомыми: нам все равно придется пересекаться так или иначе, а всю жизнь таскать багаж начала нашего знакомства невозможно. Как минимум на время учебы нужно принять тот факт, что мы будем встречаться, будем оказываться в одной аудитории, и так далее. Не говоря уже о том, что если Люциан поможет мне подтянуть драконий — объяснял он и правда на удивление доходчиво, и в конце я уже говорила не как подбитый заклинанием дракон — от наших встреч еще и польза будет.

— Благодарю, — сдержанно произнесла я, когда мы прощались.

И, к счастью, Люциан внял моей просьбе сразу, потому что на выходе из ранховой мы направились в разные стороны.

Глава 31

Ликарин Эстре

— Он ее все время называл Лена, — отчитался парень, севший на заднее сиденье роскошного маджикара. — А еще они говорили о какой-то Ленор, но я не совсем понял, о чем. У нее есть сестра-близняшка?

Аникатия закатила глаза, но тут же сменила выражение лица.

— Тебе не обязательно это знать, милый.

«Милый» смотрел на нее влюбленными глазами, аж тошно. Лика ни за что не стала бы с ними связываться, особенно учитывая их прошлый совместный прокол, но в такой игре одной точно не выстоять. Парень, которого Аникатия отправила следить за Ларо и подслушивать, был ее человеческим любовником. После свадьбы Драгона с Софией мода на такие интрижки набирала обороты, и Аникатия, разумеется, не преминула завести себе «игрушку» одной из первых. Хотя раньше воротила нос и фырчала в сторону тех, кто хотя бы о таком задумывался, а на поверку оказалась обычной дешевой шлюхой.

Лика подавила улыбку превосходства.

Ладно, пусть пока и приходится подстраиваться под эту дуру, позже она им всем покажет. Она знает о них такое, чего не знает никто. А сама она для них — бесценный источник информации. Бесценный тем, что близка к сестре. Ну и что, что она узнала тайну Лены-Ленор случайно, оказавшись в нужное время в нужном месте. Благодаря тому, что их пораньше отпустили с пары, ей удалось подслушать разговор Амильены с Валентайном Альгором.

Сначала, конечно, она почувствовала себя оглушенной, потому что это звучало как бред. Но потом... потом она вспомнила все: и странные перемены в поведении серости Ленор Ларо, и ее «потерю памяти», и ее внезапно, непонятно откуда взявшуюся смелость.

— Мы поедем ко мне, Ани? — пропел влюбленный, глядя на нее.

— Не сегодня, милый. Сейчас мне нужно заняться делами, — Аникатия открыла дверь маджикара. — Но завтра мы, конечно же, увидимся. И послезавтра.

«Милый» явно был недоволен, но вида не подал, и Лика снова мысленно усмехнулась. Мужчины-подстилки всегда ее удивляли, ну да для всего найдется место в этом мире.

— А я тебе говорила, что Драгон в курсе, — произнесла она, когда за парнем закрылась дверь, и полог заклинания *Cubrire Silencial* теперь обнимал только их двоих. Водитель, которому было приказано просто остановить маджикар, не мог их не только слышать, но и видеть: Аникатия подняла магическую заслонку. В просторном салоне было достаточно места, чтобы вытянуть ноги и положить их на противоположное сиденье, что Ани и сделала.

Магическими игрушками и Аникатия, и ее родители тоже баловались, таким и было это дорогущее средство передвижения. С учетом порталных точек и возможностей советника Фергана это было не что иное, как роскошное излишество, но сейчас, в такую жару и вечернюю суету в центре Хэвенсграда, Лика была вынуждена признать, что не такое уж оно и ненужное. Охлаждающие артефакты салона работали на полную мощь, светлая обивка сидений приятно холодила кожу. Не говоря уже о выдвижном столике, на котором стояла открытая бутылка дорнар-скар, а еще вазочка с поздними ягодами.

Сладкими, продолговатыми, темно-синими, такими невероятно сочными!

Ни того, ни другого Аникатия ей так и не предложила, задумчиво накручивая на палец длинные патлы.

— Да, с Драгоном связываться — себе дороже, — произнесла она, наконец, недовольно хмурясь. Густые «модные» брови сошлись на переносице. — Проблем не оберешься. Он и до гарнизона без дракона в голове был, а сейчас вообще! Помешался он на этой Лене!

Последнее Аникатия выплюнула, и Лика как никогда была с ней в этом солидарна. Ненавидеть Ленор Ларо было как-то проще, а чувства к этой девице, к стремной девице из другого мира, которая ворвалась в их мир, отняла у нее Люциана, да и вообще все перевернула с ног на голову — не поддавались никакому описанию. При мысли о ней Лику словно скручивало изнутри чем-то гораздо более сильным, чем ненависть или простая злоба. И ведь как просто было бы все это разрушить, если бы за спиной Лены не стояли Валентайн Альгор и Люциан Драгон!

Люциан! Который всегда ненавидел собственного брата из-за темной магии! Который бесился при первом намеке на нее! Но ради Лены, ради этой девицы изменил всем своим принципам.

— Нам никто не поверит, — продолжала думать вслух Аникатия. — Даже если мы попытаемся их раскрыть, Альгор и Драгон все перевернут так, что мы еще и виноватыми останемся. Вот если бы можно было перетянуть Люциана на свою сторону...

— Не можно, — зло отрезала Лика. — Ты сама видишь.

— Вижу, — недовольно отозвалась та.

— Но если мы все сделаем правильно, Люциану тоже достанется. Можешь не сомневаться.

Разумеется, после такого, после утаивания такой информации его репутация будет разрушена. Конечно, если его отец не откажется от него еще раньше, или если к тому моменту Ферган все еще будет на троне. Но в целом Лика уже предчувствовала это злорадное удовлетворение от мести тому, кто на нее даже не смотрел. Равно как знала, что Аникатия чувствует то же самое. Раз все еще надеется. Если прозвучало у нее это «перетянуть Люциана на свою сторону».

— Нам нужны доказательства. Твердые доказательства. Такие, которые можно предъявить всем, — вздохнула Ани. — Надо было записать их сегодняшней разговор на виритту. Попросить Лайло об этом.

Вот дура!

Лика чуть не выдала это вслух, вовремя закусил губу. Конечно, не хватало еще, чтобы этот постельный любимчик Аникатии спалился на глазах у Люциана. И Лены. Вот была бы история!

— Не вариант, — жестко отрезала она. — Во-первых, их разговор должен быть максимально конкретным. Фактически, признанием. Во-вторых, виритта или записывающий артефакт — это опасно. Одно дело слединка, которую я подбросила Ларо в сумку. Она малюсенькая и магический фон у нее такой, что его разве что детальным сканированием считать можно. И то если знать, что искать.

Слединку как раз раздобыла Аникатия. У дочери королевского советника были любовник не только среди людей, но и в Тайной службе. С этой стороны Аникатия, определенно, была полезна.

— Хорошо, и что ты предлагаешь? — раздраженный голос Ани полоснул по сознанию.

В целом, она уже считалась с ней чуть больше, чем на первом курсе. Особенно после такой новости. Но по статусу в ее обществе и обществе ее подруг Лика все равно чувствовала себя чем-то средним между мягкой мебелью и Лайло.

— Предлагаю перетянуть на нашу сторону Ленор Ларо.

— Что-о-о-о?! — Глаза драконессы изумленно округлились.

— Сама подумай. Она заперта в теле с неожиданной соседкой уже больше года. Даже если им придется как-то сосуществовать, Ленор от такого явно не в восторге, и еще больше она не в восторге от того, что Лена увела у нее Люциана.

Аникатия заморгала. Кажется, в ее голову даже не приходило, что Ленор Ларо могла претендовать на Люциана. Впрочем, в своей оценке она была не одинока. Лика, конечно, замечала гораздо больше, но была уверена, что Ларо ничего не светит. Вот вообще! До того момента, как Ларо устроила ту дуэль, Люциан захотел сделать ее своей невестой, а в итоге сделал невестой Лену.

Р-р-р! Как же бесит!

Нельзя!

Нельзя поддаваться таким чувствам. Вообще нельзя поддаваться эмоциям, можно много ерунды наделать.

— И что? Мы просто придем к ней и скажем: давай-ка выдадим твою Лену? Это же и ее тело тоже! Не считая того, что мы просто не сумеем разобраться, когда в этом теле будет Ленор, а когда Лена.

— Сумеем. Если будем внимательны. — Аникатия открыла было рот, но Лика ее перебила: — Просто надо основательно все продумать. Как говорить, что говорить, и кто будет говорить. Надо действовать постепенно. Спешить не стоит. И уж точно это не стоит делать нам, если Лена нас так или иначе увидит рядом с собой... все, дело накроется.

— Не мы. Тогда кто?

— Эта новенькая. Амира.

— Амира?

— Первокурсница, которую Драгон притащил на завтрак, и которой потом сделали предупреждение. Помнишь?

Судя по лицу Аникатии, она помнила только последние две минуты их разговора и все свои наряды, но Лика отмахнулась от этой мысли. Позлорадствовать надо всеми время еще будет, а пока...

— Надо осторожно втереться к ней в доверие. Сказать, что Люциану угрожает опасность. Кажется, она на него запала. И все сделает, чтобы ему помочь.

Аникатия хмыкнула, а Лика продолжила.

— Сможем ее уговорить, получим неограниченный доступ в компанию Драгона и Ларо. Но с ней проблем не возникнет, уверяю. Я умею быть убедительной.

— Чтобы обо мне ни слова! — предупредила Аникатия. — Я и так могла пострадать из-за этой истории с Драконовой. Не хочу повторения! Знала бы ты, как орал отец...

— Ни слова о тебе, — подтвердила Лика. — Сделаю все сама. От тебя, возможно, со временем только какой-нибудь артефакт понадобится.

— Это я устрою, — ухмыльнулась драконесса.

Лика тоже улыбнулась. Мысленно.

Потому что все складывалось как нельзя лучше.

Очень скоро Тэйрен поняла, что вырваться от Хааргрена будет гораздо сложнее, чем от брата. Если не сказать невозможно. Комната была пронизана магией, не позволяющей уйти в Заграницу. Снабжена ловушками на дверях и окнах. Его замок, угрюмый (такое определение она позаимствовала во времена, когда жила в Даррании), стоял далеко от остальных угодий. Хааргрэн не нуждался ни в чьем обществе, особенно в обществе тех, кому его общество казалось постыдным. Сейчас, будучи правой рукой Адергайна, он уже снискал славу и был принят высшей темной аристократией, но в его к ним отношении мало что менялось. Тэйрен встретила его злым выброшенным собственным отцом мальчишкой, теперь перед ней был такой же злой темный, которому никогда не стать драконом.

Это было ее единственное преимущество. Она знала, как его зацепить, и знала, что она — именно она, только и может пробить броню его безразличного презрения к окружающим. Потому что несмотря на то, что Адергайн отдал ее своему палачу, несмотря на то, что она стала пленницей в его замке, Тэйрен продолжала смотреть на него сверху вниз.

Потому что сестра Верховного эрда всегда останется сестрой Верховного эрда, а ему быть исключительно мальчиком на побегушках.

Первое время они виделись очень редко. Он приходил разве чтобы убедиться, что она ест. С аппетитом у Тэйрен проблем не было, равно как и с тем, чтобы что-то сделать с собой (а именно этого Хааргрэн вполне очевидно опасался). Для той, кто знакома со смертью с самого детства, смерть — в любом случае не выход. Особенно не выход, потому что она еще не отдала долг жизни.

Долг своему сыну, которого вынуждена была оставить.

Иногда Тэйрен думала о том, какой могла бы стать ее жизнь, сложись все иначе. Если бы Ферган действительно ее любил, если бы власть не затмила ему глаза. Еще она думала о том, что было бы, если бы она забрала Сезара с собой — помимо войны, разумеется. Хотя сдается, Ферган замял бы это дело, ведь у него на подходе был второй наследник. Он, как никто другой знал, что в современной войне Даррании и Мертвых земель выживших будет очень мало. А крови — очень много.

Нет, он не стал бы бороться за Сезара, потому что Ферган был трусом. Или стал трусом. Тот молодой дракон, которого она встретила, казался совсем другим. Возможно, за счет любви или того чувства, которое она таковым считала. Потому что как только Тэйрен осознала, что Ферган готов от нее отказаться, вся ее любовь вывернулась наизнанку чернее самой черной страсти на свете.

Такова темная суть.

Или, по крайней мере, такова ее суть.

Она пыталась с этим справиться, хотя бы ради сына. Но потом произошло то, что произошло.

— Вас ожидают в столовой, — вошедшая служанка, человек, присела в реверансе. Тэйрен, не заметившая ее появления из-за блуждания по собственным мыслям, вынырнула в темную реальность приютившей ее комнаты, но будто снова оказалась в Даррании. Девушка была одета в скромную серую униформу, волосы стянуты в пучок. Белый фартук и опущенный взгляд: но даже такому в Мертвых землях многие удивились бы. Люди из приграничных земель чаще всего разгуливали по замкам темной аристократии либо голыми, одурманенными темными для забавы и оргий, либо использовались для экспериментов, либо для вымещения злости или подпитки. Нанимать прислугу было принято из слабых семей драконов, недостойных, не годных ни для чего больше.

— В столовой? — уточнила она у служанки.

— Да.

— Хааргрэн?

— Да.

Это все, чего удалось добиться, но, по крайней мере, она разговаривала, уже хорошо. Все предыдущие, что были до нее — тоже люди, меняющиеся каждый день, просто молча приносили еду и не произносили ни слова.

— Что ж. Сейчас оденешь меня и проводишь.

Не дожидаясь какой-либо реакции, Тэйрен сбросила прозрачный, мелькнувший серебром искр пеньюар, и направилась к старомодной гардеробной, представляющей собой просторную нишу с полками в стене.

О гардеробе тоже позаботился Хааргрэн: ей создали платья на следующий же день после ее появления, но Тэйрен не надела ни одно из них. Ее вполне устраивал пеньюар, в котором она встречала его. И, на первый взгляд — непроницаемое выражение лица, жесткий заслон взгляда — могло даже показаться, что ему все равно. Что Хааргрэн правда смотрит на нее и не видит проступающих сквозь тонкую ткань сосков, темного треугольника между ног, соблазнительных изгибов фигуры.

Вот только он все видел. Это выдавал даже не столько запах, сколько каменная линия челюсти, сдавленной так, что, казалось, сейчас начнут крошиться зубы. Тэйрен это видела, и отчетливо понимала: в последнем их разговоре Хааргрэн прав. Ей нужно не ошибиться с порядком убийств, а в данном случае порядка никакого нет и не может быть. Ей нужно, чтобы Хааргрэн пошел против Адергайна.

О нет, не в открытую, в открытую брат размажет его даже несмотря на всю его силу, сноровку и ловкость. Ей нужно, чтобы он захотел его убить так же отчаянно, как хочет она. Чтобы бросил на это все свои ресурсы, возможные или невозможные. Все свои таланты, весь свой дар и умение быть незаметным, выжидать и наносить роковой удар.

Для этого ей нужно было носить пеньюар и молчать. По крайней мере, пока.

Не давать никаких намеков и окатывать тем самым презрением, от которого его челюсти сжимались еще сильнее, чем от нереализованного желания. В таких играх, Тэйрен это точно знала, ни у одного мужчины не будет против нее ни малейшего шанса. Пусть даже Хааргрэн достойный противник. Пусть даже это займет столько времени, сколько займет. Сколько бы ни заняло.

А когда Мертвые земли избавятся от двойной нечисти, Тэйрен вернет себе то, что принадлежит ей по праву. Трон.

И своего сына.

В насмешку надо всем она выбрала копию платья, в котором была в Серебряном зале в день, когда брат посмел прилюдно ее унизить. То самое платье, которое тленом расплзлось на ней перед сексом на глазах у всех без ее на то желания, она попросила воссоздать по ее описанию. И сейчас, когда девушка, опустив глаза, помогала ей облачаться, она не без удовольствия наблюдала за собой в зеркале.

Квадратный черный вырез подчеркнул небольшую, но упругую грудь, серебряная кайма словно плотнее врезалась в нежную кожу, еще больше усиливая желание к ней прикоснуться. Искры на юбке, напоминавшей полотно ночного неба в Мертвых землях, и такие же искры на свободных рукавах, тонкий серебряный пояс.

Служанка не удивилась, что под платье Тэйрен не надела ровным счетом ничего. Это в Даррании горничные могли упасть от такого в обморок, здесь же это было в порядке вещей. Поручиться Тэйрен не могла, но возможно, у девчонки и у самой не было никакого белья и нижней одежды. Так гораздо удобнее задирать юбку в темном коридоре, если уж захотелось.

Мысль о том, что Хааргрэн трахает ее, почему-то вызвала саркастичный смешок, который Тэйрен подавила. Разумеется, он трахает ее и любое существо, которое ходит на двух ногах. А может быть, и не только на двух, возможно, ему такое даже ближе. С его-то прошлым и его внешностью.

Откинув за спину густые длинные волосы, сияющим водопадом устремившиеся вниз до талии, Тэйрен потребовала от девушки принести украшения. До этого дня ей не позволялось выходить из комнаты, но сестра Верховного эрда не пойдет по коридорам, наполовину раздетая. Украшения — неотъемлемый атрибут ее образа.

Девушка выскользнула за дверь, а вернулась с коробкой, в которой нашлось кольцо, браслет и серьги. Вот странно, потому что Тэйрен рассчитывала в очередной раз позлить Хааргрена — ну откуда в его замке драгоценности, кому ему их дарить? Но даже так тоже сойдет. Потому что к платью они сели идеально, камни прозрачными крупными слезами легли на жемчужно-белую кожу. Свысока улыбнувшись своему отражению, Тэйрен легко провела кончиками пальцев по губам и приказала служанке:

— Веди.

Все замки темных обычно отличает одна черта: это культ себя любимых. Если галереи светлых аристократов увешаны портретами семьи вплоть до десятого поколения, то темные предпочитают выставлять на всеобщее обозрение исключительно свои достижения и интересы. Будь то голова поверженной твари из Дикого леса или любимая картина с оргией, зачастую с участием владельца замка. Адергайн любил украшать стены замка гербовыми гобеленами и картинами сотворения Эрда, иллюстрациям пыток и казней находилось место в его подземельях, все портреты отца он уничтожил сразу же после того, как пришел к власти. Что, как ни посмотри, было закономерно. Странно было бы оставлять память о том, от кого собственноручно избавился.

Интересно, если бы Валентайн принял всю темную мощь, всю свою суть, он бы сумел повторить этот опыт? Тэйрен задумалась об этом на ходу, потому что никогда нельзя ставить только на кого-то одного. Хааргрена, как вариант, конечно хорош, но если ему не повезет, то должен быть запасной путь.

Хм. Хм. Хм-м-м-м... Если Сезар потерял контроль из-за обычной девчонки, человека, будучи наполовину светлым, то каким может стать Валентайн, или, как его именовал братец, Рэнгхорн, если он лишится своей Лены?

Задумавшись об этом, Тэйрен сама не заметила, как оказалась у дверей столовой. Молчаливые слуги в черных ливреях — опять люди! — распахнули перед ней тяжелые створки раньше, чем она успела оглядеться. Хотя уловила краем глаза такие же голые стены, пустоту, как и в коридоре, по которому шла из своей темницы. Замок Хааргрена был безлик настолько, насколько это возможно. Никаких портретов, никаких отрубленных конечностей или чего бы то ни было еще.

А вот в столовой, занавешенной непривычно яркими для темных портьерами насыщенно-красного цвета, обнаружилось кое-что интересное. И это были не плачущие восковыми слезами свечи и даже не заставленный блюдами стол. Это были цветы. Бархатные аминарены.

Их обманчиво-шелковистые лепестки покрывали крохотные капельки ядовитой росы, черная бахрома вокруг полыхающим алым лепестков так и манила прикоснуться, дотронуться. Рядом с аминаренами стояла колба, просторная, высокая и прозрачная, под которой бились алокрылые мотыльки. Три штуки, каждый размером с ладонь. Бьяниглы.

Единственные, чей яд смертелен даже для темного. Увы, только если бьянигл жив и ужалит сам.

— Нравится? — поинтересовался Хааргрэн, выступая из-за ее спины. Оказывается, он был рядом с дверью, когда она вошла.

— Нет, — коротко отозвалась Тэйрен, оборачиваясь и становясь с ним лицом к лицу.

Привыкнуть к его внешности было довольно просто, но она не стремилась показывать, что привыкла. Напротив, изображать отвращение каждый раз было гораздо интереснее. И видеть ярость на его лице. Вот как сейчас.

— Странно, — так мог бы разговаривать камень, — мне казалось, эти цветы и насекомые — истинное отражение твоей сути. Ядовитая и красивая.

— Ты переобщался с людьми, Хааргрэн, — надменно произнесла она. — Поэтому говоришь и действуешь метафорами.

— Насколько мне известно, это ты жила среди светлых. И даже сбежала, чтобы защитить сына, который давно о тебе забыл.

Тэйрен встретила его слова с милой улыбкой, хотя желание схватить со стола вилку и воткнуть ему в глаз — для завершения образа получудовища даже в мире темных, было. Она не стала отрицать его в себе, но подумала, что вилка в глаз совершенно не вяжется с ее планами в отношении этого мужчины. Пока он считает ее этим бьяниглом, запертым под колпаком, ядовитым и опасным, но все же не способным ужалить из-за стекла — это одно. Если он поймет, на что она на самом деле способна — это уже совсем другое.

— Как хорошо ты изучил мою историю, Хааргрэн, — понизив голос до интимных глубин, произнесла она. — Что ты еще знаешь? Мы можем обсудить это за ужином, или предпочитаешь стоять здесь?

Со дня их яростного совокупления в замке брата Тэйрен ни разу его не касалась, но сейчас дотронулась до плеча. Каменного, и оно стало еще более каменным, когда ее пальцы скользнули чуть ниже. На ключицы. Подушечками она почувствовала границу, где заканчивается чешуя, но Хааргрэн перехватил ее руку за миг до того, как Тэйрен добралась бы до незащищенной кожи.

Ладонь стальным захватом сомкнулась на ее запястье, мужчина кивнул.

— Обсудим. За ужином.

Она снова растянула губы в улыбке, но ничего не сказала.

Стол был огромный, но их кресла располагались рядом. Хааргрэн — во главе стола, она слева от него. Рядом с ней оказались пресловутые цветы и мотыльки, к которым Тэйрен потеряла всякий интерес. Она потеряла, но не слуги. Приблизившиеся, чтобы положить им еду и разлить терпкий хмельной напиток, мужчины с опаской смотрели на бьющихся под стеклом мотыльков и старались держаться подальше от бархата цветов. В отличие от бьяниглов, цветы темным причинить вреда не могли, как и любые другие яды, а вот людям — вполне. Одно прикосновение — и смерть гарантирована. Долгая, мучительная смерть.

— Итак? — произнесла она, когда Хааргрэн пригубил вино. — Чем обязана такой чести?

Сейчас Тэйрен откровенно издевалась, но теперь уже не поддался он.

— Сегодня я захотел поужинать с тобой.

— Вот как.

— Именно так, — Хааргрэн посмотрел на нее в упор.

Его радужка была алой из-за того несостоявшегося оборота, магия заклинания наложилась на тьму и дала такой необычный эффект. В другой раз Тэйрен подумала бы, что красивый, но не сейчас.

— Что ж. Сегодня наши желания совпали, — насмешливо произнесла она, приступая к еде.

Пища в замке Хааргрэна тоже отличалась, она заметила это сразу же. Эта еда была более человеческой и частично позаимствованной у

светлых. Возможно, дело было в том, что Хааргрэн выбирал в слуги и повара людей, а может быть, таков был его извращенный вкус. Как бы там ни было, Тэйрен нравилось. Она помнила блюда Даррании. И впечатления, которые они несли с собой. Настоящие, неподдельные чувства, как ей казалось тогда.

— Твой брат собирается переходить к действиям.

Это прозвучало так неожиданно, что нож чиркнул о тарелку с самым мерзким звуком, который только можно себе представить. Тэйрен подняла глаза, но не нашла на этом лице ни насмешки, ни издевки, ни привычной по детским воспоминаниям ненависти.

Что это только что было? Он ее проверяет?

— Ждешь, что я тебе поверю, и наша беседа станет невероятно душевной? — поинтересовалась она, пригубив вино.

Крепкое. Жаль, ее все равно не возьмет, как не возьмет ни один дурман в мире. Светлым в этом случае проще.

— Хочу, чтобы ты поняла, Тэйрен. Я тебе не враг.

подавив желание расхохотаться, она медленно облизнула губы и чуть подалась к нему.

— Не враг. Совершенно точно не друг. Тогда кто же ты мне, Хааргрэн?

Покрытые тонкой чешуей веки стянулись в прищур. Медленно. Как у дракона.

— Я прекрасно понимаю, что ты собираешься сделать, — жестко произнес он. — Использовать меня в борьбе против брата у тебя не получится.

Тэйрен вскинула брови, а после подалась назад. Сложила руки на груди, вглядываясь в наполовину скрытое чешуей, как маской, лицо.

— Не боишься, что твои слуги на тебя донесут? — поинтересовалась она, не желая признавать проигрыш. Досада все равно жгла: должно быть, проведенные в Даррании годы не позволили чувствам полностью атрофироваться.

— Не боюсь. Потому что слуг у меня нет. Это мои друзья.

Вот теперь Тэйрен не сдержала смешка.

— Твои друзья? Люди? При всем уважении, друзья не убирают в домах и не прислуживают за столом.

— Как мало ты знаешь о дружбе, Тэйрен. — Уголок его губ впервые за все время их общения дрогнул. Правда, ненадолго. Спустя

мгновение его лицо уже снова напоминало камень, прикрытый маской.
— Надеюсь, мы друг друга поняли.

Тэйрен кивнула. Хотя досада осталась, к ней присоединился еще и азарт. Когда перед тобой достойный противник, игра становится вдвойне интересной.

— И что же собирается делать Адергайн? — поинтересовалась она как ни в чем не бывало, возвращаясь к еде.

— Это не связано с Сезаром, — спокойно произнес он.

— Тогда с кем?

— С Леной. С иномирянкой. Он хочет встретиться с ней во время их выездной экскурсии к алтарю Горрахона.

— Зачем?

— Этого я не знаю.

— И не хочешь узнать? — Тэйрен улыбнулась.

Хааргрэн пристально посмотрел на нее, но она занялась тем, что находилось в ее тарелке. Прямо сейчас не стоит показывать своего пристального интереса к происходящему, но если он с ней говорит откровенно, значит, против него нужно использовать это. Против него или в свою пользу — не суть важно. Он не пойдет против Адергайна, но, возможно, захочет организовать ей небольшую экскурсию к алтарю Горрахона. Если все получится. Если все пойдет так, как она себе представляет...

Тэйрен снова украдкой взглянула на бьяниглов.

Как знать, возможно, помощь Хааргрена против Адергайна ей даже не потребуется.

Глава 32

Лена

— Доброе утро, — поздоровалась я, проходя в столовую.

Это было настолько непривычно, насколько вообще возможно: не столько потому, что я жила в Академии в последнее время, сколько потому, что я очень много времени провела, запертая в Ленор. Каждый раз я думала, что меня перестанет дергать с того, как прошло их с Валентайном лето, и каждый раз оно не переставало. Наверное, надо уже привыкнуть к тому, что это такой особый вид мазохизма. Вспоминать, как им было хорошо вместе. И как они использовали этот стол, например...

Подумав об этом, я чуть было не сбежала куда подальше, но Валентайн уже поднялся мне навстречу:

— Доброе утро, Лена. Как спалось?

— Отлично, — соврала я.

После нашего вчерашнего визита к Макс, которому мы рассказали полуправду — что расследование по делу Хитара привело нас сюда, в смысле, за таким вот интересным заклинанием, мы вернулись домой. Домой! Я так и не перестала называть это место домом, но я бы не стала здесь ночевать, если бы открывать порталы в Академию разрешали так поздно. Наверное, Валентайн мог бы воспользоваться своим заместителеректорским положением, но он не захотел. Не предложил. А я не захотела просить его об одолжении. Или захотела остаться с ним? В смысле, попробовать вернуться сюда. Посмотреть, как это будет.

Или нет?

В последнее время я с завидной регулярностью врала себе самой во всех смыслах и так запуталась, что уже ни в чем не была уверена. Потому что этой ночью подушка была жесткой, матрас вообще напоминал доску, а я ворочалась с боку на бок и думала о том, что здесь было. Везде было.

Это было по-прежнему больно.

Я так долго не могла заснуть и так много об этом думала, что в конце концов в голове раздался вопль Ленор: «Если бы я знала, что все

так будет, лучше бы удушилась!»

— Лучше бы ты и правда удушилась, — добро ответила я.

— Вместе с тобой?

На это мне ответить было нечего, и я продолжила ворочаться. Заснула под утро, подскочила от знакомого уже голоса Эвиль, быстро собралась и выползла к завтраку. Эксперимент по приживаемости Лены на старом месте с треском провалился.

И, кажется, Валентайн это понял.

— Почему я в это не верю? — Он приблизился, чтобы отодвинуть мне стул, а я подумала о том, что лучше бы он в Ленорихе так разбирался. Чем в моих чувствах сейчас.

— Почему *ты* в это не веришь, я точно не знаю.

— А ты сама веришь?

— Валентайн, я пришла поесть!

— Поесть — это хорошо. — Я мазнула взглядом по букету цветов на столе и отвернулась, а он продолжил: — Мы можем до конца жизни закрывать глаза на то, что произошло, а можем об этом поговорить.

— У тебя появились слова, кроме «мне жаль»?

— Лена, зачем ты так?

Зачем так?

Я почувствовала, что снова начинаю заводиться, и быстро переключилась на другую тему:

— Мы были очень заняты и так и не поговорили про Соню.

— Ты согласилась с тем, что нужно все исправить.

Чувство было такое, что я начала говорить на драконьем, а Валентайн внезапно его забыл. Или наоборот.

— Да, согласилась. Но это было вчера.

— Что изменилось сегодня?

— Сегодня мне опять больно, — не стала выкручиваться я. — Я помню все, что здесь было. Все до малейшей детали, и я не могу... Прости, но я не могу с этим смириться. Для меня это измена, Валентайн, хоть и с нюансами. Но...

Он так и не вернулся на свое место, и сейчас я почувствовала, как жалобно скрипнул стул, когда его пальцы сжались на спинке.

— Я продам этот дом, — донеслось из-за спины. — Переедем куда захочешь. Хочешь — вообще уедем из Хэвенсграда. Я все для тебя сделаю, Лена. Все, чтобы стереть все эти неприятные

воспоминания. Мы можем жить, где ты захочешь. Ходить в Академию порталом каждый день, или ты можешь учиться как учились адепты, напуганные проявлениями темной магии. Просто появляться там раз в неделю и отчитываться.

— Что? — Я не выдержала и обернулась. Он возвышался надо мной с каменным лицом. Черные искры в серебре радужки полосовали ее снова и снова, их становилось все больше и больше. — Ты только согласился на новую должность. Да и помимо прочего, ты архимаг...

— Мне все равно.

Я моргнула.

— Мне не нужны эти должности. Не нужна эта власть. Мне нужна только ты, Лена.

— А мне нужно еще и учиться! Нормально учиться! — воскликнула я. — И, если ты не заметил, у меня здесь друзья и брат.

Мой брат. Макс на самом деле мой брат. Осознание этого согрело сердце уютной радостью. Я обязательно найду время и возможность сказать ему правду. Все будет хорошо.

— К тому же, переезд ничего не изменит. Ты по-прежнему будешь рядом, и главная моя боль — в тебе, Валентайн. Прости.

Стул хрустнул. С такой силой, что я уже готова была подскочить, ожидая, что он развалится, но Валентайн оттолкнулся от него всей поверхностью ладоней. В столовой стало холодно, краски померкли, их словно высасывал невидимый пылесос. Вот только я знала, с чем это связано, и даже потянулась к нему, но Валентайн покачал головой.

— Завтракай одна, — коротко произнес он и вышел, забирая с собой холод и пожирающую цвет тьму.

После такого бодрящего утречка в Академии все проходит даже как-то скучно. Никто меня не цепляет, обострения по «у тебя темная магия» больше не наблюдается, напротив, девчонки шушукуются про Валентайна и обсуждают «темного красавчика-заместителя и архимага». Если бы могла, заткнула бы уши: не научили их родители *Cubrire Silencial*, что ли? А так приходится слушать. Или пересаживаться. Или вообще пытаться учиться, я же здесь чтобы учиться, так?

Ярд интересуется ходом расследования по Хитару, потому что Макс уже успел поделиться с ним подробностями нашего вчерашнего

визита. На что я вздыхаю и выдаю, что не имею права распространяться на этот счет. Пока. Ярд понимающе кивает, а на паре Женеьев опять забирается на самый дальний ряд в уголок. Что там происходит, я категорически не понимаю, но выяснять сейчас просто не тянет. Макс вот наверняка в курсе, уж очень они сдружились.

На самом деле я рада. После разрыва со школьным «другом» из-за меня, Максу явно нужен был друг настоящий, а Ярд умеет им быть. Когда не косячит, как со следилкой для Люциана, разумеется, но кто из нас не косячит? Еще бы брату кто-то мозги вправил по поводу его девушки, потому что эта красотка мне категорически не нравится. Я держусь, помня о том, куда идут с непрошенными советами, да и пока я сама не до конца честна с ним, о чем можно говорить? Может, поэтому меня эта Алина так и бесит.

Бесит, что ради нее Макс каждый день открывает порталы в город, что она его разводит на дорогие украшения, наряды, на постоянные подарки. У нее же на лице написано «Купитокупиэто», не будь у него сейчас наследства, она бы в его сторону даже не взглянула. А так тринькает его деньги, то есть магию Ларо, направо и налево.

У-у-у, стерва!

— Стареешь, Лен, — помолчать, Ленор, разумеется не могла. — Скоро будешь как эта твоя... баба Клава, да? Сидеть и фырчать на безнравственную молодежь.

Воспоминания о бабе Клаве как будто из другой жизни. Да если вспомнить всю мою историю, не так уж она оказалась неправа. Сказала, что я попаду в Ад, и, если так подумать, Академия Драконова — тот еще АД!

— Все, — подводит итог Ленор. — Депрессией накрыло.

— Я тебя сейчас накрою, — мысленно сообщаю я. — Медным тазом.

— Не получится.

А жаль.

— Слушай, а может правда, ну его, этого Валентайна? Будем жить с Люцианом по очереди?

— И тебя не смущает, что он будет жить со мной?!

— Да я не гордая, — отмахивается Ленор в моей голове.

Убиться об стену! Я что, правда с ней говорю об этом?!

— Изыди! — сама не замечаю, что рычу это вслух. А в ответ слышу Драгоновское:

— Нормальное приветствие от тебя.

— Ты что здесь забыл? — разворачиваюсь к нему.

— А здесь занято? — Люциан приподнимает брови. — Если нет, то я просто хочу здесь сидеть.

Опять вставать, опять пересаживаться. Да ну его.

Права Ленор. И старею, и депрессией накрыло. Ну и ладно. Побуду старушкой в депрессии, кто мне может помешать.

Надо отдать должное Люциану, на занятиях он меня не достает. Только после сообщает, что у нас сегодня по плану драконий.

— Я собиралась к Соне после занятий, — пытаюсь отбрыкаться.

— А я к Сезару. Позанимаемся, и пойдем вместе.

После физподготовки, где мы прыгаем, бегаем, забираемся на стены по канатной сетке (честное слово, полицейская академия отдыхает), я, наверное, с полчаса стою в общей душевой, смывая с себя пот, грязь — кувыркнулась на полосе препятствий в грязевую ванну и порадовала Клаву, Аникатию и Ко. Когда, наконец, мои волосы по ощущениям начинают скрипеть, а кожа превращается в сморщенный персик, я все-таки выползаю из-за высокой перегородки и обнаруживаю, что на скамейке нет моих вещей.

Ни сумки. Ни одежды. Ничего.

Стою я в костюме Евы, хлопаю глазами и, помимо первой мысли — что за детский сад — в голову приходит только одна нецензурщина. Потому что полотенца, которое я приготовила, тоже нет. И запасных нет, полки подчистили, все три. Все чистые стопки исчезли, корзина, где должны быть грязные, пустая. Эвиль была в сумке. А я так надеялась на виритт, что просчитать координаты портала на память не смогу. Если попытаюсь открыть — могу выскочить где-нибудь в коридоре, в парке или вообще в магистрериуме.

Адептов, конечно, повеселю. Ну или магистров. А вот мне точно будет невесело!

Чтоб тебя, чтоб тебя, чтоб тебя! Ну что за... зачем я вообще подумала, что день пройдет скучно?!

В кои-то веки даже Ленор на помощь не приходит, она там наверняка в шоке, красная, как вареный рак. Если можно покраснеть ментально, конечно.

Орать на всю душевую: «HELP»! — как-то не хочется, но что делать, если прикрыться нечем? Вот вообще!

Мочалочкой разве что.

А-А-А-А-А!

Пока у меня в голове бегают Лена-в-панике, на ходу пытающаяся просчитать, куда можно попытаться открыть портал, как высчитать координаты, чтобы выдернуть из этого «откуда-то» хоть что-то, в душевой скрипит дверь и раздается голос Драгона:

— Ты скоро?

От его голоса все внутри екнуло, и я со скоростью пули запрыгнула обратно за перегородку с бешено колотящимся сердцем. Вот только Драгона мне тут для полного счастья не хватало, ну правда! Что за дурацкая привычка меня караулить? Как будто я сама не дойду до места встречи!

— Ларо? — Судя по голосу, Люциан приближался, и я выкрикнула первое, что пришло в голову:

— Ты в курсе, что тебе нельзя в женскую душевую?

— Когда никого нет, то можно. Ты здесь одна осталась. Все уже ушли.

Ага. Ушли. А перед этим вещи мои «ушли». И полотенца. И вот стою я теперь голая и мокрая, и даже прикрыться нечем. От осознания этого я истерично икнула.

— Люциан, можешь, пожалуйста, оставить меня в покое?

— Не могу, пожалуйста, нет.

Он остановился совсем рядом, и, скосив глаза на пол, я увидела его тень. Солнечный свет втекал в небольшие окошечки душевой, и мне вдруг подумалось, что можно было бы в такое окошечко вылезти. Или застрять в нем. Ага. Голой сракой к Люциану.

От такой картины я поперхнулась и закашлялась, обхватив себя руками и дрожа то ли от холода, то ли от самой ситуации.

— Где твои вещи? — раздалось из-за перегородки. Из его голоса исчезла привычная вальяжная игривость, которая была только что еще. В его предыдущих словах.

— Сперли.

— Что сделали?

— Спрятали, выкинули, не знаю. Полотенца тоже все забрали. И сумку, — на последнем я шмыгнула носом. Точно от холода, больше не

от чего.

Сверху что-то бряцнуло, а когда по плечу мазнуло чем-то шершавым, я чуть не подскочила, как напуганная кошка. Только задрав голову увидела, что Люциан перекинул через перегородку пиджак от своей формы.

— Заворачивайся. Потом будем разбираться.

Дважды мне предлагать было не надо, я сдернула пиджак, закуталась в него и, благодаря нашей разнице в росте и ширине его плеч, в нем практически утонула. Плотнее запахнув полы, я опустила взгляд: пиджак доходил до середины бедра и вполне подошел бы как наряд на какую-нибудь тематическую вечеринку в клубе для взрослых. Но, если уж говорить откровенно, выбирать мне просто не приходилось, поэтому я еще раз проверила, что нигде ничего не просматривается, и шагнула вперед. Поклясться могла, что именно здесь под ногами было сухо, но угодила в лужу. Пятка поехала, за ней поехала я, Люциан оказался впереди и успел меня поймать.

Правда, при этом я клюнула носом его прямо в грудь, в вырез расстегнутой рубашки, и едва успела поднять голову, когда услышала:

— Что. Здесь. Происходит?!

В дверях душевой оказались ректор Эстре, магистр... тьфу, Женевьев, хотя она конечно магистр, толпа девушек, среди которых я увидела злорадно ухмыляющуюся Клаву и ту рыженькую первокурсницу с вытаращенными глазами.

Во взгляде Эстре собирались молнии, что по этому поводу думает Женевьев, было непонятно, потому что ее лицо было совершенно непроницаемым и, пока я собиралась с мыслями, за меня ответил Люциан:

— У нас с адепткой Ларо назначены занятия по драконьему языку. Я ждал ее снаружи, но она долго не выходила, и, когда я зашел, выяснилось, что вещи адепки Ларо пропали. Все полотенца тоже. Я одолжил ей свой пиджак, чтобы провести порталом до ее комнаты, и...

— И вернули ей ее вещи и полотенца на место загадочным образом, да? — это уже произнесла Женевьев.

Что?

ЧТО?!

Мы с Люцианом синхронно обернулись к скамейке и полкам и охренели. Потому что вещи были на месте, и моя форма, и сумка.

Полотенца тоже лежали аккуратными стопочками, и даже то, что я взяла, висело себе на вешалке как ни в чем не бывало.

— Заклинание невидимости, — процедил Люциан. — Твоего ж Лозантира!

— Адепт Драгон! — прогрохотала Эстре. — Потрудитесь выражаться цензурно в моем учебном заведении. Я ценю вашу головокружительную изобретательность, но вы и адептка Ларо немедленно пройдете ко мне в кабинет. Вы — прямо сейчас. Адептка Ларо после того, как оденется и приведет себя в достойный вид.

— Да что за драхство?! — взорвался Люциан. — Я бы выкинул эти полотенца к драконьей бабушке, и вещи бы спрятал, если бы хотел отмазаться таким образом. Вы что, считаете меня идиотом?

— Нет, я считаю вас ошалевшим от вседозволенности адептом, — холодно припечатала ректор, — который считает, что ему все сойдет с рук только благодаря фамилии. Два взыскания у вас уже есть, за выражения и за то, что я обнаружила вас в женской душевой. Дальнейшее — каким окажется ваше будущее в Академии, и есть ли оно у вас, мы решим у меня в кабинете. Если хотите снизить шансы на продолжение обучения, продолжайте пререкаться. Если нет — жду вас у себя.

Она развернулась и вышла, уводя за собой Женевьев и толпу желающих узнать чем дело кончилось одним емким:

— Все идут по своим делам.

Так емко и оптом всех послать — это круто. Я ее даже зауважала.

— Твоего ж Лозантира! — процедил Люциан. — Невидимость. Какая тварь...

— Лузанская, — вздохнула я, чувствуя себя на удивление спокойно.

Мне, наверное, полагалось бегать по душевой в истерике, но сейчас я чувствовала себя гораздо спокойнее, чем когда обнаружила, что вещей нет.

— Лузанская?

— Ну или кто-то из ее компании. Без разницы.

— Я должен был догадаться про это драхово заклинание!

— Как? У тебя есть хрустальный шар? — поинтересовалась я. — Я вот тоже не догадалась. Даже не подумала в эту сторону.

— Ты — другое дело. — Люциан накинул *Cubrire Silencial*. — Ты из другого мира. У тебя немагическое мышление.

— Ого, как завернул, — хмыкнула я. — Но оправдание смутное. За все время, что я здесь живу, и благодаря всем передрягам, в которые я попадала, мышление у меня уже должно было сформироваться перемагическое. Поэтому...

Я вздохнула.

— Иди давай. А то у Эстре там дым из ноздрей пойдет.

— Да мне без разницы, — он прислонился к стене. — Я тебя подожду.

— Люциан Драгон, немедленно покиньте женскую душевую! — раздалось ректорское из-за двери. — Не заставляйте меня ждать, мое терпение на исходе.

Мы переглянулись, и я повторила:

— Иди. Ты же не хочешь, чтобы оно у нее изошло. И потом она изошла на говно.

Люциан вскинул брови и усмехнулся:

— Классное выражение. Мне нравится.

Я не выдержала и улыбнулась:

— Только пиджак забери. А я пойду одеваться.

И правда нырнула туда, где только что пряталась. Вернула пиджак тем же способом, что и получила, и потянулась за полотенцем. Дождавшись, пока Люциан выйдет, подсушила волосы магией, оделась. И направилась в кабинет ректора на очередной разбор полетов.

Да, что ни говори, этот день определенно не стоило называть скучным.

Глава 33

— И вот я стою в кабинете Эстре. Она втирает мне про нравственность в Академии и про отработки, ну и прочую чепуху, что я в очередной раз пользуюсь своей безнаказанностью и положением. А я думаю, чем мне прикрыться, чтобы было не так заметно.

Сезар, до этого сидевший мрачный, как грозовая туча, все-таки не выдержал и захохотал. Хотя это было больше похоже на нервное, Люциан все равно усмехнулся, а после и сам присоединился. В его случае это точно было нервное. Хотя нет. Или да? перевозбуждение можно отнести к разряду нервов? Потому что одна, драх его задери, одна только мысль о том, что самая желанная в мире женщина стоит за перегородкой обнаженной, вызвала совершенно однозначную реакцию организма. Более чем однозначную.

Драх его знает, может, поэтому Эстре ему и не поверила.

Им. Им не поверила. Но он все равно не мог перестать думать об обнаженной Лене. О Лене в его в пиджаке на голое тело. А еще, несмотря на все назначенные взыскания, и еще одно — предстоящее от декана военного факультета, не мог перестать ржать.

Это тоже напоминало какое-то помешательство: как будто глотнул зелья безумия, и теперь просто не можешь остановиться. Каждый раз, когда казалось, что все вот-вот прекратится, смех внутри рождался по новой, и вырывался, и бурлил в крови. Вместе с тем самым перевозбуждением, да.

Разумеется, после выволочки у Эстре ни о каких занятиях драконьим не могло быть и речи, он сразу открыл портал сюда. А Лена, обычно любившая выставить его виноватым по поводу и без, даже слова ему ни сказала. В хорошем смысле. Она вообще на удивление легко это все восприняла, даже не стала возражать, когда их поставили вместе на одну отработку, чистить вольеры магических существ.

Эстре, похоже, тоже удивилась такому единодушию и особо не зверствовала. Правда, предупреждение словили оба: в следующий раз за такое отчисление, но даже мысль об этом сейчас не могла вывести Люциана из себя. Как и мысли об очередных интригах Лузанской. Да,

он должен был подумать про заклинание невидимости, а еще он должен был подумать о том, что не стоит ходить в женскую душевую.

Но тогда он не увидел бы Лену в своем пиджаке.

После этого все остальное как-то вообще теряло смысл и становилось маленьким и незначительным.

— М-да, — сказал Сезар, отсмеявшись.

Это тоже было здорово. Их новые отношения с братом, в которых Сезар не пытался ставить его на место с высоты своего положения, не был, что он позорит честь рода и не смотрел свысока. Люциану же больше не хотелось даже намекать на его происхождение, сейчас он вообще смутно представлял, как можно было быть таким идиотом и цеплять брата за то, что он такой, каким он родился.

— Это все, что ты можешь сказать? — весело поинтересовался Люциан.

— Знаешь, то, что я могу сказать еще, тебе не понравится.

— Если это о нравственности...

— О какой нравственности, Люциан?

Даже сейчас это не прозвучало так, что нравственность и Люциан — несовместимы.

— Тогда о чем?

— Эта девушка — женщина Валентайна Альгора.

Который не признал в ней другую.

Люциан прикусил язык, чтобы не ляпнуть это прямо при брате. Все-таки одно дело — сказать, что Софии дерьмово, и совсем другое — раскрыть ее самую большую тайну. Нет уж, пусть сами между собой разбираются, когда захочет, тогда и скажет.

— Мне плевать, — честно признался он.

Сезар, до этого момента расслабленно сидевший в кресле, подобрался и выпрямился.

— Это не то, что можно игнорировать, Люциан.

— Это можно игнорировать, если она его не любит.

— Ты в этом уверен?

— Я... — он хотел сказать, что уверен, но проблема в том, что уверен он не был. Если бы был, сгреб бы Лену в охапку прямо сейчас, и никакой Валентайн Альгор, никакой тэрн-арх Ферган не помешали бы им быть счастливыми.

— И отец, — Сезар словно мысли его читал. — Думаешь, он будет счастлив?

— На него мне тоже плевать.

— На него, конечно, можно плюнуть. Но если в тебя плюнет правящий дракон, главное не захлебнуться.

Люциан хмыкнул.

— Да, в этом что-то есть.

— В этом много что есть. Я за тебя беспокоюсь, в кои-то веки.

— В кои-то веки можешь за меня не беспокоиться. Я счастлив как никогда.

Сезар прищурился.

— Твоя Ленор... — Он тут же поправился: — Эта девушка очень опасна во всех смыслах. У нее темная магия...

— Никогда не думал, что это скажешь ты.

— Дослушай. Я не про темную магию. Я про политику. Думаешь, отец позволит тебе быть с ней? Так или иначе. Даже если она не любит Альгора, даже если отбросить его власть и влияние, просто подумай: каковы шансы у наследного тэрн-ара и девушки с темной магией?

— Примерно такие же, какие были у отца и твоей матери?

— Моя мать была драконессой. И ты сам знаешь, как все закончилось. Мы все знаем. По крайней мере, то, что нам рассказали. — Сезар сцепил пальцы, словно не представлял, куда девать руки. — Сейчас отец отвлекся на суету вокруг Анадоррских, но, когда это закончится, ты снова попадешь под прицел его пристального внимания. К тому моменту тебе лучше найти достойную партию самому, потому что иначе тебе ее подберет он.

Люциан усмехнулся.

— Достойную партию? Мне не нужна другая женщина.

— Очень на тебя похоже, но я думал, ты повзрослел. И прекрасно понимаешь, что наследный тэрн-ар выбирать не может.

— Во-первых, от трона я отказался. Во-вторых, взрослость заключается как раз в том, чтобы выбирать самому.

Сезар покачал головой.

— Ты меня не слышишь.

— Или ты меня. Я сказал, что готов жениться только на Лен... ор.

— Прямо сейчас? — Сезар усмехнулся.

Вот это уже было больше похоже на привычное превосходство!

— Может, и прямо сейчас, — начал заводиться Люциан. — Как только она скажет да.

— Скажет да — и ты получишь себе в жены незнакомку. Что ты вообще знаешь о Ленор Ларо?

— Больше, чем ты можешь себе представить. — Он чуть не сказал: «Больше, чем ты знаешь о своей жене», но сдержался. Рушить то, что еще даже не достроено толком — не самый лучший ход.

— Я тоже думал, что знаю Софию. Но совсем недавно эта женщина посмотрела мне прямо в глаза и сказала, что хочет убить моего ребенка.

— Убить? — ошалело переспросил Люциан. Ему бы и в голову не пришло, что Соня на такое способна. По крайней мере, та девушка, которую он знал.

— Убить, — подтвердил Сезар. — К счастью, после разговора с Ленор она передумала. Уж не знаю, что она ей сказала, но до этого... никогда еще я не был так близок к тому, чтобы запереть эту женщину. Посадить ее под замок до дня рождения моего ребенка, и больше никогда с ней не видаться и не разговаривать.

Сезар замолчал, и Люциан молчал тоже. Какое-то время. Он мало что понимал в детях, да и с отношениями у него самого не то чтобы складывалось. Долгое время он просто-напросто считал, что ему это не нужно. Ну будет куча любовниц, навязанная папаней жена, как положено, как они только что говорили с Сезаром, а отношения — ну их к Лозантиру, серьезно. Что он там забыл, в этих отношениях?

Потом появилась Лена, и все это надуманное стало трещать по швам. Сначала расхотелось просто трахать абы кого, потом — смотреть на других, потом она вообще стала его наваждением. Что самое смешное, в то время это наваждение было достаточно близко к определению Лены, она была ему нужна, потому что он ее хотел. Хотел, но не мог получить. Когда все изменилось? Люциан точно не знал, да и особо закапываться в это не хотел тоже.

Прошлое пусть остается в прошлом, главное — то, что происходит сейчас, в настоящем. А еще (Люциан очень хотел в это верить), что у них есть будущее. По крайней мере, сегодня Лена его уже не отталкивала. Не пыталась обвинить во всем, что произошло. И ни слова не сказала про лозантирова Валентайна, который раньше постоянно фигурировал в их диалогах. Постоянно стоял между ними.

Что касается Сезара, у него с Соней все гораздо сложнее. В их отношениях нет третьего, но лучше бы был. Потому что между ним и его женой стоит нечто гораздо более монументальное, чем самый архимагический архимаг Даррании, чтоб его Адергайн назад забрал без права возвращения.

— Это не только твой ребенок, Сезар, — негромко произнес он.
— Ее тоже. Она собиралась убить не только твоего ребенка, но и своего.

— Если она считает так же, она еще большее чудовище, чем я думал.

— Точно так же она думает о тебе.

Сезар вздрогнул, как от удара. Медленно перевел на него тяжелеющий взгляд.

— Не сравнивай, будь так добр. Я совершил страшную ошибку, и я просил за нее прощения. Неоднократно. Готов был все искупить...

— Она тоже.

— Что? — раздраженно переспросил брат.

— Она тоже совершила ошибку. Когда сказала тебе те слова. Не думаю, что она сказала это серьезно...

— Поверь, она была очень серьезна, — Сезар его перебил. — И очень решительно настроена.

— На эмоциях. В расстроенных чувствах. После случившегося ты точно должен был ее понять.

— Мне надо привыкнуть к тому, что случившимся мне будут тыкать в лицо до конца дней абсолютно все?

— Не в моем случае, — Люциан покачал головой. — Я сказал, что тебе может быть проще ее понять, потому что ты сам совершил ошибку. Знаешь, очень легко любить прекрасный недостижимый образ, который ты сам себе создал. Гораздо сложнее — живого, несовершенного человека или дракона. Живую женщину. Со всеми ее косяками, со всеми недостатками. С идиотским желанием зацепить побольнее, нарочным или случайным. А главное — ей это всегда удается...

Люциан осекся, потому что понял, что давно уже говорит не про брата и его жену. Ну да и ладно. Плевать.

— Ты считаешь, что я понятия не имею, что будет сложно. Если у нас с Ленор получится что-то. Если мы станем парой. По-настоящему.

— Само осознание этого отозвалось внутри каким-то новым, истинным, глубоким чувством. — Но я как раз понимаю. Я не тешу себя надеждой, что отец примет этот брак, или что Альгор отступится от нее по-хорошему, но на них мне плевать. Даже это не главное, я понимаю, что между нами никогда не будет все гладко, потому что мы оба те еще... в общем, характеры у нас драховы. Прежде чем мы научимся хотя бы не делать больно друг другу, пройдет время. Не представляю, сколько. Но я понимаю, что лучше так, чем без нее. Я готов на все это. Вместе с ней. А на что ты готов ради своей жены, Сезар?

Брат молчал долго. Очень долго. Потом потянулся за ранхом, который уже наверняка остыл: слуги разлили его по чашкам достаточно давно. В последний момент передумал, просто коснулся блюдца пальцами и отодвинул его от себя.

— Когда-то я думал, что на все.

— Так что изменилось сейчас?

Вопрос остался без ответа, но ответа Люциан и не ждал. Только Сезару решать, какими он видит отношения с Софией, и видит ли. Если Люциан что и понял во время этой беседы, так это то, что Лена для него навсегда. Неважно, сколько ей потребуется времени, чтобы его простить, неважно, сколько ему потребуется времени просто быть рядом, чтобы она снова его к себе подпустила. Потому что любая мысль о том, как может быть вместе с ней, рождала внутри какое-то глубокое ощущение истинности.

В прошлом драконы находили своих эрими — так называли идеальную пару, притяжение с которой шло на уровне каждой клеточки тела и сердца. Лена не была драконессой, но это не имело никакого значения. Она была в каждой его минуте, в каждом вздохе, в каждом принятом им решении. Если она не видит этого сейчас, увидит потом.

Люциан посмотрел за окно, где осенний вечер по-прежнему не собирался становиться осенним и дышал жаром в распахнутые створки.

Когда-нибудь он подарит ей целый мир.

Когда-нибудь она его примет.

Из его рук.

От него.

И все, что было до, уже не будет иметь никакого значения.

Лена

— Нахрена они вообще нужны, эти мужчины! — раздраженно выдала Соня, когда я рассказала ей о том, что произошло. — От них одни проблемы: у кого серьезные, у кого не очень.

— Вообще-то, Люциан меня защищал, — докатились, я защищаю Люциана. — То есть дал мне одежду.

— Или просто нашел повод позалипать на твои ноги!

Я поразились тому, сколько злости прозвучало в ее словах, но на этом Соня не остановилась:

— С еще большим удовольствием он бы позалипал на что-нибудь другое. Но увы, такого случая не представилось.

— Так, стоп, — я выставила вперед руки. — Что-то произошло?

— Произошло! — рявкнула Соня. — Я беременна! От насильника.

— Ты за этого насильника замуж вышла, — напомнила я.

— Чтобы спасти тебя! В отличие от твоего Люциана и Валентайна, совершенно бескорыстно!

Она даже в подлокотники кресел вцепилась, и тонкая длинная шаль, которую Соня накинула поверх летнего платья, сползла с ее плеч.

— Сонь, я понимаю, что тебе тяжело, но, по-моему, это уже перебор, — ответила я. Поскольку кресло в ее спальне было одно, а из спальни выходить подруга сегодня категорически не желала, я устроилась на кушетке в изножье ее кровати. Такой, как с картин, кремово-полосатенькой, с резными ножками орехового цвета.

В ответ на мои слова Соня поморщилась.

— Перебор — это оказаться в этом мире, Лена! Я его ненавижу! Ненавижу всей душой эту Дарранию! Этих драконов! Я домой хочу! К маме!

У нас не будет другого дома. Больше не будет. Я не сказала этого, вовремя прикусив язык. Зато сказала другое:

— Этот мир теперь тоже наш дом, Соня.

— Твой — может быть! Ты всегда быстро адаптировалась. Но не для меня.

— Что значит — я всегда быстро адаптировалась?

— Ничего, — Соня махнула рукой и уставилась в окно.

Как бы мне ни хотелось выяснить, что она имела в виду, я поняла, что сейчас лучше ни о чем больше не спрашивать. Потому что все шло к тому, что мы опять поругаемся, а я этого не хотела. В конце концов, все ее злые слова можно понять. Не считая того, что она беременна (точнее, того, как это произошло), она еще и беременна! А это гормоны, перепады настроения, токсикоз... такое даже в привычном мире не всегда легко вынести, что уж говорить о чужом. Даже с любимым мужчиной, а у них с Сезаром все трещит и разваливается и, того и гляди, рванет. Жить как на уснувшем вулкане каждый день — такое даже не для беременной испытание.

Я поднялась с кушетки, приблизилась к ней, остановилась рядом:

— Хочешь — пойдем погуляем? Смотри, какая погода хорошая.

— Не хочу. Мне сначала надо отвлечься, а то опять заведушь. Лучше расскажи, как дела в Академии.

— Не считая того, что Клава строит козни, все в порядке вещей. Хотя то, что Клава строит козни — это тоже в порядке вещей, — я подошла к окну и с наслаждением высунулась по пояс, вдыхая напоенный кислородом воздух. Здесь не было яблок, но были фрукты, похожие на помесь айвы с грушей, и от них был свой невероятный, дурманящий запах, который я тоже вдохнула полной грудью. Может быть, Даррания для Сони чужая, но не для меня. Я это поняла еще задолго до того, как узнала, кто я на самом деле.

Для полного счастья мне не хватало только Сони, и, когда я узнала, что она здесь, рядом со мной, наверное, тогда я окончательно приняла свой факт межмирового переезда.

Обернувшись, улыбнулась подруге:

— У вас такой красивый парк!

— Да, ничего, — отмахнулась она и снова скисла.

— О, забыла сказать. Мы едем на алтарь Горрахоны.

— Когда?

— Через пару дней. Экскурсия на весь день, будет Оллихард и кураторы из преподов. То есть из магистров, — я фыркнула. — Первокурсники тоже с нами пойдут, чтобы по десять раз не бегать.

— Я только со следующей недели вернусь в Академию, — Соня пожала плечами. — Расскажешь, что там и как?

— Да, думаю, ничего особенного. Полюбujemyся на старинную жертвенную каменюку, Оллихард понагнетает, посмотрит на меня как обычно — как будто это я ее там установила, и на этом все закончится.

Мне все-таки удалось ее рассмешить, Соня улыбнулась.

— Когда он на тебя так посмотрит, сделай: «Бу!» И проверни какой-нибудь трюк с темной магией.

— Нет, спасибо, я еще хочу учиться. Потому что если меня не отчислят сразу же, Оллихарду я уже ничего не сдам.

— Есть еще вероятность, что он помрет от сердечного приступа. Тогда не только тебе ничего сдавать не придется, но и всю Академию спасешь от этого вредного старикана.

— Тогда меня еще и посадят, — поддержала черный юмор подруги.

— Ничего. Валентайн тебя отмажет, — в ее голосе звучал такой сарказм, что я поспешила сменить тему.

— Мне пока не удалось с ним поговорить, — я потерла ладони друг о друга и, подтянувшись, села на подоконник. Теперь ветерок подхватывал мои волосы и грозил засунуть мне их в рот, но я все-таки продолжила: — Обязательно поговорю, как только буду готова. Не думай, что я спущу эту тему на тормоза, Сонь, я обещала, и маму ты увидишь. Обязательно.

Она наигранно-равнодушно вскинула брови. Хотя в этом показном равнодушии было столько чувств, что сказали они гораздо больше, чем любые слова.

Спрыгнув, я снова приблизилась к ней, взяла ее руки в свои:

— Ты мне веришь?

— Тебе — да. Ему — нет.

Да что ж такое-то, а!

— Ну почему, Сонь?

— Потому что ты слишком на него надеешься, — подруга отняла руки, подтянула шаль повыше и закуталась в нее. — Хотя обладаешь не меньшей силой. В тебе такая же темная сила, Лена. Зачем тебе Валентайн, чтобы показать мне маму? Ты можешь сделать это сама!

Глава 34

После разговора с Соней настроение падает ниже плинтуса. Я прекрасно понимаю, что она права, я сама могу... да многое могу. Но моя Соня никогда не стала бы подвергать меня опасности, прекрасно представляя, на что способна темная магия, в кого она может меня превратить. У нее перед глазами живой пример, и этот живой пример она ненавидит всем сердцем, но все-таки она сказала то, что сказала. Я злюсь на нее из-за этого и на себя за то, что я — невольная пособница ее брака. Или как правильно сказать?

Причина. Причина, по которой она вышла замуж за Сезара. Чтобы спасти меня.

Но может, все-таки этот ритуал не так страшен? И я действительно смогу его провести?

— Дура ты, Лена. Твоей Соне на тебя плевать.

— Заткнись, — шиплю я, размыкая магический контур двери и шагая в комнату. Сейчас мне реально хочется эту Ленор прибить, но, как только я вижу сидящего на кровати Валентайна, про нее забываю тут же. И вопрос «What the fuck?!» — далеко не единственный, который крутится сейчас в голове.

— Я иду с вами к алтарю Горрахона, Лена, — произносит он, поднимаясь. — В официальном составе сопровождения от Академии меня нет, но я вызвался добровольцем. Надеюсь, ты понимаешь, почему. И еще я хотел, чтобы ты узнала об этом от меня.

— Для этого ты вломился в мою комнату? — спрашиваю я. — Виритты уже нет, не работают?

— Я вломился в твою комнату, потому что хотел с тобой поговорить лично.

— И потому что можешь! — Я хлопаю в ладоши, а он набрасывает заклинание тишины. — Ты же у нас через Загранье ходишь, знаешь все ходы и выходы, и вообще тебе плевать, что у меня есть право на неприкосновенность.

— Ты так волнуешься, потому что к тебе должен прийти Люциан, Лена?

Его глаза сужаются, а у моя челюсть (явно для баланса) тянется к полу, делая мой рот похожим на букву «О».

— Ах, ну да. Как я могла забыть. Скандал дня в Академии.

— Мне плевать на скандалы дня, вечера и ночи, — он приближается ко мне так быстро, что мои глаза едва улавливают это движение, — но я как минимум заслужил объяснений.

— Вообще-то нет. Ты спал с Ленор. — Я складываю руки на груди. — Но если тебе интересно мое мнение, а не Эстре, это была подстава. Меня хотели выставить идиоткой те, кто ими являются на самом деле, и им это удалось. Знаешь, в чем причина наших с тобой недопониманий, Валентайн? В том, что ты не веришь в меня, не знаешь меня и узнавать не хочешь. Так вот, для той, с кем ты спал, может и в порядке вещей прыгать из постели в постель, но не для меня.

Я выдаю это все на одном дыхании, а потом указываю на дверь.

— Уходи. Хотя можешь опять лифтом Загранья воспользоваться. Или порталом. Мне уже плевать!

— Ты говоришь со мной так, будто я тебе чужой.

— А ты и есть чужой! — кричу я, мигом растеряв все остатки самообладания. — Только чужой мог два месяца не замечать, что рядом с ним другая! Мне плевать, что она на меня похожа, мне плевать, что я должна войти в положение всех, кто рядом со мной, потому что у них обстоятельства, а у меня — нет. Да у меня тоже обстоятельства! Ты хоть представляешь, что я чувствовала, когда вы с ней... я...

— Aerdmerr Naerr Mester Eindorr. — Заклинание ударяет в меня и пластом ложится поверх сознания. Пластом или тонкой пленкой тумана. Она растекается по моим мыслям, по моим чувствам, словно ослабляя их и меня вместе с ними. Ноги становятся ватными, Валентайн подхватывает меня на руки и укладывает на постель. Сквозь всю эту облачную вату я еще пытаюсь что-то сказать, и получается примерно следующее:

— Чт... ты с мн... сд... л...

— Прости, Лена. По-другому я не могу. Не могу тебя потерять, — Валентайн словно говорит это снаружи, но он говорит это внутри. Он будто в моих мыслях, вплетается в них, в каждую из них и начинает перебирать, как будто я — мешочек с соломкой, и он эти соломинки

отделяет одну за другой. Пока не находит то, что нужно, два месяца с Ленор. Все эти мысли, все эти чувства. — Ты забудешь о том, что произошло, завтра ты проснешься с мыслью, что переехала сюда, чтобы быть поближе к друзьям. Ты будешь помнить, как волшебны мы с тобой провели эти два месяца.

Я, наверное, под какой-то темной анестезией, потому что вместо дикой боли от происходящего чувствую только легкую слабость, а еще — вижу, как воспоминания начинают меняться. Такого не может быть, но они в самом деле начинают меняться! Одно за другим, и в них неожиданно возникает жаркий, чувственный секс на остывшем к ночи песке на Эллейских островах. Эти воспоминания настолько яркие, что я даже сейчас чувствую, как сводит низ живота, сладкой, тягучей, острой сладостью.

А дальше — калейдоскоп, в котором я попросту теряюсь. Столько картинок наших совместных мгновений, такое уютное лето, что я уже не понимаю, что вообще происходит. Почему я почти потеряла сознание, что со мной? Почему я не дома, в нашей общей спальне.

— Мы вместе искали способ разделить тебя и Ленор, и мы его нашли, — говорит Валентайн. — И мы сделаем это в ближайшее время.

Это немного выдергивает из сладкой ваты полузабытья. Я пытаюсь ухватиться за что-то важное, но его нет. Оно теряется, растворяется, тает, и в этой тающей дымке я вижу только лицо Валентайна. Близко-близко.

— Я люблю тебя, Лена, — говорит он. — Ты — моя жизнь. И после путешествия на алтарь Горрахона ты захочешь вернуться домой.

— Но почему не сейчас? — Я правда не понимаю, почему не могу сейчас вернуться домой. Мне так его не хватает, и разрывать эту близость не хочется. Совсем.

В ответ Валентайн почему-то плотно сжимает губы, его лицо искажается. Но вместо ответа я чувствую лишь мягкое скольжение по щеке. Тыльная сторона сильной мужской ладони и такая короткая ласка. А после приказ:

— Спи.

Глаза закрываются сами собой, я соскальзываю в темноту. В такую уютную, блаженную темноту, в которой мне невыносимо легко и спокойно.

— Сидишь? — поинтересовался призрачный мясник, выныривая в его кабинет прямо из Загранья. — Вот и сиди. Нашел кого с Ленкой перепутать...

Валентайн вскинул руку, даже не поднимая головы, и магия оставила подпалину на стене его кабинета. Мясник же вынырнул рядом, клацнув зубами: совсем скоро эта громадина перестанет помещаться в его кабинете. С другой стороны, совсем скоро он ему уже не понадобится.

— Обидчивый, да? — переспросил зверь, будто издеваясь. — Чего сразу магией-то пуляться?

Вот теперь Валентайн поднял голову. Посмотрел в горящие алым глаза.

— Ты узнал, что я просил?

Идея использовать этого Лениного «питомца», выражаясь словами из ее мира, пришла ему, когда тот рассказывал о творящемся в Мертвых землях. Возможность путешествовать по Загранью, как дышать — для мясника это в самом деле как легкая прогулка по улицам — чем не идеальное средство для сбора информации?

Лена такое не одобрила бы, но ей об этом знать вовсе не обязательно. Валентайн посмотрел на свои руки, вспоминая, как касался ее в комнате в Академии. Пальцы почти ломило от желания продолжить эти прикосновения. Просто взять ее там, невзирая на обстоятельства. Но ничего. Скоро она придет сама.

Подмена воспоминаний — опасное заклинание, чем больший временной отрезок приходится подменять — тем опаснее, но два месяца — это не страшно. С ее Соней оказалось еще проще: сразу после Лены он отправился к ней. Сезар, разумеется, поверил в то, что Ленор просила его поговорить с подругой на тему темной магии, и, когда он выходил от нее, Соня уже не помнила об их с Леной ссоре ровным счетом ничего. Она тоже спала. Погружение в сон — обязательный итог такого заклинания, чтобы сознание не поломалось о перестройку памяти.

До Сони пришлось еще поговорить с Ленор. Она, в отличие от Лены, не заснула, и вытащить ее на поверхность оказалось легко.

— Хочешь жить — будешь молчать, — сообщил Валентайн. Коротко. Говорить с этой тварью не хотелось вообще, но если просто ее убрать, выдрать из их общего сознания, он мог навредить Лене. То,

что устроила Эвиль, было не изучено, а рисковать любимой женщиной он не хотел. — Я найду способ развести вас по разным телам, и ты получишь свою жизнь.

— Я хочу Люциана.

— Что? — переспросил он, не поверив своим ушам.

— Я хочу Люциана, — упрямо повторила девчонка. — Помоги мне его получить, и я буду молчать. Наверняка в темной магии есть какое-то заклинание подчинения... привязки. Я хочу, чтобы ты дал его мне. Хочу, чтобы он забыл Лену и любил только меня.

В каком-то смысле эта Ленор оказалась не промах. Не сотвори она все то, что уже сотворила, Валентайн даже ей восхитился бы. Не сейчас.

— Ты будешь молчать просто так, — почти ласково произнес он. — Или я тебя выжгу. Потом подчищу Лене память по поводу тебя, и все у нас будет хорошо. Мы договорились?

Как в этой девице сочетались трусоватость и напор, он до сих пор не понимал. Потому что Ленор мгновенно сдулась, но все же добавила:

— Подумай сам. Тебе это будет выгодно, Валентайн.

— С чего бы?

— С того, что я любила Люциана еще до того, как твоя Лена... в общем, до того, как часть меня вернулась в это тело. И это тело реагирует на него соответственно. Биохимия и все такое. Рано или поздно Лена не устоит, а тебе это нужно?

Как можно смотреть на желанную женщину и испытывать такое? Невероятное, бесконечное, темное чувство схватить ее за волосы, трахать до потери сознания. До боли, до прокушенных губ, до криков. Чтобы и думать забыла о том, что есть другие. Особенно этот недоделанный потомок Фергана, который даже ответственность за свою страну взять на себя не может.

Только усилием воли он заставил себя вспомнить, что сейчас перед ним Ленор.

Лена спит.

И скоро она опять будет его.

— Будешь хорошо себя вести, я подумаю, — холодно подытожил он. Пусть у девчонки будет надежда. И дополнительный стимул молчать.

— Узнал, — из воспоминаний его выдернул Дракуленок. Это имя своему монстру придумала Лена, и периодически Валентайн тоже называл его так. — Сам понимаешь, близко подобраться к твоему отцу или к его сестре невозможно, они чувствуют Загранье как свою жопу перед поносом. Но кое-что все же удалось узнать, через тех, кто послабее. Новость номер один, которую все обсуждают в Мертвых землях — так это то, что Тэйрен Ниихтарн стала игрушкой Хааргрена Файтхарда. Пыталась сбежать, и Адергайн отдал ее ему в наказание. Второе — он напитывает силой земли у границы, рядом с гарнизоном. Видимо, в самом деле готовит что-то, там уже пошли прорывы Загранья, и кое-что лезет оттуда... сам понимаешь.

Валентайн постучал пальцами по столу. Информация, конечно, была интересная, но совсем не та, которую он ожидал. Точнее, не та, которая его волновала. Во-первых, никакой связи с Хитаром и потенциальным помощником Адергайна в Даррании. Во-вторых...

— Ни слова о Лене?

— Ни слова, — подтвердил Дракуленок. — К сожалению. Я облазил все, что смог. Все, где меня не почувствовали бы, но Лена, видимо, величайший секрет твоего папаши. Что он насчет нее задумал, не представляю. Явно ничего хорошего. Может, его проще сразу убить?

— Если бы его было проще сразу убить, я бы убил.

Валентайн произнес это, не задумываясь. Любую угрозу Лене, их отношениям, он устранил бы сразу, но его отец — не тот, от кого так просто избавиться. Многие хотели, многие пробовали. После того как Адергайн пришел к власти. Где они все?

— Про меня тоже не говорят?

— Не говорят. Такое ощущение, что тебя не существует, — Дракуленок демонстративно зевнул. — Ты уж прости, если я порушил твое чувство собственной важности, но либо ты как Лена проходишь под грифом «секретно», либо о тебе все давно забыли.

Валентайн хмыкнул.

Похоже, их сотрудничество с этим зверем подошло к концу. Ничего нового он не скажет, разве что принесет какие-то вести из ближайших земель — о том, что тьма становится сильнее, но это все известно и без него. Что там отец задумал по поводу границы, он тоже

точнее узнать не сможет. Все военачальники Адергайна сильные, они почувствуют присутствие или попытку «послушать». Поэтому...

— На этом все, — произнес он.

— Не помирились, что ли? — поинтересовался мясник. — Так это правильно. За девушкой ухаживать нужно, прощения просить, а не напирать на то, что ты не при делах. Или что ты там тогда сказанул...

— Ты меня слушал? — вкрадчиво поинтересовался Валентайн.

Он плохо помнил момент, что произошло, когда он узнал о Ленор. Помнил только, что все силы ушли на контроль, а еще — что он вышвырнул этого мерзавца в Заграницу и полностью сосредоточился на Лене. Не чувствуя ничего, никого, даже себя.

— Ну... я... ты переживал там. Я понял, что не могу уйти, а вдруг Ленку защищать придется?

— От меня? — свой голос Валентайн не узнал.

— От тебя, — не спасовал зверь. — Ты уж прости, но ты у нас не невинный барашек... или как там это у них говорят... Агнец, во! Что бы она делала, если бы тебя переклинило?

— Я. Никогда. Не. Причину. Ей. Вреда.

— Точно? — прищурилась призрачная махина. — Потому что сейчас от тебя фонит тьмой, как от Мертвых земель. Сильнее, чем в тех местах у гарнизона.

— В этот дом ты больше не попадешь. — Валентайн поднялся из-за стола. — Никогда. На Лену я поставлю защиту — попытаешься к ней подойти, и тебя развеет до частицы твоих призрачных костей. Ты меня понял? А впрочем, без разницы.

Разорвавшееся пространство втянуло зверя быстрее, чем тот успел рыкнуть или моргнуть, даже хваленая убийственная молниеносность призрачных мясников не сработала. Запечатывая рану пространства, потекло заклинание, запрещающее мяснику появляться здесь. Следом Валентайн почти сразу снова шагнул к Лене.

Сейчас они обе спали, она и Ленор, но, глядя на хрупкую светловолосую девушку, он видел только ее. Он всегда видел только ее, неужели она этого не понимает? Он никогда не трахал Ленор Ларо. Он всегда был только с ней.

Прикрыв глаза, Валентайн произнес несколько слов заклинания, и черная паутина окутала ее с ног до головы. Это было сильнее сети Грехмира, и защищало оно от нападения тварей Заграницы. Любое

приближение мясника развеет его на частицы быстрее, чем он успеет это понять, и если этот Дракуленок не тупой, он к ней никогда не сунется. А если тупой...

Валентайн не удержался. Снова коснулся лица спящей Лены, впитывая это прикосновение, как нечто бесконечно бесценное.

— Я люблю тебя, — произнес он слова, которые всегда считал странными, глупыми, несуразными. Пустыми. До встречи с ней он не думал, что когда-то их произнесет. — Я люблю тебя, Лена, и буду любить всегда.

Через Загранье Валентайн вернулся обратно, в свой кабинет. Никогда он не чувствовал себя настолько сильным. Никогда раньше не ощущал, что мир буквально лежит у его ног.

Глава 35

День поездки к алтарю Горрахона опять начинается с дикой головной боли. У меня так теперь каждое утро, и я не могу понять, с чего. Магистр Симран сказал, что у меня все хорошо. Точнее, должно быть все хорошо, но я просыпаюсь с ощущением, что в виски ввинчивают два шурупа. Один слева, другой справа. Ближе к обеду это проходит, постепенно ослабевая, но такие вот мигрени, конечно, которые даже академический целитель распознать не может, совсем не радуют. В результате мне просто выписали зелье, которое тоже совершенно не помогает.

Соня ждет от меня решения по поводу встречи с мамой, а я понятия не имею, что ей сказать. С Валентайном как-то не удалось нормально поговорить, он все время занят, я надеюсь, на выходных мы наконец-то найдем время друг для друга. Понятия не имею, с чего мне вообще в голову пришло переезжать в Академию, как будто с друзьями нельзя просто так общаться. Ну да ладно.

К назначенному времени я собираюсь: надеваю блузку, жилет и брюки и выхожу. Понимаю, что брюки в Даррании произведут фурор, но ничего не могу с собой поделывать. В конце концов, на экскурсию всем разрешили свободную форму одежды, а бегать по полям в юбке — не совсем мое. Точнее, совсем не мое. Так что пусть смотрят и удивляются, разом больше, разом меньше. Клава опять найдет повод изойти ядом, может, отравится наконец.

Внизу, перед главным входом в Академию уже толпятся те, кто пришел первыми. И наш курс, и первокурсники — возбужденные лица, возбужденные голоса. Эту поездку явно ждут, предвкушают: что ни говори, а при всей ее «ужасности» темная магия и история Эрда продолжает будоражить и пробуждать любопытство. Оглядевшись, я понимаю, что ни Макса, ни Ярда, ни Алины нет, и отхожу в сторонку, потому что от громких обсуждений голова начинает болеть еще сильнее.

По мне действительно возюкают взглядами, но я усаживаюсь на ближайшую скамеечку в парке и делаю вид, что я параллелограмм. В такие моменты мне тоже хочется домой, как и Соне — хотя теперь я

знаю, что мой дом здесь, так или иначе, вспоминаю наши уютные посиделки на школьном дворе перед экскурсиями. А еще вспоминаю, как мы гуляли, шли по парку Трехсотлетия, было на удивление жарко, я тащила бутылку с водой, полтора литра. Напиться не могла просто, пусть даже временами казалось, что я превращаюсь в аквариум. Соня тогда смеялась и, каждый раз, когда я прикладывалась к стремительно пустеющей бутылке, говорила:

— Пей Лена, пей.

Будет ли между нами когда-нибудь все как прежде?

На этой мысли голова опять взорвалась болью, и я, сжав зубы, сдавила виски. Как раз в тот момент, когда рядом нарисовался Люциан, успевший только взглянуть мне в лицо и тут же нахмуриться.

— Что случилось?

— Голова разваливается на две части. — Что неудивительно, нас же там двое. Может, я отпочковываюсь от Ленор, поэтому так себя чувствую?

— Давай посмотрю.

— Магистр Симран уже смотре... — начала было я, но пальцы Драгона уже легли на виски. Такие приятно прохладные, в противовес горячей пульсации внутри моей черепушки. Сопротивляться этому совершенно не хотелось, пусть это и было неправильно. Неправильно — потому что прикосновение удивительным образом сняло часть неприятных ощущений, как если бы я на машине времени скакнула часа на два вперед. А еще от его пальцев по коже побежали мурашки. Совершенно непрошенные, равно как и все, что сейчас происходило.

— Л, — глухо вытолкнула я последнюю букву, а Люциан нахмурился еще сильнее.

— Ничего не понимаю. С контурами все нормально.

— Вот и Симран тоже ничего не понял. — Голос продолжал «хрипеть», как неисправный радиоприемник времен Советского Союза. На такую экскурсию мы как раз ходили в школе, смотрели на раритеты из прошлого, а заодно слушали, как оно работало.

— Подожди, — Люциан нахмурился еще сильнее. — Просто закрой глаза. Расслабься.

Легко ему сказать — расслабься. Я вообще-то в теле Ленор, которое ненормально на него реагирует. Особенно когда он вот так склоняется надо мной и осторожно, но сильно, надавливает

подушечками пальцев на вдвойне чувствительную от боли кожу. Мягкое скольжение отвлекало от этой самой боли, а разливающееся по телу тепло снимало озноб, которым сопровождалась мигрень. Такое странное, удивительно уютное чувство невольно побуждало закрыть глаза, что я и сделала.

Тепло потекло по вискам, словно окутывая источники боли, которая, к моему удивлению, начала затихать. Все быстрее, быстрее и быстрее. Мгновение — и я уже нормальный человек (насколько это определение применимо в моем случае) без желания поморщиться всякий раз, когда кто-то слишком громко разговаривает.

— С телом все в порядке, — произнес Люциан, и я широко распахнула глаза. — Симран просто не стал смотреть глубже. Двойка ему, выражаясь на языке твоего мира. В сознании происходит какая-то ломка, будто оно выплавляется заново. Это гораздо более тонкое воздействие, но проявилось вот так.

Теперь благодаря Ленор у меня еще и голова болит. Супер!

— Ничего удивительного, я девушка два в одном.

Люциан хмыкнул, а потом выпрямился. Пришлось задрать голову, чтобы на него посмотреть. Он как раз стоял в свете солнца и закрывал собой светящийся диск, и что-то внутри меня тоненько отозвалось на этот образ. Нарисовать бы...

Все, точно Ленор побеждает.

— Повториться не должно, — произнес он. — Я немного сгладил воздействие на тело, но если вдруг — сразу говори.

Драгон смотрел на меня. Прямо, в упор, и от плещущегося в его глазах золота на пальцах снова загорелось желание взять в руки кисть. Подавив короткое наваждение, я пробормотала:

— Спасибо, — и устремила взгляд в сторону собравшихся адептов. Там, по ходу, уже набежали все, потому что Макса я увидела сразу. Он предсказуемо зависал с Алиной и помахал мне рукой. Ярд тоже стоял рядом с ними, и, хотя с девушкой брата они сочетались плохо, сегодня она явно была в духе и благоволила всему происходящему.

— Нам лучше пойти к ним, — сказала я, поднимаясь.

— Все равно никуда не опоздаем, — Люциан пожал плечами. — Магистры задерживаются. Все как один.

И правда: Оллихарда не было, остальных тоже. Не говоря уже о Валентайне, который вчера собирался прийти пораньше.

Оставаться рядом с Люцианом наедине все равно было неловко. Даже несмотря на наши занятия драконьим. Даже несмотря на то, что я должна бы к этому всему уже привыкнуть и перестать реагировать, поэтому я резко его обошла. Но не ушла, Драгон перехватил меня за руку.

— Сбегаешь?

— Не начинай.

— Почему нет? — его голос тоже прозвучал хрипло, а от пальцев принца по запястью словно потекла паутинка. Будоражащая такая. Проникающая под кожу.

Ну уж нет. Один раз я ему позволила это, больше такое не повторится.

— Потому что, Люциан. Потому что, — я с небывалым облегчением продемонстрировала виритту, которая полыхнула сообщением от Валентайна.

Прищур Люциана стал жестче, а я отняла руку и отошла в сторону, чтобы прочитать: «Срочное дело. Сегодня вечером заберу тебя из Академии».

Странно. Очень странно. Я была уверена, что Валентайн меня к этому алтарю одну не отпустит, учитывая, что у меня темная магия, и все происходящее. Хотя, разумеется, для меня это была самая обычная экскурсия, но у него свои заморочки на эту тему. Видимо, они прошли. Или он понял, что ничего страшного в том, что я туда схожу под присмотром преподав, нет.

Как бы там ни было, я обернулась в тот самый момент, когда во дворе появилась Женевьев и объявила, что произошла небольшая заминка, но магистр Оллихард и магистр Вьерд скоро появятся. При упоминании последнего она слегка поморщилась, а я даже не сразу поняла, кого она имела в виду. Когда поняла, поморщилась уже сама, потому что в нагрузку, то есть третьим надзирающим магистром, нам выдали Доброе утро.

Вот уж точно утро добрым не бывает!

— Пока ждем, послушайте меня внимательно, пожалуйста. — Женевьев коснулась значка-артефакта, усиливающего голос, на лацкане пиджака. К вящему удивлению всех, она тоже надела брюки.

Ну, то есть брючный костюм, не совсем классику из нашего мира, скорее, более удобный, но даже в нем и со стянутыми в хвост волосами она умудрялась смотреться элегантно.

Слава Женевьев Анадоррской! Теперь все перестанут пялиться на мою задницу в брюках. И правда, во все глаза смотрели уже на Женевьев, а она тем временем продолжила:

— Алтарь Горрахона находится на территории Даррании, но тем не менее в непосредственной близости от Харонсвилла и от Темных земель. От них нас будет отделять город и равнина Сигиба, которая славится своими пространственными аномалиями. Именно поэтому рядом с алтарем порталы открывать нельзя, они нестабильны, и мы не имеем ни малейшего понятия, где можем оказаться. Также на землях самой равнины известны случаи спонтанного переноса, когда человек или дракон просто делает шаг, а оказывается на огромном расстоянии от места, где только что находился. В коридоре, где мы будем идти, вокруг самого алтаря, такое не наблюдается, но именно по этой причине далеко отходить от группы или самостоятельно бродить по окрестностям запрещено. В целях вашей же безопасности. Тех, кто захочет это правило нарушить, предупреждаю сразу — мы будем назначать взыскания.

М-да? Тогда я буду идти строго по линеечке. Мне еще загоны чистить с Драгоном, начиная со следующей недели.

— Но есть и хорошие новости: места там незабываемо живописные, почти всегда пасмурно, часто бывают сухие грозы. Это тоже аномалия, которая возникла во времена Горрахона из-за того, что он творил. Зато это позволит лучше настроиться на экскурсию, и мы с вами сможем глубже погрузиться в атмосферу тех времен. Если есть вопросы, спрашивайте.

Вопросов не возникло, хотя некоторые девушки слегка побледнели. Одной из них оказалась Амира, которая как-то незаметно потянулась к Люциану. Точнее, к его компании: он стоял в окружении Невса, Лиллеи и Милли. Дас к ним не присоединился, бывший лучший друг Люциана о чем-то говорил с Аникатией.

— Готова к путешествию? — подошедший Макс хлопнул меня по плечу.

— Ага.

— О-о-о, я уже предвкушаю, — произнес Ярд, почему-то глядя на Женевьев.

Брат хрюкнул, но поинтересоваться, что же здесь происходит, мне в очередной раз не дали. Потому что явились магистр Оллихард и Доброе утро (совершенно недобро зыркнувший на меня), а после открыли портал.

— Выйдем в предместьях, — на сей раз скомандовал историк. — Пойдем вдоль леса. Полчаса — и мы на месте. По сторонам не разбредаться...

— Держать строй, — вздохнула я. Негромко. Потому что мне еще загоны чистить, да.

— Магистр Вьерд будет вас возглавлять, магистр Анадоррская будет идти по центру, я буду замыкать наше шествие.

— Зайду с тыла, — опять прокомментировала я.

Макс снова хрюкнул, а потом посмотрел на меня:

— Совсем не волнуешься?

— А должна? У нас же школь... тьфу, академическая экскурсия. Самое страшное, что там может случиться — я сдохну со скуки.

— Ой, не зна-аю, там же такое творилось, — Алина сделала большие глаза. — У меня сердце так колотится. Слышите?

Она плюхнула руку Макса себе на грудь, и у него тоже стали большие глаза. Правда, уже по другой причине. Я с трудом удержалась, чтобы не закатить свои. Потому что к нам присоединились Драгон с друзьями и Амира. Пока все обменивались приветствиями, я смотрела, как в портал уходят адепты, вслед за Добрым утром. Потом присоединилась Женевьев и пошла следующая партия, мы оказались в последней. Как я и сказала Соне, магистры нагнетали, потому что вышли мы в районе совершенно обычного леса. Здесь было уже за полдень, а еще, что интересно, ярко светило солнышко. Правда, впереди, туда, куда нам предстояло добратся, граница черных туч и черной земли выделялись и правда знаково.

— Ж-жуть, — пробормотала Алина, рассматривая пейзаж вдалеке. Пока еще он напоминал какую-то иллюзию, словно там картину для спецэффектов и съемок намалевали.

Хотя да, вынуждена признать, смотрелось это действительно жутко.

— Кто помнит, сколько убийств совершил Горрахон на одноименном алтаре? — раздался усиленный артефактом голос Оллихарда.

Я обернулась: портал за нами уже закрылся, вредный старикан топал бодро, с энтузиазмом вглядываясь в лица адептов.

— Более тысячи, — раздалось спереди.

Это была Аникатия.

— Правильно. Почему он выбрал именно алтарь, одно место, хотя мог убивать где угодно?

— Потому что ему нравились ритуалы, нравилось вести своих жертв к алтарю и видеть ужас в их глазах. А еще нравилось с ними беседовать, пока они шли, — дополнил информацию Дас.

Да, серийные маньяки — они во всех мирах такие. Одинаковые.

— Все верно. Этот ужас запечатлелся...

На последних словах я слегка «отлетела», потому что про алтарь Горрахона все знала, и очень хорошо, а погружаться в магистерские страшилки не было ни малейшего желания. Он рассказывал то, что я уже знала: про запечатленный ужас и смерть жертв, про то, что это сказалось на природе — ее там попросту нет, и в принципе на близости Загранья в этих местах.

Адепты притихли. Потому что чем дальше мы уходили от «места высадки», тем темнее становилось. Край туч все близился, близился и близился, как и черная полоса выжженной тьмой земли. У солнца словно яркость подкручивали, в меньшую сторону, ветерок, который трепал волосы, становился все слабее. И вот уже лес остался за спиной. Заросшая по обе стороны высокой травой тропинка врезалась в ту самую жуткую границу, и свет померк окончательно.

— Мамочки, — прошептала Амира и вцепилась в Люциана, как Алина в Макса.

Честно, я бы тоже, наверное, вцепилась в Валентайна, если бы он тут был, потому что мы стояли на границе Тьмы. По крайней мере, мне именно так показалось. Алтарь Горрахона пока еще казался маленьким, но даже отсюда было видно эту ритуальную каменюку. Вдалеке кусачими зубцами, пытались дотянуться до черно-песчаного неба развалины замка первого правителя Мертвых земель.

Вашу мать, как сказала бы я в нашем мире.

А еще я вдруг почувствовала тоненький, струящийся по позвоночнику холод. Совершенно противоположное чувство, манкое, тянущее, как на аркане — пойдём со мной, Лена. Пойдём со мной...

Я даже виски сдавила, чтобы избавиться от этого ощущения, но оно становилось сильнее, сильнее и сильнее. Словно уводя из реальности, в которой я просто пришла на экскурсию, затягивая, увлекая...

— Эй. Все хорошо? — Ладонь Люциана сжала мою, и я моргнула. Возвращаясь в реальность и к голосу магистра Оллихарда, который указывал на вспарывающую земли молнию. Гроза была не просто сухой, она была беззвучной, а препод вещал о том, что сейчас мы все получим возможность прикоснуться к камню и ощутить частицу того, что творилось здесь в темные времена.

— Хорошо, — мне невыносимо не хотелось отнимать руку, но я все-таки высвободила пальцы. Пошла за магистрами и остальными адептами.

Возможно, Валентайн был прав, и мне сюда... что? Опасно ходить? Но тогда он бы не отпустил меня одну из-за срочного дела. Каким бы срочным оно там ни было. Брось, Лена. Это просто твоя впечатлительность и болтовня Оллихарда. Не знаю, как Горрахон, но этот магистр точно любит беседовать со своими жертвами, то есть адептами. Прежде чем выпить из них кровь... тьфу, все соки.

Да и вообще, дело не только во мне. Оллихард еще на первом курсе рассказывал, что здесь, несмотря на то, что магия запаяла Загранье, для всех неживое ощущается на физическом уровне. Адепты и впрямь выглядели слегка беленькими: да уж, после такой экскурсии никакой экстрим не нужен. Кажется, среди всех собравшихся не было ни одного, кто не задавался бы вопросом: «Кой драх я не сказал(а), что у меня болит живот?»

Хотя ладно. Люциан шел спокойно. Сосредоточенный, но спокойный. Как будто для него это было в порядке вещей. Это после гарнизона? Или королевская сила так действует?

Поскольку с загадочным зовом меня отпустило, я просто смотрела по сторонам. Хотя здесь уже, по большому счету, смотреть было особо не на что. Алтарь торчал, как штырь, посреди иссушенной черной земли. Вдалеке в эту несчастную землю одна за другой беззвучно били молнии, с другой стороны, где тучи редели, начиналась темная травка

и пастбище. Там бродили местные шерстяные животные, нечто среднее между козой и овцой, сопровождал их пастух. Крохотные. Едва различимые. Я даже не представляла, сколько до них идти.

У алтаря с бурыми потеками, впитавшимися, кажется, на века и не пожелавшими менять цвет, все замерли.

— Кто хочет прикоснуться первым? — поинтересовался магистр Оллихард.

— Я.

Своим страхам надо смотреть в лицо.

— Почему я даже не удивлен? — пробормотал историк. — Прошу вас, адептка Ларо.

Адептка Ларо, чувствующая, что у нее слегка подгибаются колени, шагнула вперед.

— Прежде чем вы это сделаете, напомните, как закончил свою жизнь принц Коммелан?

А он точно не серийный маньяк? Кому еще нужно вскапывать такие подробности, пусть даже это исторический факт.

— Горрахон подчинил его сознание заклинанием, превратив в марионетку. Принц сам пришел с ним сюда, сам лег на алтарь. Где Горрахон вонзил ему в сердце клинок из меррьярской зачарованной стали. Выброс силы был таким, что словно остановил время в момент смерти Коммелана.

— Да, и все, что мы видим...

Я не стала дожидаться повторения пройденного. Просто положила руку на камень, которой посреди тишины, зазвеневшей в ушах, оказался внезапно горячим. Затем ледяным. Затем перед глазами потемнело, ладонь словно прошило молнией. А когда я открыла глаза, увидела лежащего на черной земле Люциана. Золотые, успевшие набрать силу крылья, были обломаны, на губах пузырилась кровь. Невидящие глаза уставились в черное небо, и в них таяли последние золотые искры.

Я бы заорала, но в легких неожиданно кончился воздух. Меня затрясло, причем весьма натурально, как если бы я схватилась за оголенный провод.

— Адептка Ларо! Адептка Ларо! — Меня и в самом деле трясли, и, широко распахнув глаза, я увидела над собой магистра Доброе утро. Весьма недовольного. Совершенно белых адептов. Даже Макс слегка

побледнел. — Мы, несомненно, высоко ценим ваши актерские таланты, но, если не хотите получить новое взыскание, отойдите от алтаря.

Я его даже расслышала. На задворках сознания.

Потому что перед глазами еще стояла увиденная картина. А в реальности лицо Люциана двигалось вперед-назад и расплывалось. От неожиданно хлынувших слез.

На меня продолжали пялиться. Только на этот раз уже не из-за того, что я надела штаны или чего-то подобного. Что вообще со мной произошло, когда я увидела это? Я тут затряслась, как фальшивая гадалка-экстрасенс на связи с духами, или что? И что я вообще увидела?

— Актриса, — комментирует Клава, и я прихожу в себя.

Шарахаюсь в сторону, отворачиваюсь, вытирая слезы тыльными сторонами ладоней. Меня продолжает трясти, но внутри, и я отхожу подальше от толпы, насколько это возможно. Меня тут же окружают Макс, Ярд, а еще я вижу идущего к нам Драгона.

— Ленор, это что было? Ты реально решила всех напугать? — интересуется друг.

— Да, шутка не очень, — соглашается Макс.

— Это не шутка. — Люциан оттесняет их всех, приближаясь ко мне, а я вообще на него смотреть не могу. Потому что все еще вижу этот кошмар, и от одной только мысли об этом все переворачивается. Чем меня там накрыло?! Что это?!

— Дайте нам поговорить, — командует Драгон, и брат с Ярдом смотрят сначала на него, потом на меня. Потом опять на него.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Я не уверена! — выдаю я, но кто бы меня слушал.

Парни отходят, и мы остаемся один на один.

— Что там произошло?

Он смотрит в упор, серьезно, а еще очень... по-настоящему, что ли. Я ненавижу это чувство: видеть, знать, что ему не все равно! Лучше, гораздо проще было, когда Люциан Драгон был королевским гондоном и вел себя соответственно.

Что я ему скажу? Я видела тебя мертвым, готовь костюмчик?

Что. Я. Вообще. Видела.

— Ничего. Просто решила пошутить.

— Можешь рассказывать этот бред Вьерду. Женевьев, Оллихарду. Да даже своему Валентайну, но не мне.

— При чем тут Валентайн?! — шиплю я.

— При том. Это его талант — во все подряд верить.

Что? Он вообще о чем?

— Люциан, мне сейчас не до разговоров. Я просто хочу побыть одна.

— А я думаю, что одной тебе сейчас быть не стоит.

Он пытается схватить меня за руку, но я вырываюсь.

— Лена...

— Замолчи! — шиплю я. — Замолчи и отстань от меня! Что ж ты никак понять не можешь, что я видеть тебя не хочу! Слышать тебя не хочу! Вообще ничего от тебя не хочу!

Вместо того, чтобы знакомо разозлиться, Люциан шагает ко мне и пытается обнять, я же с силой его отталкиваю и бегу в сторону. Он бросается за мной. Вслед нам летит разъяренный голос:

— Адепты! — Вьерд, он же Доброе утро, рычит как дракон, и на этом я ускоряюсь еще сильнее.

В какой-то момент перед глазами полыхает вспышка. Портал. Та самая аномалия.

Мысли проносятся в голове в считанные секунды, и я проваливаюсь в раскрывшееся передо мной пространство, чтобы вылететь с другой стороны. Буквально: падая, я проезжаю ладонями по траве, по земле, спасая свой нос от приобретения экзотической горбинки, и торможу прямо перед козоовцой, или южкой. Которая раздраженно смотрит мне в глаза и говорит:

— Бмэээк.

Маленькие рожки и длинная кучерявая шерсть, глаза-бусины. Крупные, коричневые. Зверюга смотрит на меня и повторяет:

— Бмэээк!

Бмээээк! Бмээээк! Бмэээк! Бмэээк!

Это доносится со всех сторон, южки как-то нервно дергают хвостами, носятся туда-сюда, я замечаю столпотворение животных вокруг чего-то, лежащего на земле. Пастух в темном плаще с капюшоном стоит чуть поодаль, и вокруг нас вдруг становится невыносимо темно. Настолько невыносимо, словно следом за мной

просочилась магия из портала, от алтаря Горрахона. Я даже испугаться не успеваю, когда меня накрывает холодом. В точности так же, как в мире, который я считала родным. Искрящиеся серебряные молнии пронзают небо, юбки с воплями бросаются врассыпную.

Открывая мне то, вокруг чего они толпились. Тело, то есть, скелет, обтянутый кожей. Точнее, то, что было пастухом. В грубой холщовой рубашке и штанах, из рукавов торчат скрюченные кисти рук, из брючин — кости ног, уходящие в протертые местами башмаки. Вопль застывает у меня в груди, кажется, вместе с сердцем.

А потом тот, кого я приняла за пастуха, оборачивается.

Высокий, длинные темные волосы. Темная одежда, почти сливающаяся с черным плащом, он двигается, как сама тьма. Словно сгустившаяся вокруг нас суть Загранья перетекает в него, или он перетекает в нее, стирая границы перехода. Он выглядит старше, но он поразительно похож на Валентайна. Тот же разлет бровей, тот же прищур. Та же хищная пронзительная аура, вытряхивающая изнутри все тепло... таким я увидела Валентайна впервые.

Эта мысль проносится вспышкой в сознании, мгновением. Рваной молнией.

Точно такая же ударяет в не успевшую вовремя метнуться в сторону юбку, разнося ее в пыль. Адергайн Ниихтарн протягивает мне руку и произносит с улыбкой:

— Ну здравствуй, Лена.

Конец первого тома